

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ

НА

1834 ГОДЪ.

ЧАСТЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 79.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Октября 3 дня, 1854 года.

Я, когда умишкомъ понапужась,
Засяду,—часу не сижу,
И какъ-то невзначай, вдругъ каламбуръ рожу.
Другіе у меня мысль эпу же подцѣплятъ
И шестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣплятъ,
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его дадутъ...
Братъ, смѣйся, а! что, любо, любо!

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЭКОЙ ОБЖОРА.

Романтическо-флегматическая повѣсть.

Въ 1635 году вся Голландія помѣшалась на шюльпанахъ.—Эта шюльпаноманія разорила въ конецъ многихъ богачей, и вывела въ капиталиспы многихъ бѣдняковъ.—Какъ нынѣ барышничаютъ на Биржѣ: деньгами, облигаціями и п. д., такъ точно въ то время дѣлали огромныя спекуляціи цвѣшочными луковицами шюльпановъ.

Въ Гарлемѣ, (кто не знаетъ этой колыбели шюльпановъ?) жилъ тогда купецъ *Фанъ-Деръ-Любенъ*, богачь, но такой скряга, что онъ единородную свою дочь *Элеонору* кормилъ хлѣбомъ не до сына.

Фанъ-Деръ-Любенъ также барышничалъ шюльпанними луковицами и нажилъ себѣ огромное состояніе.

Онъ посылалъ шюльпаны въ Англію, Францію и продавалъ ихъ не дешевле бриллантовъ. За одну шюльпанную луковицу заплатили ему нерѣдко отъ четырехъ до шести тысячъ гульденовъ; на пр: за шюльпанъ, извѣстный подъ названіемъ *Semper augustus*.

Австрійскій импернунцій *Узбенъ*, посланный изъ Константинополя въ 1557 году первые шюльпаны въ Вѣну, конечно не могъ и думать, что черезъ 80 лѣтъ, эти Кападокійскіе цвѣшны приведутъ въ изступленное восхищеніе флегматическихъ Голландцовъ.

Фанъ-Деръ-Любенъ умѣлъ воспользоваться шюльпаннимъ сумазбродствомъ своихъ сопечесственниковъ и давалъ часто одной и той же луковицѣ названія блестящія, заманчивыя, на пр: одну изъ нихъ назвалъ онъ *Regina mirabilis*.... *Nec plus ultra* шюльпанной прелести.

Однажды посьпшилъ его Англичанинъ, вѣроятно какой нибудь тюльпаннй дилетантъ.

— Впустиште его, — сказалъ *Фанъ-Деръ-Любенъ*.

Незнакомецъ вручилъ хозяйну рекомендательное письмо отъ брата *Фанъ-Деръ-Любена*, долго жившаго въ Лондонѣ.

Фанъ-Деръ-Любенъ посадилъ верхомъ очки на цоколь своего носа и прочелъ слѣдующее:

«Любезный братецъ!

Вручитель сего письма господинъ *Литтельбоомъ*, единственный сынъ богатаго Лондонскаго банкира, отправился на твердую землю приискивашъ себѣ невесту: ибо онъ имѣетъ непреодолимое опвращеніе ко всѣмъ своимъ соотечественницамъ. Я рекомендую его твоей дочери. — Если *Элеонора* ему понравится, то я увѣренъ, что онъ на ней женится; а ты не будешь ему препятствовать, по той причинѣ, что майстеръ *Литтельбоомъ* наследникъ 800,000 фунповъ сперлинговъ.»

Фанъ-Деръ-Любенъ отъ восхищенія не могъ чпшать далѣе — 800,000 фунповъ сперлинговъ!!!!

Эта сумма возбудила въ сребролюбивой его душѣ множество самыхъ блестящихъ надеждъ..... 800,000 фунт. сперлинговъ! — прошенпалъ скрпга, и бросился на шею Англичанину, прижавъ его къ груди своей пакъ страстно, какъ старый волокита оперную танцорку.

— Не угодно ли вамъ позавтракать, майстеръ *Литтельбоомъ*? —

«O Yes! — я проголодался какъ почтовая лошадь;» возразилъ Англичанинъ.

Какая благородная откровенность! сказалъ мой Гарлемскій *Иуда*, — позвонилъ въ колокольчикъ, и шепнулъ что-то слугѣ, который чрезъ нѣсколько минутъ явился съ полною шарелкою сельдей, Голландскаго сыра, и съ двумя бупылками порпера.

— 800,000 фунповъ сперлинговъ!! Когда онъ будетъ моимъ зятемъ, — то я зацѣлюю его до смерти! — думалъ *Фанъ-Деръ-Любенъ*, и пригласилъ его садпться.

«У васъ естѣ дочь?» спросилъ Англичанинъ.

— Къ услугамъ вашимъ, г. *Литтельбоомъ*. —

«Хороша ли она?»

— Чудо красопы, настоящая Гарлемская Венера, какъ будто вырѣзана изъ моего лица. —

Англичанинъ взглянулъ приспально на своего vis-à-vis, который былъ опвратительно безобразенъ, и не могъ удержаться отъ смѣха.

«Который годъ вашей дочери?»

— Семнадцатый! — отвѣчалъ Голландецъ.

«Она блондинка?» спросилъ Англичанинъ.

— Совершенная: цвѣтъ ея волосъ ничѣмъ не уступаетъ цвѣту Голландскаго сыра. —

«Могу ли я видѣть вашу дочь?»

— О, конечно! — отвѣчалъ *Фанъ-Деръ-Любенъ*. — Я шотчасъ приведу еѣ сюда, хотя она шеперь въ negligé!....

«Я люблю ненаряженную природу;» сказалъ Англичанинъ, и опкупорилъ впору бупылку порпера; ибо первую онъ выпилъ залпомъ, какъ рюмку водки передъ завтракомъ.

— Безъ церемоніи кушайте и пейте сколько вамъ угодно; вообразите, что вы у себя дома; а я оплучусь на минуту.... 800,000 ф. сперлинговъ—золотой молодець!! — подумалъ про себя *Фанъ-Деръ-Любенъ*, и пошелъ въ спальню къ своей дочери.

Англичанинъ ѣлъ, какъ голодный волкъ, посылая одну сельдь за другою въ свой желудокъ, и уже принялся за третью бупылку порпера.

«Это что за блюдо? — Вѣроятно, луковицы къ сельдямъ....»

Онъ понюхалъ одну изъ нихъ.

«Точно, это лукъ!....»

Очистивъ нѣсколько луковиць, онъ изрѣзалъ ихъ на ломпикп и съѣлъ съ ospальными сельдами.

Фанъ-Деръ-Любенъ вошелъ въ комнату.

— Дочь моя сей часъ сюда явился. —

« Very Well!» сказалъ, облизывался, Англичанинъ.

— Хорошь ли былъ завтракъ? —

« Отличный, вы видите, что я очистишь всё тарелки.»

Фанъ-Деръ-Любенъ взглянувъ на пустое блюдо, на которомъ лежали цвѣточныя луковичи, закричалъ:

— Боже мой, что вы сдѣлали!! —

« Что такое?» спросилъ флегматически Англичанинъ, допивая стаканъ портеру.

— Милостивый государь, знаете ли что вы съели? — сказалъ Голландецъ наморщивъ брови.

« Ну что? Ужь вѣрно не дѣ? »

— Если-бъ это былъ дѣ, то бѣда была бы еще небольшая. Я бы пошужилъ объ васъ, да и шолько; но вы съели у меня пять наилучшихъ луковичъ. —

« Yes, онѣ были очень вкусны; но развѣ это бѣда, или нещастіе!»

— Конечно нещастіе, великая бѣда, гибельное приключеніе! — Это были необыкновенныя луковичи. —

« Что же такое? »

— Тюльпанныя луковичи, драгоценныя, безцѣнныя, которыя хотѣлъ я послать въ Амстердамъ. Вы, сударь, сожрали *Semper augustus*, которал спойтъ 5,210 гульденовъ, Адмирала *Лифкенса* 4,800 гульденовъ, *Регину Мирабилисъ* 4,600 гульденовъ, и *Донну Марію*, за которую давали мнѣ 3,200 гульденовъ! Это такой завтракъ, который сдѣлаетъ меня банкротомъ. —

Фанъ-Деръ-Любенъ началъ плакать и рвать на себѣ волосы.

— Ты съелъ всё мое надежды, лучшее мое сокровище, тюльпанныя луковичи! — Отдай мнѣ ихъ, или ты не выйдешь живой отсюда! — возопилъ опчальный скряга.

« Нѣтъ, г. Голландецъ, что вошло въ мой желудокъ, по пиши пропало. — Я его знаю, какъ свои пять пальцевъ. Онъ самолюбивъ, упрямъ, какъ дикая лошадь; » сказалъ Англичанинъ, обширая ротъ салфеткою.

— Ты еще и смѣешься надъ моимъ горемъ. Нѣтъ, заморская устрица, я выпяну изъ тебя свои драгоценныя луковичи. —

« Подождите до весны . . . Я надѣюсь, что тогда выростетъ въ моемъ желудкѣ цѣлый парникъ тюльпановъ!»

— Шутки шутъ не у мѣста; я требую обратно пять наилучшихъ луковичъ, или 20,000 флориновъ пѣни за нанесенный мнѣ убытокъ. —

« 20,000 гульденовъ за пощій Голландскій завтракъ! Такого щѣта не подавалъ своимъ гостямъ ни одинъ пракирщикъ отъ сотворенія міра. Впрочемъ, я вовсе не виноватъ, что съелъ вашу драгоценность; зачѣмъ вы меня не предупредили? »

— Зачѣмъ ты прежде не спросилъ меня, принимаясь за тарелки. — Я хотѣлъ эти луковичи отдать въ приданое за мою дочерью и увѣренъ, что нашелъ бы для неѣ жениха даже между герцогами. И такъ, дай моп луковичи, или женись на моей дочери! —

« Нѣтъ, это уже слишкомъ! — Послушай Гарлемскій огородникъ, не бѣси меня, ты знаешь, какъ опасно разбудить спящаго Британскаго льва!!! »

Въ эту минушу вошла въ комнату прелестная *Элеонора*, дочь *Фанъ-Деръ-Любена*.

Англичанинъ увидѣвъ еѣ, остолбенѣлъ отъ удивленія. . . . Красота *Элеоноры* какъ молнія поразила его прямо въ сердце.

« Goddam! проворчалъ онъ сквозь зубы: это самый прелестный тюльпанъ изъ вашего цвѣтника!» сказалъ онъ *Фанъ-Деръ-Любену*. « Этого цвѣтка долженъ принадлежать мнѣ. Требуйте отъ меня, что хотите: вѣтъ пожертвую за этого ангела!»

— Не хотите ли проглотить и этого тюльпанчикъ! — сказалъ улыбаясь Голландецъ.

« Да, изъ любви; » отвѣчалъ съ восторгомъ Англичанинъ.

Элеонора покраснѣла и опустила глаза въ землю. Она въ этомъ положеніи очень по-

ходила на прелестнаго Ангела въ картинѣ *Карла Дольги*.

Восхищенный Англичанинъ преклонилъ передъ нею колѣна, прося ея руки и сердца.

Черезъ три дня послѣ того онъ уже сдѣлался щастливымъ супругомъ *Элеоноры*.

Перев. *Кругликовъ*.

СУДЬБА ВИНОВАТА.

Лѣтний человѣкъ лежалъ подъ яблонью, и никакъ не хотѣлъ привспать, чтобъ сорвать яблочко. «Если Судьба угодно,» говорилъ онъ: «то яблоко и само можетъ упасть смнѣ въ ротъ; а если нѣтъ, то не должно поступать противъ воли судьбы.»—Дунулъ вѣтеръ, дерево закачалось, и въ самомъ дѣлѣ одно яблоко сорвалось, и прямо въ ротъ лежащему: но ротъ не былъ открытъ, яблоко спукнулось объ зубы, опскочило и далеко укапилось.

Во всемъ ли шутъ Судьба виновата?

И. Пальминъ.

ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ.

Однажды встрѣтился я съ молодымъ человекомъ, который несъ подъ мышкой двѣ книги. Я полюбопытствовалъ узнать содержаніе оныхъ. «Это Грильпарцера Сафо,» отвѣчалъ онъ: «я слышалъ, что это безподобное сочиненіе, и потому купилъ его.»—Точно такъ, любезный другъ, но что содержитъ въ себѣ другая книга?—«Это та же Сафо: она всѣмъ оtmѣнно понравилась; надобно прочитывать еѣ, по крайней мѣрѣ, два раза.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

НОВЫЙ ПРОВИНЦАЛЪ ВЪ СТОЛИЦѢ.

(Отрывокъ шестой).

Не смотря на то, *Владимиръ*, ненашелъ удовольствія въ обществѣ; онъ желалъ оп-

крыть хорошую сторону столичной жизни и спалъ знакомиться, по примѣру другихъ, съ публичнымъ проведеніемъ времени. Какъ извѣстно, сѣверная столица Россіи изобилуетъ прекрасными зданіями, образующими правильныя и широкія улицы и площади, вездѣ чистыя и обведенныя по краямъ гладкими каменными пропуарами. Величественная Нева, съ своею гранитною набережною, обставленная столь великолѣпно, даетъ ей такой характеръ красоты, который едва ли не исключительно принадлежитъ Петербургу. Кромѣ того, городъ разсѣкаютъ, въ разныхъ направленіяхъ, наполненные водою каналы, одѣтые камнемъ, съ красивыми набережными, чугунными рѣшетками и мостами. Такая наружность города, при множествѣ вездѣ разсыянныхъ общественныхъ заведеній всякаго рода, удовлетворяющихъ всѣмъ нуждамъ, желаніямъ и прихотямъ чело-вѣка, вызываетъ Петербургскаго жителя проводить часть своего времени на улицѣ, въ обширномъ смыслѣ слова, чтобы пользоваться выгодами богатой, просвѣщенной столицы, въ отношеніи къ ея вѣдшему обществу. Невскій проспектъ, сей мнѣнію Петербурга, сей *микрокосмъ* (какъ называлъ его *Владимиръ*, у котораго все еще не вышли въ по время изъ головы профессорскія лекціи), собирающій воедино отдѣльныя характеристическія черты большаго столичнаго міра (*микрокосма*, по выраженію *Владимира*), представлялъ молодому наблюдателю любопытное зрѣлище. Въ ясный зимній день, во 2-мъ, въ 3-мъ часу по полудни, ходя по лѣвому его пропуару, онъ бывалъ въ лучшемъ обществѣ столицы, и могъ видѣть всѣхъ, кого желалъ, не посѣщая гостиныхъ. Если онъ не могъ надолго останавливаться и разговаривать съ своими знакомыми, то это не дѣлало большой разницы, лучше соотвѣтствуя столичной несообщительности. Красота самой улицы, которой главная часть, заключающаяся между Аничковскимъ и Полицейскимъ мостами, занимаетъ около двухъ верстъ, по прямой линіи; ея домъ и магазины, разнообразіе ея общественныхъ зданій, посвященныхъ, или религіи, или тор-

говль, или общественнымъ удовольствіямъ, или просвѣщенію; веселая и красивая песпропа ея надписей и выѣсокъ, свидѣтельствующихъ о множествѣ собранныхъ въ ней даровъ просвѣщеннаго обществѣ, и между ними предметами, живая картина многолюдства, разнообразіе лицъ и одеждъ, мѣняющіяся явленія и картины—дѣлаютъ Невскій проспектъ очень пріятнымъ средоточнымъ мѣстомъ публичной Петербургской жизни. За такую прогулку, изрѣдка слѣдовалъ для *Владимира* изящный обѣдъ у *Tre-tère à table d'hôte*, въ образованномъ мужскомъ кругу, въ которомъ, не безъ удивленій при первомъ разѣ, встрѣчалъ онъ иногда людей, занимающихъ въ Имперіи весьма высокія степени. Вечеромъ посвящалъ онъ иногда нѣсколько часовъ въ театрахъ, или роскошному балету, — которымъ щеголяетъ Петербургская сцена, или художнической игрѣ первокласнаго актера, въ которой страсти, выраженные словами—музыка, а тѣлоположеніями—ваяніе и живопись, или Французскому спектаклю, болѣе обязанному числомъ своихъ посѣдителей пренебреженію многихъ Русскихъ ко всему опечисленному, нежели собственному достоинству, или наконецъ Итальянской оперѣ, доказавшей, что небо Невской столицы для неѣ не то, что небо Неаполя и Флоренціи. Въ другой разъ доставлялъ онъ себѣ удовольствіе видѣть занимательную, остроумную комедію, примѣненную къ современнымъ нравамъ, весело и непринужденно разыгрываемую артистами Русской сцены, а иногда замысловатый, милый водевиль, котораго артисты невольно затверживаютъ по выходѣ изъ театра, произведя пріятное впечатлѣніе на расположеніе духа многихъ зрителей скучныхъ и угрюмыхъ,—или зрѣлище, составленное изъ картинъ Русскаго народнаго быта, Русскихъ плясокъ и пѣсней, прелестъ которыхъ дѣйствуетъ не только на истинныхъ Русскихъ, но и на чужезмцевъ. Такъ сокращалъ *Владимиръ* долгому вечеру зимнихъ Петербургскихъ мѣсяцевъ. Великимъ постомъ посѣщалъ онъ музыкальные концерты, и не пропускалъ случаевъ

слышать cadaго заѣзжаго знаменитаго Европейскаго артиста. Такое употребленіе времени, свободнаго отъ службы и отъ визитовъ, *Владимиръ* дополнялъ посѣщеніемъ картинныхъ галерей, библиотекъ, разныхъ кабинетовъ и музеевъ, чтеніемъ большой части новыхъ Европейскихъ книгъ, къ чему столица представляла ему многія удобства; обзрѣніемъ достопримѣчательныхъ ея мѣстъ, сооружений, хранилищъ, учреждений, посѣщеніемъ публичныхъ экзаменовъ въ воспитательныхъ и учебныхъ заведеніяхъ, которыми Русское правительствво такъ щедро одарило свою резиденцію; ученыхъ собраній, — зрѣлищемъ военныхъ парадовъ, спусковъ кораблей, разныхъ торжественныхъ церемоніаловъ, — вотъ чѣмъ вознаграждалъ онъ себя за то, чего искалъ и не находилъ въ столицѣ, внутренно сознавая, что съ этой стороны преимуществва, которыми онъ пользовался передъ жителями провинціи, имѣютъ нѣкоторую цѣну.

Лѣтняя жизнь Петербургская, имѣя свои особенности, на нѣсколько времени также заняла вниманіе *Владимира*. Въ концѣ Мая и въ началѣ Іюня начали заселяться живописныя окрестности Петербурга. Вѣрно никто не откажется отдать справедливость прелести его тихихъ свѣтлыхъ водъ, пушистыхъ зеленыхъ острововъ, и низкихъ, извиляющихся береговъ, съ такимъ вкусомъ украшенныхъ парками и загородными домами, мелькающими между садовъ и цвѣтничковъ. Утреннія сборища для прогулки въ просторномъ, величественномъ *Литнемъ саду* прекратились, и пыльный, нагрѣтый отраженіемъ солнца отъ каменныхъ стѣнъ городъ, опустѣлъ. Тогда стали чаще и чаще появляться прогуливающіеся на загородныхъ островахъ и дачахъ. Лѣтнія Петербургскія гулянья не нравятся многимъ пріѣзжимъ изъ внутренности Россіи и еще не освоившимся съ нравами сѣверной столицы, менѣе подходящими къ Русскимъ, нежели къ общимъ Европейскимъ. Остатки стариннаго Русскаго гостепріимства, привычка къ жизни *домашней*, вліяніе народнаго образованія, понятій о нравственности, и внутрен-

ниго гражданскаго устройсва, досель дѣла-
ли чуждою для Россіи общую публичную
жизнь болѣе образованныхъ Европейскихъ
государствъ, съ которою насильно спара-
лся познакомить своихъ подданныхъ *Петръ
великій*. Успѣхъ его спараній, въ семъ оп-
ношеніи, и позднѣйшіе плоды постепеннаго
совершенствованія Россіи, доставившаго ей
почетнѣйшее мѣсто въ системѣ государствъ
Европейскихъ, болѣе всего обнаружилась въ
Петербургѣ, созданномъ какъ бы для того,
чтобы быть представителемъ новой, доны-
нѣ весьма еще маленькой Россіи, въ оплоче
опъ вѣнценосной Москвы, донынѣ еще остаю-
щейся древнею столицею и древнимъ па-
мятникомъ стараго обширнаго Русскаго
царства. Не забывшая на сей разъ выгоды
стариннаго Русскаго и новаго образованія,
Владиміръ нашель, что эти гулянья, при
умѣренномъ жарѣ, освѣжаемыя со всѣхъ
сторонъ близостию многихъ рукавовъ ши-
рокой, спокойной Невы,—среди зелени, болѣе
яркой, нежели въ полосахъ южнѣйшихъ,—въ
разнообразномъ многочислѣ, подъ влія-
ніемъ вымысловъ столичной роскоши, мо-
гутъ показаться пріятными и неосѣдлому
гражданину Пиперскому. Часу въ 8-мъ ве-
чера отпралялся *Владиміръ* сдѣлать нѣ-
сколько круговъ по *Крестовскому* острову,
и подышать чистымъ воздухомъ въ про-
хладномъ паркѣ *Елагина*, или въ цвѣтиспытыхъ
дачахъ *Каменнаго* острововъ. Пріятная
свѣжесть прибрежной атмосферы распола-
гаель гуляющихъ къ веселому движенію;
звукъ разставленныхъ въ разныхъ мѣстахъ
хоровъ музыкантовъ и иногда пѣсенниковъ,
гармонически раздаются вдаль, по водѣ, и
дробятся въ чащахъ молодыхъ деревъ и ку-
старниковъ; изрѣдка ласкають слухъ оп-
дѣльные звуки цимбалъ или гармоникъ, изъ
подъ искусныхъ персповъ Еврей, или арфы,
аккомпанирующей аріямъ Швейцарскимъ,
Германскимъ и Италіанскимъ. Милая паруж-
ность прогуливающихся женщинъ, укра-
шенная утонченнымъ вкусомъ одежды, ко-
порою прекрасная половина Петербургскаго
народонаселенія пакъ привлекательно
умѣеть склонять на свою сторону строгаго
оцѣнщика женской красоты, усла-

ждаель зрѣніе. Вверху свѣтлое вечернее пе-
бо, которое, надъ водами Финскими поздно
и ненадолго одѣвается легкою пеленою су-
мрака, едва прикрывающею сіяніе вечерней
зари съ раннею упреннею. По серебристымъ
рукавамъ Невы шныряють въ разныя спо-
роны веселые ялики и лодки, полныя пе-
спрѣжущими толпами народа; плескъ мно-
жества вѣсель, звонко разсѣкающихъ влагу,
соединяель съ разливами пропаянныхъ Рус-
скихъ пѣсенъ, или съ сладкими звуками рож-
ка. Позднѣе, иллюминація, фейерверки, раз-
гульной шумъ у пракшировъ, самый дымъ
сигарокъ, сожигаемыхъ на вечернемъ возду-
хѣ акуратными Нѣмцами, поспоянными по-
сѣпителями *Крестовскаго* острова—все это,
сливаясь въ одно впечатлѣніе, на нѣсколько
времени примиряло юношу съ столицею.
Онъ забывалъ прежнія неудовольствія, и
наслаждался пакимъ вечеромъ со всею жи-
востію неиспорченнаго своего сердца.

А. Г.

1831.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РУССКАЯ ПѢСНЬ.

Храни Господь Царя опчизны!
Онъ нашъ Отець, Россіи щить!
Къ Нему душа до края жизни!
Имъ къ родинѣ любовь горить!
Крестомъ Россію осѣняя, —
Ты *Николай* далъ Царемъ!
Свящую волю прославляя, —
Мы сердцемъ и душой живемъ!

П. Хотлинцовъ.

Іюль, 1834.

Дудергофъ.

Въ день парада гвардіи.

Г У Л Я Н Ь Е.

(Отрывокъ изъ посланія къ И. И.)

Тебѣ тепло, любезный мой,
Тебя лелѣеть мать-природа,

А я средь пыли городской
 Люблю разсматривать порой
 Веселья Русскаго народа.
 Чтось пробудилъ остывшій жаръ,
 Разсѣялъ темное мечтанье,
 Иду на свѣтлое гулянье,
 На многолюдный бульваръ.
 Иной полумудрецъ тяжелой
 Скучаетъ жизньню веселой,
 И вѣрный рабъ своихъ прудовъ,
 Не любилъ шумнаго кочевья,
 Гдѣ говоря съ его же словъ,
 Межъ мершвыхъ липовыхъ деревь
 Живыя движущся деревьа.
 Нѣтъ, другъ! я къ праздникамъ не спрогъ:
 Соскучившись въ печальной кельѣ,
 Я, не жалѣя рѣзвыхъ ногъ,
 Спѣшу на вольное веселье. . .

Последній лучъ зарп погасъ,
 И ярко запылали плошки.
 Толпа бѣжитъ. Карены, дрожки —
 Стоялтъ колесами сѣпясь.
 Приливъ веселаго народа
 Кипитъ, волнуется у входа,
 И я къ нему бѣгу скорѣй.
 Какъ живо пестрое собранье,
 Нетерпѣливое толканье
 О входѣ спорящихъ людей!
 Иному шушу колесница
 Есть право вѣрное на входъ,
 И на гуляньяхъ въ свой чередъ
 Глядятъ на вещи, не на лица.
 Щасливъ, кто хитроснью вошелъ,
 Кого невинно проглядѣли!
 Меня минуетъ произволь
 По праву шляпы и шинели,
 И увлеченъ волной толпы,
 Какъ всѣ, безъ мысли и безъ цѣли,
 Влачу я нехотп стопы!
 Какъ это весело и чудно!
 Не знаютъ всѣ куда идутъ;
 Лѣнивъ ходитъ—ишши не прудно,
 Не двинься съ мѣста—понесутъ!
 «Ходи, гляди и только дѣла!

Какъ это намъ не надоѣло?»
 Опъ многихъ часто слышу я.
 Нѣтъ! нашъ народъ сидѣть не любитъ!
 Не сидѣть онъ—и дней не губитъ
 Въ позорной лѣни бытїа.
 Спихилъ Русскаго—движенье!
 Онъ любитъ скачку, рысаковъ,
 И правлю зайцовъ и волковъ,
 И пляски шумное круженье.
 Смотри, какъ ловкою ногой,
 Въ разгульѣ смѣлый и живой,
 Черезъ канашъ изволишь прыгать,
 Иль по горамъ въ салазкахъ шмыгать,
 На кулаки друзей сывалъ
 И подбивать врага десницей,
 Иль на качеляхъ вольной ппницей
 Безъ крыльевъ въ воздухѣ лепать.
 Ему-ль забытъ свое капанье,
 Свое раздольное гулянье?
 Не спанетъ съ трубочкой онъ мечпанъ,
 Сложивши ножки какъ Индѣецъ:
 Пол-азїатъ, пол-европеецъ,
 Онъ любитъ ходя созерцать.

Забылся я въ своемъ мечпанѣ!
 Передо мной теперь гулянье.
 И разбѣжался быспрый взглядъ!
 Гляжу—въ потьмахъ осенней ночи
 Мелькаютъ пламенные очи,
 Звѣздами яркими горятъ.
 Вотъ цѣпь красавицъ выступаетъ:
 Соперницы, рука съ рукой,
 Онъ идетъ,—и взоръ живой
 Приличной гордостью блистаетъ.
 Песпрюишь перья и цвѣны,
 Убранства пышной красоты,
 И ленты съ Зефиромъ играютъ
 И насъ, играя задѣваютъ.
 Прошелъ я разъ, иду опять —
 И вижу—та же вереница,
 Встрѣчаю я все тѣ же лица,
 И какъ ихъ весело встрѣчатъ
 Въ толпѣ нарядной лицъ постылыхъ!
 Ты ихъ душою полюбилъ,
 Не разъ потерянныхъ слѣдилъ,—

Но ахъ!—лишь выбралъ сердцу милыхъ,
Глядишь и ждешь, но милыхъ нѣтъ!

За ними ты... проспыхъ и слѣдъ...
Въ ухахъ раздался стукъ колѣсный,
И ты кленешь развѣздъ несносный!...

Не такъ ли въ жизни у людей,
Мой другъ?—Опъ частыхъ повпореній
Любезныхъ игръ и наслажденій

Намъ жизнь спановишся мильи;
Но мы едва её узнали,
Едва лишь жить душою стали,
Какъ смерть ужъ бьетъ разлуки часъ
И съ пира жизни гонитъ насъ.

— 2.

ENIGME.

De la terre je suis un utile produit,
Et mes nombreux travaux honorent ma patrie;
On me mange toujours à table avant le fruit,
Et je dus mes succès au feu de mon génie.
Je pare un entremets ou je peins la douleur;
Je colore un bouillon, j'occupe la pensée;
J'apaise l'appétit ou je touche le coeur;
Parfois je suis de feu, parfois je suis glacée.
On me trouve partout, au collége, au salon,
A la cuisine, au bois, en marroquin, ou frite;
Dans un temple fameux on révère mon nom,
Et je cuis dans une marmite.

Въ № 78-мъ, помѣщенная шарада значить: *Занавѣсъ.*

MODES.

On voit déjà quelques nouvelles façons de robes. Les brandebourgs de passementerie, très-bien portés sur les étoffes nouvelles, en tresses plates comme celles que l'on voit aux pantalons et terminées par une olive. De petits collets aux redingotes négligées qui retombent en dehors d'une collerette montante, et sous lequel on passe une cordelière semblable à celles qui nouent les manteaux.

Les pélerines longues ne se reverront qu'avec le satin et le velours lorsqu'ils seront portés en robes de promenade; en attendant on fait quelques fantaisies dont une entre autres nous a été montrée récemment dans les ateliers de Mlle *Aglæe*, rue *Sainte-Anne*. C'est une pélerine décolletant le haut des épaules et de la poitrine, montante dans le dos et croisée comme un châle; derrière elle retombe arrondie jusqu'à la ceinture. Cette pélerine doit avoir les devans très-dégagés; elle se met sur une robe tout-à-fait montante, qui se laisse voir dans l'intervalle, placée et fermée derrière.

Pl. No 29. Robe de mousseline d'Elie et mousseline claire.—Fichu de tulle brodé garni de dentelle.—Bonnet de blonde.

МОДЫ.

Видны уже нѣкоторыя новыя покрои плащевъ. Плеченыя брандebuры, весьма приличны къ новымъ матеріямъ, плоскими косами, на подобіе пѣтьхъ, которыя видны на панталонахъ и оканчиваются оливкою. Маленькіе воротники у просныхъ рединготовъ, опкидывающіеся позади высокаго борочка, и подъ который кладется шпурокъ, пакой, какъ завязываютъ плащи.

Длиныя пелеринки увидимъ не прежде какъ съ появленіемъ атласныхъ и бархатныхъ плащевъ для прогулокъ; между пѣтьхъ дѣлаютъ нѣкоторыя пелеринки, изъ коихъ одну мы недавно видѣли въ рабочихъ г-жи *Aglæe*, въ улицѣ *Sainte-Anne*. Эта пелеринка, не закрывающая верхъ плечъ и груди, сзади высокая и крестообразная, какъ шаль, сзади округленная, спущена до пояса. У этой пелеринки спереди должно быть очень открыто; она надѣвается на плаще съ высокимъ лифомъ, который вдѣтъ въ промежуткахъ; надѣвается и застегивается сзади.

Карп. No 29. Плаще изъ кисей d'Elie и кисей свѣтлой.—Косыночка шюлевая, вышитая, обшитая кружевомъ.—Блондовый чепецъ.

При семь номерѣ прилагаются: *Оглавленіе пятнадцатой части, или третьей 1834 года, и заглавный листъ къ четвертой части сего же года Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 80.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ моды, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
статною и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Октября 6 дня 1834 года.

Въ порпирѣ семь блеспирѣ испуспва превосходство,
Вопъ всѣ его черпты, его улыбка, видѣ;
Ну, полько что не говорирѣ,
И пѣмъ живѣ оходство!

Кн. Вяземскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

«М. Г.! Тридцать лѣтъ прошло съ того времени, какъ своенравная судьба бросила меня изъ родимаго града Питера по широкому раздолью Зауральской Россіи, и въ продолженіе двадцати лѣтъ кидая челнъ моей жизни по въ ту, по въ другую спорону, наконецъ прибила его къ безмятежному берегу, п. е. я завелся домкомъ и семейкой въ Нижне-Удинскѣ, и зажилъ тамъ припѣваючи. Признаюсь, — я не разспался бы ни на минушу съ обрѣшеннымъ мною приюпомъ, если-бы не спрасъ къ чпенію произведеній родной словесности, съ малолѣпства во мнѣ вкоренившаяся, и если-бъ неопступныя просьбы всей читающей публики Нижне-Удинска—не понудили меня предпринять продолжительное, многотрудное для лѣтъ моихъ — путешествіе въ С. Петербургъ, столицу наукъ и просвѣщенія, для закупки новѣйшихъ произведеній литературы.—Долгомъ почишаю довести до ваше-

го, г. издапель, свѣдѣнія, что у насъ въ Нижне-Удинскѣ охотниковъ до чпенія весьма много, а романовъ и повѣстей весьма мало, да и по успарѣмые, перечитанные да зачитанные, замаранные да разодранные.

И такъ, спрасъ моихъ согражданъ къ чпенію, ихъ просьбы и, какъ выше сказано, собственное мое стремленіе къ просвѣщенію—побудили меня уговорить добрую жену мою, равно спраждущую *ревматизмо.из* (1), вручить мнѣ малую-толику денѣжокъ изъ числа ея приданого, на котороя намѣренъ я закупить у васъ въ Питерѣ книгъ и завести въ Нижне-Удинскѣ библиотеку для чпенія. Не правда-ли, г. издапель! спекуляція хоть куда?... Я не буду описывать горестное распаванье съ семействомъ, слезное прощаніе, благословенія и желанія щасливаго пути, коими вдоволь осыпали меня добрые Нижне-Удинскіе любители чпенія,—не спану говорить о плаваніи по Камѣ, Волгѣ, Мологѣ и проч., гдѣ меня пшану-

(1) Сочинитель въроятно хотѣлъ сказать *романтизм.изм.*
Прилгг. наборщца.

ли блечевою до деревни Сомипки, — скажу только, что въ Екатеринбургѣ имѣлъ я счастье найсти двухъ подупчиковъ: одинъ изъ нихъ старинный мой знакомецъ, почтенный Адамъ Ивановичъ баронъ *Раухитиль фонъ Нихтсвейсъ*, долго обучавшій въ Восточной Сибири чужеземнымъ языкамъ и наукамъ, и рѣшившійся теперь возвратиться на свою родину — Померанію, а другой отставной секретарь Онуфрій Кириковичъ *Цапкинъ*, вѣхавшій въ Питеръ для прискачанія себѣ мѣста. Сполкнувшись неожиданно въ Екатеринбургъ, рѣшились мы всѣ трое продолжать вмѣстѣ пупешествіе. — По прибытіи въ Тихвинъ, остановились мы у одного мѣщанина, и я — къ величайшему моему изумленію и восхищенію, увидѣлъ въ рукахъ его дѣтей вторую часть книги, подъ заглавіемъ: *Нещастная Софія, или интриги въ подземельяхъ Флорентинскаго Аббатства; нравоучительная повѣсть XVII вѣка, въ трехъ частяхъ. Сочиненіе К. Р. 1834.* — Вы не можете представить себѣ ощущенія, овладѣвшаго мною. Въ продолженіе тридцати лѣтъ не имѣлъ я случая читать ни одного литературнаго произведенія, вышедшаго въ печеніе сего времени, — и вдругъ нахожу въ Тихвинѣ книгу, изданную въ семъ 1834 году! — О радость! о счастье! — Въ восторженности чувствуя вырываю *Нещастную Софію* изъ рукъ маленькихъ варваровъ, которые вѣроятно сплѣтали *интриги* къ погубленію ея цѣлосныи, бѣгу сломя голову къ хозяину, душу его въ своихъ объятіяхъ, прошу вручить мнѣ и другія двѣ части и назначить имъ цѣну. Хозяинъ, полагавшій сначала, что я помѣшался въ умѣ, но увидя наконецъ въ чемъ дѣло, хладнокровно отвѣчалъ: «Что за дѣль предъ симъ останавливался у него какой-то проѣзжій, и перебирая свой чемоданъ, вынулъ изъ него только двѣ части просимой мною книги и выбросилъ ихъ за окошко; что играющія на дворѣ въ это время его дѣти — подняли сія книги и принесли въ избу; но въ это самое мгновеніе его больная жена спѣшила вонъ изъ комнаты и увидѣвъ въ рукахъ дѣтей книги, вырвала одну изъ нихъ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, если вы желаете имѣть эту остав-

шуюся книгу, то я съ охотою дарю вамъ, ибо и самъ не заплашилъ за неѣ ни гроша.» — Я чувствительпо поблагодарилъ добраго хозяина и мысленно проклиналъ бѣгунью-хозяйку. — Помѣнясь въ потъ же день въ лодкѣ, опплыли мы изъ Тихвина, и я, развалился на пуховикѣ, потчасъ принялся было за *Нещастную Софію*; но мои спутники, скучая однообразіемъ плаванія, спали просипъ меня, въ особенносипи *Адамъ Ивановичъ*, не лишая ихъ удовольствія познакомиться съ *Нещастною*, и читая въ слухъ это послѣйшее произведеніе. Я охотно склонился на ихъ просьбы и немедленно приступилъ къ чтенію. Однако-жъ секретарь, *Онуфрій Кириковичъ*, узнавшій отъ меня еще въ продолженіе нашего пупи отъ Екатеринбурга до Тихвина какъ цѣль моей поѣздки, шакъ равно и то, что въ печеніе тридцати лѣтъ не читывалъ я новыхъ сочиненій, вздумалъ было выказать предо мною свою ученость и знаніе новѣйшей словесности, и спалъ почти на каждомъ шагу критиковать *Нещастную Софію*; но съ помощію почтеннѣйшаго *Адама Ивановича*, мы на порядкѣ отдѣлали его крючкотворную душу. Постараюсь, сколько могу упомнить, потѣшивъ васъ его придирками и нашими отпорами и убѣжденіями.

Пріосанясь и кашлянувъ раза три или болѣе для очищенія голоса, приступилъ я къ чтенію; но едва успѣлъ прочесть: *многочисленные блюда наслаждали ихъ вкусъ, украшеніе стола взоръ, а прекрасная музыка ихъ слухъ* (1) — какъ *Онуфрій Кириковичъ*, основавъ меня, вскричалъ: «Прошу покорно, и это литературное произведеніе 1834 года! Прекрасно! Ну можно ли наслаждаться вкусомъ, взоръ и слухъ?... Покойный дьячокъ, *Софронъ Кузьмичъ*, учившій меня въ Иркутскѣ еще въ 1788 году граматикѣ, риторикѣ, логикѣ и другимъ наукамъ, часто говаривалъ, что вкусъ, взоръ и слухъ можно *улаждать*, а не *наслаждаться*! что сего послѣдняго глагола на Русскомъ языкѣ и не существуетъ, а естъ глаголъ *наслаждаться*. —

(1) Стран. 5-я.

Признаюсь, г-нъ авторъ далъ здѣсь презрительный промахъ.»

Прочитавъ предъ пѣмъ уже нѣсколько страницъ *Нецастной Софіи* и полюбовавшись уже легкостью слога, спалъ я читая съ зновою единственно для удовольствія моихъ поварищей. Замѣчаніе секретаря панесло мнѣ чувствительное оскорбленіе, пѣмъ болѣе, что онъ упомянулъ о дьячкѣ съ такимъ выраженіемъ, будто Иркутскій дьячокъ прошедшаго столѣтія зналъ языкъ лучше писателя 1834 года. Подумавъ немного, сказалъ я г. крипику: «Тупъ ни что иное, какъ опечатка; у автора безъ всякаго сомнѣнія было написано: *многоисленные блюда наслаждались ихъ вкусомъ, украшеніе стола возроумъ, а прекрасная музыка ихъ слухомъ!*»

Секретарь выпаращилъ на меня глаза; *Адамъ Ивановичъ*, курившій въ безмолвіи свою трубку, выпустилъ изъ рта густое облако дыма и сказалъ: «Такъ точно!» — Ободренный изумленіемъ *Онуфрія Кириакевича* и словами барона *Раухитиля фонъ Нихтсвейса*, я продолжалъ: «..... и приветствуемы были радостными восклицаніями крестьянъ, усмотрѣвъ, что столы для ихъ угощенія были покрыты (1).»

Секретарь. Вотъ-те-на! Да молодыхъ вѣроятно хотѣли угостить по *Камгадалски*, ибо они только что по окончаніи стола, за коимъ многоисленные блюда насладили ихъ вкусъ, вышли на балконъ, какъ и усмотрѣли, что опять столы для ихъ угощенія были покрыты. Спасибо автору! онъ не любитъ морить голодомъ.

Я. Здѣсь также должна быть опечатка, любезнѣйшій *Онуфрій Кириакевичъ!*

Адамъ Ивановичъ. Да, да! Такъ пошло!

Секретарь. Слѣдовательно такая же опечатка и въ словѣ: *покрыты*, ибо должно писаться *накрыты!*

Адамъ Ивановичъ. *Гануъ рехтъ!*

Секретарь. По мнѣ, я согласенъ всѣ промахи г. автора приписывать ошибкамъ наборщика.

Адамъ Ивановичъ. *Даранъ верденъ зи зеръ вольтунъ!*

Прочитавъ безъ возраженій три съ половиною страницы, хотѣлъ было я продолжать, какъ крочкотворная душа секретаря опять не уперѣла. Онъ воскликнулъ со смѣхомъ: «Оспановитесь, почтеннѣйшій *Дорлидонтъ Евдокимовичъ!* Кажись, повѣспитно правоугительная, а здѣсь упоминается не только объ *одинакой*, но и о *великолтыной кровати*, на которой она (молодая графиня) покоилась въ домъ генерала (1) *К.*, и вѣроятно до замужства; ибо свашбу только что оппировали; ужъ не проказникъ ли какой эштопъ генераль? ... Но вотъ истинное правоученіе: *Спарый графъ* говоритъ молодой, что скоро надѣется кагать на рукахъ своихъ *внука* (2), а молодой графъ *увпретъ* папенку, что онъ не ошибся и проситъ *маленьку* къ кровати присединить *молыку*. — Жаль, что *спарушка* графиня удовольствовалась только пожуришь мужа и сына и проводить *молодую* въ спальню, куда и графъ поспѣшилъ привесить сына.»

— *Гануъ рехтъ!* — воскликнулъ *Адамъ Ивановичъ*: и совѣмъ не мутрено! —

Едва успѣлъ я прочитать еще двѣ страницы, какъ вдругъ мои товарищи въ одинъ голосъ попросили меня оспановинься.

Адамъ Ивановичъ. Вотъ что хорошо, такъ хорошо: *Когда въ удалились*, то графъ *заключавъ съ чувствомъ къ своему сердцу*, сказалъ (3), и проч. Это хорошо, что *поспавлено въ свои и къ своему!* въ противномъ случаѣ я подумалъ бы, что *въ гужія и къ гужоуму!* Это очень хорошо! *Зеръ гутъ!* — Я самъ, какъ женился на покойницѣ *Вильгельминъ Карловнъ*, и какъ *въ удалились*, то *прижалъ еѣ съ чувствомъ къ своему сердцу*. О, какъ хорошо было! ... Только шутъ не ладно: *по утру встали, одѣлись и Богу помолились* (4), — слѣдовало послѣ *встали* потчасъ сказать:

(1) Стран. 6.—(2) Стран. 7.—(3) Стран. 9.—(4) Стран. таже.

(1) Стран. 5-я.

умылись, а тамъ уже одѣлись и Богу помолились. Моя покойница всегда, какъ вставала, по потчасъ умывалась. Такъ должно было сдѣлать и графу и молодой женѣ его.

Секретарь. Справедливо, *Адамъ Ивановичъ*, справедливо! У насъ на православной Руси никто, не умывшись, не молился Богу. Впрочемъ молодой графъ съ своею супругою, кажишь, были породы *Нѣмецкой*, такъ и не мудрено, что неумывшись, спали молпшся.—Но позвольте, и я еще кое-что замѣпилъ: когда графская семья прогуливалась по саду, по увидѣли тамъ между прочими рѣдкостями *богатые позоложенные цѣпные мосты* (1). Вошь это такъ истинное чудо. Мнѣ помнишь, что изобрѣшеніе цѣпныхъ мостовъ принадлежишь къ новѣйшимъ временамъ, а дѣйствіе эпои *нравоугительной повести* происходило еще въ *XVII* столѣтіи, какъ изъ заглавія видно; такъ располкуйте пожалуста, какъ могло случиться, что выдумка нашихъ современниковъ была уже извѣстна и въ вышереченномъ столѣтіи?

Я. Вамъ извѣстно, *Онуфрій Кириаковиъ*, что мы многимъ заимствуемся у древнихъ; что-жь шуть мудренаго, если и прежде были извѣстны цѣпные мосты, но только не вошли въ моду, а потому и оспались въ безгласности. На все есть время и случай! Бышь можете, спуспя около двухъ вѣковъ послѣ смерти дѣйствующихъ лицъ сей повѣсти, какой нибудь искусникъ увидѣлъ въ описанномъ графскомъ саду еще уцѣлѣвшій цѣпной мостикъ, снялъ съ него рисунокъ, выдалъ за свое изобрѣшеніе, построилъ въ какомъ либо городѣ,—другимъ полюбилось, и пошла мода на цѣпные мосты, которые, между нами сказать, хопя и красивы, но далѣко уступаютъ прочностью каменнымъ и чугуннымъ.

Секретарь. Положимъ что такъ! Но я по неволь разсмѣлся, когда спарушка графиня, выучившая поугай такъ забавно *ругаться*, изволила прогнѣваться, когда поугай-ругатель назвалъ *дуракомъ* ея сына, только что воспринувшаго съ брачнаго ложа; и назвавъ

самаго его *негодлемъ* и *дуракомъ*, получила въ отвѣтъ: *дура, дура, дура* (1)! Жаль, что поугай не прибавилъ: *старая!*

Я спалъ продолжашъ чпеніе и замѣпилъ, что *Онуфрій Кириаковиъ* не дѣлаеть болѣе возраженій; эпо заспавило меня взглянуть на него, и предспавыте себѣ мою радость, когда увидѣлъ, что ненасыпная секретарская душа успокоилась въ объспіяхъ *Морфея*. Обрадовавшись усыплению крющкопво-ра и боясь разбудить его, спалъ я чипашъ въ полголоса, и мы вмѣстѣ съ *Адамомъ Ивановичемъ* вполне восхищались живостью *картинъ* и бѣглостью слога *Нещастной Софій*. Изрѣдка сообщали мы шихо другъ другу свои замѣчанія; напр. когда я прочелъ: *къ общей радости нашихъ родителей, мы выросли день ото дня* (2),—по почтенный баронъ *Раухитиль фонъ Нихтсвейсъ* воскликнулъ: «Какъ это прекрасно! Они росли не по годамъ, а по днямъ и часамъ! *Зерь гуть ундъ шнелъ!*» Окончивъ же 17-ю спраницу, гдѣ сказано: *Щедроты матери моеи подавали намъ средство сдѣлать много добра. Когда мы отдавали свои обноски бѣднымъ* (3), и проч., по *Адамъ Ивановичъ*, вспоминая о своемъ опечествѣ—*Нѣмечинѣ*, сказалъ со вздохомъ: «Да, да! одни только мои одностемцы способны къ подобной щедрости, и не жалуютъ отдавать свои обноски!»

Сообщая такимъ образомъ другъ другу свои замѣчанія, дочипалъ я уже до 31 спран., какъ вдругъ *Онуфрій Кириаковиъ* попянулся, зѣвнулъ и выпялилъ глаза свои. Ну, не бывашъ добру, подумалъ я, что не спится приказному! Чай и во снѣ-по наскучило ему безъ придирокъ! И точно, едва успѣлъ я прочестъ, какъ *Геррихъ* рассказываетъ, что онъ прѣхалъ въ *Петербургъ*, удивлялся *превосходною архитектурою* и *вспыль*, что *геловыгескій умъ* ложеть изобрѣтать *великокопнаго* (4), по *Онуфрій Кириаковиъ* воскликнулъ съ громкимъ хохотомъ: «Помилуйте, что это за тарабарщина? Это уже ни съ чѣмъ не сообразно!—*Петербургу* положено основаніе только въ началѣ прошедшаго столѣ-

(1) Спран. 9.

(1) Спран. 10.—(2) Спран. 14.—(3) Спран. 17.—(4) Спран. 32.

пія, а г. *Генрихъ*, дѣйствующее лицо *правдоучительной повѣсти XVII вѣка*, уже пользуется ласками жителей Пипера, тогда еще не существовавшего; *разъзжаетъ по прелестнымъ дагамъ, вкушаетъ всѣ тѣ удовольствія, которыя вкусъ, изобиліе и щедрость великожь доставляетъ!* — Ну право, это такія чудеса, какихъ я ни въ одной сказкѣ не читывалъ. Ай да авторъ! поздравляю васъ съ перомъ истинно хронологическимъ!»

(Опгнаніе въ слѣд. листкѣ.)

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПФЕФФЕРСКІЯ ВАННЫ ВЪ ШВЕЙЦАРИИ.

Каждый разъ, когда намъ говорятъ о заведеніи минеральныхъ водъ, мы поспѣшь переносимся воображеніемъ къ удовольствіямъ Бадена, Спа, Ахена, Пломбьера и сполькихъ другихъ увеселительныхъ мѣстъ, гдѣ зрѣлище прекрасной и цвѣтущей природы искусно соединено со всѣми наслажденіями самой упоенной образованности: мы вспоминаемъ о водахъ, къ употребленію которыхъ прибѣгаютъ сполько хорошенькихъ женщинъ, слѣдуя ими же вынужденному предписанію докторовъ своихъ, и которыхъ дѣйствительность испытали споль многіе мужья для опвращенія безплодія чувствительныхъ подругъ своихъ. Но не ожидайте встрѣтить ничего подобнаго, если выдумаете поспѣшить ванны Пфефферскія. Опгните всякую мысль объ удовольствіи и даже о веселости. Это одно изъ пѣхъ дикихъ мѣстъ, споль разнообразныхъ съ спрогимъ духомъ иночества, который, въ этомъ печальномъ ущелии, также, какъ на вершинѣ Сень-Бернарда или среди высокихъ ужасовъ Карпезіанской обители, ежедневно оказываетъ величайшіе услуги человечеству. Въ самомъ дѣлѣ, чптобы пріобрѣсти твердость, нужную въ борьбѣ съ самыми грозными силами природы, чловѣку необходима постоянная мысль о Богѣ и вѣчности! Пфефферское аббатство, котораго владѣнія намѣренъ я описать вамъ, заслуживаетъ уже вниманія по одной продолжительности своего суще-

ствованія въ печеніе нѣсколькихъ вѣковъ: съ 720 года оно безъ всякаго отступленія слѣдуетъ уставу ордена Св. *Бенедикта*. Какое изъ новѣйшихъ установленій нашихъ можетъ надѣяться хопл двадцатой доли такого прочнаго и долговременнаго бытія?

Я объѣхалъ, вмѣстѣ съ прекрасною г-жею С*, большую часть Восточной Швейцаріи. Мы поспѣшили восхитительную долину Суарскую и съ изумленіемъ увидѣли Рейнъ, споль величественный и могучій далѣе, но здѣсь протекающій въ видѣ скромнаго и прелестнаго потока, съ свѣтлыми, прозрачными голубыми волнами. Мы были уже недалеко отъ Сарганса, когда нашъ вожапый предложилъ намъ направить путь немного въ сторону, и повелъ насъ на довольно успешную высоту, гдѣ, послѣ краткаго отдыха, спросилъ, приходила-ли намъ когда шибудь охота спуститься въ адъ? Г-жа С*, не боясь прослыть спступницею, отвѣчала утвердительно; чпо касается до меня, то учтивость не позволила мнѣ ей пропиворѣчить, да и какъ было не согрѣшить въ угожденіе такой прекрасной спупницѣ? Слѣдуете же за мною, сказалъ вожапый, и въ разспояніи нѣсколькихъ шаговъ, за вѣтвистыми пхтами, заслонявшими видъ, указалъ намъ ущеліе Таминское.

На глубинѣ болѣе двухъ тысячъ футовъ, мы увидѣли попокъ, съ шумомъ капившій воды свои между спрашными утесами на дно мрачнаго подземелья. Кругомъ никакой расшительности, никакого слѣда существа одушевленнаго. Описанія входа въ партаръ, оставенныя *Виргиліемъ* и *Данте*, показались намъ слабыми подражаніями предъ подобною дѣйствительностію. — Неужели, вскричалъ я, найдется такой неуспрашимый чловѣкъ, который-бы отважился спуститься на дно этой пропасти? — Вожапый улыбнулся моему восклицанію, и поспѣшилъ объяснить мнѣ, чпто въ этой пещерѣ, которую львы и пигры побоялись-бы избрать жилищемъ, есть домъ, содержимый отъ ордена Бенедиктиновъ и служащій сборнымъ мѣстомъ для прехъ сотъ поспѣшителей обоего пола, пріѣзжающихъ пользоваться Пфефферскими

водами. И люди приходять искать здоровья въ подобномъ мѣстѣ, гдѣ въ продолженіе шести мѣсяцовъ, они почти совершенно лишены солнечнаго свѣта, который въ самыя долгія лѣтніе дни только четыре часа озаряетъ заведеніе Пфефферскихъ водъ! Все это возбудило въ насъ сильное любопытство, и мы прибѣгли къ своему вожакому съ просьбою провести насъ по извилистой и неровной тропинкѣ, изсѣченной въ скалахъ. Черезъ два часа, благодаря безчисленнымъ предосторожностямъ, мы спустились въ самую глубину пропасти, гдѣ были встрѣчены однимъ изъ Бенедиктинцевъ съ факеломъ.

Тогда былъ часъ обѣда; но собесѣдники, собравшіеся вокругъ стола, вовсе не походили на обыкновенныхъ постыпителей, которыхъ встрѣчаютъ путешественникъ за общими обѣдами (tables d'hôte.) Это были болѣею частію люди священнаго сана: окрестное духовенство, монахи, монахини, нѣсколько мірянъ, одинъ военный, драгунскій офицеръ, сидѣвшій между двумя Ирсунскими монахинями. Три смоляные факела освѣщали залу. Духовные члены общества обязаны были соблюдать ненарушимое молчаніе во все продолженіе ихъ прѣпезы, а по этому и міряне опасались прерывать его какимъ нибудь неосторожнымъ разговоромъ. Тишина нарушалась только шумомъ шаговъ брашій, на которыхъ возложена была прислуга, и глухимъ ревомъ Тамины, слышавшимся въ опдаленіи. Кушанья, поданныя на столъ, были единственнымъ произведеніемъ этого ущелія: они состояли изъ мяса дикихъ козъ, приготоовленнаго въ разныхъ видахъ, такъ, что когда я спросилъ блюдо овощей для моей спутницы, которая не могла видѣть этой полуокровавленной дичи, и мнѣ подали шпината, то, отвѣдавъ, я узналъ, что мнимый шпинатъ этотъ былъ не что иное, какъ кровь дикой козы, искусно приправленная и совершенно измѣнившая видъ свой. — Боже мой! сказала мнѣ г-жа С*, эти безчувственные иноки и по наружности столь кропкія монахини — настоящіе людоеды! — Скоро, однако-же, я узналъ, что пища, которая такъ не попра-

вилась моей спутницѣ, была необходимымъ условіемъ для постыпителей Пфефферскихъ водъ, и что такъ какъ употребленіе оныхъ предписывалось единственно для укрѣпленія слабаго тѣлосложенія, то мѣстный докторъ запретилъ подавать за монастырскимъ столомъ что либо кромѣ мяса дикихъ козъ. Я подивился тому, что въ этомъ случаѣ гигиена дѣйствовала такъ согласно съ экономіею.

Мы оправданы попомъ въ комнаты, занимаемыя ваннами, гдѣ смѣшаны всѣ званія и полы, какъ, впрочемъ, это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ заведеніяхъ. Но здѣсь нечего опасаться за чистоту нравовъ. Нельзя спустить шага безъ того, чтобы не встрѣтить суроваго взора Бенедиктинскаго монаха, на челѣ котораго какъ будто читаешь глубокія думы о ничтожествѣ благъ земныхъ, думы, внушенныя сему ордену одиннадцатію вѣками размышленія и прудовъ на днѣ этой бездны. Припомъ, если-бы въ чьемъ нибудь сердцѣ и нашлось мѣсто для порока, то стоило-бы только отвести того на утесъ, нависшій надъ источникомъ Тамины, и указать ему мѣсто, на которомъ назадъ тому при года одинъ молодой Дамчанинъ, посягнувъ на оскорбленіе какой-то монахини, поскользнулся, и прежде чѣмъ успѣлъ вскрикнуть, былъ уже унесенъ водою потока и раздавленъ между скалами. Между тѣмъ, какъ намъ рассказывали объ этомъ ужасномъ происшествіи, на скользкой и узкой тропинкѣ, служившей для него мѣстомъ дѣйствія, среди блѣдныхъ и пощихъ постыпителей водъ, которыхъ цвѣтъ лица ручался въ томъ, что болѣзнь ихъ была неприговорная, моя спутница вдругъ громко закричала и выпустила изъ рукъ палку нашего вожакаго, способствовавшую ей къ сохраненію равновѣсія на этой влажной и неровной плоскости, и которую мы съ вожакомъ держали за оба конца. Она исчезла; первымъ моимъ движеніемъ было броситься за нею, и я бы непременно погибъ, если-бы вожакий не удержалъ меня увѣреніемъ, что г-жа С* не была поглощена волнами потока. Но гдѣ же могла она быть, если не осталась на землѣ,

и не была увлечена Тамною? Какъ описать мою радость, когда добрый вожатый нашъ указалъ мнѣ въ пятнадцати фузахъ глубины выдавшійся утесъ, за который она имѣла щастіе зацѣпиться, и который такимъ образомъ послужилъ къ ея спасенію! Я хотѣлъ тотчасъ же спуститься туда, чтобы освободить её, но мнѣ представили необходимость возложить это на человека, совершенно знакомаго съ тамошнюю мѣстностью, гдѣ часто скала, самая пвердая по наружности, бываетъ подрыва въ своемъ основаніи. И такъ, нашъ вожатый спустился въ одной изъ тѣхъ огромныхъ корзинъ, въ которыхъ погружаютъ въ воды Тамны опасныхъ больныхъ. Г-жа С* была въ обморокъ, и проводнику нашему сполмо большаго труда поднять и положить въ корзину это драгоценное бремя, которое я принялъ въ свои объятія, и съ помощію усердныхъ стараній, скоро возвратилъ къ жизни.

Г-жа С* увѣрила меня, вышедъ изъ этаго проклятаго ущелья, что мракъ, господствовавшій въ тѣхъ мѣстахъ, спранныя лица человеческихъ призраковъ, бродившихъ вокругъ, и болѣе всего спранные впечатлѣніе, сдѣланное на ея воображеніе разговоромъ о трагической кончинѣ молодаго Датчанина, повергли её въ какое-то ужасное забытїе. Она въ самомъ дѣлѣ почла себя внезапно перенесенною въ садъ, и силы разомъ её оставили. Еще полные страха, мы упали на колѣна, снова увидѣвъ солнце, и поблагодарили Провидѣніе за то, что Оно сохранило насъ другъ для друга; но въ то же время поклялись никогда уже болѣе не сходить на дно этой ужасной пропасти.

Съ Фр. Бр.

ЗЛО ПАДАЕТЪ НА ГОЛОВУ ЗЛОУМЫШЛЕННИКА.

Вредъ, который мы дѣлаемъ другому, неминуемо, по закону отраженія, обращается на собственную нашу голову. Пословица: *не рой другому ямы, самъ въ неѣ попадешь*, извлечена изъ опыта сотенъ годовъ и десятковъ столѣтій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ПАМЯТНИКУ АЛЕКСАНДРА I-го.

Онъ живъ—царей, Европы щипъ,
Нашъ милосердый, пѣжный *Титъ*,
Утѣха царствъ, *Благословенный!*

О Царь! Твой памятникъ неплѣнный
Возблещетъ славой вѣковой;
И будешь поздніе попомки
Чтить радостной его слезой,
Твой дѣла чина громки.

А ты, Хранитель дѣлъ Его,
Аврелій нашъ великодушный!

Благодаримъ единодушно
За доблесть сердца Твоего.

Въ попомствѣ пронесутся клики:
«Сей столпъ воздвигнулъ *Николай.*»

И пролептитъ изъ край въ край:
«Великихъ память чтить Великій!»

И. Вятринскій.

ВОДОПАДЪ.

Темныхъ дебрей спорожь шумный,
Сребро-пѣнный водопадъ,

Ты спремнишься, какъ безумный,
Падая съ крутыхъ громадъ;

Рокотъ швой, какъ взрывъ бурана,
Какъ въ дали ревущій громъ;

Поднялъ брызги пы кругомъ,
Будто занавѣсъ шумана;

Ты, какъ небо, какъ алмазъ,
Блещешь радуги огнями.

Но подъ лупными лучами
Тыходишь на Кавказъ,

Занавѣшенный сѣтями;
А какъ лѣтнее тепло

Смѣняетъ вдругъ морозъ и вьюга,
Хоть не прячешь ты чело

Подъ ледяное стекло,—
Но смиренный, какъ въ дни недуга

Слабый, упомленный левъ.
Чуть весна—и топъ же глѣвъ

Вскипѣвшия попокъ сердпшій,
Заклокочетъ спрашпный звѣвъ,
Подъ водой въ гранишѣ взрыпный.

Черкасозъ.

Ш А Р А Д А.

Въ *начальномъ* — обшпаемъ,
Второе говоримъ, коль что кому даёмъ,
А *цѣлымъ* женщину зовёмъ
И печку величаемъ.

Въ No 79-мѣ, помѣщенная загадка значптъ: *Racine*.

М О Д Е С.

Nous avons dit à peu près tout ce qui a paru de nouveau en modes d'automne; attendons quelques jours et nous reprendrons notre tâche. Aujourd'hui songeons encore à cette époque où l'on quitte Paris à l'occasion du retour des bains de mer, à cette occasion si générale du mois de septembre qui amène tant de liberté à la grande partie des habitans de Paris. Au mois de septembre on retourne à la campagne pour le temps des chasses; on y va pour attendre que la dernière feuille se détache de l'arbre noirci, et l'on y désire quelque occupation nouvelle ou une fantaisie pour occuper pendant les jours de réclusion. A la campagne, rien n'est si triste qu'un jour de pluie, non si l'on était seule, mais s'il faut occuper nombreuse société, c'est plus difficile.

Par exemple, on est d'accord sur l'importance d'un livre de contes, d'un recueil de gravures; et moi je vous dirai, mesdames, une source de récits et par-dessus tout un sujet intarissable de riens continuels. Ce sont les *stores transparents*, les beaux et magnifiques stores de MM. *Attramblé* et *Briot*, rue Richelieu, qui ont obtenu à l'exposition de l'industrie un succès d'estime générale. Comment ne pas deviser une journée tout entière en voyant ces pittoresques et savans paysages, ces gracieux oiseaux à l'aile flexible et rayonnans de mille couleurs, et ces fleurs vives et fraîches

s'élançant brillantes sur un fond de gaze blanche transparent. Et les avis partagés! J'aime la mosaïque rouge et jaune à encadrement violet, cependant je préfère les rosaces grecques qui semblent retenues par une petite pomme dorée; — et moi ce semé d'étoiles; — et moi ces arabesques vertes et blanches, ce genre chinois, persan, etc.

М О Д Ы.

Мы почти обо всемъ говорили, что показалось новаго въ осеннихъ модахъ; подождемъ нѣсколько дней, и опять примемся за свою обязанность. Нынѣ займемся тою эпохою, когда оставляюмъ Парижъ по случаю возвращенія съ морскихъ ваннъ, по этому общему случаю въ Сентябрь мѣсяцъ, доставляющему столько свободы большей части жипелей Парижа. Въ Сентябрь мѣсяцъ возвращаются въ деревню на время охоты; ѣдутъ туда для ожиданія, когда послѣдній листъ опадѣлъ съ ольг почернѣвшаго дерева, и желаюмъ шамъ какого, нибудь новаго занятія, или какой нибудь прихоти, чтобъ провести эти дни уединенія. Въ деревнѣ, ничего нѣтъ несноснѣе дождливаго дня, не тогда, когда бываюмъ одни, но если надо занятъ большое общество; это несравненно труднѣе.

Напримѣръ, всѣ согласны, сколько значптельны книги со сказками, собранія эшамповъ; а я назову вамъ, милоспивыя государыни, источникъ разсказовъ, а болѣе всего неиспощпмый предметъ безпрестанныхъ бездѣлокъ. Это прозрачныя споры, прекрасныя и великолѣпныя споры г-дъ *Attramblé* и *Briot*, въ улицѣ Ришельѣ, копорыя получили на ремесленной выставкѣ успѣхъ общаго одобренія. Какъ не раздѣлить цѣлой день, видя эти живописныя и ученые пейзажи, эти красивыя пшпцы съ гибкими крыльями, блестящими разными цвѣтами, и эти яркіе, блестящіе, живые цвѣты, успшпающіеся по бѣлому прозрачному газу. И разныя мнѣнія! Я люблю мозаику красную и желшую съ фіолетовыми окраинами, однако предпочпшаю Греческіе кружки, копорыя кажешся прихвачены небольшимъ вызолоченнымъ яблокомъ; — а я вопъ эти разбросанныя звѣзды; — а я эти зеленыя и бѣлыя арабески, эпошъ Персидскій, Кшайскій родъ, и проч.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 81.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Октября 10 дня, 1854 года.

Кому не скучно лицемерить,
Различно повторять одно;
Стараться важно въ томъ увѣрить,
Въ чемъ всѣ увѣрены давно;
Все тѣ же слышать возраженья;
Уничтожать предразсужденья,
Которыхъ не было и нѣтъ
У дѣвочки въ тринадцать лѣтъ!

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

(Окончаніе.)

«Видя самъ такую несообразность въ лѣтосчисленіи, но не зная географіи, хотѣлъ было я замѣтить, что здѣсь говорится не о Санктпетербургѣ, а просто о Петербургѣ; а какъ простыхъ Петербурговъ можетъ быть много найдется въ краяхъ чужеземныхъ, то и немудрено, что въ сей повѣсти описывается совершенно иной городъ; чему наиболее можно дать вѣроятія пѣмъ, что о величественной Невѣ вовсе не упомянуто; но когда ученый *Адамъ Ивановичъ*, уронившій оупъ изумленія трубку, произнесъ громко свой *доннеръ ундъ веттеръ*, и съ увѣришельностію сказалъ, что другаго Петербурга нѣтъ во всемъ мірѣ, то я почелъ за лучшее не высказывать своего мнѣнія; а крючкомворецъ, ободренный мо-

имъ молчаніемъ, продолжалъ осклаблясь: «Вотъ что правда, такъ правда: *Генрихъ* увѣряетъ, что въ Петербургѣ *не слышно клеветы, дуэли, ссоры и прочее* (1); я совершенно съ нимъ согласенъ; ибо жители Пипера XVII столѣтія не умѣли *клеветать* потому, что не были одарены даромъ слова, а *ссоры* и *дуэли* хотя и случались въ то время между медвѣдями и другими звѣрями, населявшими въ XVII вѣкѣ С. Петербургъ, но и они оставались въ совершенной безгласности, по той же причинѣ, которая препятствовала наносить вредъ клеветою.»

Прикусивъ языкъ съ досады на неумѣстныя выходки *Цапкина*, и не найдя приличныхъ возраженій, рѣшился я продолжать чтеніе; но оно продолжалось недолго. На томъ мѣстѣ, гдѣ *Генрихъ* предлагаетъ спасенную имъ дѣвцу *костоправу* и сей послѣдній отвѣчаетъ, что онъ не хочетъ привести себя

(1) Стран. 32.

во искушеніе (1), *Онуфрій Кириаковигъ* прибавилъ: но избави отъ лукаваго! И вслѣдъ за тѣмъ, пустившись во всю ивановскую хвалишь безпримѣрную воздержность *костоправа* XVII вѣка, безпощадно спалъ порицанъ бѣднаго *Генриха* за *напегатльннй* имъ *зефироподобный* поцѣлуй на коралловыя уста *красавицы* (2).

— И, любезный другъ! — сказалъ я, спараясь оправдать поступокъ *Генриха*: что-жь шупъ худаго? Цѣлюются же у насъ въ Сибири и по сіе время дѣвицы съ молодыми мущинами во время игры въ фаншы, и худаго никто въ помъ не находить! Такъ почему же осуждать невинный поцѣлуй, да припомъ еще и *зефироподобный*, *напегатльннй* на коралловыя уста сонной *красавицы*? —

Секретарь. Да, защищайте, защищайте *Генриха*; воля ваша, а онъ виноватъ во всѣхъ опношеніяхъ; если можно допустить *зефироподобный* поцѣлуй: по нельзя, по крайней мѣрѣ, *напегатльть* оный; ибо *напегатльнне* на пѣла видимыя не оспаеетъ безъ знака, безъ послѣдствій! И попомо-по у насъ въ мапушкѣ Сибири говорятъ, и весьма основательно, вмѣсто *напегатльть*—*поцѣлуй*, просто *поцѣловать*!

Секретарь улыбнулся язвительно, опряхнулъ пепель съ руки своей и шихо спалъ насвистывать свою любимую пѣсню: *Охъ, вы славныя Русски кислы щи!*... Пользуясь эпимъ временемъ, прочелъ я безпрепятственно десять страницекъ; ибо когда *Онуфрій Кириаковигъ* начиналъ насвистывать эпю пѣсню, по всякій могъ быть увѣренъ, что онъ до окончанія оной не дастъ прервать себя; а *Адамъ Ивановигъ* оспановидся въ своихъ похвалахъ *Нещастной Софій* по той причинѣ, что вновь набилъ свою трубку; ибо онъ имѣлъ привычку не сказать ни одного слова, не выкуривъ еѣ до половины; называя часъ табака, занимающаго верхнюю половину трубки, своими слівками, до коихъ, мимоходомъ сказать, былъ онъ

великій охотникъ; ибо когда приносили намъ въ лодку изъ прибрежныхъ деревень кринку молока, по почтенный *Адамъ Ивановигъ* попчасть снималъ сливки и выпивалъ за наше здоровье.—Уже успѣлъ я прочесть, какъ родители *Генриетты* укрѣпляли *усташіе* отъ хлопотъ свои члены (1)! Уже прочиталъ, какъ 3-й *разбойникъ* совѣщаетъ *угомонить* *Генриетту*, дабы она между молодежи не произвела драки, и получаетъ въ отвѣтъ отъ 4-го *разбойника*, что онъ старый дуракъ вретъ, что у нихъ и такъ мало женъ и они еѣ будутъ имѣть по жребію (2), какъ въ эпо время *Онуфрій Кириаковигъ* къ нещастію окончилъ свою пѣсню, и бросивъ на меня насмѣшливый взглядъ, расхохотавшись вскричалъ: « Помилуйте, *Дормидонтъ Евдокимовигъ!* какую же вы находите *нравственность* въ эпой повѣсти?...

— Вы, *Онуфрій Кириаковигъ*, — возразилъ я съ досадою: придираетесь уже рѣшительно ни къ чему; эпо не хорошо. Вы вѣроятно забыли, что въ заглавіи сія повѣсть названа не *нравственною*, а *нравоучительною*; такъ для чего же искасть въ ней *исправленія нравственности*? Слово *нравоученіе* составлено изъ существительнаго *нравъ* и глагола *учить*; слѣдовательно составное существительное: *нравоученіе*, должно понимать въ значеніи: *учить или знакомиить насъ съ нравами!* а попомо и прилагательное *нравоучительно*, произведенное отъ упомянутаго составнаго существительнаго, должно принимать въ помъ же самомъ значеніи. И такъ, авпоръ сей *нравоучительной повѣсти* весьма хорошо понималъ и помнилъ заглавіе оной; сему служатъ яснымъ доказательствомъ слова *разбойниковъ!* Все эпо ясно для показываешь, что почтенный авпоръ имѣлъ цѣлію — не исправлять наши нравы, ибо ему безъ сомнѣнія извѣстно, что въ эпомъ успѣть невозможно, а учить насъ чуждымъ нравамъ, что весьма вразумительно и похвально! —

Секретарь Цапкинъ, вѣроятно убѣжденный моими доказательствомъ, не удостоилъ

(1) Стран. 55. — (2) Стран. 56.

(1) Стран. 44. — (2) Стран. 45.

меня отвѣта и съ поспѣшностью вышелъ на палубу посмотрѣть на воду; а почтенный *Адамъ Ивановичъ*, выкурившій между тѣмъ половину трубки, покачалъ головою, и произнесъ пропѣшно: Хмъ! хмъ! сказалъ: Знаете ли, любезный другъ! это происшествіе съ разбойниками мнѣ что-то очень знакомо! Хмъ! хмъ! Да, такъ точно, теперь я вспомнилъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ читалъ я повѣсть покойника *Мейснера: Die Edelfrau unter den Mœrdern*, и повѣрше, всѣ обстоятельствова происшествія, случившагося съ *Генриеттою*, такъ сходны съ обстоятельствоми, описанными *Мейснеромъ* въ упомянутой повѣсти, что я, прошивъ воли, возымѣлъ подозрѣніе на почтеннаго автора *Нещастной Софіи* въ заимствованіи имъ у Нѣмецкаго писателя, моего *ландмана*. Если вамъ угодно, то я въ короткихъ словахъ расскажу повѣсть *Мейснера*! —

Я спалъ проситъ *Адама Ивановича*, и онъ началъ: «Одинъ богатый баронъ, женившійся на молодой, прекрасной дѣвицѣ, былъ вскорѣ послѣ сватъбы принужденъ оплутиться на нѣкоторое время куда-то по дѣламъ своимъ. Молодая хозяйка осталась одна въ замкѣ съ достаточною прислугою. Въ одну ночь слышитъ она пронзительный вопль въ комнатѣ, смежной съ ея спальнею; въ испугѣ растворяетъ двери, и представьте себѣ ея ужасъ! глазамъ ея представляется разбойникъ, поражающій кинжаломъ ея горничную, умоляющую его на колѣнахъ о пощаду. Прочіе слуги были уже убиты другими разбойниками, воспользовавшимися ихъ оплошностію и отсутствіемъ владѣтеля замка. Молодая, пригожая хозяйка не потеряла присутствія духа. Съ радостнымъ восклицаніемъ бросается она на встрѣчу удивленнымъ разбойникамъ, называя ихъ своими избавителями; обнимаетъ одного изъ нихъ, и такъ сладко, такъ пламенно цѣлуетъ, что убійца роняетъ кинжалъ свой отъ восторга. Но этаго мало. Сказавъ разбойникамъ, что ея мужъ скряга, злодѣй, пирани, что она давно желала ихъ посѣщенія, повела всѣхъ въ кабинетъ своего супруга; и когда подавила скрытую въ спѣнѣ пружину, и изъ спѣны выдвинулся по-

паенный ящикъ, въ коемъ лежали свертки золота, то убійцы, совершенно увѣрившіеся симъ поступкомъ въ справедливости сказаннаго ею, безъ всякаго подозрѣнія послѣдовали за нею въ подвалъ, гдѣ по словамъ ея хранились въ желѣзномъ сундукѣ несмѣтные сокровища. Пришедши въ подвалъ, хозяйка перебрала всѣ ключи изъ принесенной ею связки, и когда ни одинъ не могъ отворить большаго замка, къ сундуку придѣланнаго, то она вскричавъ: Ахъ! это не та связка! — и, не давъ опомниться убійцамъ, бросилась какъ стрѣла по лѣстницѣ изъ подвала; спустила подъемную дверь, въ него ведущую, и заперла еѣ запоромъ. Помомъ поспѣшила къ вѣрхоу хлѣву или сараю, право не помню, — обложила его соломою и предала пламени. Крестьяне, жившіе въ нѣкоторомъ разстояніи отъ замка, подумали, что горитъ замокъ, и поспѣшили спасать имущество своихъ господъ. По прибытіи ихъ, молодая хозяйка немедленно рассказала все случившееся и повела крестьянъ въ оружейную своего мужа, гдѣ раздѣливъ между ними оружіе, привела къ подвалу и заставила перехватывать всѣхъ разбойниковъ.—Ну что, почтеннѣйшій *Дорлидонтъ Евдокимовичъ*! не правда-ли, что это происшествіе — не только что чрезвычайно близко подходитъ къ разсказу г. автора *Нещастной Софіи*, но даже можетъ быть и сама старая погудка на новый ладъ?»

Отдавъ полную справедливость, какъ замѣчанію, такъ равно и щастливой памяти барона *Раухштилля фонъ Никтсвейса*, я вновь принялся за чтеніе, и дошедъ безъ малѣйшаго помѣшательства до 19-й строки 57-й страницы, вовсе не замѣтилъ, что лысая голова г. *Цапкина* уже нѣкоторое время сіла въ дверцахъ, подобно мѣсяцу, красующемуся въ густомъ дыма, наполняющаго Петербургскую атмосферу. «Позвольте, *Дорлидонтъ Евдокимовичъ*! Позвольте отдать досподожную похвалу двумъ лицамъ этой повѣсти!» сказалъ осклабясь *Онуфрій Кириковичъ*, и я, вздрогнувъ, невольно остановился, а онъ продолжалъ: «Какъ не отдать полную справедливость *услужливой Вильгельминѣ*, которая въ угожденіе графу зна-

комился съ г-мъ *Фицлеромъ*, для того полько, чтобы воспользовавшись его опѣздомъ, свести дочь его съ любовникомъ. Какъ это прекрасно! Какъ это знакомитъ насъ съ *услужливыми нравами* доброй *Вильгельмины*. — Но обратимся къ достойной ея тѣщѣ, г-жѣ *Варденъ*, заставшей графа съ *Генриеттою*, которая приклонивъ голову на грудь его, наслаждалась покойнымъ сномъ (1). Какъ эта спарушка забавна! Сперва на лицѣ ея написана досада, потомъ она какаетъ головою, грозитъ пальцемъ и уходитъ, разумѣется не прерывая, изъ учтивости, наслажденія любовниковъ-супруговъ. Правда, спарушки всѣ вообще народъ сердитый и изобрѣпательный на хитрости, но г-жа *Варденъ* превзошла всѣхъ извѣстныхъ до сего времени. Какъ не подивиться изобрѣпательности ея ума. — Что вы на это скажете, *Адамъ Ивановичъ*?»

— Что я на это скажу? — произнесъ пропьяно баронъ *Раухитиль фонъ Нихтсвейсъ*: Что я скажу? Я скажу: *Доннеръ ундъ веттеръ! дасъ истъ шилль!* Хмъ! хмъ!... А что вы на это скажете, *Дормидонтъ Евдокимовичъ*? —

Признаться, слова, произнесенныя глубокимъ языкомъ приказнаго, смущили меня въ началъ; но когда онъ обратился съ вопросомъ къ почтенному *Адаму Ивановичу*, и между тѣмъ, какъ сей послѣдній испускалъ свой *доннеръ ундъ веттеръ* и повпорялъ: Хмъ, хмъ, покачивая головою, то я успѣлъ еще разъ пробѣжать глазами до 19-й строки 57-й страницы, и прокашлявшись, отвѣчалъ: Вамъ извѣстно, господа, что ничего нѣтъ легче, какъ мушину, такъ и женщину, потерять добрую о себѣ славу! Но мушину, уронившій себя въ мнѣнїи людей благомыслящихъ, можетъ со временемъ опять возстановить свою добрую славу; между тѣмъ, какъ бѣдная женщина, однажды лишившаяся оной, теряетъ ее уже на вѣки!... Что вы скажете, любезнѣйшій *Онуфрїй Кириковичъ*, на это прекраснѣйшее, полезнѣйшее наставленіе почтеннѣйшаго господина автора?... Дай Богъ, чтобы ему послѣдовали всѣ ро-

дители, споль легкомысленно оппускающіе дочерей своихъ госпитъ у родныхъ или знакомыхъ! — Бьюсь объ закладъ, что авторъ самъ долженъ имѣть дочерей; ибо это наставленіе излилось изъ сердца, прещущаго со всею родительскою любовію о сохраненїи доброй славы дѣшей своихъ!... Жаль, что я, можетъ быть, не буду имѣть чести познакомиться съ почтеннымъ авторомъ сей повѣсти, а то со всею признательностію опца, дорожащаго доброю славою дочерей своихъ, разцѣловалъ бы ручку, начертавшую это золотое наставленіе! —

— *Гхъ аухъ!* — подхватилъ *Адамъ Ивановичъ*: *Доннеръ ундъ веттеръ!* За такое наставленіе, надо-бы дать спю душъ въ награжденіе! *Геррлихъ! Прехтихъ!* —

«Я согласенъ съ вами, что такое наставленіе не должны пренебрегать родители;» сказала *Онуфрїй Кириковичъ*: «и самъ приношу за то мою благодарность автору *Нещастной Софїи*; но я говорилъ не объ этомъ наставленїи!»

— Экой банный листъ! — сказалъ я въ полголоса, когда *Цалкинъ* опять вышелъ на палубу поглазѣть на воду. *Адамъ Ивановичъ* улыбнулся, и прибавивъ: «*Воль варъ!*» спалъ набивать свою трубку. Я присупилъ къ чтенію, и до возвращенія ключкодѣя успѣлъ прочесть 18-ть страницекъ. Въ продолженіе всего этого времени только дважды прервалъ меня баронъ *Раухитиль фонъ Нихтсвейсъ*, а именно на 72-й страницѣ: когда старый графъ, раскаяваясь въ томъ, что во время своей юности обманывалъ всѣхъ припворною набожностію, говоритъ: *но теперь, когда желанїя мои совершились, — Адамъ Ивановичъ* прибавилъ впорой спихъ первого куплета любимой пѣсни покойницы жены своей: «*И напасти всѣ прошли!*...»

— *И сердце мое совершенно успокоилось — я принесу Богу благодареніе и покаяніе въ своемъ лицемерствѣ* (1): то *Адамъ Ивановичъ*, сложивъ благочестиво руки, произнесъ тихо: «*Эсъ варъ хоже цейтъ!*»

(1) Стран. 55.

(1) Стран. 72.

Во время чпенія: *Для молодыхъ вдовъ и дѣвокъ выстроены были прядильный домъ и илиз научено ткать и прѣсть на самопрялкѣ* (1), — вошелъ *Онугфрій Кириаковиъ*—и война закипѣла! «Вотъ чудеса, сказалъ онъ: *прядильный домъ научилъ ткать и прѣсть на самопрялкѣ!* Ай да, г. авторъ! Чеснь вамъ и слава! Вы заспавляете домъ принимающъ на себя должностъ учителей!»

— Да что вы все придираетесь;—сказалъ я, вышедъ изъ перпѣнїя: здѣсь очень ясно, что —

«*Домъ учишь шкать и прѣсть! прервалъ Цапкинъ: Да, это весьма ясно; ибо сказано: выстроены прядильный домъ и илиз — кѣмъ же имъ? разумеется, что домомъ научено ткать и прѣсть на самопрялкѣ! Тупъ все очень ясно! Да эпаго еще мало; г. авторъ заспавляетъ не только прѣсть, но и ткать на самопрялкѣ! Вотъ ужъ эпаго-то я не слыхивалъ! Пожалуй, послѣ сихъ чудесъ авторъ Нещастной Софїи будетъ и писать по самопрялкѣ!*»

Отъ сихъ послѣднихъ обидныхъ и лзвительныхъ выраженїй бросилась у меня кровь въ лицо; я взглянулъ на *Адама Ивановича* и замѣнилъ, что онъ также взбѣшенъ до чрезвычайности; ибо положилъ шрубку, не выкуривъ даже такъ называемыхъ сливокъ. Мы вмѣстѣ напустили на взятколюбивую душу секретаря, который хопя сначала и огрызался, однако, замѣни наши неоспоримые доводы: мою серебряную пабакерку и сжатый кулакъ почтеннаго *Адама Ивановича*, почелъ за лучшее успушить, и спалъ, какъ говорится: *ниже травы и тише воды*. Водворенная пишина дала мнѣ время прочесть до окончанїя 11-ю строку 83-й страницы, и въ продолженіе чпенїя было слышно только одного *Адама Ивановича*, который, восхищаясь разбросанными пупъ красотами, по временамъ восклицалъ: «*Славно! Зеръ гутъ! ...*» Узнавъ же, что я намѣреваюсь читать стихи, вѣнчающіе конецъ средней части *Нещастной Софїи*, почтенный баронъ *Раухитиль фонъ Ниттсвейсъ* положилъ

шрубку, сдвинулъ свой парикъ съ лѣваго уха, ибо онъ былъ немного крѣпокъ на правое, и я началъ:

Полезъ роскоши и вредъ мотовства.

Что богатъ много проживаетъ, это похвально,

И не мудрено, но натурально.

Куда-жъ ему и деньги дѣвать

Какъ не или бѣдныхъ снабжать.

Тысли рукъ вдовъ и сиротъ

Ремесленниковъ, купцовъ, разношчиковъ, дасть онъ работъ.

Богатъ, старающійся денегъ копить,

Самъ не живетъ и другихъ не даетъ жить.

Роскошь бѣдныхъ хлѣбъ доставляетъ,

Ремесленникамъ даетъ средство подати платить;

Блескъ пословъ и вельможъ царя прославляетъ,

А пышность царя никого не удивитъ.

Бѣдный же, который роскоши подражаетъ,

Тотъ мотъ, себя и людей разорлетъ,

Онъ себя губитъ, заставляетъ слезы лить,

Самъ платитъ, не или члвкъ себя и жену прокормитъ.

«*Доннеръ уидъ веттеръ!*» вскричалъ воспорженный *Адамъ Ивановичъ*: «Какой необыкновенный и легкій манеръ писать стихи!»

Я. Какая божественная поэзія!

Адамъ Ив. Зеръ гутъ.

Я. Какія роскошныя рѣмы!

Адамъ Ив. Прахтфоль!

Я. Какой необыкновенный размѣръ!

Адамъ Ив. Хиллишь! Шилнеришь!

«Ну, воля ваша, господа!» вскричалъ пупъ секретарь: «а что до меня касается, то скажу опкровенно, что я ничего не понялъ; эти стихи дышатъ такою божественною галиматшью и такимъ совершеннымъ незнаніемъ Русскаго языка, что я скорѣе соглашусь сряду сто разъ прочесть *Телемахида*, чѣмъ еще разъ услышать эту *Пользу роскоши*. Если же въ сихъ стихахъ есть необыкновенное, безпримѣрное, неподражаемое: это безмысліе и безразуміе. Въ заключеніе скажу вамъ, что авторъ чипанной *Дормидонтоль Евдокимовичель* повѣспи всего лучше и правоучительнѣе самъ предсказалъ участь подлинно нещастной *Софїи*.»

Едва успѣлъ онъ кончить, какъ почтенный *Адамъ Ивановичъ* пакъ ловко хватилъ

(1) Спран. 77.

чубукомъ по безвласой головѣ его, что онъ опшашнулся въ спорону. Но мы не дали ему времени оправиться, и совокупными силами такъ лихо опдѣлали его крючкопворный остовъ за посрамленіе, нанесенное имъ *средней части Нещастной Собіи*, что злословная секретарская душа не скоро забудеть своихъ сопутниковъ.

Извѣстивъ васъ, г. издапель, въ началѣ сего письма о цѣли моего прибытія въ Петербургъ, я долгомъ щипаю прибавить, что кривизна умствования и несправедливость замѣчаній и порицаній, сдѣланныхъ провинціальнымъ зоиломъ, *Онуфріемъ Куряковичемъ*, на щепъ *Нещастной Собіи*, доказываются еще всего болѣе необыкновенно-скорымъ израсходываніемъ поименованной книги; ибо, плывившись ея среднею частію, я потчасъ по прибытіи въ С. Петербургъ пошелъ въ Госпиный и Шукинъ дворы; завѣрпывалъ въ новыя и старыя книжныя лавки, освѣдомляясь о цѣлой *Нещастной Собіи*; но вездѣ получалъ отрицательный отвѣтъ. Въ слѣдствіе чего съ достовѣрностью и заключилъ, что они въ необыкновенномъ расходѣ. Это заставило меня прибѣгнуть къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: если вы, г. издапель, знакомы съ пворцомъ *Нещастной Собіи*: то упросите его напечатать второе изданіе, и увѣрьте отъ имени всѣхъ жипелей Нижне-Удинска, что они безъ зазрѣній совѣсти подписшутся на одинъ экземпляръ. — Правда, хопя у меня и есть средняя часть *Нещастной Собіи*, но сами согласитесь, какая въ ней польза. Если же я, сверхъ чаянія, не буду имѣть щаспія дождашься въ Петербургъ другаго писменія *Нещастной Собіи*: то попросите г. автора, чтобы онъ, по выходѣ ея въ свѣтъ, опослалъ одинъ экземпляръ по почтѣ въ Нижне-Удинскъ, на имя вашего

покорнѣйшаго слуги

Коллежскаго регистратора Дормидонта Евдокимова сына Разгульева.

1834-го года.

Р. С. Увѣрьте г. автора, что по полученіи просимаго экземпляра, немедленно будутъ высланы деньги за книгу и за пересылку.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДИТЯ И ОБЕЗЬЯНА.

На корабль, плывшевъ недавно изъ Ямайки въ Вичвенъ, пристань въ графствѣ Кумберландскомъ, находилась, между прочими пассажирами, одна молодая дама, которая кормила грудью дитя, имѣвшее не болѣе нѣсколькихъ недѣль отъ рожденія. Въ одно утро, капитанъ корабля, замѣтивъ на горизонтѣ нѣчто похожее на парусъ, и удивленивъ своему любопытству, учтиво предложилъ миловидной пассажиркѣ вооружиться зрительною трубою, чтобы лучше различить предметъ, виднѣвшійся въ отдаленіи. Молодая мать, державшая въ эту минуту на рукахъ дитя свое, оспорожно обернула его шалью и положила на софу, на которой сидѣла. Едва лишь она приставила къ глазамъ зрительную трубу, какъ раздался крикъ лоцмана: «Посмотрите! посмотрите! что дѣлаетъ эта негодная обезьяна!» Судите о положеніи матери, когда оглянувшись, она увидѣла, что мохнатое животное пащитъ дитя ея на вершину большой мачты! Обезьяна эта принадлежала къ большому роду сихъ животныхъ, и была такъ сильна и ловка, что крѣпко сжавъ одною лапою ребенка, другою она карабкалась по вантамъ, и по видному, нисколько не тяготилась своею ношею. Достаточно было одного взгляда, чтобы привести въ опечаленіе бѣдную мать, которая готова была упасть на палубу, безъ помощи окружающихъ ея людей. Взглядъ этотъ едва не сдѣлался для неѣ послѣднимъ, потому что нѣсколько минутъ она лежала, не подавая никакого признака жизни.

Матросы лазили также искусно, какъ обезьяна, но она внимательно наблюдала всѣ ихъ движенія, и когда они хопѣли взобраться по вантамъ на вершину мачты, гдѣ расположилась обезьяна, то капитанъ, боясь, чтобы она не спала убѣгать отъ нихъ, и прыгая по мачтамъ, не уронила ребенка, запрешилъ имъ за нею слѣдовать.

Хопя слабое дитя, безъ сомнѣнія, не принимало всей опасности, которой оно под-

вергалось, однакожь на палубѣ слышались его жалобные вопли. Всѣ съ безпокойствомъ слѣдили его взорами; но опасенія были оставлены, когда увидѣли, что обезьяна съ почтительною подражающею всѣмъ приемамъ кормилицы, и съ нѣжностію качая ребенка, какъ будто спарается усыпить его. Между тѣмъ несчастную мать перенесли съ палубы въ каюпу, гдѣ она скоро пришла въ чувство. Тогда капитанъ приказалъ всѣмъ людямъ, бывшимъ на палубѣ, спрячаться, а самъ занявъ позицію на лѣспницѣ въ каюпу, откуда онъ могъ все видѣть, не будучи самъ замѣченнымъ. Эта хитрость удалась совершенно: обезьяна замѣтивъ, что на палубѣ никого болѣе не остается, оспорожно слезла съ верха мачты, и тихонько положила ребенка на софу по прежнему. Онъ озябъ и плакалъ, но впрочемъ былъ совершенно невредимъ, и при громкихъ кликахъ экипажа, мать, съ радостными слезами на глазахъ, приняла его въ свои объятія.

ЧЕСТОЛЮБИЕ И ВЕРШИНА ГОРЫ.

На вершинахъ высокихъ горъ лежатъ вѣчный снѣгъ; ихъ окружаютъ непроницаемые туманы; вокругъ свирѣтствуютъ вѣчныя бури, слышенъ непрерывный шумъ водопадовъ. Упѣсы, обвалы и пропасти опгоняютъ отъ нихъ прохожихъ и ужасаютъ самыхъ отважныхъ путешественниковъ. Честолюбцы, вотъ ваша участь!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1834, МАЙ 27.

На порождѣ, изъ Кронштадта.

Нѣтъ! нѣтъ! шебля я не забылъ;
Къ тебѣ лежатъ воспоминанья!
И моря шумъ вновь пробудилъ
Души бывалое мечтанье;
Все кончено!—ужь не придутъ
Восторги счастья, упоеній!
Лишь за волнами вслѣдъ бегутъ,
Былыхъ призраки наслажденій!

Прошла весна, съ ней пылкость лѣтъ,
И сердца не волнуютъ спраски,—
И чѣрной пеленою бѣдъ
Покрыта жизнь.— Одиѣ напасти!
Гдѣ-жь сердце въ горы опдохнетъ?
Кто грусть души моею разсѣнетъ?
И къ чьей груди оно прильнетъ?
Молчу . . . и сердце каменеетъ!
Надежды нѣтъ!— я сироша,
Одинъ, средь бурь, въ челии несуетъ,
Не знаю гдѣ прибѣдетъ волна,
И о тебѣ одной молжусь!
Храни шебля, святой Творецъ! . . .
Увы! коль въ жизни нѣтъ свиданья! —
Онъ милосердъ! Онъ нашъ Отецъ! —
Увижусь . . . въ мѣрѣ упованья!

П. Хотлицковъ.

В Е Ч Е Р Ъ.

(Подражаніе Юліану Корсаку).

День меркнетъ: неба сводъ темнѣе и темнѣе;
Вечернюю росу въ молчаньи звѣзды льютъ;
Уныло-соловьи надъ озеромъ поютъ,
И мѣсяць смогрился сквозь мглу, какъ струнъ,
блѣднѣя.
Зачѣмъ онъ не блещитъ теперь, какъ было прежде?
Когда въ ея очахъ любви я нѣгу шилъ:
Глядя на небосклонъ, я вѣровалъ надеждъ,
Глядя на млечную—въ ней небо находилъ.
Ручей журчитъ; шумятъ волнуясь нивы;
Средь нихъ красуется смиренный василѣкъ . . .
О, какъ ли ты журчалъ тогда, ручей игривый,
И какъ ли былъ тогда мнѣ милъ весны цвѣ-
покъ,
Когда, забывъ весь мѣръ, я слушалъ голосъ милой,
И на устахъ ея пилъ ароматъ цвѣшовъ . . .
Увижусь ли когда, хоть на краю могилы? . . .
Я съ эхомъ говорю во глубинѣ лѣсовъ—
И эхо—никогда—мнѣ глухо отвѣчаетъ . . .
Ничто печальнаго, ничто не утѣшаетъ! . . .
Все мрачно вкругъ меня; луна сокрылась въ лучи;
На сердцѣ какъ свинецъ и мысли грусть мра-
чатъ; . . .

О милая, придѣ: твои такъ ясны очи
Лишь въ силахъ ночь души моей развеселишь!

В. З . . . ой.

3-го Октября 1832.

С. Петербургъ.

С H A R A D E.

De mon premier l'espèce infiniment varié;
Une seule produit un travail précieux.
Ainsi qu'un chêne altier, l'herbe de la prairie
Dirige mon second vers la voûte des cieux.
Dès qu'un peuple est conduit par des seditieux,
Il offre de mon tout l'effroyable copie.

Въ No 80-мъ, помѣщенная шарада значить: *Дом-на.*

M O D E S.

Les stores de MM. *Attramblé* et *Briot* ont obtenu tout d'abord la perfection à laquelle ils ont visé. Depuis ceux de percale parfaitement nuancés, jusqu'à ceux en gaze dessinés avec perfection, on ne peut rien attendre de plus achevé d'une peinture à effets, destinée à être vue sans examen de loin et à contre-jour.

Du reste, rien de plus charmant que le jour qui parvient à un appartement à travers un store nuancé harmonieusement; le soleil est adouci, l'air est abattu; le store remplace en même temps et le rideau qui, voltigeant au vent, peut se déchirer, et la massive jalousie, mur désagréable à la vue.

Pour la campagne encore laissons cet objet et passons à une nouveauté plus utile; ce sont les *lits en fer* et les *lits en cuivre*. Dans une petite chambre resserrée, dans les *chambres d'amis*, où l'élégance ne doit pas exclure la simplicité, quoi de plus convenable qu'un joli petit meuble délicat et mobile. Voyez au milieu de mille plis de mousseline blanche, un petit lit de jeune fille, disons même un *lit de petite-maîtresse*, s'élever avec grace en supportant les draperies en couronne et brillant comme l'or en tubes polis. Puis des bandes de cuivre aux quatre coins, répétées au cercle de la couronne, enrichissent ce que le meuble pourrait avoir d'aride et de nu.

Les lits en cuivre de M. *Geslin* ont réuni assez d'admirateurs aux pavillons de la Concorde pour que leur succès ne craigne aucune contestation, et, ce qui

est de notre compétence, nous devons dire que la mode les appuie de tout son pouvoir.

Pl. No 30. 1) Chapeaux en satin broché.—2) Chapeaux en pou de soie.—3) Bonnets de mousseline.—4) Tour de cou en ruban découpé.—5) Sacs en paille et en satin imprimé.—6) Pelerine en batiste brodée.

М О Д Ы.

Споры г-дъ *Attramblé* и *Briot* достигли съ самаго начала того совершенства, къ которому стремились. Опъ перкалевыхъ, прекрасно опъ-ненныхъ, до газовыхъ, разрисованныхъ съ совершенствомъ, ничего нельзя ожидать окончаннѣе опъ живописи для вида, назначенной, чѣмъ быть видимой безъ разматриванія издали и прошивъ свѣта.

Впрочемъ, ничего нѣтъ прелестнѣе свѣта, который проникаетъ въ комнату сквозь спору, согласно опъненную; солнце смягчается, воздухъ терлетъ свою силу; спора замѣняетъ въ тоже время занавѣску, которая, развѣваясь по вѣтру, можетъ разорваться, и тяжелую *жалузи*, спѣну, неприятную для глазъ.

Для деревни еще оставимъ эпопѣ предметъ и перейдемъ къ несравненно полезнѣйшей новости; это желѣзные и мѣдныя кровати. Въ небольшой комнатѣ, въ *комнатахъ для пріятелей*, гдѣ щеголеватость не должна изгонять простоту, что можетъ быть приличнѣе небольшой красивой мебели, легкой и передвижной. Посмотрите на эту кровать молодой дѣвицы. Между множествомъ складокъ бѣлой кисеи, скажемъ даже на кровать щеголихи, возвышающуюся, красиво поддерживая драпери вѣнкомъ, блестящимъ какъ золото въ полированныхъ шрубкахъ. Помощь мѣдныя полоски по четьремъ угламъ, повпорююся въ кругу вѣнка, и украшаютъ, чѣмбы мебель не могла имѣть въ себѣ ничего грубаго и неопдѣланнаго.

Мѣдныя кровати г-на *Geslin* заслужили столько одобренія опъ всѣхъ въ павильонѣ *de la Concorde*, что успѣхъ ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; а что касается до насъ: то мы должны сказать, что мода поддерживаетъ ихъ всею своею силою.

Карп. No 30. 1) Шляпки изъ апласа broché.—2) Шляпки изъ pou de soie.—3) Кисейные чепцы.—4) Шейный уборъ изъ разрѣзныхъ лентъ.—5) Мѣшечки соломенные и апласные.—6) Пелеринка изъ вышитаго батиста.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 82.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Октября 13 дня 1834 года.

Предста! я сказалъ, что ты не хороша;
Что одѣваешься ты со вкусомъ не умѣешь,
Сказалъ, что ты ума ни капли не имѣешь;
Что сверхъ того еще дурна твоя душа;
Сказалъ — а для чего? — Я не запрусь и въ этомя:
Хотѣлъ, для рѣдкости, поспорить съ цѣлымъ свѣтомъ.

П. Сумароковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ТЕОРІЯ И ПРАКТИКА — ДВА ДѢЛА РАЗНЫЯ.

Писатели бранятъ большіе города, но я опытомъ узналъ, что *писатель*, въ то самое время, какъ кричитъ проповѣдь испорченности нравовъ, воды и воздуха въ столицѣ, самъ предпочитаетъ её и южному берегу Крыма и Кіеву, и Софіевкѣ и Архангельскому. Въ многолюдномъ городѣ ему сноснае недоставочное состояніе; его не пристыжаютъ ни за то, что швы фрака его посѣдали отъ старости, ни за то, что онъ обѣдаетъ не у *Луи* за 6 рублей, а у *Палкина* за 40 алтынъ. Всѣ люди ему по плечу: банкиры, негодянты, откупщики, фабриканты ходятъ пѣшкомъ по Невскому проспекту; генералы и сенаторы носятъ шинели на ватѣ; на мнискрѣ и на послѣднемъ его чиновникъ одинакіе мундирные фраки... Житель столицы утопаешь въ волнахъ многолюдства. Въ столицѣ умный человекъ свободенъ заводить себѣ знакомства, независимъ въ выборѣ

друзей; запираетъ двери глупцамъ, не дослушавъ раскланивается съ болтунами. Этого нельзя дѣлать не только въ деревнѣ, но и въ губернскихъ городахъ нашихъ.

Кромѣ сихъ выгодъ, въ Петербургѣ писатель находитъ во множествѣ предметы для размышленія; ежедневныя происшествія обогащаютъ его опытнось; разнообразіе предметовъ столь велико, что есть изъ чего выбирать содержаніе для его сочиненій. Ахъ, я самъ часпенъко побранивалъ жителей Петербурга, за то, что они разспались съ цѣвинными овечками, съ серебряными ручьяками, съ сладкопѣвцами-соловьями; называлъ горожанъ дураками, а теперь, старыи глупецъ, раздѣляю съ ними ихъ дурачества.

Въ мое молодое время, т. е. когда мнѣ было 18 лѣтъ отъ роду, а это было въ 1797 году Христіанской эры, мои ровесники сходили съ ума на *Геснеровыхъ* идилліяхъ, на *Томсоновыхъ* чепырехъ временахъ года, а болѣе всего на жаркихъ, несбыточныхъ фантазіяхъ *Жанъ-Жака-Руссо*. И я увлекался краснорѣчи-

выми парадоксами послѣдняго; переселялся мысленно въ дремучіе Муромскіе лѣса, въ степи Астраханскія, одинъ, съ собственными своими силами и не имѣя ни помощниковъ, ни наставника; самъ удовлетворялъ всѣмъ своимъ потребностямъ. Мнѣ грезилось, что жолуди, орѣхи, коренья и травы—предлагаютъ пищу, опмѣнно вкусную. Я дѣйствительно былъ тогда *прожорю*: желудокъ мой варилъ по гарницу вишенъ съ косточками, по десятку печеныхъ яицъ, и сварилъ бы кусокъ желѣза, какъ спраусовъ. Я не боялся спужи и, еслибъ на то пошло: то рѣшился бы жить въ Камчаткѣ или на Чукотскомъ носу, чтобъ явнишь въ себѣ чловѣкамъ первообразъ, не искаженный типъ чловѣчества (*). До тридцати-лѣшняго возраста, я не носилъ ни чулокъ, ни шубы, и вѣрилъ, что между Оспяками и Курильцами былъ бы совершенно шаспливъ, разорвавъ цѣпи отношеній, приличій, обычаевъ, привычекъ, модъ, мелочныхъ требованій, жеманства, суплящичества, ложныхъ увѣреній въ дружбѣ и почтеніи: сихъ бичей всякаго, пакъ называемаго, благоустроеннаго общества. Развязанный въ моихъ склонностяхъ, я бы удовлетворялъ ихъ, не нарушая законовъ, не вреда ни гордости, ни корыстолюбію себѣ подобнымъ.

Меня спасло твердое благоразуміе моего отца. Когда, возвращаясь изъ Московскаго университета, я проповѣдывалъ вечеркомъ младшимъ сестрамъ своимъ правила *Жанъ-Жака* о свободѣ людей ходитъ на четверецъкахъ, онъ прислушался къ моимъ рѣчамъ и грозно спросилъ меня, гдѣ я начинался таккъ вздорить? Я отвѣчалъ ему, что въ книгѣ *Contract social*. — «А читалъ ли ты грамоту дворянства?» — Нѣтъ! сказалъ я, заикаясь. — «Такъ знай же, что нѣтъ въ мірѣ существа свободнѣе и шаспливѣе Русскаго дворянина. За это онъ обязанъ служить Царю и Отечеству. Черезъ недѣлю я отправлю тебя въ полкъ.»

Меня записали въ военную. Тамъ, научень, на дневань, на ординарцахъ, въ караулахъ,

а попомъ въ походахъ, спычкахъ и сраженіяхъ, размыкалъ я по числу полю не только бредни душевныя, но и половину здоровья плѣснаго. Однако сія потеря была не въ потерю: я познакомился короче съ людьми, болѣзнями, лишениями, наслажденіями, грустью, скукою и мудрыми книгами. О, какъ много скучалъ я, стоя съ своимъ взводомъ въ деревушкѣ, опдаленной верстъ на 50 отъ города, въ курной избѣ, съ пелятами и порослятами, съ копятами и параканами, не имѣя ни ломтя хорошаго ржанаго хлѣба, ни ковша квасу! Тогда-то я увидѣлъ всю нелѣпость ученія *Жакъ-Жакова*, и нашель, что гораздо покойнѣе покупать хлѣбъ у булочниковъ, нежели гоняться по дебрямъ и пустынямъ за зайцами; убѣдился, что портной и сапожникъ люди необходимые, что поваръ необходимѣе ихъ обоихъ, что просвѣщенному чловѣку мало удовлетворенія первыхъ жизненныхъ потребностей, что ему пужны писатели, которые бы заставляли его плакать и смѣяться; споляръ, который бы сработалъ ему, по его заказу, мѣбели; кондитеръ, у котораго можно бы заирать славные пирожки и паштеты, и всего болѣе, всего необходимѣе общество людей пріятныхъ, вѣжливыхъ и умныхъ.

Это заставило меня смотрѣть на сподличную жизнь совѣмъ иначе и удостовѣриться, что самый бѣдный горожанинъ пользуется болѣею свободою и выгодами жизни, нежели самый богатый деревенскій житель, которому нельзя имѣть подъ руками искуснаго медика и хирурга, закупать для спола произведенія пяти частей Свѣта, и которому надобно проскакать въ морозъ 20 верстъ, чтобъ составить партію въ вистъ, или поговорить о господинѣ *Тери*, о *Родиль* и *Кауреву*.

По заключеніи Парижскаго мира я оставилъ службу и посвянилъ себя словесности, рѣшась доживать свой вѣкъ въ Рязанской деревнѣ, и только изрѣдка заглядывать въ Москву. Я построилъ себѣ домикъ, началъ разводитъ садъ; но зимою скука меня одолѣла... безконечные вечера, вьюга—иногда шрое супокъ продолжающаяся, опшельничество....

(*) Украдено у господина *Полеваго*.— В.

Про жизнь пустынную, какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способнѣ жить не всякой.

Мнѣ пришло было въ голову основаться въ Москвѣ; но въ ней все уже, послѣ славнаго пожара, переѣнилось: *Карамзинъ, Жуковский, Батюшковъ*, князь *Вяземскій* переѣхали въ Петербургъ; библиотеки сгорѣли, типографіи упали и меркантильность замѣнила прежнюю роскошь, гостепріимство и радушіе.

Я поселился въ Петербургъ: хожу въ церковь, посѣщаю академіи, театры, арміажа, кунцспѣ-камеру, ботаническій садъ, магазины, беру книги изъ общественныхъ библиотекъ, живу въ хорошемъ обществѣ, свѣлъ пріятныя знакомства съ художниками, сдружился со всѣми извѣстными литераторами; по средамъ засѣдаю на литературныхъ вечерахъ у ветерана нашей словесности графа *Д. И. Хвостова*, или у *П. А. Плетнёва*, по четвергамъ въ многочисленномъ вечернемъ собраніи у *Н. И. Греча*, гдѣ нерѣдко слышу плѣнительные концерты лучшихъ музыкантовъ столицы; по пятницамъ у *А. В. Никитенки*, профессора и литератора, въ недѣлю разъ у полковника *В. И. Карлгофа*, или у *П. А. Лихачева*; оставаясь же дома, обдумываю, читаю, пишу, печатаю. Спашья, копорую вы прочитали пеперь, служилъ пому явнымъ доказательствомъ.

Павелъ — ii — ii.

А Ф О Р И З М Ы М О Д Ы.

Воспитаніе свѣтскихъ людей такъ одинаково, что они какъ будто всѣ являются на свѣтъ съ одною маскою на лицѣ.

Люди обыкновенно болѣе довольны своимъ сердцемъ, нежели умомъ: полезное припворство.

Вѣжливость есть искусство нечувствительно оковывать самолюбіе во всѣхъ его видахъ.

Женщины обязаны мужчинамъ своими недоспапками, своими проспулками и даже кокепспвомъ.

Противорѣчіе есть испытаніе, которому подвергаются иногда умы: эпо значилъ спучапья у дверей, чтообы узнать, еспь ли кто нибудь въ домѣ.

Благоразумная женщина никогда не должна выходить за мужъ безъ согласія своего разсудка и безъ желанія сердца.

Игральныя карты по справедливости можно называть глупѣйшимъ изобрѣшеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не согласиться, что онѣ препятствуютъ говорить и дѣлать многесиво другихъ глупостей; такимъ образомъ духъ общества дѣлаешь необходимыми самыя безполезныя иельности.

Приходи идушь слѣдомъ за красотою, чтообъ излечивать раны, коихъ она можетъ быть причиною.

По большой части въ свѣтскомъ кругу не говорятъ дурнаго только о томъ, кто является иуда первый и уходитъ послѣдній.

Многія женщины большаго свѣта, подобно остроумцамъ, предпочитаютъ худую молву о себѣ спыду равнодушія пли забвенія.

Свѣтскость можетъ сдѣлать глупца учпивымъ, а польза общества пребуешь, чтообы глупецъ былъ по крайней мѣрѣ учпивъ; но знаніе общественныхъ опношеній (égards) еспь вѣжливость умныхъ людей.

ПРОСТОДУШНОЕ ЖЕЛАНІЕ.

Въ одномъ обществѣ долго разговаривали о великомъ патриотизмѣ Тиролецевъ и о рѣдкой привязанности ихъ къ Авспрійскому дому. Съ воспоргомъ воскликнулъ наконецъ одинъ изъ гостей: «Такъ, Тиролецы великій народъ!» — Мальчикъ плпши лѣпъ, который все сіе слушалъ со вниманіемъ, обрапья къ опцу своему, сказалъ: «Ахъ, любезный папнпка, какъ-бы желалъ я сдѣлаться Тиролецемъ!»

И Д Ё Т Ь , Н Е Й Д Ё Т Ь .

Князю *Потемкину* очень хотѣлось, чтообы чертоги его (нынѣ Таврическій дворець) скорѣе были доспроены, но управитель его бралъ деньги на маперіалы, клалъ ихъ въ свой карманъ — и спроеіе шло медленно. Однажды князь, осмапривал зданіе, сказалъ: «Денегъ у меня *выходитъ* много, а домъ *нейдетъ* къ верху.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

ХОРЪ ПѢСЕННИКОВЪ

купца 1-й гильдии В. Г. Жукова

на праздникъ

29-го Апрѣля 1834 г. (*).

(Письмо къ приятелю въ Карлсруэ.)

Великолѣпный, малопримѣрный праздникъ, данный С. Петербургскимъ дворянствомъ Его Императорскому Высочеству, Великому Князю, Наслѣднику *Александру Николаевичу* 29-го Апрѣля 1834 года, по случаю вступленія Его Высочества въ совершеннолѣтній возрастъ, конечно будетъ жить изъ вѣка въ вѣкъ въ памяти Россіянъ: онъ запечатлѣнъ любовію къ Отечеству, къ Престолу. Перо поэтическое, живое, огненное, должно было-бы излить на бумагу всѣ тѣ чувствованія, кои полнились въ душѣ при видѣ этаго величественно-умиленнаго зрѣлища. Нѣкоторыя подробности того, какъ сіе торжество происходило въ мра-

(*) Спранна судьба этой статьи: она началась съ простаго дружескаго письма, писаннаго, безъ всякихъ приплатаній на авторство, однимъ молодымъ человѣкомъ къ приятелю его, живущему въ чужихъ краяхъ уже болѣе года, всегда съ живѣйшимъ удовольствіемъ получающему вѣсточку съ родной стороны. Онъ восхитился энимъ чистымъ проявленіемъ народности, во всей красотѣ своей, и захотѣлъ непременно подлиниться съ отечественною публикою, тѣми впечатлѣніями, какія статья сія произвести можетъ, и потому, переписавъ ее тщательнѣе, послалъ къ приятелю въ Петербургъ съ другимъ приятелемъ, для напечатанія въ такомъ журналѣ, гдѣ-бы не забавлялись призраками и фантазіями, гдѣ-бы не ходили на голы, гдѣ-бы не было воспорженныхъ описаній багачановъ и сухихъ объявленій о томъ, что дѣлаютъ отечеству безсмертную славу и проч. Писавшій письмо, удивясь снисходительности заграничнаго своего друга, ужаснулся при мысли, что его письмо напечатано въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ писалъ къ другу, взявъ будущую статью для исправленія и убы, — захворалъ, пролежалъ болѣзнь, и статья пролежала: онъ въ кровати, она въ бюрѣ, и наконецъ, вотъ только въ Октябрѣ мѣсяцѣ явилась въ такомъ журналѣ, въ какомъ желалъ ее видѣть Карлсруэскій патриотъ-водоносъ. (*Приписка доставителя статьи.*)

морныхъ спѣнахъ черпоговъ его высокопревосходительства *Д. М. Нарышкина*, уже извѣсны, чрезъ частныя листы, той части публики отечественной, которая не имѣла возможности, скажу даже наслажденія, видѣть сіе торжество изящное, полное поэзіи высокой, вдохновительной, — но и внѣшность: улицы, берега Фонтанки, самая Фонтанка, представляли очамъ и сердцу Русскому много сладостнаго. Народъ кипѣлъ, алча насладиться лицедрвіемъ Тѣхъ, опъ манія Коихъ существуетъ, жизнь Коихъ живетъ, радостями Коихъ радостенъ. — Народъ Русскій былъ веселъ какъ ребенокъ, и глаза и чувства всѣхъ устремлялись на Батюшку Бѣлаго Царя и на православную Матушку Царицу, подарившихъ Россіи юнаго Надѣжу-Царевича, котораго, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, у священнаго наоля приносили приеягу вѣрности Царю и Отечеству. Двадцать девятое Апрѣля 1834 года есть конечно одинъ изъ лучшихъ дней въ жизни Русскаго народа, день вѣчно памятный. Вотъ почему всякое воспоминаніе о семъ праздникѣ никогда не поздно, и здѣсь намѣренъ я высказать то невыразимое, то истинно Русское впечатлѣніе, которое имѣло на меня въ сей день явленіе новое, оригинальное, живое, одухотворяющее въ себѣ народъ и народность. Явленіемъ симъ мы обязаны именитому гражданину, достопочтенному *В. Г. Жукову*, имя котораго употребляется, какъ имя предсавельствующее почти во всемъ честномъ, благородномъ, словомъ, во всемъ, что пахнетъ Русскимъ духомъ. Всѣмъ извѣстно, изъ двухъ статей о *Жуковѣ* и о его заведеніи, помѣщенныхъ въ Сѣверной Пчелѣ въ 1832 и 1834 годахъ (*) однимъ изъ соудниковъ сей газеты, по видимому истиннымъ Русскимъ, какимъ-то г. *Владиміромъ Бурнашевичемъ*, что *Жуковъ* изъ своихъ фабричныхъ образовалъ, нечаянно, единственнѣе лишь забавляясь, превосходный хоръ Русскихъ пѣсенниковъ, хоръ полный жизни, души, поэзіи; хоръ,

(*) И еще весьма недавно, о праздникѣ, данномъ имъ Прусскимъ Офицерамъ, сподвижникамъ нашего *Александра Благословеннаго*. — В.

который нынѣ ѣздять слушать бояра и вельможи, Русскіе по сердцу; хоръ, обратившій на себя даже Высочайшее вниманіе Государя (*). *Жуковъ* предъ знаменитымъ праздникомъ исходатайствовалъ позволеніе своимъ пѣсенникамъ принять участіе въ общемъ веселіи, и принести свой лептъ на алтарь народной радости и признательности. Распорядители праздника, принявъ съ удовольствіемъ такую гомоноспь почтеннаго гражданина, содѣйствовали ему своими средствами: *Жукову* былъ данъ 24-хъ весельный, великолѣпный каперъ, для помѣщенія его пѣсенниковъ. Въ 7-мъ часовъ по полудни, изъ дома *Жукова*, находящагося на берегу Фонпанки, между Чернышевымъ и Семеновскимъ мостами, — вышли стройнымъ рядомъ прищипаныхъ молодцовъ, румяныхъ и пригожихъ, одѣтыхъ въ красныя рубахи, въ тонкія синія сибирки на опашь и въ чѣрныхъ пуховыхъ шляпахъ на бекрень, сѣли въ каперъ, и народъ, унизывавшій берега Фонпанки, зарукопескалъ и возрадовался; да и какъ Русскому не радоваться, глядя на цвѣтъ своихъ единоземцовъ? Випь это всё уроженцы Великороссійскихъ родимыхъ губерній, всё лихіе парни. Между ними отличался запѣвало *Михайло*, сущій Баянъ-Соловей.

Не слыхавъ *Жуковскихъ* пѣсенниковъ, или *Жуковцевъ*, какъ ихъ называютъ въ Пиперѣ, трудно повѣрить, чпобы могло быть что либо совершеннѣе въ этомъ родѣ: кажется, будто одинъ человекъ поѣтъ пѣсню

(*) Съ нѣкотораго времени пѣсенники *Жукова* сдѣлались необходимою принадлежноспію бенефисныхъ успѣховъ, равно какъ загородныхъ даже высшаго тона удовольствій. Это нововведеніе старины родной не можетъ не радовать насъ опчинолюбцевъ, и повѣрше, что это не вредитъ вкусу, а напрошивъ облагоуживаетъ его, дѣлая ему доступнымъ національный пошнзмъ, въ которомъ конечно высочаго и нѣжнаго не менѣе, чѣмъ у *Бозльде* и *Россини*, ежели не боже. Пѣсенники *Жукова* дѣлаются нынѣ споль же извѣстны у насъ въ Сѣверной Пальмирѣ, какъ былъ нѣкогда *роговой оркестръ*, нынѣ со славою путешествующій по чужимъ краямъ. (*Примѣг. доставшаго статью.*)

ровно, гладко, сладко, пріятно. Это сама гармонія! — Прибывъ къ тому мѣсту, гдѣ пылали вепзловыя изображенія Высокихъ Виновниковъ празднества, эти прищипаныхъ прекрасныхъ голосовъ грлнули извѣстный народный гимнь, сочиненный В. А. *Жуковскимъ*, положенный на музыку А. О. *Львовымъ*. Сей гимнь всегда находить отголоски въ каждомъ Русскомъ сердцѣ:

Боже, Царя храни!
Сильный, Державный,
Царь православный,
Царствуй на славу намъ,
Царствуй на спрахъ врагамъ!
Боже, Царя храни!

Попомъ пѣли прекрасную пѣсню, слова коей сочинилъ также безсмертный нашъ *Жуковский*, съ которымъ впорипъ вся Русь:

Многи лѣта, многи лѣта!
Православный Русскій Царь,
Сспроемъ спаньше, пѣсню грanshipе
Про Царя и про народъ.

*

Царь Державный, Русью славный,
Правъ на славу въ родъ и родъ.
Были годы, непогоды
Подымались и на насъ;
Съ громомъ брани въ наши грани
Тѣмный врагъ обѣгалъ не разъ.

*

Но проспудся, развернулся
Нашъ Орелъ вождемъ полковъ,
Свѣпъ дивнпся, Русь горднпся
Славою дѣдовъ и сыновъ.

*

День Полпавы, — праздникъ славы,
Измаилъ, Калугъ, Рымникъ,
Бой Московскій, взрывъ Кремлевскій
И въ Парижѣ Русскій шпыкъ.

*

За Балканомъ, Русскимъ спаномъ
Успрашенный спарый врагъ,
И въ ограду Цареграду
На Босфорѣ Русскій флагъ.

*

Величайся-жь, Русь святая!
Славься доблестный народъ!
Отъ Камчатки до Дуная
Наше все, и все поёмъ.

*

Многи дѣла, многи дѣла!
Православный Русскій Царь.

Громкій восторгъ, шумныя рукоплесканія
были общимъ опкликомъ народной радости,
а *Жуковцы* пропѣли новую кантату, на-
рочно для сего сочиненную актѣромъ Санкт-
петербургскаго Императорскаго Театра
Сибиряковъмъ:

День насталь благословенный,
День желанный споль для всѣхъ,
Царскій домъ, для насъ священный, а
Пожонь радостей, ушѣхъ.

*

Въ возрастѣ новый, Князь-Надѣжа
Къ общей радости вспунилъ,
Спаль для насъ еще дороже, а
Всѣ надежды оживилъ!

*

День желанный прославляемъ,
И пируемъ всей душой,
Всю Россію поздравляемъ
Съ новой щасливой судьбой!

*

Веселись же вся Россія,
Веселись нашъ Царь-Опець,
Въ Чадахъ,—небеса благія
Твой украсили вѣнецъ!

*

Раздавайтесь наши клики,
Вознесися къ Небу гласъ!
Сохрани Ты, Богъ Великій,
Цесаревича для насъ!

*

Пусть онъ въ славу неизмѣнной
Равень предкамъ будетъ вѣкъ,
Какъ Родитель несравненный,
Будетъ — Царь и человекъ!....

Всѣ молчало, всѣ внимало при этомъ пѣ-
ніи. Опдавъ долгъ сему порожеству пѣсня-

ми величественными, наши молодцы запя-
нули пѣсню другую, совершенно народную,
совершенно понятную всѣмъ классамъ пуб-
лики, пѣсню бѣглую, живую, просную; —
слова того же автора — вопль она:

Нупко, Жуковскіе хваты!
Не опспанемъ опъ другихъ:
Дружно грянемъ, ребята,
И почтимъ Царей своихъ!

*

Намъ не нужно словъ кудрявыхъ,
Чувства сердца изъяснимъ,
Мы прудимся не для славы,
Но Царю чпобъ угодить.

*

И Цариць милосердной
Ради жизнью доказашъ,
Чпю дворянства жаръ усердной
Мы гошовой раздѣляшъ:

*

Здѣсь боляръ сердца опкрышъ,
Намъ примѣръ даюшъ собой:
Какъ почтимъ день знаменитый,
И прославимъ всей душой.

*

И сколь можемъ, всеусердно
Рады преданность явимъ,
Лишь бы Царь нашъ милосердной
Удостоилъ взоръ склонить.

*

Мы увѣрены, чпю въ свѣтъ
Царь - Опець — Небесный даръ!
У Россіанъ всѣхъ въ предмѣшъ
Богъ, — и добрый Государь!

*

Съ каждымъ днемъ мощишвы наши,
Царь Небесный, ихъ внемли!
Пусть врагамъ Онъ будетъ спрашенъ,
Намъ Онъ, — Ангелъ на земли!....

Какъ шумъ много Русскаго! — Какъ эпо
прямо влепаешъ въ сердце Русское, какъ
эпо его распахиваетъ! — Попомъ *Жуков-*
цы, при звукахъ рожка и шарелокъ, гремѣли
пѣсни проспонародныя, *залихватскія*, какъ
говорилъ въ своихъ сочиненіяхъ нашъ со-
бенка—генераль И. Н. *Скобелевъ*. Эпи пѣсни

были верхъ поржества, и возбудили до высшей степени общій восторгъ: всё трепетало, гикало, опть развеселенія, радушнаго, привольнаго, своего Русскаго. — Въ народѣ слышны были восклицанія: «Ай да *Жуковцы*, ай да молодцы! — Ай да *Василь Григорьевичъ*, исполопъ ему!» — Люди по образованнѣ припоминали одинъ другому спатыи Сѣверной Пчелы и съ особеннымъ удовольствіемъ рассказывали анекдоты, какъ изъ чудной жизни *Жукова*, такъ и о благодѣтельныхъ его подвигахъ. Тутъ много нашлось и такихъ особъ, копорыя получивъ опть *Жукова* значительныя услуги, будучи даже имъ извлечены изъ бѣдспвеннаго положенія, хвастались пѣмъ расположеніемъ, копорое онъ къ нимъ имѣеть, и распахивали свою душу, копорую, не въ эптомъ случаѣ, бытъ можеть, держали-бы крѣпко въ охабкѣ, какъ говорить одинъ поэтъ-простолюдинъ. — Безусловно преданный своимъ Владыкамъ, *Жуковъ* былъ вполне вознагражденъ за свои чувства и усердіе: онъ былъ приглашенъ въ числѣ немногихъ почтеннѣйшихъ гражданъ и имѣлъ щастіе бытъ лично на семь праздникъ Россіи. Настало уже утро свѣтлое, весеннее утро, былъ пятый часъ по полуночи, и тогда лишь *Жуковцы* отправились обратно домой, богатые сладостными воспоминаніями сего прекраснаго дня. Они вспрѣчены были своимъ опцемъ-хозяиномъ и привѣтствовали его новыми пѣснями. На другой день они опдохнули, на препій снова принялись за табачное производство, копорое на фабрикѣ г. *Жукова* идетъ всё съ одинаковымъ совершенствомъ, съ успѣхомъ неимовѣрнымъ, и конечно всегда будетъ продолжаться такимъ образомъ къ пользѣ Россійской промышленности: ибо *Жуковъ* готовить въ юныхъ сыновьяхъ своихъ не пемиметровъ, а добросовѣстныхъ смышленыхъ купцовъ и фабрикантовъ, копорые будутъ знать свое дѣло, и не попустятъ погибнуть достоянію, копорое отецъ ихъ приобрѣлъ трудами рукъ своихъ и умомъ гениальнымъ.

Русскій отгизнолюбецъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

И. П. Г. К., КОГДА ОНЪ БЫЛЪ ПОМОЛВЛЕНЪ НА П. Г. ТИШИНОЙ.

Любви разумный убѣгаетъ;
Любовь какъ буря, такъ спрашна;
О, щаспливъ, кто не забываетъ,
Что намъ полезный *тишина!*

Но ты, мой другъ, хопъ ей подвластень,
Хопя въ тебѣ она сильна,
Я не дивлюсь, что ты спалъ спрашенъ:
Тебя плѣшила *Тишина*.

Любовь сія тебѣ для щастья
Опть благости небесъ дапа:
Съ шобой средъ ведра, средъ пенасыл,
Всегда пребудеть *Тишина*.

Вкушай блаженство безмялжежно,
На вѣкъ имъ часъ швоя полна:
Оно шѣмъ швердо, шѣмъ надежно,
Что въ немъ виною *Тишина*.

Предъ цѣлымъ свѣтомъ изъявляетъ
Свою любовь къ тебѣ она,
И для тебя перемѣляетъ
Себѣ названье *Тишина*.

Да будетъ вашими сердцами
Любовь на вѣкъ сохранена!
Да царствуютъ всегда межъ вами
Согласье, миръ и *тишина!*

Усолецъ.

Ж Е Л А Н І Е.

Я видѣлъ дѣвы молодой
Обворожительные взгляды;
Я слышалъ голосъ не земной,
И рѣчи, полныя услады;
Какъ ангелъ звѣздной высоты,
Она величіемъ сіяла,
И блескомъ чистой красоты
Невольно сердце попрысала...
Я помню шелкъ ея кудрей—
О, если-бъ вновь, душъ опрадный,
Блеснулъ лучъ ангельскихъ очей
И образъ дѣвы ненаглядный.

Ш А Р А Д А.

Мы первое тогда употребляемъ,
Когда отдашь кому какую вещь желаемъ.

Второе пы въ грамматикѣ найдѣшь
И въ зоологiи—лишь книгу развернёшь;
А шлюе вездѣ: у Англичанъ, у Грековъ,
У Турокъ, у Татаръ, у Нѣмцовъ, у Славянъ,
Французовъ и Дапчанъ, и даже у Цыганъ
Есть множесиво одной породы челоуковъ.

Въ No 81-мъ, помѣщенная шарада значить: *Vertige*.

М О Д Е С.

Voici déjà les belles et riches nouveautés qui se déploient au magasin *Sainte-Anne*; nous voyons les soiries d'automne briller d'un éclat tout nouveau.

Disons d'abord les *satins Walter-Scott*, carreaux écossais, comme on le devine aisément, et qui se varient à l'infini, depuis le petit damier bleu et noir, vert et violet, large de deux lignes, jusqu'à l'immense *Marie-Stuart*, dont quatre carreaux suffisent pour couvrir une largeur de trois quarts; sur le fond de deux couleurs se détache une ligne croisée, semblable à un ruban étroit, rouge, bleu, jaune, qui diviserait une étoffe damassée. Les *Quentin-Durward* sont plus simples quoique fort riches aussi; du moins ils peuvent se porter en demi-toilette de jour, tandis que les autres sont des toilettes du soir. Nous en avons admiré un choix magnifique qui faisait partie d'une corbeille peu nombreuse, mais parfaitement choisie de M. *Delisle*. Les carreaux *Quentin-Durward* sont purement écossais; à une couleur dominante, bleu-marin, vert foncé, marron, se mêlent en confusion mille lignes éclatantes. En demi-toilettes encore nous avons les *pous de soie* à fleurs de *satins croisés*; fond uni, très-fort, travail peu brillant et sans éclat: nous avons eu peu d'étoffe aussi belles que ce pou de soie riche et distingué. Les fleurs satinées brillantes que l'on connaît ne donnent nulle idée de ceci, infiniment de meilleur goût pour une robe de ville que les autres, robes du soir, destinées aux lumières. Les fleurs en satin croisé ont de plus l'immense avantage de s'effiler moins promptement au toucher que celles à longs points, et par conséquent de mieux convenir aux toi-

lettes et aux personnes simples. Nous désignerons particulièrement une pièce chevreuil à ramages de roses et jasmin, couleur sur couleur, vraiment ravissante.

М О Д Ы.

Вопъ уже прекрасныя и дорогія новоспи, появляющіяся въ магазинѣ *Sainte-Anne*: мы видимъ осеннія шелковыя матерiи, блестящія новымъ блескомъ.

Назовемъ прежде апласы *Walter-Scott*. Шотландскія клѣпки какъ легко можно угадашь, въ кошорыхъ удивительное разнообразіе, отъ самыхъ мелкихъ шахматовъ голубыхъ съ чернымъ, зеленыхъ съ фиолетовымъ, шириною въ двѣ ливіа, до огромныхъ *Marie-Stuart*; чепыре клѣпки достачочны покрышь ширину прехъ чепвершей; на двухъ-цвѣтномъ груншѣ отдѣляется кипорная полоса, походящая на узкую леппу, красная, голубая, желтая, копорая раздѣляла бы камчатную матерію. *Quentin-Durward* проситье, хопя также весьма богатые; по крайней мѣрѣ ихъ можно носить въ полу-нарядѣ днемъ, между тѣмъ какъ тѣшь полько для вечерняго наряда. Мы удивлялись великолѣпному выбору, составлявшему часть приданого небольшого, но выбраннаго съ опличнымъ вкусомъ. Клѣпки *Quentin-Durward* настоящія Шотландскія, съ однимъ господствующимъ цвѣтомъ, голубой-морской, темнозеленый, кашпановый, перемѣшиваются безъ порядка разноцвѣтными блестящими полосками. Въ полу-нарядѣ у насъ есть еще *pou de soie*, съ кипорными апласными цвѣтами; груншъ гладкой, весьма плотный, работа не видная и не блестящая: у насъ мало было такихъ прекрасныхъ матерiй, какъ эпотъ опличный и богатый *pou de soie*. Извѣстные апласные блестящія цвѣпы не подають объ эпотъ ни малѣйшаго понятія, несравненно въ лучшемъ вкусѣ прошивъ тѣхъ для городскихъ плашьевъ, вечернихъ плашьевъ, надѣваемыхъ при свѣчахъ. Цвѣпы кипорнаго апласа имѣють большую выгоду, не такъ порпящя отъ допрогиванія, какъ настоящія апласные, и потому несравненно приличнѣе простымъ нарядамъ и особамъ, любящимъ простоту. Мы особенно укажемъ на одну шпуку цвѣта chevreuil, съ разводами изъ розъ и жасминовъ, одного цвѣта по другому: испинно прелесно.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 83.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Октября 17 дня, 1854 года.

Смогрише, виноградъ кругомъ меня какъ вьеша!

Какъ любить мой полуиспѣвшій пень!

Я нѣкогда ему давалъ отпрудну тѣнь;

Завяль: но виноградъ со мной не разспадется.

Зевеса умоли,

Прохожій, если ты для дружества способенъ,

Чтобъ другъ пивой мосму былъ нѣкогда подобенъ,

И пепель пивой любилъ, оставшись на земли.

Батюшковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПОМѢШАННЫЙ НА ЛУНѢ.

Мой докторъ ѣздитъ къ своимъ больнымъ всегда съ полнымъ запасомъ новостей.—Онъ живая газета, журналъ, составленный изъ крови и тѣла.— Иногда онъ и лжетъ; но это не мѣшаетъ въ нашъ вѣкъ... только правду нигдѣ не любятъ, а ложь терпятъ по необходимости.— Докторъ недавно сказалъ мнѣ, что между его больными есть одинъ сумасшедшій, который воображаетъ, что онъ луна.

Этотъ чудакъ солнце почитаетъ своею женою, а всѣ звѣзды своими дѣтьми.— Впрочемъ, онъ очень смиренъ и никому не дѣлаетъ зла; но бѣсится тогда только, когда зажигаютъ на улицахъ фонари.

«Проклятые фонарщики!»— кричатъ всякій вечеръ мой сумасшедшій, глядя въ окошко: «зачѣмъ вы зажигаете фонари?—Что за роскошь?—Развѣ вы ослѣпли, и не видите,

что я освѣщаю столицу;—я луна, повѣшенная Богомъ на тверди небесной.— Сей часъ гасите фонари, и не жгите напрасно масла!» Иногда наша луна такъ свирѣпствуетъ, что пого и гляди, какъ выскочитъ изъ окошка, и начнетъ валять по замылку всю фонарную пѣхопу.

Нашъ чудакъ, также какъ и луна, имѣетъ свои четыре четверти.

При новолуніи онъ пребудетъ, чтобы Жиды поклонялись ему какъ идолу;— но Жиды и понятія не имѣютъ объ этой доморощенной лунѣ, а потому этотъ сумасшедшій особенно ненавидитъ Жидовъ.

Онъ собралъ всѣ стихотворенія, написанныя въ честь луны нашими романщиками: это составило весьма порядочную библіотеку въ 6,000 томовъ.—Всѣ сіи стихотворенія, какъ двѣ капли воды, похожи одно на другое.

«Вездѣ или призываютъ, или прославляютъ меня,» говоритъ мой сумасбродъ. «Слушайте,» и начинаешь громогласно произносить стихи:

Приди грустнись со мною,
Луна, печальныхъ другъ!

*

На тѣмно-голубомъ зѣирѣ
Златая плавала луна.

*

Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышетъ въперокъ, уснувшій на листахъ

И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плывешь въ серебряныхъ облакахъ.

*

То въ сумракѣ вечера,
Когда златорогая
Луна изъ за-облака
Надъ рощею выглянешь...»

*

Не дождавшись конца, я запыхаю уши и выбѣгаю вонь.

«Вчера»—сказалъ мнѣ докторъ—«я поспилъ своего сумасшедшаго, и щупая у него пульсъ, спросилъ:

«Какъ вы себя чувствуете, любезный мѣсяцъ?»

— Худо, *Каспаръ Францовичъ!* — отвѣчалъ больной.

«Почему? Вѣрно у васъ бессонница?»

— Во всю ночь ни на мнуну не закрывалъ глазъ. —

«Да почему такъ?»

— А вотъ видите ли—въ календарѣ напечатано: луна свѣтитъ опъ 9 часовъ вечера до 5-ти утра. —

«Да, это правда! Къ чему у васъ опотъ черный флеръ?»

— Имъ покрою я свое лучезарное лицо. —

«Зачѣмъ?»

— Да развѣ вы не знаете, что завтра будетъ лунное затмѣнїе; посмотрите въ календаръ. —

«Экой забавникъ; да такой характеръ наслощїй кладъ для нашихъ писателей 14 класа!» сказалъ я: «Отдайте имъ на про-

кашъ опаго сумасшедшаго, *Каспаръ Францовичъ*—наши *Скрибы* накропятъ изъ него дюжину водевилей въ подарокъ Петербургскимъ бенефицианткамъ. Они вѣдь денегъ не берутъ за эфемерныя сочиненїя, которыя умираютъ скоропостижно и, часто, при первомъ предспавленїи.

Кругликовъ.

ХВАСТУНЪ ВЪ ДАЛЬНОЙ ГУБЕРНІИ.

Радугинъ, между самыми высокими своими достоинствами поспавляетъ по, что онъ въ Москвѣ родился, въ Москвѣ выросъ, въ Петербургѣ служилъ, въ Москвѣ соспарѣлся, и припомъ былъ постояннымъ дѣйствительнымъ членомъ Благороднаго собранїя, Англїйскаго клуба и Скаковаго общесства, вѣчно имѣлъ годовыя кресла въ театрѣ и не пропустилъ ни одного гулянья ни подъ Новинскимъ, ни подъ Дѣвичьимъ, ни на Трѣхъ горахъ, ни въ Марьиной рощѣ, ни во Всесвятскомъ, ни на Нѣмецкихъ спанахъ.

Въ прошедшемъ году ему случилось быть у насъ въ Саратовѣ: онъ говорилъ только объ одной Москвѣ; сравнивалъ наши привычки и обычаи съ сполчными, находилъ спраннымъ всё, что хопя на вершокъ опъ нихъ опспупало; ему весьма хопѣлось, чтобы весь Саратовъ преобразился ему въ угоду. Онъ говорилъ о Дворѣ, какъ царедворецъ; о писателяхъ, какъ будто бы всѣ они друзья съ нимъ; о высшихъ обществахъ, какъ будто бы онъ первенствовалъ въ нихъ. Онъ переписывается съ министрами; у него просятъ совѣта члены Государственнаго Совѣта; онъ пользуется уваженїемъ, извѣстностью; для него открыты мѣшки съ червонцами банкировъ. По его мнѣнїю, только въ Москвѣ и Петербургѣ живутъ люди просвѣщенные, съ дарованїями, знающїе обращенїе и хорошїй тонъ.

И онъ не стыдился говорить это передъ людьми спарыми, заслуженными, образованными, которые *видали виды*, и передъ такиими, которые *на обухъ рожь молотятъ и зерна не уронятъ*, и передъ такиими, которыхъ *въ ступь пестолы не попадешь*. Чудное дѣло!

Или онъ всѣхъ насъ щипаль пошлыми дураками, или спрась выдавать себя за челоуѣка значительнаго ослѣплла его; но онъ до того однажды забылся, что смотря съ балкона на пышную и величавую Волгу, вскричалъ: *«Волга порлодогола рѣка для гурбернскаго города.»*

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛѢТНЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Россіяне издревле слыли пажоными; они веселятси по Воскресеньямъ — въ воспоминаніе воскресенія Спасителя міра, Господа *Иисуса Христа*, и не занимаютси работою, въ воспоминаніе того, что Творецъ, создавъ въ шесть дней вселенную, опочилъ въ седьмой. *Моисей*, предавшій намъ сіе въ книгѣ Бытія, былъ и боговдохновенный пророкъ, и мудрецъ, искущенный въ школѣ опыта и природы. — Еще недавно Европа имѣла случай удостовѣриться, что *седьмой* день, по естественному порядку, назначенъ для отдыха: ибо, когда переворотные Французы, все дѣлавшіе *опрокидью*, издали постановленіе, чтобы недѣлю составляли десять дней (*décade*) и чтобы послѣдній день былъ днемъ отдыха: то воли и лошади отказались отъ исполненія сего декрета; ихъ силъ не достало на девять рабочихъ дней сряду. Седмица оспалась седмицею, на перекоръ народнаго собранія, комитета общественаго благосостоянія, директоріи и консуловъ.

Цареградскій Императоръ *Константинъ* первый повелѣлъ чествовать воскресный день спокойствіемъ душевнымъ и шѣлеснымъ, пишиною и молитвою. Но люди... О лучшемъ изъ нихъ можно сказать: еще беззаконія назриши, Господи! кпо постоитъ? Каждый изъ насъ съ дѣтства затвердилъ, какъ Всевышній предъ глазами Израильтянъ сотворилъ чудеса въ землѣ Египетской: разсѣкъ море—и провѣлъ ихъ, воды поставилъ спѣлою; велъ ихъ днемъ подъ облакомъ, и во всю ночь при свѣтѣ огня; разсѣкалъ

кампъ въ пуспынѣ—и поилъ, какъ изъ великой бездны; но они не сохранили завѣпа Божія, продолжали грѣшить — и огорчашъ своего Создателя. И что же? Въспо поного, чпобы симъ примѣромъ научитси, исправитси, мы всѣ подобны Израильтянамъ, вѣпрены, легкомысленны, забываемъ благодѣанія Божіи и данные Ему обѣщанія. И у насъ Христіанъ пыпливость, спрась къ перемѣнамъ, къ повизнѣ, непослушаніе и легкомысленность—наслѣдственны: ибо мы потомки *Адама* и *Евы*. Еслибъ Императоръ *Константинъ* сказалъ своимъ подданнымъ: «вы должны работать *въ седьмой* день.» Они спояли-бы поджавъ руки и сложа нога на ногу. Онъ сказалъ: «опдыхайте!» И они помолясь *поутру* Богу, все оспальное время дня ѣдятъ, пьютъ, поютъ, гуляютъ до упада, и рады заплясать до смерти.

Отъ царствованія сего монарха до насъ духовенство и градоправители наказывали непослушныхъ, осмѣливавшихся заниматьси въ воскресный день работою. — Теперь это предоставлено совѣспці.

Рано упромъ сидѣлъ я въ своемъ пайникѣ (кабинетѣ), лубуясь новомоднымъ арха-лухомъ; косою воротъ красной Русской рубашки на распашку, когда вошелъ ко мнѣ *В. П. Б.* и, послѣ неизбежнаго вопроса о здоровьѣ, спросилъ: «Чѣмъ ты занимаешься?» Я намѣренъ описать времяпровожденіе Петербургскихъ жипелей въ лѣтнее Воскресенье. — «Пиши, въ добрый часъ! Зачѣмъ же спало дѣло?» — Я хотѣлъ было подражать *Жуи*, да баронъ *Браибеусъ* спрожайше запрещаетъ. — «Такъ подражай самому барону.» — Рѣшился было, да не могу. Вопъ видишь ли! Я Москвичъ и не въ состоиціи ни писатъ, ни говорить такимъ какъ онъ ломанымъ, исковерканнымъ Русскимъ языкомъ. Баронъ объявилъ, что онъ терпѣть не можетъ логики, а я съ измаленька слѣпо её придерживаюсь. — «Ты чудакъ, ты сумасшедшій!» вскричалъ *В. П. Б.* «Барона читаешъ цѣлая Россія съ жадностью, съ наслажденіемъ. Его фантастическія путешествія разошлись въ при недѣли; на журналъ, въ которомъ баронъ принимаетъ уча-

спіе, 5,000 подписчиковъ.» — Радуюсь, но все таки подражать ему не спану. — «Для того, что ты не кспалп робокъ, придержишься спаринныхъ предразсудковъ.» — Благодарю за совѣтъ, а исполнять его не спану. — «Въ такомъ случаѣ готовъ служпшь тебѣ другимъ: подражай библіофилу *Жакобу, Зандту, Раймонду.*» — Еще менѣ въ состояніи исполнить твою волю. — «Какой же ты спранный! Почему?» — Боюсь, чтобъ на помѣ свѣтъ не повторила мнѣ *Мегера* того, что сказала *одному* славному писателю въ извѣстной баснѣ *Крылова.* — «А что такое прошипѣла эта вѣдьма? Я запомпвалъ.»

— Нещастный! — говорпшь она:

Ты-ль Провидѣнію пѣняешь?

И ты-ль съ разбойникомъ себя сравняешь?

Передъ твоей ничто его вина.

По люлости своей и злости

Онъ вреденъ былъ,

Пока лишь жилъ;

А ты . . . уже пвон давно исплѣлп кости,

А солнце разу не взойдетъ

Чтпобъ новыхъ опѣ тебѣ не освѣпико бѣдъ.

Твопхъ твореній лдъ не только не ослабѣетъ,

Но разпвлплся, вѣкъ опѣ вѣку люпѣетъ. —

«*Мегера* сказала правду! Вотъ тебѣ претпій совѣтъ: не смотря на войну, которую объявилъ баронъ *Брамбеусъ* оспроумному *Жуи*, вышла въ нынѣшнемъ году въ Парижѣ книга, почъ въ почъ въ его родѣ. Она называется Nouveau tableau de Paris au XIX siècle и получена уже Петербургскими книгопродавцами. Во второй частп я замѣпиль статью: Le Dimanche à Paris. Это для тебѣ находка: ты можешь многое оптуда спворопть, умѣй лишь искусно схоронпть концы. А это весьма легко.» — Благодарю тебѣ опѣ всей души, и сего дня же покупаю эту книгу; однако-жь, увѣренъ, что изъ неѣ нпчего нельзя *украсть*, кромѣ заглавія. Вѣра, образъ правленія, жизни, мыслей, чувствованій — у Россіянъ совершенно прпвопложны съ Французами. Самый климатъ, окладъ лица, пріемы, ухватки, цвѣпшь глазъ и волосъ совсѣмъ другой. Россіянпна,

полвѣка пропвшпго въ Парижѣ, я съ перваго взгляда оплпчу опѣ Француза. —

Мой пріятель ушелъ, а я прпнялся ппсать то, что вы здѣсь читаете спанете.

Въ Воскресеніе, 29-го Іюля, я проснулся въ 5-ть часовъ, напнулъ архалухъ и, прежде всего, бросился къ термометру; онъ показывалъ 12 градусовъ тепла: радость! Я протѣръ глаза, взглянулъ на наше сѣренъкое небо; оно окрашено лазурью по золоту, ни одного облачка: другая радость! Я открьлъ окно, выгпнулъ: все сппшь, только Охпян-ка бѣжпшь, прпплясывая, съ свѣплыми жестпянными кувшпнами на гпбкомъ коромыслѣ; гвардейскій чудо-богатырь, одѣпый въ мундиръ по праздничному, несетъ скорымъ шагомъ книгу полковыхъ приказовъ къ своимъ офицерамъ; кухарка, напнувъ исподницу; на-босу-ногу, спѣшптъ къ булочнику за сухарями, а деньщпкъ въ неглиже выносптъ изъ мелочной лавочки въ бумажкѣ Копорскаго чаю, въ другой мелюсу и фалсовый молочникъ съ сняпымъ молокомъ, которе продается тамъ подѣ пышнымъ названіемъ сливокъ.

6 часовъ. Я уже одѣпъ и вышелъ на улицу. Звонптъ къ заупрени: набожные спарички, богомольныя спарушки, заснѣвшіяся въ дѣвпцахъ невѣсты, вѣчныя пппулярныя совѣтпники, пожплые купцы, мѣщане, сполляры, маляры, жены ихъ съ грудными младенцами, спѣшатъ въ церковь. Пойду и я помолюсь. Дорогой не попалось мнѣ ни извощпка, ни разнощпка, ни одного изъ пѣхъ промышленниковъ, кои, подѣ благовпднымъ предлогомъ вымѣнпванія спарыхъ мѣховъ и покупки бпшой посуды, скупаютъ у пьяныхъ холопей разныя вещи и перепродаютъ другимъ; ни одного изъ мальчиковъ, выбпрающихъ изъ сора кости и прпяпки. Пппейные домъ, респорациа, харчевни, пракпшы заперты до окончанія поздней обѣдп. Перекрестясь, вступилъ я въ Преображенскій соборъ; онъ полонъ безъ пѣснопы; нпкто не замѣпиль меня; нпкто не оглянулся; всѣ молящся съ благоговѣніемъ. — Поппялые салопы, спаромодныя шляпки, чепцы съ крыльями вѣтреныхъ мѣльнпцъ, подобранныя волосы у

молодыхъ дѣвицъ, небрипыя бороды, поношенные серпуки, изорванныя шинели муштинъ свидѣтельствуютъ, что и тѣ и другіе пришли сюда не себя показавъ, и не людей посмотришь, но принести Господу еиміамъ сердець. Предстоящіе во храмѣ, въздыхая изъ глубины души, восклицаютъ: «Господи! рано Ты слышишь гласъ мой; рано предстою Тебѣ и ожидаю. По великой милости Твоей, вхожу въ домъ Твой, поклоняюсь во святомъ храмѣ Тебѣ.» Заупре- ня отошла; хворые и больные побрели до- мой отдыхать и дожидаться поздней объѣ- ни; здоровые оспались ждавъ благовѣста къ ранней. Женщины усѣлись на каменныхъ ступенькахъ въ соборѣ и на зеленой лужай- кѣ вокругъ его.

7 часовъ. Я поспѣю въ Казанскій соборъ, если прибавлю шагъ—и пустился по Суво- ровски. У многихъ крылецъ подвезены изво- щичьи четверомѣстныя кареты и коляски, запряженныя по Нѣмецки тройками. Гор- ничныя и лакеи суеются, выносятъ капо- пы, узлы, корзины съ винами, съ кушаньемъ, обвертываютъ въ сѣно, укладываютъ, бьютъ бумылки, обливаютъ паштеты, достается и конфетамъ.... видно господа ихъ спѣ- шатъ воспользоваться хорошею погодою, провести цѣлый день за городомъ. Спѣши- те, спѣшите, горожане! подышатъ свѣжимъ воздухомъ на просторѣ. Городское лѣпо хуже зимы; на дворахъ чистятъ помой- ныя ямы, на улицахъ каналы; чинятъ мо- сповую, возятъ пропухлую преску; бѣ- лыя каменные дома нестерпимо поражаютъ глаза яркимъ солнечнымъ сіяніемъ. У ваяъ на дворѣ ни клочка зелени, кромѣ шой, ко- шпорою размалѣваны ваши сырыя спѣны; ни одного деревца, кромѣ двухъ шощихъ лимон- ныхъ, въ аршинъ вышиною, въ глиняныхъ горшкахъ на окнахъ. Поѣзжайте въ про- хладный Пешергофъ,

Гдѣ *Петръ* свой каждый шагъ означитъ чудесами,

Гдѣ море надъ главою, гдѣ море подъ ногами,

Гдѣ съ лѣвовыхъ челюстей кипящая рѣка

Изъ бездны мрачныя лепитъ подъ облака

И водомѣны всей вселенны постремленъ.

Такъ Царь величьемъ дѣлъ Монарховъ превъшаетъ;
Такъ быстро создалъ флотъ, полки, престольный градъ,
Россію превратилъ въ великолѣпный садъ.

Гуляйте въ великолѣпныхъ садахъ Цар-
скосельскаго увеселительнаго дворца, гдѣ
было

Опдохновеніе Жены, героямъ равной,

Гдѣ не заросъ ея любезный Россамъ слѣдъ,

Гдѣ каждый памятникъ есть памятникъ побѣдъ,

Гдѣ эхо имя сей Царицы не забыло.

Отъ Царскаго села только 5 верстъ до Павловскаго, обитали шой Царицы, благо- дѣтельныѣ которой не найти намъ другой ни днесъ, ни впредъ въ пространствѣ міра. *Марія* останется единственною, какъ *Петръ*, какъ *Екатерина*. *Павловское* воспѣлъ *Жуковский*; его роци останутся вѣчно зелены, и по- поръ не осмѣлится прикоснуться къ ихъ сѣнистымъ вершинамъ.

Остановимся, посмотримъ какъ будутъ нагружаться экипажи. Вотъ уже выходятъ изъ дома старыя и малыя, дамы и кавалеры; дверцы хлопнули.... извощички крикнули на лошадей.... кареты пронулись.... загре- мѣли.... по тряской мосповой. Одинъ мчип- ся въ Мурино, другой лепитъ въ Парголо- во, третій скачетъ въ Спрѣльну, гдѣ сады споль сѣнисты, гдѣ море въ разныхъ ви- дахъ являетъ намъ прекрасный свой ликъ:

То вдругъ сквозь вѣпвей дровъ, оно глазамъ мелькнетъ,

То въ опдаленіи сквозь тѣмный, скрытый сводъ,

Какъ при концѣ трубы, въ бѣсѣдѣ серебрится;

То среди роцицы нечаянно явится;

Но спулишь шагъ — и нѣтъ; еще спули — и вдругъ

Въ величии его срѣтаетъ взоръ вокругъ.

Вотъ omnibusъ тащится въ Тапцы; вотъ шуль-вагенъ несется въ Островки. Въ немъ дружеское общество изъ двадцати особъ жаждетъ взглянуть на чудесный замокъ великолѣпнаго князя *Тавриды*, въ подозрной башнѣ котораго теперь живутъ одни ле- пучія мыши; вотъ рыдванъ съ скромнымъ семействомъ одного писателя, любителя природы, везетъ его въ село Рыбацкое, гдѣ по берегу красавицы-Невы раскинутъ садъ дюшессы *Серракаприоли* и гдѣ живетъ нащъ

Русскій *Борис*—Федоръ Никифоровичъ *Слупушкинъ*; воптъ купленный съ аукціона фашонъ съ двумя иногородными студентами капится въ Гашчино, гордое обширнымъ, свѣплымъ озеромъ. . . .

Взоръ любить озеро разливъ необозримый.

Если вамъ приглядѣлись однообразныя, плоскія равнины Петербургскихъ окрестностей, то пустишесь въ Токсово; тамъ совсѣмъ другая природа. Англичане прозвали его Петербургскою Швейцаріею. И дѣйствительно: куда не заглянете — увидите зеркальное озеро съ лѣсистыми, обрывистыми, картинно-извитыми берегами; горы, которыя выглядываютъ изъ за горъ; лѣса, встающіе изъ за другаго лѣса; тамъ и сямъ — разбросаны огромныхъ камней груды; здѣсь порчиптъ изъ земли граничная сѣдая скала, а шуптъ разсланы цвѣпистые ковры луговъ; въ долинахъ бѣгутъ ручьи; они пушуются между спарыми кореньями, скрываются въ оврагъ подѣ дикой чащей куспарниковъ, сердятся, лепечуптъ, споряптъ между собой, миряптся и слившись въ одинъ, журчаптъ оптъ радости, что бѣгутъ вѣсптъ.

Вашъ будептъ взоръ пѣпненъ

Многообразностью такихъ прекрасныхъ сценъ!

Но предупреждаю васъ: дорога чрезвычайно дурна, пещана, гориста, въ самомъ Токсовѣ пѣптъ ни роскошной гостинницы, ни даже порядочнаго постоялаго двора. Для поѣздки шуда мало однихъ супокъ.

Проходя по Симіоновскому мосту, я видѣлъ, какъ панимаютъ элботы капашься по влажнымъ Невскимъ островамъ: Аптекарьскому, Каменному, Кресповскому, Елагину. Вечеромъ весь Петербургъ переселился сюда; музыка, пляска, пѣсни будутъ всю ночь (ежели только согласился, что есптъ лѣптомъ ночь въ Петербургѣ) оглашаптъ рощи и очаровательныя дачи.

7½ часовъ. Липтургія началась уже, читаютъ Апостоль; какъ я зазѣвался! И здѣсь лысыя спарички, сѣдая спарушки, чиновники съ пряжкой за XXXX лѣптъ безпорочной службы, инвалиды съ Екаптеринскими медалями, отспавные офицеры

съ Очаковскими и Пражскими золотыми крестиками въ пеплицахъ. Подѣ граничными сполпами, на лѣвой споронѣ, спояптъ старцы-иноки, пришедшіе изъ дальнихъ монастырей собирать деньги на церковное спроепне оптъ доброхотныхъ дашелей; рядомъ съ ними, но ближе ко входу — монахи, за пѣмъ же въ богашую столицу изъ бѣдныхъ обителей своихъ прибывшія. Служба кончилась.

8 часовъ упра. Зайду къ книжную лавку, прочту *Академическія вѣдомости* и *Русскій Инвалидъ*; *Сверная Пчела* и другія газеты не выходятъ по воскреснымъ днямъ. Тамъ нашель я знаменитаго ориенталиста опца *Иакинва*, Михаила Алексѣевича *Яковлева*, грозу плохихъ драматическихъ писателей и бездарныхъ лицедѣевъ; почтеннаго спаричка *Ертова*, сочинителя весьма хорошей всеобщей исторіи; извѣстнаго гравѣра *Фридеризи*. Я заглянулъ въ другую комнапу: въ ея углубленіи — какой-то укороченный роспомъ человекъ жарко наспуцалъ на хозяина, который отвѣчалъ ему односложными словами. Похорохорясь съ четверть часа, онъ промелькнулъ мимо меня; но я видѣлъ, что щѣки его покраснѣли, какъ вареный ракъ, а губы посинѣли, какъ снятое молоко. — Съ кѣмъ ты такъ заговорился, *Иванъ Васильевичъ*? спросили мы хозяина! — «Со *Вздоркой*! Онъ просиль у меня займы 15 рублей, а я не далъ, ибо онъ и прежнихъ не плашилъ. *Вздорка* взбѣсился, бранился. Я поддержаль свой характеръ: не далъ денегъ займы безъ опдачи.» — Еслибъ не въ эпо говорили: то я не повѣрилъ бы, что *Вздорка* нуждается въ такой ничпожной суммѣ — въ 15-ти рубляхъ! — подхватилъ читапвій у окна Академическія вѣдомости, обвѣщенный крестами полковникъ въ адъютантскомъ мундирѣ: преспяпго дня онъ давалъ балъ, на которомъ я нащипалъ семь генераловъ съ ихъ семейспвами, играла музыка, разносили аршадъ и лимонадъ; я не дождался ужина, но видѣлъ своими глазами, что накрывали споль на 50 приборовъ. — «А я ужиналъ!» замѣпилъ молодой человекъ въ синихъ очкахъ: «споль

былъ хорошо изгопвленъ: было и бланъ-манже и марципальное; вина кисловаты, Мадера пахла проспымъ впномя; за десертомъ подавали миндальные орѣхи и винныя ягоды; однако-жь, совсѣмъ тѣмъ, я думаю, что эптовъ вечеръ сталъ *Вздоркъ* рублей, въ 300, никакъ не меньше.» — Развъ въ 500! — прибавилъ хозяинъ: на прехъ спахъ рубляхъ не далеко уѣдешь. — «А теперь занимаешъ 15 рублей;» примолвилъ я. Въ эпто время вбѣжалъ въ книжный магазинъ молодой человекъ съ малиновымъ лицомъ, одѣтый по послѣдней модѣ, нахально овладѣлъ разговоромъ, началъ кричать такъ громко, что прохожіе останавливались подѣ окнами магазина; бранилъ всѣхъ; все на святой Руси было, если вѣришь ему, нехорошо. Онъ отъ природы одаренъ былъ непріятнымъ голосомъ, а пущь выкричался, охрипъ. Слушатели, въ томъ числѣ и я, одинъ за другимъ въ тихомолку разбрелися; хозяинъ спалъ что-то вписывавъ въ свою бухгалтерскую книгу.

9 часовъ. Объ эпу пору чиновники департаментовъ и канцелярій, приеханные, гладко причесанные, опрятно разоѣвшисъ и пришилывъ букашекъ и паракашекъ на бѣлыя коленкоровыя манишки, идутъ къ своимъ непосредственнымъ начальникамъ — поздравить ихъ съ праздникомъ, послушать умныхъ рѣчей ихъ. Въ 10 всѣ они въ церкви. Лѣпомъ немногіе спарики-чиновники наблюдаютъ сей коренной обычай нашихъ брадатыхъ пращуровъ. Молодые зажиточные нанимаютъ загородные домики, избы; недостаточные тѣснятся въ сараяхъ, чуланахъ, на чердакахъ. Житьё на дачахъ сѣмалось спрасътю; за стыдъ почтается оставашся лѣпомъ въ городѣ. Я знаю одного Русскаго обойщика, который съ Мая по Сентябрь освѣжаетъ себя и свою выспавку въ Новой деревнѣ. Модники, встрѣчаясь въ городѣ, прежде всего спѣшатъ объявить другъ другу, что они сей часъ съ дачи, и сегодня же уѣзжаютъ.

Въ 11 часовъ оканчивается литургія во всѣхъ церквахъ, кромѣ Больничной, что на Лдпейной. Она предпочтительно посѣ-

щается знатнѣйшими дамами столицы. Въ большіе праздники весь дворъ больницы и улица уставлены щегольскими экипажами.

Помолясь Богу, чиновники, (какъ мы выше упомянули) офицеры, студентцы, кадеты и ученики, молодые купцы и ихъ прикащики, навѣщаютъ своихъ родственниковъ, благодѣтелей, покровителей; тамъ по большой части оставляютъ ихъ кушать хлѣбъ-соль. Замѣтите, что ни въ одинъ будничныи день не бываетъ сполько званыхъ обѣдовъ, какъ въ воскресный, у многихъ единый въ недѣль — свободный отъ должности.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ЮГУ.

На югъ! на югъ! шуда, гдѣ плещуть
 Волнами буйными моря,
 Гдѣ снѣговыя горы блещуть
 Въ лучахъ алмазами горя.
 Тамъ жизнь раздолѣе, вольте;
 Тамъ розы рдѣютъ средъ полей,
 И лентой радужной ручей
 Бѣжитъ роскошите, рѣзвѣ,
 И солнце южное свѣтлѣ.
 Безъ подражанія искусства,
 Тамъ все въ природной красотѣ
 И въ древней, милой простотѣ:
 Народъ хранитъ святыя чувства,
 А дѣвы... пылкія душой
 И черноокія, младыя,
 Растутъ, какъ пальмы молодыя,
 Съ завидной небу красотой.
 И сердце рвется къ дѣвамъ юга:
 Быть можетъ, между нихъ она,
 Моя желанная подруга,
 Цвѣтепъ любовью полна.
 О! тамъ, въ краю очарованья,
 Я буду молодъ, пылокъ вновь,
 И звуки тайнаго лобзанья
 Мнѣ прозвучатъ опять любовь.

П Р И М Ъ Т Ы.

Шумишь!... Напоръ воды у берега Волги силенъ:
Спръмяешь звонкій громъ! Всю ночь кипишь гроза!

Вчера былъ вой волковъ, свѣпились ихъ глаза,
Сегодня и вчера пугаль насъ вѣщій филинъ;

Въ конюшнѣ вздрогнулъ конь, просяжно вы-
ли псы. . . .

Какъ долго пянущся безсонные часы!

Что значашъ эпи всѣ недобрѣя примѣпы?

Онѣ мучительны осирошѣлой мнѣ!

Начну я постъ держашъ . . . и дамъ церквамъ
обѣпы :

Ахъ, живъ ли по мой другъ за Вислой на войнѣ?

О. Глинка.

С H A R A D E.

L'homme, en naissant, est mon premier;
Dés lors on voit, chez lui, s'accroître mon dernier.

S'il en faut croire Homère,

Le puissant maître du tonnerre

S'enveloppe de mon entier.

Въ No 82-мъ, помѣщенная шарада значить: *Народъ*.

M O D E S.

Pour les promenades et les visites du matin, nous trouvons au *magasin Sainte-Anne*, les *léonaises*, joli tissu de laine à petites fleurs que nous plaçons avec la *mazourk*, croisé de laine et soie, au rang des plus solides robes négligées. La *mazourk* est une espèce de marbrure ou mélange dont les nuances sont harmonieusement combinées, vert sur vert, violet sur paille, tabac sur noisette. Ces robes doivent toujours être faites avec une grande simplicité, montantes et à larges manches.

Les fleurs en plumes de Mlle Faure ont acquis une célébrité rapide. Déjà nous voyons ses géraniums éclatans, sur des chapeaux de paille avec les rubans d'automne; son jasmin et ses roses de haies, fleurs délicates et légères, sur des bonnets de blonde avec des

robes de gaze; enfin dans de jolies coiffures en cheveux, ses couronnes de barbeaux et de marguerites, si douces au visage, si parfaitement imitées.

Les fleurs de Mlle Faure, rue *Saint-Pierre-Montmartre*, sont exécutées avec la délicatesse et le talent d'une femme artiste. Peut-être sur un chapeau offrent-elles peu de résistance au vent de cette saison; mais sur des bonnets, sur la tête, dans des jardinières, elles ont un mérite étrange et naturel qui les distingue de toutes les autres.

On porte de jolies cravates en soie brune, tournées deux fois autour du cou, nouant par une courte rosette.

М О Д Ы.

Для прогулокъ и упреженныхъ посѣщеній есть въ магазинѣ *Sainte-Anne*, *léonaises*, красивая шкани съ мелкими цвѣточками, которую мы съ матерією *Mazourk*, кипорною шканию изъ шерсти съ шелкомъ, причислимъ къ самымъ прочнымъ для проспыхъ плашьевъ. *Mazourk* родъ мраморнаго узора, или смѣсь согласно принаровненныхъ цвѣшовъ: зелѣнаго на зелѣномъ, фиолетоваго на палевомъ, шабачнаго на орѣховомъ. Эпи плашья всегда должны быть сдѣланы весьма просто; высокіе лифы и широкіе рукава.

Цвѣпы изъ перьевъ г-жи *Faure* достигли поспѣшно славы. Уже мы видимъ блестящіе гераніумы на соломенныхъ шляпкахъ съ осенними ленипами; жасмины ея и шиповникъ, нѣжные и легкіе цвѣпы, на блондовыхъ чепцахъ съ газовыми плашьями; наконецъ, въ красивыхъ прическахъ изъ волосъ вѣнки изъ васильковъ и маргарипокъ, споль нѣжныхъ къ лицу, съ такимъ искусствомъ подражающихъ натуральнымъ.

Цвѣпы г-жи *Faure*, въ улицѣ *Saint-Pierre-Montmartre*, выполнены съ нѣжностью и искусствомъ женщины артистки. Можетъ быть, для шляпокъ они слишкомъ ломки при вѣпрахъ теперешняго времени года; но на чепчикахъ, на головахъ и въ жардиньерахъ, у нихъ спранные достоинство, опличающее ихъ отъ всѣхъ прочихъ.

Носящъ красивые темные, шелковые галспуки, обернутые два раза около шеи, завязанные короткою розеткою.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 84.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Октября 20 дня 1854 года.

Какихъ тяжельхъ, черныхъ думъ,
Мнѣ иногда гнѣсущихъ умъ,
Свободной рѣзвостью своею
Не удалитъ она сей часъ?
Кому при блескъ эпихъ глазъ
Приснился мрачныя печали?

Е. Баратынскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ КРОН-
ШТАДТЪ МОРЕМЪ И ОБРАТНО СУХИМЪ
ПУТЕМЪ, ЩАСТЛИВО СОВЕРШЕННОЕ ВЪ
ЮЛѢ СЕГО 1854 ГОДА.

Топъ мѣдну грудь имѣлъ,
Кто въ страшну бездну водъ пуспиться первый смѣлъ.

Я знаю одного купца, поргующаго въ
Госпиномъ дворъ сипцами и коленкорами,
который до сорокалѣтняго возраста не вы-
ѣзжалъ изъ Петербурга. Онъ почитаетъ
Охпу и Екаперингофъ отдаленными спра-
нами, Кипаемъ, Америкою.

Нынѣшнимъ лѣтомъ, убѣжденный совѣ-
тами другихъ купцовъ своихъ сосѣдей и
насмѣшками сидѣльцовъ, и подстрекаемый
духомъ пыпливости, онъ предпринялъ пу-
тешествіе въ Кронштадтъ. Капитанъ *Россъ*,
опѣвзавшій на нѣсколько лѣтъ въ Ледяное
царство, меньше хлопоталъ о дорожныхъ

припасахъ, употребилъ на свои сборы мѣль-
ше времени, чѣмъ мой знакомецъ, который
воображалъ, что онъ ѣдетъ за придевать
земель въ тридцатое царство; простран-
ство, которое вскорѣ долженствовало раз-
дѣлить его опъ Прядильной улицы, казалось
ему безмѣрнымъ. Не смотря на то, что
предпринимаемое имъ путешествіе должно
было воспріяты свое начало 19-го Іюля и
кончиться 21-го, онъ взялъ съ собою тулупъ,
кеньги, бурачокъ икры, двѣ сайки и боль-
шой кусокъ копченой вѣшчины; проспился
со всеми родспвенниками, отслужилъ моле-
бенъ на путь шествующимъ въ церкви *Всѣхъ
Скорблящихъ*, намѣнилъ синенькихъ бумажекъ,
мелкаго серебра, мѣдныхъ грошей и пятакъ-
ковъ, чпобъ платитъ дорогою за постой,
за обѣдъ, за чай и водку въ практирахъ, и
прогоны на почтовыхъ станціяхъ.

Бертовъ пароходъ принялъ онъ за спону-
сечный корабль, отправляющійся въ Сип-
ху, и горько заплакалъ, когда подняли якорь,
когда дымъ повалилъ изъ трубы—и машина

съ пѣной и шумомъ покапилась по синимъ волнамъ царицы рѣкъ Русскихъ. Между пѣмъ, какъ онъ спустился въ общую каюту, чтобы уложить тамъ свои узлы, буракъ и корзиночку, пароходъ величаво выплылъ въ заливъ. Нашъ путешественникъ, вышедъ на палубу, содрогнулся, увидѣвъ себя въ безбрежной области Нептуна, *среди морей*. По невольному внутреннему чувству, онъ повернулся лицомъ къ Петербургу и, замѣтя пламень надъ печью сахарнаго завода, вскричалъ: Это огнедышущая гора *Везувій*, о которой я столько слышался отъ капитанъ-лейтенанта *Ухарскаго!* — Тутъ онъ опять перевернулся запылкомъ къ городу Пароходъ поровнялся съ мысомъ Спрѣльны, который почелъ онъ *мысомъ Добрай Надежды*, но увидя кресты на колокольнѣ церкви графа *Шереметьева* и *Сергіевской пустыни*, увѣрился, что онъ въ Христіанской землѣ; а особенный языкъ, на коемъ перебраивались мапросы двухъ, чуть-чуть не задѣвшихъ другъ за друга галіотовъ, совершенно утвердилъ его въ мнѣніи, что онъ не покидалъ мапушки-Россіи.

Это его ободрило до того, что онъ благополучно совершилъ отважный переходъ съ середины парохода на носъ. Ему хотѣлось полюбопытствовать, не выплывуть ли изъ воднъ Океана Трипонъ или Сирена, изображеніемъ коихъ любовался онъ въ Пиперѣ на эстампахъ; но они дежурили при дворѣ царицы *Амфитриды* и не показывались. Почувствовавъ круженіе головы отъ качки, нашъ путешественникъ съѣлъ на пукъ смолѣнаго якорнаго каната. Тутъ постигло его нещастіе; но не бойтесь за жизнь его, онъ не претерпѣлъ кораблекрушенія, не ограбленъ морскими разбойниками, не оставленъ спутниками на берегу необитаемаго острова, какъ *Робинзонъ-Крузе*. . . . Вся бѣда обрушилась на его лиловомъ, праздничномъ сертукѣ! И вотъ какимъ манеромъ: сядя на канатъ, въ разсѣянности онъ позабылъ подобразить длинныя полы его; смола, расплывшаяся отъ теплаго прикосновенія пѣла, крѣпко прильнула къ сукну — и провела широкую чѣрную полосу на обѣихъ заднихъ полозничкахъ!!!...

Вышедъ на берегъ въ Кронштадтѣ, набожный путешественникъ прямо побѣжалъ въ соборъ, отслужилъ благодарный молебенъ, поставилъ рублёвую свѣчку *Николаю гудотворцу*, заказалъ обѣдъ въ шракирѣ, въ ожиданіи онаго побродилъ по Адмиралтейству, и потомъ, потребовавъ чернилъ и бумаги, съѣлъ писавъ письмо къ возлюбленной сожигельницѣ. Въ нёмъ, на листѣ кругомъ, живо описалъ онъ претерпѣнныя имъ бѣдствія и видѣнныя диковинки.

На другой день, переѣзжая на катерѣ изъ Кронштадта въ Петергофъ, онъ выдержалъ сильную качку. Всю дорогу пролежалъ онъ отъ головной боли и тошноты: волны окропили его персону съ ногъ до головы солёною водою; его безпрестанно рвало.

Знакомецъ мой прохворалъ въ Петергофѣ весь Ильинъ день, и едва волочилъ ноги 21-го Юля, прогуливалъ по великолѣпнымъ Царскимъ садамъ, восхищаясь единственными въ мірѣ водомѣтами и переносясь сердцемъ въ Пиперѣ, въ Прядильную улицу, въ низенькой собственной домишко, на лежанку, на которой ожидали его разосланный войлокъ и пѣспрая выбойчатая подушка.

21-го Юля, упромъ въ 8 часовъ безъ пяти минутъ—прибылъ онъ въ Спрѣльну, гдѣ отслушалъ божественную литургію въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, который, въ простотѣ сердца принялъ онъ за Подмосковную Троицкую лавру, издревле прославленную чудесами Св. Сергія, выдержаніемъ пѣсной осады отъ Поляковъ во времена безцарственныхъ, и еще недавно неприкосновенностью къ ней моровой язвы, Французовъ и холеры, — нашъ патриотъ-путешественникъ до того зачулся въ своихъ историческихъ и географическихъ идеяхъ, что долго бродилъ по кладбищу, опыскивая низкую часовню, въ коей покоятся пѣла *Бориса Годунова*, супруги его и сына *Феодора*.

Въ послѣдній же день къ обѣду возвратился онъ въ пѣдра своего семейства въ вожделѣнномъ здравіи и принявъ съ торжественными кликами радости. Онъ привезъ имъ,

какъ рѣдкость, нѣсколько ржаныхъ колосьевъ и льняныхъ волоконъ, которые самъ въ первый разъ въ жизни своей на корню видѣть удостоился. Сожительница долго дивовалась на нихъ; пѣтки же его, въ продолженіе двадцати лѣтъ никуда не выходившія, кромѣ приходской церкви, и теперь еще удивляются смѣлости его духа и почитаютъ его однимъ изъ самыхъ отважныхъ и предпримчивыхъ путешественниковъ.

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛѢТНЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(*Ожогтаніе*).

Въ Петербургѣ обѣды и въ праздникъ и въ будни начинаются въ 11 часовъ утра у щекотуровъ, плотниковъ, сполярровъ и малярровъ; въ 12 садятся за трапезу всѣ наставники, профессора, студенты и ученики военныхъ, гражданскихъ и частныхъ учебныхъ заведеній; всѣ гражданскіе чиновники, отъ вышняго до нижняго, обѣдаютъ между 3-хъ и 4-хъ; дипломаты всѣхъ поздне: иные въ 5, иные даже въ 6 часовъ по полудни.

Съ вечерень, т. е. съ 5-ти часовъ, и даже съ 4-хъ, начинается эмиграція (переселеніе) пѣшеходцевъ на острова по всѣмъ направленіямъ. Толпы женщинъ, мушкетъ, дѣтей, въ самыхъ лучшихъ нарядахъ, плынутъ отъ Таврическаго дворца по Воскресенской, Сергіевской, Фуришпатской, Кировой, Италіанской; по Липцевой и Невскому проспекту къ Троицкому мосту; по Гороховой, Обуховскому и Измайловскому проспекту и по всѣмъ линіямъ Васильевскаго острова къ Колповской и перевозу на Крестовскій. Чѣмъ ближе къ Невѣ, тѣмъ массы становятся гуще: спалкиваются, догоняютъ, обгоняютъ другъ друга. По Невѣ плывутъ шлюбки, въ коихъ разряженные охотники повеселились кишатъ, какъ муравьи въ муравейникѣ, раскопанномъ палкою шалостли-

ваго дятла. Передъ ними, за ними, рядомъ съ ними — скользятъ по Невѣ, какъ на крыльяхъ — элбопы и капера.

Въ 6 часовъ вечера начинается скачка экипажей: великолѣпныя лондо и кареты вельможъ, царедворцевъ, чужестранныхъ посланниковъ съ ливрейными лакеями на запыляхъ, плынутъ рысью; коляски запычныхъ купцовъ съ жирными ихъ купчихами, разодѣтыми въ кружева, блонды, жемчуги и брилліанты, рысцою везомыя споль же жирно-опкормленными парами дорогихъ коней, покрытыхъ пѣною. Я назвалъ ихъ дорогами потому, что видамъ въ упряжкѣ у купцовъ лошадей въ три, въ четыре тысячи рублей; на нихъ не стыдно бы вѣзжати въ триумфальной колесницѣ Римскому консулу. Но вотъ мчатся, какъ вихрь, щегольскія колясочки гвардейскихъ офицеровъ, баричей; съ ними равняются, ихъ опереживаютъ фаэтоны купеческихъ и управительскихъ дѣтокъ, — вышедшихъ въ люди по милости мошны ихъ бабюшекъ: бѣда прохожему, который не кинется отъ нихъ съ дороги опроремью. Къ спасенію пѣшеходцевъ устроены прощурары, по бѣдному извозчику, который прюхъ-прюхъ на ободранной клячѣ и вервиемъ скрѣпленныхъ дрожкахъ, нѣтъ никакого убѣжища; онъ лавируетъ туда и сюда, дергается и погоплетъ свою сырѣху; колесо почти задѣло за ось дрожечную, по лихой кучеръ, обыкновенно Цыганъ или Татаринъ, мастерски объѣзжаетъ его, какъ лейбъ-кучеръ *Наполеона* адскую машину — и красовавшійся на дрожкахъ прелесницы, пренепавшія за свои Французскія банмачки, за свои сквозные чулочки, оспаютъ невредимы. Легкіе кабриолеты лепятъ, не допрогиваясь до земли, благодаря Англійскимъ кургузымъ рысакамъ въ раззолоченныхъ шорахъ: ими правитъ Русскій денди съ длиннымъ бичемъ. Дама, съ нимъ сидящая, дрожитъ какъ въ лихорадкѣ; она первый разъ въ жизни совершаетъ воздушное путешествіе — и не очень надѣется на искусство править возжами своего кавалера. Вотъ ѣдетъ Вѣнская стариннаго фасона коляска. Смотрите на неѣ

съ почтеніемъ: это прабабушка нынѣшнихъ верплянныхъ одноколокъ и бричекъ, это коляска историческая. Она безъ козелъ, запряжена по Польски чепырьмя беззубыми аргамаками; два жокея управляютъ ими; два малорослые вершника скачутъ у колеса. Тридцать лѣтъ уже владѣтель ихъ г. *Сиропдовъ* развѣзжаетъ въ немъ по публичнымъ гуляньямъ. Онъ обновилъ её на гуляньѣ въ *Екатерингофѣ* 1-го Мая 1814 года, на радости о взятіи Парижа побѣдоносными союзными войсками. Добрый *Сиропдовъ* цѣлый годъ праздновалъ возстановленіе *Бурбоновъ*, и по двадцати разъ въ день рассказывалъ, какъ онъ во время пребыванія своего въ Парижѣ былъ приглашаемъ на обѣды къ королю *Лудовику XVI*-му, какъ вмѣлъ щаспие панцованъ въ Трианонѣ съ королевою *Марією-Антуанеттою*, какъ онъ перепилъ герцога *д'Артуа*, отбилъ любовницу у дюка *дѣ Ришелье* и выигралъ закладъ на скачкѣ у графа *Шоазелля*. Всадникъ на лихомъ жеребцѣ достоинъ бытъ замѣченъ. Это опчальный прожектеръ — промотавшій болѣе миліона рублей. Онъ и вѣдучи въ галопѣ обдумываетъ проэты; ему давно хочется завести въ Россіи безъ лошадей скачущія дилижансы, изобрѣсти плугъ, который распахивалъ бы по сту десятинъ степи въ однѣ супки, или издавать журналъ общественнаго благосостоянія. На сихъ дняхъ онъ поймалъ меня въ распахъ и, не переводя духа, прочёлъ два проэкта: одинъ о тѣлѣжкахъ на деревянныхъ ресорахъ для возки съ поля сноповъ, другой объ учрежденіи въ деревняхъ промуаровъ и булеваровъ. Прожектеръ ускакалъ.... только пыль разстпмается въ слѣдъ ему. Обернитесь сюда; эта вороная чепверня принадлежишь г-ну — *ву*: охотники цѣнятъ её въ 10 п. рублей; а вотъ эта гнѣдал чепверня полковника — *ва*: что за спати, что за масць; ей цѣны нѣтъ въ глазахъ знатока. Мало уступятъ ей разношерстныя кони графа — *ва*; не знаю, которую бы выбралъ я, если-бъ мнѣ дарили ту и другую; но и той и другой предпочелъ бы чѣрныхъ, какъ вороново крыло, безъ опмѣшки, рысаковъ графа — *ва*. Лѣвая коренная не испорчила бы въ парадѣ

подъ конно-гвардейцемъ, а за подручную давалъ ему одинъ охотникъ 16 тысячъ. Я самъ смолоду былъ спраспный охотникъ до лошадей—и много промоталъ на нихъ денегъ. Решивое такъ и прыгаетъ, любуясь лихими конями.

Поскачу и я на островѣ! Извощикъ, на Елагинь! — «Цѣлковый!» — Три чепверпака! — «Садись, баринъ!» И мой колеспцегонипель направилъ бѣгъ своего иноходца по Малой Миліонной въ Большую, мимо памятника *Суворова* и чрезъ Троицкій мостъ.

Вотъ озаренный Божій храмъ,
И царскій домъ, и мостъ чрезъ воды,
Легко такъ брошенный,—все шамъ
Плѣняется взоръ.

Добѣхавъ до поворота на Кресповскій, я сошелъ съ дрожекъ, расплатился—и побрѣлъ по берегу Невки, гдѣ съ прудомъ можно было продирапъся сквозъ безчисленное множество гуляющихъ.

Больно Русскому признаться, что у него недостаетъ чего нибудь такова, что есть у иноземцовъ, особливо у Нѣмцовъ. Мы какъ-то привыкли вѣрпшь въ свое превосходство нздѣ всѣми народами. И оно почти во всемъ оправдывается. Но въ искусствѣ веселиться мы далеко отспали отъ Французовъ. Въ нашихъ *Тиволи*, въ нашихъ *Елисейскихъ поляхъ* — нѣтъ ни мороженого, ни куска жаркаго, которое бы порядочному челоуку есть можно было; ни даже чаю, котораго хлѣбнувъ, не хотѣлось бы выплюнуть. Трактирный пуншъ также вкусенъ, какъ плѣнительна практирная музыка, какъ блиспапелень фейверкъ! Да и мы сами, ходимъ повѣсивъ носы, будто-бы выгнаны на барщину: никто не танцуетъ, не бѣгаетъ, не кашается съ горъ, не играетъ ни въ кольцо, ни въ кегли. Я не говорю о гуляньяхъ на островахъ, гдѣ приличіе изгнало сіи невинныя забавы. Но на скромныхъ дачахъ, въ деревняхъ около Петербурга, въ закрытыхъ густыми завѣсами лѣсовъ отъ глазъ большаго свѣта садахъ, въ большихъ семействахъ, между гостями, самыми короп-

кими, самыми любезными, рѣдко дѣвицы играютъ въ горѣлки, въ кошку и мышку, въ верѣвочку. Имъ думается, что они уроняютъ свое Европейское достоинство, подражая своимъ Азіатскимъ прапрабабушкамъ. Онѣ часто пересмѣхаютъ деревенскую неловкость провинціалокъ; но провинціалки проводятъ время во сто разъ веселѣе Петербургскихъ жителяницъ, боящихся спутить не по церемоналу, написанному модою. Берега Хопра, никогда васъ не забуду! Я нигдѣ такъ не веселился, какъ въ 1809-мъ году, въ соломенномъ городкѣ Саратовской губерніи—Балашевѣ. Нѣсколько образованныхъ молодыхъ помѣщиковъ и полпа мелопомѣстныхъ барышень, румяныхъ и блѣгрудыхъ, какъ спая лебедокъ, составляли наше общество. Намъ было весело безъ Шампанскаго, безъ каламбуровъ, безъ *jasons imprimés*, безъ шляпокъ изъ магазина госпожи *Циклеръ*. Простыя колѣнкоровыя плащя, на шеѣ простыя пяти-рублевые плапочки, простосердечіе,—вошь что нужно для веселости, для счастья!... Но пора на Крестовскій! Какъ приятно, какъ насладивельно быть полкаему локтями подѣ бока, морщиться, чувствуя, что вамъ давятъ ноги каблуками, что вы глотаете больше пыли, нежели воздуха! За то вы волнуесть въ пестрой полпѣ, какъ въ морѣ. Какое многочисленное собраніе! Сколько десятковъ тысячъ разбрелось по алеймъ *Каленнаго*, по излучистымъ дорожкамъ *Елагина*, по длиннымъ просѣкамъ *Крестовскаго*! Не думайте однако-жь, чтобы *Екатерингофъ*, дача графа *Безбородки*, и дальніе сады увеселивельныхъ дворцовъ были пусты: все волнуесть, все оживотворено и пестрѣетъ праздничными толпами нахлынувшихъ изъ столицы временно, или на Іюнь, Іюль и Августъ переселившихся. Пять, шесть чиновниковъ складываются, нанимаютъ въ Чухонской деревенькѣ, на Петербургской сторонѣ, на Спеклянномъ или на Фарфоровомъ заводахъ,—избу, берутъ кухарку, держатъ общій столъ, маршируютъ каждое утро верстѣ по пяти къ должности, возвращаются голодные по неспершимому зною въ свои, изъ барочныхъ досокъ сгроможденные терема, гдѣ ни спать,

ни сѣсть, и все это для того, чтобы на вопросы городскихъ знакомыхъ: «*гдѣ вы живете?*» спѣсиво отвѣчать: *на дачѣ!*

На Крестовскомъ гремитъ оркестръ; по ту сторону Большой Невки, на дачѣ Д. Л. *Нарышкина* другой. И тамъ пѣма гуляющихъ. Ко мнѣ подходитъ Нѣмчурка въ комедіантскомъ подкачельномъ костюмѣ съ паредкою. Дѣло идѣтъ о деньгахъ. Я положилъ гривенникъ скороходу, и не успѣлъ спрятать кошелька—уже подвернулся другой; я положилъ другую серебрицу—и не даромъ. Черезъ полчаса явился на парочно-успроенномъ изъ досокъ возвышеніи—Фокусникъ: онъ пошѣшилъ почтеннѣйшую Публику весьма ловкими фокусъ-покусамп. Мнѣ особенно понравилась собака, которую, вмѣстѣ съ лѣспницею, гдѣ на заднихъ лапкахъ стоить она, фигляръ ставитъ себѣ на зубы. Что же касается до шаровъ, кои онъ подбрасываетъ на воздухъ и ловитъ: по нашему молодцу далеко до Индѣйца, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ изумлявшаго насъ невѣроятнымъ проворствомъ.

9 часовъ вечера. «Пора до дому, маменька!» говоритъ сорокалѣтній супругъ осьмнадцатилѣтней жѣночкѣ. — Побудемъ еще немножко, папенька! скоро зажгутъ фейерверкъ;—умоляетъ она его: *Алексій Федоровичъ* общалъ достать спульвѣ и поподчивать насъ чаемъ. — И въ ту же минуту два полупьяные практирные слуги поставили имъ спулья, столъ, накрыли его грязною скатертью, принесли чайникъ и чашки. По правую ихъ руку на скамѣ, передъ сосновымъ, на врышой въ землю ножкѣ споломъ, расположился чиновникъ съ нѣсколькими пригоженькими взрослыми дочками. Его жизнь самая хлопотливая: неусыпно надсматривая за казѣнными зданіями, онъ часто теряетъ изъ виду дочекъ; надзирая за дочками, упущаетъ изъ глазъ зданія, надзору его порученныя. По лѣвую ихъ сторону водворился тоже чиновникъ, съ Анною и Спаниславомъ въ пепличкѣ; ему подали бутылку Мадеры; распивая вино, онъ и не замѣчаетъ, какъ ассесоръ подноситъ корзинку малины бойкой женѣ его, и попихоньку съ нею о чемъ

по совѣтуется. Мимо ихъ пробралось паръ двадцать кавалеровъ, ведущихъ своихъ дамъ подь ручку въ лѣсъ.... искапъ земляники. Сии дамы или дѣвы вспомнили, что здѣсь почти деревня, и вздумали подражать цѣломудреннѣмъ поселянкамъ, представить въ лицахъ пидлію В. И. Панаева.... На пракпирной лѣспницѣ сполкнулся со мною Павелъ Александровичъ Мужиковъ; онъ взялъ билетъ въ музыкальную вечеринку, которую даютъ здѣсь неизбежныя Тирольцы, и мнѣ совѣтуесть послушать ихъ пѣсенъ; но я чудакъ: лѣпомъ не читаю книгъ, потому, что большая книга природы для меня опкрыта; не слушаю ни Россини, ни Буальдѣ; а люблю внимапъ музыку лѣсовъ, моря и ппичъ. Но я слышу, что кто-то хватаетъ меня сзади за руку.... А, это мой двоюродный братецъ Наркисъ Петровичъ Прынтиковъ. Онъ приглашаетъ меня съ собою въ садъ графа Безбородки. Тамъ играетъ музыка циспрументальная, смѣняемая хоромъ пѣсенниковъ; большая аеля, ведущая къ Невѣ, иллюминована, а въ 11 часовъ созещъ будещъ фейерверкъ; онъ соблазнялъ меня ужиномъ и Шампанскимъ; однако-жь я опговорился.

Лучше посмотрю, что за шумъ у респорацип, передъ мостомъ на *Елагинъ*. Драка! Узнаю свой народецъ! Рукопашный бой душа его! — И что за праздникъ, съ котораго придешь съ цѣлымъ рыломъ и не подбитыми глазами? Десять огородниковъ на десять рыбаковъ; это въ спарину называлось *стѣна на стѣну*. Ловкій кучеръ въ бархатныхъ чѣрныхъ шароварахъ букспруесть не хуже Англійскаго лорда, а рыжебородый Ростовець опвѣсилъ по скудѣ извощику образцовый ударъ, которымъ могъ-бы похвалиться членъ Нижняго парламента; извощикъ грянулся объ-земь; кровь хлынула изъ носа и изъ рта. Такъ палъ *Патрокль* опъ руки благороднаго *Гектора*!

Ростовець - побѣдителъ въ запальчивости увлекся далеко опъ своихъ: кучера, форейторы, жокей шпудль-вагена и самъ харчевникъ, забывъ свой санъ, бросились на сего героя съ крикомъ....

Словно какъ пси, упредя звѣроловцовъ молодыхъ на лѣснаго Вепря, когда онъ пораненъ, впадаютъ вдругъ, но лишь шодько,

Бышепый онъ, опщепинясь, на нихъ обернѣлся въ испугъ —
Всѣ разсыпашояся.

Гдѣ пройдетъ онъ — тамъ улица; гдѣ размахнетъ кулакомъ — тамъ площадь; по вопъ грядетъ, грядетъ будочникъ въ бронѣ сермяжной, съ спальной сѣкирою въ десницѣ. Толпа разспушилась....

Всѣ блѣднѣютъ и бой продолжаютъ ни одинъ не дераетъ!

Кучера вскочили на козлы, форейторы на сѣдла, огородники запрягались въ горохъ, разроспшийся зелѣною оградю, рыбаки попрыгали въ лодки.

11 часовъ ноги. «Сей часъ зажгутъ фейерверкъ;» сказалъ мнѣ кто-то. И вслѣдъ за пѣмъ взлетѣла, вспыхнула, блеснула, рассыпалась — и померкла вѣсповая ракета, за нею другая и претпья. Весь народъ опрометью кинулся къ Невскому берегу: забили огненные фоншаны, засвѣпились Римскія свѣчки, заверпѣлись пламенныя колѣса, закудесили по водѣ шупихи; горипъ бриланшовымъ огнемъ высокая пирамида, зелѣнымъ пальмы, около щипа обспавленные, и разноцвѣтными спаканчиками освѣпился щипъ съ вензелемъ именинника. Ракеты лепяпъ вслѣдъ за ракетами.... лопаютъ, хлопаютъ.... но постепенно догораютъ и свѣчки, и колѣса, и фоншаны.... Тишина и мракъ заступили мѣсто яркаго свѣпа. Однако-же зрители и зрительницы не расходиясь, они жадутъ чего-то. И вопъ.... поднялся до облаковъ огненнымъ сполбомъ павильѣнъ и озарилъ полнеба; изъ него посыпались звѣзды и шупихи, начали громко лопаться шкалики. Finis! Народъ опхлынулъ, какъ морской валь.

Полночь. Взглянемъ на пракпирный балъ Крестовскаго острова, и потомъ разоидѣмся по домамъ. У меня глаза смыкаются и ноги подкосились опъ усталости. Зала ярко освѣщена: волпорны и фаготы режутъ

хоть не складно, да громко, смычки деруть
и посьпишели съ посьпительницами пан-
дуютъ копильонъ. Услужливые ремеслен-
ники - кавалеры по и дѣло бѣгаютъ въ бу-
фетъ за сластями и пивьями. Танцовщи-
цамъ нужно прохладительное, лишь бы не
слишкомъ холодное. Однако-жь это не ли-
монадъ! подумалъ я самъ про себя, посмо-
прѣвъ на спаканъ, поданный одной изъ
дѣвъ: неужели ли пуншъ?... Да, воняетъ
ромомъ! Я остановился позади красавицы;
дождался, пока она, не допивъ, опдала слу-
гѣ, схватилъ спаканъ—и, хлебнувъ, чупъ
не захлебнулся: нагольный ромъ!

Вверху ужинаютъ; я взобрался туда. Мо-
лодой человекъ съ усами, въ чѣрномъ фракѣ,
удивилъ насъ. Онъ выигралъ въ биліардъ 6
бупылокъ Шампанскаго, поставилъ ихъ всѣ
чинно рядомъ и осушилъ всѣ, одну за другою.
Потомъ, прехолоднокровно съѣлъ ужинавъ,
опужиналъ, взялъ шляпу и пошѣлъ, ни разу
не пошатнувшись, къ своему экипажу.....
Молодецъ!

Я сошелъ внизъ и нога за ногу поплелся
къ высокому Каменноостровскому мосту.
Сколькихъ сценъ былъ я очевидцомъ на
этомъ, довольно большомъ проспективѣ.
Баронъ *Брамбеусъ* описалъ бы ихъ; я на-
брасываю на нихъ покрывало! Скажу поль-
ко, что на сегодняшнемъ гуляньѣ было пы-
сачъ пять,—если не больше: все было пол-
но, кромѣ кармановъ.

А. Кораблинскій.

Село Рыбацкое. —

9 Августа

1834.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ В. К.

Ты молодежь былъ, когда прощанья
Ударилъ неизбежный часъ,
И звуки грознаго призванья
Тебя похитили у насъ.
Въ тебѣ кипѣли жизни волны,

Въ тебѣ пылалъ огонь спраспей,
И ты сошелъ, надежды полный,
Въ жилище дѣдовскихъ костей.
Щастливъ! Тамъ перспъ пвол сокрыта
Отъ стрѣлъ мучительныхъ заботъ,
И отъ судебъ тебѣ защита
Моглы каменный оплотъ.
Но горе мнѣ! Я здѣсь скишаюсъ;
Я рабъ судьбины, рабъ спраспей,
Въ безсильи гордомъ пресмыкаюсъ
Подъ грузомъ тягостныхъ скорбей.
И спарость грустная наспанетъ,
Она потушитъ жаръ ланишъ,
Морщины по челу пропянетъ,
Мой черпый волосъ убѣлишъ.
Она холодною рукою
Испорхнетъ изъ груди моей
Мечты любимыя побою,
Порывы юношескихъ дней,
Восторги, радости, желанья;
Опыметъ все... Нѣшъ, спрахъ пустой!
Я воскрешу пвол мечпанья,
Надежды, сердца жаръ свяпой,
Волшебной силой вспоминанья;
Я буду жизнью жить двойной,
И юностью пвоею молодежь,
Продливши краткую весну,
Я старости угрюмый холодъ
Отъ сердца бодро опжену;
Не презрю я мечты мгновенной,
Восторговъ чистаго огня,
И сонъ, побою раздѣленной,
Священнымъ будетъ для меня.

А. Хомяковъ.

Ш А Р А Д А.

Начальное мое есть изумленья знакъ;
Последнее въ игрѣ, его-жь имѣетъ всякъ;
А цѣлое рѣшишь двухъ сильныхъ войскъ боренье,
И славу царствъ, и ихъ паденье.

Въ No 88-мъ, помѣщенная шарада значить: *Nuage.*

M O D E S.

En ce moment où la mode s'essaie avec hésitation, le moyen le plus certain que nous ayons de le trouver est de la chercher dans les salons où elle vient toute jeune et à peine connue; là où paraissent de jolies femmes, rivalisant de nouveauté dans leurs toilettes, où l'on se regarde avec curiosité, apportant une idée pour être accueillie ou rejetée. Ces jours derniers une réunion eut lieu chez la comtesse D***. En conservant les étoffes connues, on avait essayé quelques façons nouvelles. Des broderies d'un genre tout-à-fait neuf, des tulles de fil brodés en soie et en laine, fleurs nuées ou dessins nuancés avec harmonie.

Nous donnerons quelques détails d'ensemble; on retrouvera un souvenir des modes qui expirent, et l'on devinera celles qui éclosent.

Mme T*** avait une robe de tulle brodé, à colonnes de liserons bleus, très-déliçables, entre lesquelles étaient jetés des boutons de roses. La jupe était garnie d'un volant de dentelle, ainsi que le corsage à la *Sévigné*. Dans les cheveux, Mme T*** avait une guirlande de liserons et de boutons de roses, une des plus ravissantes productions de *Batton*.

Mme S*** avait une robe en mousseline de l'Inde, ouvrant sur un jupon en pou de soie blanc, garni dans toute la hauteur de volans d'Angleterre; les devans de la robe de mousseline, garnis également d'Angleterre, étaient attachés à celle de dessous par une branche de roses mousseuses. Dans ses cheveux à la *Berthe*, deux bouquets de roses en grappes. Pour bijoux une parure d'émeraudes cabochon, dans des plaques d'or mat, des magasins de *Janisset*.

On remarquait beaucoup les jolies demoiselles de L*** avec des robes de crêpe blanc, de longs rubans de gaze à fleurs satinés, en ceinture et aux épaules, et des guirlandes de *lierre naturel* dans les cheveux.

Une belle robe était en pékin fond blanc à fleurs brochées, garnie d'un volant en point; ce volant relevé d'un côté par une agrafe de pierreries était haut d'un tiers.

Pl. No 31.

M O Д Ы.

Теперь, когда мода выказывается запыная, вѣрнѣйшій способъ опыскивать её въ госпитальныхъ, куда она появляется едва родившаяся и мало извѣстная, шамъ, гдѣ являются красивыя женщины, соревнуя новостью въ нарядахъ, гдѣ оглядываются съ любопытствомъ, принося мысль, чпобъ быть принятою или отброшеною. На этихъ дняхъ было собраніе у графини Д... Сохраняя извѣстныя матеріи, пробовади нѣкоторыя новыя покроя. Вышиванья совсѣмъ въ новомъ родѣ; плюи, вышитыя шелкомъ и шерстью, опѣненные цвѣты или узоры изъ согласныхъ шнѣй.

Мы опишемъ нѣкоторыя общія подробности, гдѣ найдушь описъ воспоминаіе исчезающихъ модъ, и угадаушь возраждающіяся.

На г-жѣ Т... было вышитое плюевоое платье, гирландами, изъ весьма нѣжныхъ голубыхъ *liserons*, между которыми были разбросаны розовыя распуковки. Юбка была опдѣлана кружевною оборкою, какъ и лифъ à la *Sévigné*. Въ волосахъ г-жѣ Т... была гирланда изъ *liserons* и розовыхъ распуковокъ, одно изъ прелеснѣйшихъ произведеній г-на *Batton*.

На г-жѣ S... было платье изъ Индѣйской кисей, открывавшееся на юбкѣ изъ бѣлаго *pou de soie*, опдѣланной во всю длину оборками изъ Ангійскихъ кружевовъ; бока кисейнаго платья, опдѣланные также Ангійскими кружевами, прихвачены были къ нижней юбкѣ вѣшками мохъ-розы; въ волосахъ её, сдѣланныхъ à la *Berthe*, два букета розъ кисьями. Приборъ изъ изумрудовъ *cabochon* въ бляхахъ изъ маповаго золота, изъ магазина *Janisset*.

Замѣшны были очень хорошенкія дѣвицы de L... въ бѣлыхъ креповыхъ платьяхъ; длинныя газовыя ленпы съ апласисными цвѣтами, для пояса и на плечахъ, и гирланды изъ насполящаго плюща въ волосахъ.

Красивое платье изъ бѣлаго *pékin*, съ запканными цвѣтами, опдѣлано оборкою изъ кружевовъ; оборка, приподнятая съ одной стороны заспежкой изъ каменьева, была шириною въ шресть юбки.

Карпичка модъ No 31 раздается при семь листкѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 85.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Октября 24 дня, 1854 года.

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И тѣмъ ея вѣрнѣе губимъ
Средь обольстительныхъ сѣпей.

А. Пушкинъ.

П Л А Ж С А.

СБОРЪ НА МОНАСТЫРСКОЕ СТРОЕНІЕ.

Закупавшись въ непромокаемую шинель, въ резиновыхъ колошахъ и подъ зонтикомъ, бѣжалъ я подъ дождемъ опѣ Симіоновскаго моста къ Анничковскому за важною надобностью. Пропивъ дома Д. Л. Нарышкина повспрѣчалась со мною спарая монахиня, безъ зонтика, безъ колоши и въ плащѣ, весьма проникаемомъ. Я положилъ ей гривенникъ въ кружку и, прикрывъ своимъ зонтикомъ, спросилъ откуда она. Монахиня опивчала, что изъ Н. Н. «Давно ли?» — Уже чепыре мѣсяца. — «Сколько собрали вы денегъ?» — До прехъ сотъ рублей. — «И вы довольны щедростію здѣшнихъ жипелей?» — Здѣсь не безъ добрыхъ людей; подаваніемъ я довольна, и молю за нихъ Господа; но грубость холопей и презрительные отказы баръ часто вырываютъ изъ груди слова божественнаго Спасителя: *Входяще въ домъ, цѣлуйте достойнаго, глаголюще: миръ дому сему. И аще уба будетъ домъ достоинъ, придетъ миръ вашъ на нъ. Аще ли же не будетъ*

достоинъ, миръ вашъ къ вамъ возвратится. Часто я опряжаю ризу, выходя изъ домовъ. — Слушая инокиню, я позабылъ о надобности, которая выгнала меня въ несчастіе изъ дома и попросилъ позволенія сопроводить ея.

Она позволила въ колокольчикъ у огромныхъ каменныхъ палатъ. Ливрейный лакей въжливо отворилъ ей и проводилъ вверхъ по лѣстницѣ. Я прислонился къ стѣнкѣ, подъ зеленымъ навѣсомъ крыльца и спросилъ у вышедшаго на улицу дворника: кто здѣсь живѣтъ? — Г. N....; — опивчала онъ. Черезъ чепверть часа возвратилась моя сопутница и, показывая полученную ею двадцати пяти рублевую бумажку, рассказала, что ея впустили въ графскій кабинетъ ни минутой не дожидаясь, что его сіятельство началъ свой разговоръ словами: «По какой дурной погодѣ ходите вы, сударыня. Вы вѣрно озябли?» — Я собираю на церковь. Христь перпѣлъ, и мы перпѣтъ обязаны; я опивчала ему.

Мы вошли въ модный магазинъ. «Что покупаете вы?» спросила Француженка, содержательница онаго, черезъ переводчика: «у меня есть самыя новѣйшія ткани, плашки

и ленты, только сей часъ изъ Парижа полученныя.»—Я не покупать пришла,—отвѣчала ей монахиня: а собирать на церковное строеніе. — Мадамъ вскрикнула: «Нельзя напасись денегъ; мы поргуемъ худо; припомъ же въ долгъ. Наши заимодавцы деруптъ съ насъ деньги, а намъ никто не платитъ. Мы въ конецъ разорились!» вынула грошъ и съ важнымъ видомъ опустила въ кружку.

Между тѣмъ разведрилось, солнце и грѣло и сіяло. Въ самыхъ дверяхъ сосѣдственнаго съ магазиномъ дома мы столкнулись съ няней, которая вела за руку прелестное дитя.—У себя ли барыня?—спросила монахиня. «У себя!» въ поропяхъ сказала няня. И потомъ, испугавшись, вскрикнула: «я ошиблась, барыня изволила уѣхать со двора.»—Неправда,—вскричала малютка: маменька дома, она еще не одѣвалась.—«Молчите, маленькая болтунья, вы ничего не знаете, а болтаете;» закричала на неѣ грозная няня. — Нѣтъ, я лучше тебя это знаю, я сей часъ цѣловала у неѣ ручку. Она сидитъ передъ бюро и рисуетъ незабудку. Войдите,—сказала она, оборотясь къ монахинѣ: маменька будетъ вамъ рада!—Однако служительница Христова не воспользовалась ея милымъ приглашеніемъ — и, повороши въ переулочъ, постучалась у Русскаго сапожника. Малютка, идя вслѣдъ за нами, твердила съ недовольнымъ видомъ: *Злая няня!*

Мы вошли; я занялся разсматриваніемъ сапоговъ, будто желая заказать для себя.—Мы бѣдны,—со вздохомъ сказала жена мастерового.—«Все таки подай что нибудь. Сего дня нашъ Яша именьникъ: Богъ наградитъ его.» Моя сопутница, не зная почему, не пошла далѣе по переулку, а ворочилась на большую улицу и вошла въ кондитерскую, отлично мѣблированную и съ цѣльными стѣклами. Она обратилась къ пожилому толстяку, у котораго подбородокъ висѣлъ на груди и котораго, кѣшала шоколадъ съ бисквитами, читалъ Journal des Débats.—Не подадите ли чего нибудь на церковное строеніе бѣдному заштатному монастырю?—«Я самъ нищій и прошу подалія!» отвѣчалъ жирный богачь—

и, отвернувшись, продолжалъ чипать газету.

Не дождавшись монахини, я оставилъ кондитерскую и, проходя мимо подъѣзда господа К....ой, своими ушами слышалъ, какъ она, сядя въ карету, подозвала своего офиціанта *Кашпара*, дала ему серебряный рублѣвикъ и сказала: «Опдай эти деньги монашенкѣ изъ N. N., если она сего дня придетъ ко мнѣ.» *Кашпаръ* отвѣчалъ: Слушаю-сь. — Карета умчалась.

Кашпаръ, уже полуспяный, пробормоталъ себя подъ носъ: «Какъ бы не пакъ, мнѣ самому нужны денежки; я самъ себя сдѣлаю подаяніе.» — Онъ положилъ рублѣвикъ въ карманъ и, когда подошла къ крыльцу монахиня, онъ на опрѣзъ отказалъ ей, сказавъ: «Барыня опочиваетъ и долго пропочиваетъ еще, потому что вчера поздно изволила прѣхать съ бала.»

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПАЛО ПАОЛИНИ.

I.

Рыбакъ *Паоло* взошелъ на Везувій и спалъ смотрѣвъ на море. Оно было тихо и спокойно, небо прозрачно и безоблачно, воздухъ дышалъ благоуханіемъ. Тамъ и сямъ нѣсколько лодокъ разсѣкали блестящую поверхность водъ; въ каждой изъ нихъ сидѣло по шрое въ коропкихъ полукафтаньяхъ темнаго цвѣта и красныхъ колпакахъ. Люди эти принадлежали къ бродящему семейству рыбаковъ съ обнаженными до колѣнъ ногами, волосами, чѣрными какъ смоль, и мощными, широкими плечами, и громкіе голоса ихъ, напѣвая унылыя пѣсни, разливались далеко по волнамъ, какъ послѣднее сіяніе заходящаго солнца. Колоколь призывалъ къ вечерней молитвѣ. Взорамъ представлялась опвсюду великолѣпная картина: Неаполь съ своими предмѣстїями и заливомъ, на пятьдесятъ миль въ окружности, плавалъ, казалось, въ морѣ золота. Группы пре-

красныхъ домиковъ, разбросанныхъ у подошвы Везувія, оживляли своими воздушными кровлями, покрытыми чистою извѣспью, тёмную зелень виноградныхъ лозъ, дающихъ превосходное *Lacryma-christi*. На лѣво, роскошно разстились по берегу моря Порпиччи, Резина, Торре-дель-Греко, Торре-дель-Аннунціата, Спабія, рядъ селеній, которыхъ бѣлыя перасы долго еще послѣ того, какъ солнце постепенно сокрыло отъ нихъ лучи свои, сохраняли багряный или розовый оттѣнокъ. На право, Павзлимпъ начиналъ уже отражать тѣнь свою на свѣпломъ зеркалѣ водъ, въ которомъ, каждый разъ, когда лѣтний валъ взбѣжавъ на берегъ, съ ропотомъ умиралъ на немъ, дрожалъ густой древесный вѣнокъ его. На полднемъ планъ карпимы, въ разстояніи двадцати пяти миль, едва видѣлись на горизонтѣ мрачныя и утесистыя вершины острова Капри.

Но *Паоло* не удѣлилъ даже взора вѣмъ этимъ видоизмѣненіямъ прелестной и живописной природы. Съ напряженнымъ вниманіемъ устремилъ онъ глаза къ плодоноснымъ горамъ, ограничивающимъ заливъ, и у подошвы которыхъ лѣпляся Соренпо и Каспелламаре. Скоро чѣрная почка возникла на горизонтѣ. Мало по малу она расширялась и увеличивалась, и наконецъ превратилась въ парусъ, рѣзко обозначившійся на синевѣ воздуха. *Паоло* задрожалъ; тщательное осмотръль курокъ и полку карабина, на который опирался; потомъ, съ быстротою лавы, выбрасываемой волканомъ во дни изверженія, спустился по отлогости Везувія и миновавъ, Помпею, какъ безумный пустился бѣжать вдоль по берегу, по карабкался по скользкимъ утесамъ, чтобы не упустить изъ виду паруса, по цѣплялся за гибкія вѣтви плюща и дикаго винограда, остяющія входъ во влажныя пещеры, ископанныя Римлянами за шестнадцать или осьмнадцать столѣтій до нашего времени.

Такимъ образомъ *Паоло*, задыхаясь, прибѣжалъ въ Каспелламаре. Тогда уже совершенно наступила ночь. При яркомъ сіяніи звѣздъ, зоркій и пронзительный глазъ его

различилъ потъ же парусъ въ открытомъ морѣ. Онъ подумъ на полку своего карабина, поправилъ кремень; потомъ, завернувшись въ сукошый плащъ свой, положилъ голову на камень и заснулъ подлѣ ружья своего, съ тѣмъ геройскимъ хладнокровіемъ и безпечностію, какія внушаетъ неизмѣнная рѣшимость и непоколебимая увѣренность въ правотѣ своего дѣла.

Вдругъ опдаленный говоръ, заглушаемый по временамъ шумомъ вѣсель, поразилъ слухъ его. Онъ вскочилъ, взомель на небольшой пригорокъ и обратился на востокъ.

Судно было тогда въ четверть мили разстоянія отъ берега и на вѣсхъ парусахъ несло къ Неаполю. Позади плыла на веслахъ шлюбка, озаренная багровымъ свѣтомъ фонаря. *Паоло* не упускалъ ихъ изъ вида: глаза его засверкали, ноздри расширились, сираниая улыбка блеснула на устахъ; онъ подкапиль къ берегу большой камень, спрятался за него какъ могъ, и принялся ждать въ молчаніи, снявъ однимъ колѣномъ на землю, прицѣлившись изъ своего карабина и положивъ на собачку указательный палецъ правой руки. Между тѣмъ шлюбка приближалась; шумъ вѣсель и голосовъ слышались ясвевнѣе и слышнѣе, волны по-ропливѣе и обильнѣе бѣжали къ берегу...

Паоло въ непертѣніи поднялъ глаза. Онъ былъ блѣденъ, и едва дышалъ. Это судно было то-ли самое, котораго ждалъ онъ? Эта шлюбка дѣйствительно ли заключала въ себѣ его добычу? Такъ! свѣдѣнія, которыя онъ успѣлъ собрать, были справедливы; предчувствія его не обманывали! Двѣ тѣни шевелились въ лодкѣ на одной скамьѣ, двѣ головы наклонялись одна къ другой при каждомъ ея колебаніи и мѣнялись поцѣдулями. Это была *Джіозеффа*! Это была жена его, *Джіозеффа*, которая покинула *Паоло*, прежде вѣрнаго солдата короля *Иоакима*, храбро выдержавшаго нѣсколько сраженій, а теперь богатѣйшаго и наиболѣе уважаемаго изъ Неаполитанскихъ рыбаковъ; покинула того, который пакъ любилъ её, чтобы предаться во власть капитана одного Австрійскаго брига, остановившагося за три мѣсяца

предъ пѣмъ въ Неаполитанской гавани, барона *Вильгельма Гансфельда!* Это была *Джіозеффа*, подруга, избранная его сердцемъ, нѣкогда столь чистосердечная и довѣрчивая, столь непорочная и набожная; *Джіозеффа*, дочь суроваго рыбака *Томмазо Барбоне*, гордость своей манеры, перль Италіи; *Джіозеффа*, которая изъ одного тщеславія, для того, чтобы носить богатые уборы, имѣть великолѣпную карету, мраморныя палаты въ одной изъ лучшихъ улицъ города, уединенную виллу за городомъ; для того, чтобы по вечерамъ, сидя въ позлащенной ложѣ Санъ-Карлосскаго театра, привлекашь всѣ взоры роскошью и изысканностью своего наряда, въ одинъ день добровольно опоздалась отъ женской гордости, нарушила обязанности супруги и матери, и покрыла позоромъ всю прежнюю мирную, невинную жизнь свою....

Теперь, послѣ долгой и веселой прогулки по заливу въ шлюбкѣ, принадлежавшей брига, капитанъ и его любовница возвращались въ легкой лодкѣ на ночлегъ въ свою загородную виллу, отправивъ шлюбку обратно къ мѣспу ея назначенія. Оба они пѣли и смѣялись: онъ пѣмъ громкимъ смѣхомъ, который происходитъ отъ чистой совѣсти или отъ закоренѣлой привычки къ разрапу; она, съ живостію, кокетствомъ и безпечностію, не думая о томъ, что можетъ быть скоро наступитъ день, въ который *Паоло* въ отчаяніи, подспирекаемый несчастіемъ и ревностію, и переходя отъ презрѣнія къ ненависти, почтетъ недостаточнымъ пролить всю кровь ея, въ искупленіе спрдацій, которыхъ она была для него причиною, щастіи, котораго она его лишила!

Лодка причалила шагахъ въ пятнадцать отъ берега. Капитанъ сталъ на скамью, взялъ обѣими руками весло, вопкнулъ его въ землю, и собравъ всѣ силы, покачнулъ лодку сверху внизъ, чтобы выдвинуть её на берегъ. Въ такомъ положеніи трудно было попасть въ него; однако-жь *Паоло*, не теряя бодрости, нацѣлилъ прямо въ грудь капитана.

«Берегись *Джуліельмо*,» сказала *Джіозеффа*: «берегись, *тío caro*, лодка можетъ опрокинуться.»

Проклятіе! Это былъ ея прежній голосъ; потъ сладкій и привѣтливый голосъ, который столько разъ приводилъ его въ умиленіе, когда возвращаясь съ упренной ловли въ свою хижину, онъ слушалъ съ улицы, какъ она убаюкивала въ колыбели своего первенца какую нибудь заунывную пѣсню. Несчастная! И все это было забыто ею! И она безвозвратно предалась друтому!

Паоло проливъ воли содрогнулся: сердце его облилось кровью; тяжелое бремя придавило грудь его. Но глазъ его оспался въ ренъ, рука не потеряла своей твердости. Онъ спустилъ курокъ.... капитанъ зашатался и упалъ въ море.

Прежде чѣмъ прибрежное эхо повторило громъ выстрѣла, прежде чѣмъ вскрикнула *Джіозеффа*, *Паоло* въ три прыжка очутился подлѣ неё, и сильнымъ ударомъ весла, снова столкнулъ лодку въ воду.

«Пресвятая Дѣва!» вскричала въ ужасѣ молодая женщина.

— Ко мнѣ, ко мнѣ, *Джіозеффа!* — сказалъ капитанъ, выходя на поверхность волнъ и судорожно хватаясь за края лодки.

«Жди её на днѣ морскомъ!» отвѣчала *Паоло*, и оставя весло, хладнокровно размозжилъ ему голову прикладомъ своего карабина.

«Подлецъ!» пролететала *Джіозеффа*, забываясь отъ ужаса при звукахъ эпаго голоса.

— Подлецъ?... — сказалъ *Паоло*: клянусь св. *Іаннуаріемъ*, ты лжешь! ты знаешь, что я не подлецъ! —

«Убийца!» возразила она машинально.

— Убийца?... Пусть такъ; но развѣ ты думаешь, что если-бъ я потребовалъ отъ барона *Гансфельда* удовлетворенія въ обидѣ, то онъ сталъ-бы подвергать опасности жизнь свою противъ моей, противъ жизни ничтожнаго рыбака? Развѣ ты думаешь, что убиваютъ только свинцомъ или желѣзомъ?... —

— Жена, — продолжалъ онъ съ мрачнымъ и угрюмымъ видомъ: естъ ли съ побою чѣпки? —

«Матерь Божія! что онъ говоритъ? Помогите!» закричала *Джіозеффа* въ отчаяніи: «злойъ убьетъ и меня!»

— Естъ ли съ побою чѣпки? — повпорилъ *Паоло*.

«Господи! И никого, кто-бы защитилъ меня;» прошептала она измѣнившимся голосомъ.

— Никого, *Джіозеффа*. Шлюбка теперь уже далеко; въ Каспелламаре всѣ спятъ; мы одни: молись! —

«Помилуй! пощади!» вскричала она съ трепетомъ, бросаясь къ ногамъ его: «пощади меня! я раскаяваюсь... Не убивай меня: мнѣ страшно!»

— Посмотри! — сказалъ *Паоло*: пругъ пвоего *Джуліеллио* плаваетъ вокругъ нашей лодки; онъ багрить воду своею кровью; онъ провожаетъ тебя, зоветъ тебя... Тебѣ должно благодарить меня за то, что я хочу соединить васъ!... Спрашно! (При этомъ словъ дикая радость блеснула на лицѣ его.) По этому ты не любишь его? по этому ты жертвовала ему своею честью изъ пщеславія?... —

Онъ умолкъ, и попомъ, не перемѣняя положенія, сказалъ, гордо положивъ ей на плечо руку:

— Мать пвоя умерла вчера вечеромъ! —

«Умерла?...» повпорила *Джіозеффа*, содрогаясь всѣмъ тѣломъ отъ прикосновенія грубой руки его.

— Да! — сказалъ *Паоло* съ жестокою холодною: и умерла, проклиная тебя! —

«А *Паоло*? а сынъ нашъ?» вскричала она съ неизъяснимымъ безпокойствомъ.

— Сынъ пвой? Онъ также умеръ! Ты сама убилъ его! —

При этомъ грозномъ отвѣтѣ, *Джіозеффа* лишилась чувствъ и упала на землю. Волосы ея развязались и шелковыми волнами рассыпались по плечамъ; грудь ея вздымалась отъ рыданій; *Паоло*, пронувшій ея положе-

ніемъ, смотрѣлъ на неѣ съ минутой взоромъ менѣе свирѣлымъ.

Варугъ она приподнялась и съ твердостью сказала:

«Убей меня! Вижу, что мнѣ должно умереть! такъ убей меня!... Что же? ты колеблешься? дрожишь?... На! возьми кинжалъ свой, — прибавила она, вынувъ его до половины изъ ноженъ. Не бойся! я приговилась къ смерти.»

— Нѣтъ, — сказалъ *Паоло*: не здѣсь, *Джіозеффа*! Я призываю Бога въ свидѣтели, что это остріе никогда-бы не пролило капли пвоей крови, что оно никогда-бы не вонзилось въ пвое сердце, чтобъ исторгнуть изъ него преступное чувство, если-бы своимъ проступкомъ ты не изрыла могилы своей матери, если-бы судьба оставила мнѣ живое о тебѣ воспоминаніе, залогъ пвоей нѣжности, когда ты была еще чиста и непорочна! Я думалъ, что ты любила этого человека, но обманулся, и ты умрешь не здѣсь! Нѣтъ; ты увидишься съ своимъ сыномъ, увидишься съ матерью; ты увидишь ихъ лежащими на одрѣ смерти! Отецъ пвой бодрствуетъ надъ ихъ изголовьемъ; братъ пвой *Стеффано* пришелъ вчера изъ монастыря своего и проводилъ въ небеса ихъ души... Пойдемъ: долгъ его прощать или обвинять на землѣ; онъ разрѣшилъ тебѣ отъ пвоего преступления. —

Сказавъ это, онъ размахнулъ веслами, и лодка стремительно понеслась по морю. *Джіозеффа* сняла крестъ съ шеи, преклонила колѣна и стала молиться Богу. Долго плыли они въ молчаніи и не смотря другъ на друга. Наконецъ *Джіозеффа* спросила:

«Прощаешь-ли ты меня, *Паоло*?»

— Я молился за тебя, *Джіозеффа*, — отвѣчалъ *Паоло*.

«Благодарю тебя!» прошептала она.

Они съ изумленіемъ взглянули другъ на друга, и не сказали болѣе ни слова.

Наконецъ, предъ ними открылся Портичскій заливъ. Нѣсколько рыбаковъ, сидѣвшихъ на берегу, жарили рыбу на горячихъ

угольяхъ или осушали глиняныя бутылки, наполненныя виномъ; другіе, плавая въ лодкахъ, били острогами рыбу, которую привлекать свѣтъ фонарей ихъ.

Паоло вышелъ на берегъ въ уединенномъ мѣстѣ, покрылъ *Джіозеффу* плащемъ своимъ, чтобы еѣ не узнали, и пошелъ окольною дорогою къ небольшому домику, находившемуся на одномъ концѣ Порпици. При приближеніи ихъ, во внутренности хижины раздавался громкій лай.

— Молчать, *Луна!* — сказали *Паоло*. Они вошли. Ставщи въ хижинѣ были затворены. Свѣтъ лампы, вистѣвшей на стѣнѣ, съ трудомъ проникалъ печальный мракъ, господствовавшій въ единственной комнатѣ этаго дома. Въ глубинѣ, едва мерцали двѣ свѣчи желтаго воска, между поспелью и дѣпскою колыбелью. Подлѣ этой постели и колыбели сидѣли на скамьѣ двое людей; на постелѣ было тѣло мертвой женщины, въ колыбели спруть дѣтями.

Услышавъ шорохъ опъ плащя *Джіозеффы*, люди эти вспали съ мѣстъ своихъ. Младшій, въ одеждѣ Францисканскаго монаха, нагнулъ на глаза капшонъ и остановился: это былъ *Стеффано*. Другой, котораго лобъ былъ осыненъ немногими клоками сѣдыхъ волосъ, закрылъ руками лицо и снова упалъ на скамью: это былъ *Толмазо!* *Джіозеффа* наклонилась сначала къ постели и поцѣловала ноги умершей, потомъ къ колыбели, и залилась слезами. *Паоло* стоялъ позади неѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вскричалъ глухимъ голосомъ: *Джіозеффа!*... и не могъ продолжать болѣе. Но она поняла его.

«Когда тебѣ угодно!» сказала она.

— Пойдемъ, сестра! — молвилъ *Стеффано*.

Онъ сѣлъ и сѣдлаъ ей знакъ преклонивъ подлѣ него колѣна.

Вдали на колокольнѣ пробило четыре часа.

— Готово-ли?... — спросилъ *Паоло*.

— *In nomine patris, et filii, et spiritus sancti, absolvo te!* — прошепталъ монахъ.

Онъ въ свою очередь спалъ на колѣна и началъ молиться. Кающаяся грѣшница съ поникшею головою подошла къ опцу своему.

«Благослови меня, батюшка!» сказала она: «я готовлюсь умереть.»

Толмазо положилъ ей на голову руки. Онъ хотѣлъ говорить... но зубы его застучали... Хриплый спонъ вырвался изъ груди его... Онъ опустилъ руки и оспался какъ бы равнодушнымъ ко всему окружающему.

Джіозеффа оперла слезы, попомъ твердыми шагами подошла къ *Паоло*, сняла косынку, и указавъ ему на грудь свою, сказала:

«Вонзай сюда; я буду менѣ мучиться!»

Паоло взглянулъ на неѣ: она была спокойна. Онъ присавилъ оспріе кинжала къ ея сердцу и отворопился.

Въ комнатѣ воцарилось глубокое молчаніе.

Вдругъ *Луна*, лежавшая у колыбели и съ безпокойствомъ слѣдившая глазами за всѣми движеніями своего хозяина, жалобно завывала. Два спрашные спона отпѣтствовали на вой собаки, и въ то же время два тѣла ударились о полъ.

— Небо и земля! — вскричалъ монахъ, бросааясь къ *Толмазо* и съ силою попрысая его за руку.

Онъ былъ мертвъ: души опца и дочери вмѣстѣ оплепѣли на небо.

II.

Путешественники, спранствующіе по Калабріи, часто подвергаются въ Аппенинскихъ горахъ нападеніямъ шайки разбойниковъ, которой апаманъ пользуется особоною извѣстностію за свое мужество и великодушіе. Онъ довольствуется обыкновенно умѣренною денежною платою и убиваетъ только тогда, когда встрѣчаетъ сопротивленіе. Монахъ *Францисканскаго* Ордена неразлучно ему сопутствуетъ, даже въ самыхъ опасныхъ его предпріятіяхъ; также какъ онъ, никогда не покидаетъ карабина и присутствуетъ при послѣднемъ издыханіи

умирающихъ. Эпопъ монахъ — *Стефанъ*;
апшманъ — *Паоло Паолини*. Правосудіе лю-
дей осудило его на смерть; онъ сдѣлался
разбойникомъ.

Съ Фр. Шп. Г—въ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ:

КАЗАКЪ-ЛЮБОВНИКЪ.

Луна, сребриспыми лучами
Играя въ облакахъ, плыла
Подъ голубыми небесами,
И ясный сводъ горѣлъ звѣздами;
Природа пихимъ сномъ спала;
Лишь хищный волкъ въ лѣсу, порою,
Томимый алчноспью своей,
Взвывалъ пропашно; подъ горою
Спруился съ ропотомъ ручей,
И свѣжій въперокъ съ долины
Въ сосѣдній лѣсъ принавѣвалъ,
Лиспами препенной осины
Легонько шамъ перебиралъ.

Въ превожныхъ думахъ погруженный,
Съ родными, съ милой разлученный,
Казакъ не спитъ. Онъ на конѣ,
Самъ-другъ, вооруженный рыщеть...
И въ безпріютной споронѣ
Надежной пристани не сыщеть.

Зачѣмъ, казакъ, въ степи пуспой,
Далѣко отъ семьи родной,
Зачѣмъ ты позднею порой
Однѣ?... Вопль свиснулъ отъ, пришпорялъ
Коня репиваго въ бока;
Рванулъ конь, свой бѣгъ удвоилъ,
И мчился вдаль. Но казака
Не тышишь бѣгъ коня репивый,
И радость сердца далека!...
Безнравный рокъ, себялюбивый,
Лишилъ его покоя; онъ
Для мирной жизни умерщвлѣлъ;
Онъ щасье поперлъ земное;

И, обольстительный обманъ,
Надежды призракъ, какъ туманъ,
Исчезъ... Предчувствіе пѣмое
Его ужасно плгопимъ!
Веселой пѣсни, какъ бывало,
Ужь не поѣшь казакъ удалой:
Онъ мраченъ, дикъ, угрюмъ, молчишь.

Л. Рылкинъ.

1834.

Тобольскъ.

E N I G M E.

Je serre étroitement les côtes
De la maison du plus charmant des hôtes,
Qui chez toi jamais soit reçu.
Cet hôte, qui de sa nature
Cherche la liberté par la moindre ouverture,
Et qui même serait par sa fuite perdu,
A besoin d'une sûre garde:
Mais l'homme que sa perte intéresse et regarde,
Et qui d'ailleurs connaît ma bonne foi,
S'en rapporte sans crainte à mes frères et moi.

Въ No 84-мъ, помѣщенная шарада значить: *Ба-таил*.

M O D E S.

On cite la toilette de Mme de L*** comme une nouveauté adoptée pour les soirées non dansantes. C'est une robe en mousseline de l'Inde, brodée en plain de soie plate rose, extrêmement pâle, ayant un volant brodé d'une petite guirlande se rapportant au plain. Le dessous est en pou de soie rose plus vif que la broderie, ce qui forme un transparent tout-à-fait brillant, et détache avec douceur la broderie du fond qui semble glacé. La robe de Mme de L*** ouvrait par devant sans garniture: ce genre peut être fait de façon ordinaire. Les mêmes broderies sont jolies, exécutées en toutes couleurs, bleu, rose, ou jaune particulièrement.

Enfin, pour terminer, nous parlerons d'une robe en pou de soie citron, couverte par une robe en point à l'aiguille d'un travail admirable. Les rubans

qui s'y trouvaient avec profusion étaient citron semés de marguerites; sur la tête, Mme de C*** avait un cordon en marguerites naturelles.

N'oublions pas, que voici l'automne avec ses pluies froides, et ses vents fatigans; l'automne pour lequel il faut des châles exprès, qui tiennent le milieu entre le foulard et les croisés de soie, et les manteaux de l'hiver. Nous voyons les *tartans brochés*, grands carreaux à fleurs damassées, nuances vives et pures, grands châles que les magasins *Sainte-Anne* et le magasin *de la Providence* nous ont seuls présentés. Les plus jolis sont écru et vert, violet et vert, rouge et noir; ils sont du prix seulement de 51 fr.

Au magasin *Sainte - Anne* exclusivement, nous voyons les *Bédouins pur cachemire*, carreaux pittoresques et composés de plusieurs couleurs, tissu souple et moelleux comme le cachemire de l'Inde, grands aussi sans bordure, avec une frange tordue, du prix de 40 fr. Ces derniers ont plus de distinction et de grâce que les autres; ils drapent avec une extrême facilité et se relèvent sur le cou en formant des plis onduleux.

М О Д Ы.

Говоря о нарядѣ г-жи L... какъ о новостѣ, принятой для непанцовальныхъ вечеровъ. Платье изъ Индѣйской кисеи, все вышитое несученымъ розовымъ шелкомъ, чрезвычайно блѣднаго цвѣта; оборка вышита узенькою гирляндой; узоръ опносящійся къ платью. Нижнее платье изъ розоваго *rou de soie*; цвѣтъ ярче шитья, что составляетъ совсѣмъ блестящую прозрачность, и

опдѣляетъ нѣжно шитье отъ грунша, который кажется двуличнымъ. Платье г-жи L... открывалось спереди безъ оборки; этотъ родъ платья приличенъ можетъ быть для простаго покроя. Это шитье красиво, и другихъ цвѣтовъ: голубое, розовое или особенно желтое.

Для окончанія, опишемъ платье изъ *rou de soie* лимоннаго цвѣта, покрытое платье изъ вышитыхъ кружевовъ удивительной работы. Ленпы, находившіяся на немъ съ избыткомъ, были лимоннаго цвѣта, усыянные маргаритками. На головѣ у г-жи C... былъ шнурокъ изъ наспоящихъ маргаритокъ.

Не забудемъ, что вопреку осень съ ея холодными дождями и упомянутыми вѣтрами; осень, для которой нужны особые платки, составляющіе средину между фуларами, шелковыми кипорными платками и зимними плащами. Мы видимъ запканные *tartans*, большія клѣпки съ камчатными цвѣтами; цвѣта яркіе и чистые. Большіе платки находящіяся только въ магазинѣ *Sainte-Anne*, и въ магазинѣ *de la Providence*. Самые красивые суроваго цвѣта съ зеленымъ, фиолетоваго съ зеленымъ, краснаго съ чернымъ; цѣна имъ только 51 франкъ.

Въ магазинѣ *Sainte-Anne*, исключительно, видимъ мы *Бедуинъ густой кашемиръ*; живописныя клѣпки, составленныя изъ разныхъ цвѣтовъ; ткань мягкая, какъ Индѣйскій кашемиръ; также большіе, безъ каёмъ, съ крученою бахрамою, цѣна 40 франковъ. Снъ послѣдніе опличнее и красивѣе шѣхъ; они ложатся весьма ловко и приподымаются на шею, составляя волнистыя складки.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду будутъ издаваться и въ наступающемъ 1835 году. Планъ остается прежній, то есть: каждую Среду и Субботу будетъ выходить по листу печатному, а всѣхъ въ годъ 104 листа или номера. Черезъ каждые 9 дней господа подписчики получаютъ по картинкѣ новѣйшихъ, съ послѣдней почтой полученныхъ модъ, модныхъ мебели, вещицъ, экипажей, платьевъ, шляпокъ, чепцовъ и пр. и пр. Всѣхъ же картинокъ въ годъ 40.

Исправность, съ какою выходили *Новости Литературы* и *Славянинъ* съ 1822-го по 1831-ой годъ, и *Литературныя Прибавленія* въ 1831, 1832, 1833 и 1834 годахъ, ручается почтенной Опечеченной Публикѣ за вѣрное и своевременное получение листовъ сей газеты сатирической, крипической, модъ, театровъ и словесности. — С. П. Б. 1834, Октября 24 дня.

Издатель, Статскій Совѣтникъ и кавалеръ А. Воейковъ.

С. Петербургъ. — Въ Типографіи Главнаго Управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій. —

Печатать позволяется: 20 Октября 1834 года. — Цензоръ А. Никитенко.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 86.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Октября 27 дня 1834 года.

Да! водевилъ есть вещь, а прочее всё гиль.

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДВА УПРАВЛЕТЕЛЯ: *ФЕДОРЪ СТЕПАНЫЧЪ*
и *ФИЛИППЪ МИХЪИЧЪ.*

I.

Федоръ Степанычъ до пятидесяти лѣтъ былъ крѣпостнымъ его превосходительства *Никиты Артамоновича*, а послѣ его кончины, его благородія опсавнаго гвардіи прапорщика *Бориса Никитича Блгогорскихъ*. Умный опъ природы, напѣршійся въ домовой конпоръ своего господина и особачившійся ооло подъячихъ во время хожденія по пляжебнымъ дѣламъ его, онъ 27 лѣтъ управлялъ у спараго барина шестью тысячами душами и барскимъ домомъ. *Борисъ Никитичъ* пошелъ не по бапюшкѣ: спарикъ прослужилъ опечеству 37 лѣтъ, сынокъ сержанпомъ полпора года; онъ скончался на 73-мъ году, а сынокъ на 34-мъ; — генераль-поручикъ *Никита Артамоновичъ*, получа послѣ родипеля полпоры тысячи душъ, оставилъ сыну шесть тысячъ, безъ копѣйки долгу; *Борисъ Никитичъ* не оставилъ по себѣ ни наслѣдства, ни наслѣдниковъ. За то у его управипеля, у *Федора Степаныча*, два сына — оба колдежскіе ассесоры и кавалеры, при камен-

ные дома въ Москвѣ, дающіе сложнымъ числомъ до осьмидесяти тысячъ рублей дохода. У него три дочери; онъ всѣхъ ихъ выдалъ за людей, офицію имѣющихъ и *благородіи* пишупуемыхъ; къ каждой прибавилъ 100 тысячъ рублей деньгами, да на 25 тысячъ пряпокъ, п. е. приданого.

Федоръ Степанычъ, не зная по Французскому, всю жизнь свою слѣдуетъ правиламъ Парижскихъ философовъ XVIII-го вѣка. Опъ хопя не говоритъ, но во всѣхъ поступкахъ своихъ обнаруживаетъ, что *la veritable charité commence par soi-même*, что умъ данъ намъ для того единственно, чтобы надувать другихъ. — «*На то щука въ моръ, тобы карась не дремалъ; за тѣмъ мужикъ хлопотетъ, что добра себѣ хогетъ; то не пропало, то къ намъ въ руки попало;*» безпрестанно на языкъ у него. Видя, что баринъ его моповалъ, и что у него деньги, какъ вода въ решетѣ, не держанся, онъ сперва присовѣтовалъ ему распродать въ деревняхъ заповѣдныя лѣса на срубку, и при сей вѣрной оказіи втѣрся къ покупщикамъ въ долю. Оконча сію операцію, онъ представилъ ему, что весьма выгодно заживочныхъ крестьянъ выпустиппъ на волю, взявъ съ нихъ деньги, смошря по ихъ состоянію: пупъ *Степа-*

ныгу перепадала въ карманъ копѣйка. Видя, что баринъ его, пустившійся въ игру и взявшій на содержаніе прѣхъ актрисы, безпрестанно нуждается въ деньгахъ, онъ предложилъ ему сбыть съ рукъ сѣпи и опхожія пустоши, а немного спустя, по его же совѣту, распроданы мѣльницы и рыбныя ловли. За такую усердную и полезную службу *Степанычъ* съ семействомъ получилъ отъ признательнаго своего господина опускную и записался въ купцы 2-й гильдіи. Сыновей своихъ, что дѣлаетъ ему большую честь, записалъ онъ въ гимназію, опколѣ, по выдержаніи испытанія, перешли они въ университетъ студентами. Выше мы уже видѣли ихъ въ чинахъ и орденахъ.

Лафонтенъ сказалъ: *L'appetit vient en mangeant*. Это сбылось съ *Степанычемъ*. Онъ, часъ отъ часу, спановился жаднѣе къ деньгамъ, а баринъ его, часъ отъ часу, помогалъ. *Степанычъ* давалъ ему займы деньги подъ чужимъ именемъ и дралъ жидовскіе проценты. Финансы *Бориса Никитича* все больше и больше запусывались, и онъ, желая устроить свои дѣла, заложилъ деревни въ Вспомогательный банкъ для дворянства, деньги проигралъ и прожилъ, а изъ заимодавцевъ удовлетворилъ только подставныхъ плутомъ *Степанычемъ*. Между тѣмъ, куча векселей поступила ко взысканію; полиція частенько спала навѣдываться о здоровьѣ *Бориса Никитича*; нахалы-кредиторы, дожидаясь въ передней увидѣть его свѣтлые очи, громко его побранивали, а у нѣкоторыхъ не разъ срывалось съ языка слово *тюрьма*. Горько, а нечего было дѣлать; баринъ съ управителемъ приступили къ продажѣ опчинъ, которыя, одна за другою, перешли во владѣніе къ цѣловальникамъ, сдѣлавшимся опкупщиками; къ секретарямъ, дослужившимся до ассесорства; къ фабричнымъ, вышедшимъ въ заводчики. Кончилось тѣмъ, что богатый баринъ обнищалъ, взявъ родною сесипрою на пенсію и умеръ съ горя, не доживъ до старости. *Федоръ Степанычъ* и теперь здравствуетъ. Онъ поселился въ Москвѣ и ведетъ жизнь примѣрную: не ѣстъ скоромнаго ни въ среду, ни въ пятницу и понедѣльничаетъ. Каждый праздникъ ѣздитъ

ко всенощной или заупрени, каждый день слушаетъ обѣдню, молился въ землю, споя на колѣняхъ; при выходѣ изъ церкви одѣлаетъ нищую братаію мѣдными грошами, и даже выстроилъ своимъ иждивеніемъ церковь въ Богоявленской пустынь.

О *Федорѣ Степанычѣ* можно сказать, что онъ свелъ домокъ въ одинъ уголокъ.

Изгучиснымъ путемъ фортуны достигая, *Степанычъ*, наконецъ, за трудъ свой награжденъ.

Въ его хранилища бѣжитъ спруа алапал; Услужниковъ полпа, друзьями окруженъ;

И жизнь среди упѣхъ спокойно протекаетъ: Теперь ничто ему быть честнымъ не мѣшаетъ!

Филиппъ Милычъ, дворовый человекъ пайной совѣтницы *Авдотьи Ивановны Н.*, которая оспалась вдовою на 22-мъ году отъ рожденія, съ четырьмя дѣтьми, шестью спами мужниныхъ, съ полутора спами своими душами и осьмидесятью тысячами долгу: худо! Она призвала *Филиппа Милыча*, которому было по-же не болѣе 25-ти лѣтъ, объявила ему о плохихъ своихъ обспоятельстввахъ; о томъ, что у неѣ всего на все 40 тысячъ рублей дохода; что ей хотѣлось бы ѣхать въ чужіе края, но не съ чѣмъ. Усердный управитель вызвался пересылать ей ежегодно по 20-ти тысячъ рублей, остальныя же доходы употреблять на уплату долговъ ея. Госпожа его очень обрадовалась такому выгодному его вызову; дала ему обѣщаніе ни рубля свыше положенной ей на прожитокъ суммы отъ него не претбовать, собралась, уѣхала.

Авдотья Ивановна пробыла 8 лѣтъ за границею. Возвратясь въ Москву, нашла она свои деревянные хоромы на Моросѣйкѣ уже совѣмъ обвѣшпалыми. Абрикосовая ихъ краска полинула, дощатыя колонны распрескались, рамы сгнили, обои ободрались, полы покривились, двери перекоробились. Это дало ей дурное понятіе о состояніи ея финансовъ. Она встрѣшила *Филиппа Милыча* не радостною вѣспочкою, объявила ему, что сдѣлала въ чужихъ краяхъ 40 тысячъ рублей новаго долгу.—«Не пужите, государыня *Авдотья Ивановна*: Богъ не безъ мило-

спи, авось какъ нибудь извернёмся и заплашимъ!» утѣшалъ её управитель. *Авдотья Ивановна*, у которой кошки скребли по сердцу, вынула изъ ридикюля реэспрь симъ долгамъ и отдала его ему. Такъ прожила она до 1-го Марша.

Въ день своего ангела, поѣхала *Авдотья Ивановна* къ обѣднѣ, отслужила молебень святой мученицѣ *Евдокии* и отправилась домой. Дорогою замѣтила она, что еѣ везущъ не по пѣмъ улицамъ, опустила переднее окно и спросила у кучера, куда онъ везётъ еѣ. — «*Домой!*» отвѣчалъ онъ увѣрительно. Черезъ нѣсколько минутокъ карета остановилась у Тверскихъ воротъ передъ прѣхъ-эпажными каменными палапами. «Куда вы завезли меня?» спросила удивленная именинница у лакея, отворившаго дверцу кареты. — «*Домой!*» отвѣчалъ лакей не замывшись. По великолѣпной, покрытой Англійскимъ ковромъ, чутунной, съ перилами изъ краснаго дерева лѣстницѣ, взошла она въ великолѣпные черпоги, гдѣ встрѣтилъ еѣ управитель съ услугою въ пышной ливреѣ. Богатая мѣбель, шелковые занавѣсы, мраморные каминны, бронзовые канделябры, транспараны, паркетъ, соотвѣтствовали огромности свѣтлыхъ комнатъ. Въ маленькой гостиной нашла она фортепiano-рояль, въ своемъ кабинетѣ маленькія превосходнаго тона Англійскія клавикорды, а въ парадной гостиной на столѣ уплаченные свои векселя, изъ за границы присланные. Со слезами на глазахъ, бросилась распроганная барыня обнимать вѣрнаго слугу своего. Всѣ родственники ея и знакомые съ поздравленіями.... наѣхали, нашли — и сѣли пировать. За столомъ признательная именинница рассказала, что она всѣмъ своимъ благосостояніемъ обязана усердію *Филиппа Михлыга* и предложила гостямъ выпить за его здоровье по покалу Шампанскаго. Честный управитель упалъ на колѣни — и безмолвно добызалъ руку госпожи своей. Въ полъ же день дана ему съ семействомъ свобода, и двѣ дочери взяты на воспитаніе вмѣстѣ съ ихъ барышнями. *Авдотья Ивановна* ни въ чѣмъ не рознила ихъ съ собственными дѣтьми: уроки они брали у однихъ учителей, плахья

носили съ одного плеча, обѣдали за однимъ столомъ съ барынею. Только *Михлыга* не могла она уговорить сидѣть въ ея присупствіи: ни приказанія, ни упросы не дѣйствовали!

Прошелъ Апрель: умолкли пѣсни подъ Новинскимъ, сняты качели, разломаны лубочные балаганы фокусниковъ — и Москва рѣка разбила стеклянныя свои оковы. Промелькнулъ *Лукерьянъ* день, въ который *Авдотья Ивановна* въ пышной четверомѣстной каретѣ, на цугѣ сѣрыхъ спатныхъ коней, съ дѣтьми и пріемышами развѣзжала на гулянь подѣ Дѣвичьимъ монастыремъ. Наспугило 1-е число Мая, гдѣ опять блеснула она въ новомодной коляскѣ, на гулянь. Вотъ уже и Николай день: *Филиппъ Михлыга* доложилъ барынѣ, что не худо бы еѣ воспользоваться благопріятною погодою, осмотрѣть деревеньки и порадовать собою добрыхъ ея подданныхъ. Госпожа его была лѣнива на подѣмъ; однако-жъ, видя неопступныя доуки любимаго ею управителя и желая сдѣлать ему пріятное, приказала изготопить дорожные экипажи. 15-го Мая, въ тёплое веселое утро, выѣхала она изъ Москвы въ сопровожденіи *Михлыга* въ Рязанскую губернію, гдѣ было у неѣ 80 ревизскихъ душъ въ Сапожковскомъ уѣздѣ — и при компаньи для пріѣзда. Московская барыня, привыкшая развѣзжать по Подмосковнымъ, не хуже Англійскихъ замковъ отстроенныхъ, а гулять по прекраснымъ садамъ и сѣнскимъ рощамъ, заранѣе зѣвала отъ скуки, еѣ въ степной деревушкѣ ожидавшей. Какъ же она пріятно была удивлена, когда миновавъ длинную березовую алею, повезли еѣ по незнакому еѣ селу, широкою улицею, между красивыми бѣлыми избами, когда увидѣла она двѣ каменныя церкви, и когда поворопили на красной барскій дворъ, на которомъ толпились крестьяне въ синихъ армякахъ, съ мѣдомъ, гусьми, яицами, бабы въ золотыхъ сорокахъ и дѣвушки въ шелковыхъ понявахъ! *Михлыга* доложилъ ей, что это село прикупилъ онъ по той причинѣ, что оно смежно съ ея деревенькою. Барыня наскоро переодѣлась, вышла на балконъ, благодарила мужичковъ за ихъ привержен-

нось. *Михлыгъ* выкапиль изъ подвала бочку вина, при бочки пива; проворные дворовые люди примчали сполы, накрыли ихъ чистыми скаперпями, поставили хлѣбъ-соль, караваи, пироги, вареную вепчину, жареную говядину; пошли круговые ковши, завѣпные сполы; замились пѣсни, загремѣли бубны—началась пляска, хороводы: опкуда что взылосъ!

Изъ этой деревни *Михлыгъ* повѣзъ госпожу свою въ другую, изъ другой въ претью. При концѣ путешествія, на повѣрку вышло, что онъ накупилъ ей, въ осьмилѣтнее ея отсутствіе, 7000 душъ, заплапиль всѣ долги и приобрѣлъ каменный домъ, одинъ изъ огромнѣйшихъ и лучшихъ въ споліцѣ. Покойный графъ *О. В. Р.*, зная его способность и грамотность, предлагалъ ему опредѣлиться въ службу; но честный *Михлыгъ* предпочелъ оспаться первымъ въ своемъ званіи, нежели послѣднимъ между чиновниками. Онъ и пеперь еще здравствуетъ. Старшая дочь его, красавица собою, благовоспитанная, была за мужемъ за полковникомъ, который убилъ подъ Варною въ 1828 году. *Авдотья Ивановна* подарила ей 300 душъ крестьянъ и богатое приданое, также, какъ и сестрѣ ея, вышедшей за Сенатскаго секретаря, надворнаго совѣтника и кавалера, не богатаго, но честнаго.

«Человѣкъ, работающій и имѣющій во всемъ изобиліе, лучше, нежели величающійся и неимѣющій хлѣба!» говорилъ Сирахъ.

Блескъ золоту даетъ его употребленіе!

А. Кораблинскій.

1834 года,
Сентября 13-го.
Село Рыбацкое.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Д В Ъ Ж Е Н Ц И Н Ы.

Хотя вѣкъ нашъ и спарается усвоить названіе вѣка искусствъ и изящныхъ произведеній, но врядъ-ли онъ оставитъ для будущаго сполько разнообразныхъ, смѣлыхъ и оригинальныхъ памятникъ, какъ вѣка,

слѣдовавшіе за Крестовыми походами, когда всѣ искусства соединялись вмѣстѣ для того, чтобы воздвигнуть зданіе; когда вся домашняя упварь украшалась рѣзбою, всѣ спѣны покрывались живописью. Ваятель пворилъ тогда то, что спрогаепъ въ наше время спольаръ; живописецъ одушевлялъ то, что малюепъ проспой маляръ; художникъ прудился надъ тѣмъ, что выдѣлываетъ кузнецъ или плопникъ съ помощію пилы и молота. То былъ наспоющій вѣкъ арписповъ, когда алпари, каеадры и даже церковныя скамьи были произведеніями искусства; когда двери, сполы и спулья вырѣзывались изъ дерева; когда чеканили фамильный кубокъ или ручку кинжала и сабли; когда миніапюрная живопись убирала церковныя книги своими яркими красками; когда гравировка на деревѣ дѣлала хронику карпшиною галерею; когда живопись украшала спѣны, пополки, перекладины, спекла готическихъ оконъ; когда, какъ мы сказали, каждое искусство обязано было принести какую либо дань сооружаемому дворцу или храму.

Эти поэтическіе дни приходили уже къ концу въ семнадцатомъ сполѣтїи, успуная склонности къ искусствамъ классическимъ. Однако-же, какъ оспавались еще любилели, то по временамъ вспрѣчались образцы пѣхъ оригинальныхъ художниковъ, которые совершенно исчезаютъ не прежде, какъ будущи всѣми покинуты.

Такимъ образомъ, *Генрихъ Фербруггенъ*, въ Антверпенѣ, былъ истинный художникъ. Веселый; разгульный, беззаботный, онъ думалъ полько о двухъ предметахъ: во первыхъ, о своемъ искусствѣ, а во вторыхъ, объ удовольствіяхъ.

Онъ женился, какъ женятся всѣ арписпы, по чрезвычайной потребности въ новыхъ ощущеніяхъ, по очарованію, которымъ дѣйствуюенъ прелестная наружность на пламенные взоры; онъ женился въ ожиданіи найсти ангела въ женщинѣ съ скромнымъ взглядомъ, гибкимъ и спройнымъ спаномъ, кропкимъ и смиреннымъ видомъ. Выборъ его палъ на *Марюу фанъ Меерекъ*. Она была такъ добра, такъ миловидна, такъ робка, что

Фербруггенъ думалъ встрѣпипть въ ней десятиую Музу, а ему того только и хотѣлось.

Но привязанная къ земному и вещественному, добрая *Марва* скоро показала себя пѣмъ, что называюпть хозяйкою. Она вела щѣпы, боялась входипть въ долги, наблюдала за порядкомъ въ домѣ; и *Фербруггенъ* съ прискорбіемъ увидѣлъ, что въ ней вовсе не было свойствъ, необходимыхъ для жены художника.

Прошло нѣсколько лѣтъ со времени его жениптьбы. *Марва*, которая была-бы неопѣненною и кропкою подругою человѣка положительнаго, сокровищемъ какого нибудь мирнаго негоціанта, была въ его глазахъ злою и сварливою женщиною. Она безпрерывно находила причину жаловаться, по за себя, когда у ней недоставало денегъ, по за дочь свою, когда она нуждалась въ платьѣ, по за свое хозяйство, въ которомъ не было никакого порядка. Она ворчала на мужа, который часто прибѣгалъ къ бушылкѣ, на его пріятелей, которые водили его въ питейный домъ, на сосѣдей, которые осуждали ея мужа. Бѣдная *Марва* не могла назваться щастливою. Съ своей стороны, *Фербруггенъ* также былъ недоволенъ своею участію. Онъ извѣдалъ разочарованіе. И какъ исполковать желанія артиста? Онъ хотѣлъ бы имѣть жену, беззаботную, какъ оно самъ; но я спрашиваю васъ, читатель, который такъ вѣрно знаете человѣческое сердце, могъ-ли бы онъ любить такую женщину? *Марва* была беременна вторымъ ребенкомъ, когда Антверпенскіе Іезуиты, зная прекрасный паланпъ *Фербруггена*, заказали ему въ 1699 году каеэдру для своей церкви.

Артистъ былъ чрезвычайно обрадованъ эпимъ порученіемъ. Онъ спалъ думать, и вымыслилъ пвореніе огромное, удивительное, долженствовавшее заключать въ себѣ какъ-бы всю исторію Христіанской религіи.

— Подъ шаромъ, который будетъ изображать земной шаръ, — сказалъ онъ: я поставлю *Адама* и *Еву*, въ минушу, послѣдовавшую за ихъ пагубнымъ ослушаніемъ, вовлекшимъ въ погибель весь родъ человѣчскій. Изъ эпатаго шара, который будетъ

представляпть землю, я сдѣлаю каеэдру, подкрѣпивъ ее по угламъ чепырьмя Евангелистами. Длинные изгибы змѣя будутъ продолжаться отъ человѣка, стоящаго ниже земли, до Богоматери, которую я изображу сполщею выше неба, и памъ, на полумѣсяцѣ, служащемъ ей подножіемъ, крестомъ сокрушающею нечиспую главу искусителя. Подлѣ человѣка я поставлю Херувима, вооруженнаго пламенъющимъ мечемъ; а рядомъ съ женщиною, прекрасною, отвращительный образъ смерти; это составипть рѣзкую противоположность. —

— Я хочу, — прибавилъ онъ: чтобы Божественный Младенецъ *Иисусъ*, спол предъ Своею Матерью, попиралъ ногою пастъ чудовища. Я хочу, чтобы Пречистая Дѣва имѣла на главѣ звѣздный вѣнецъ. Я соединю въ моемъ произведеніи Ангеловъ, пылающихъ Херувимовъ, пламенныхъ Серафимовъ, и дерево одушевитъ подъ моими перспами. —

Художникъ принялся за работу. Онъ прудился усердно, однако не забывалъ удовольствій; а жена его пѣмъ больше сѣтовала, чѣмъ больше слышала похвалъ его генію.

Наскучивъ жалобами жены своей, *Фербруггенъ* рѣшился опмстипть ей въ своемъ пвореніи, и такимъ образомъ увѣковѣчипть свое мщеніе. Въ досадѣ, онъ думалъ, что можетъ наказать *Марву*, выразивъ опличительныя свойства женщины сатирическими эмблемами. На лѣспницѣ, которая вела отъ *Евы*, преспутившей заповѣдь и еще сохранившей въ рукѣ гибельный плодъ, онъ изобразилъ павлина, символъ гордости; бѣлку, символъ разрушенія; пѣпуха, символъ смятенія и шума; марпышку, символъ злости; пороки, вовсе не имѣвшіе доступа къ сердцу *Марвы*.

Надъ изображеніемъ мушины прудился онъ съ усердіемъ и списходиптельностью, и оно послужило лучшимъ украшеніемъ его пворенія; изображеніе женщины опдѣлывалъ съ досадою и предубѣжденіемъ, и въ немъ потчасъ обнаружился недостатокъ естеспенности и живости. Потомъ, желая дополнитъ свой урокъ, между эмблемами, коими онъ украсилъ лѣспницу, шедшую со стороны мушины, *Фербруггенъ* помѣспилъ

орла, символъ генія. На эпомъ остановился прудъ его, когда муки беременности принудили *Марю* слечь въ постель. Разрѣшеніе ея было очень нещасливо; она родила мертваго ребенка, и чрезъ нѣсколько часовъ сама испустила послѣдній вздохъ.

Кто-то сказалъ, что мужа узнаютъ цѣну своимъ женамъ только тогда, когда ихъ лишаются; это испыталъ на себѣ *Фербруггенъ*; онъ оплакалъ *Марю*, вспоминая лишь о прекрасныхъ ея свойствахъ, и упрекая себя въ горестяхъ, которыми онъ причинилъ ей. Онъ потерялъ охоту прудиться, и скоро еще болѣе извѣдалъ всю цѣну доброй жены. При жизни *Мары*, онъ привыкъ къ предупредительности и заботливости съ ея стороны, привыкъ всегда вспрѣчь руку, готовую помогать ему въ его нуждахъ. Теперь ему грустно было возвращаться въ опустѣлый домъ свой, и не имѣть никого, кто-бы позаботился о его обѣдѣ, приготовилъ ему одежду. Тутъ онъ почувствовалъ сказанное въ послѣдствіи *Франклиномъ*, что мужчина безъ женщины тоже, что одна половина ножицъ безъ другой.

Чрезъ шесть мѣсяцовъ, друзья *Фербруггена*, видя, какъ сильно онъ расстроенъ, убѣдили его воспользоваться единственнѣмъ средствомъ, остававшимся въ его положеніи, то есть жениться на другой женѣ.

— Ты поскуешь о *Марѣ*! — говорили они ему; но развѣ нельзя найти другой жены; тебѣ только тридцать шесть лѣтъ; женись на *Цециліи Бинсъ*. Она артистка и занимается живописью; припомъ, вы сходны съ нею нравами, и женившись на ней, ты будешь имѣть прекрасную подругу, а дочь твоя вторая мать. —

Фербруггенъ послѣдовалъ этому совѣту, и сталъ волочить за *Цециліей*. Чрезъ нѣсколько дней, онъ былъ уже совершенно влюбленъ въ неѣ. Но она вовсе не походила характеромъ на *Марю*. *Цецилія* была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя очаровываютъ мужчину, поработавъ его подъ власть свою, налагаютъ на него тяжелыя оковы, и хопятъ, чтобы онъ благословлялъ ихъ. Щасливый такія женщины, потому

что онѣ всегда бываютъ любимы. Если вы когда нибудь испытали любовь, чипапель, то знаете и то, что хопя-бы вамъ явился Ангелъ въ видѣ женщины; хопя-бы эта женщина была исполнена самоопроверженія, нѣжности и безусловной покорности, но если она будетъ оказывать вамъ только любовь свою, вы въ при мѣсяца ея наскучите, и скоро совѣтъ еѣ оставите. Напрививъ, если это женщина искусная и опытная, если съ не очень сильною любовью, она соединитъ тонкую расчетливость и предусмотрительность, если она управляетъ вами, убаюкивая васъ лестью, о! тогда вы надолго останетесь въ ея власти,

Цецилія была одарена отъ природы большимъ умомъ. Какъ скоро она замѣтила склонность къ ней артиста, то немедленно взяла надъ нимъ поверхность. Я бы любила васъ, сказала она; но вы вредите своей извѣстности; всѣ жалуются на ваше бездѣйствіе. Образцовое произведеніе, которое должно выйти изъ подъ рѣзца вашего и заставитъ жену вашу гордиться тѣмъ, что она носитъ имя *Фербруггена*, остается недоделаннымъ.

— Скажите одно слово, — отвѣчалъ онъ: и я скоро его окончу. —

Она посѣтила вмѣстѣ съ нимъ его рабочую. Увидѣвъ эмблемы, которыми онъ выразилъ свойства женщины, она потребовала, чтобы онъ ихъ объяснилъ ей. *Фербруггенъ* покраснѣлъ: — когда я сдѣлалъ то, что васъ такъ удивляетъ, я не зналъ *Цециліи Бинсъ*. —

«Очень хорошо,» возразила *Цецилія*. «Но приписавъ намъ столько пороковъ, которыхъ, можетъ быть, мы вовсе не имѣемъ, чѣмъ думаете вы означить собственный полъ свой?»

— Я уже началъ, — отвѣчалъ онъ, снова краснѣя. — Вы видите орла... можетъ быть, это кажется вамъ щеславіемъ?... —

«О! нѣтъ, ни мало. Что же намѣрены вы къ этому прибавить?»

— Незвѣстно, что — отвѣчалъ *Фербруггенъ*; но *Цецилія* сказала ему: «Чтобы быть столь же справедливымъ въ отношеніи къ своему полу, сколько вы были безпристраст-

ны къ женщинамъ, изобразите подлѣ орла лисицу, символъ обмана; попугая, символъ пустаго болтовства; обезьяну, копорая ѣсть виноградъ, символъ пьянства, и ворону; символъ глупаго высокомерія. Признай-песь, любезный *Фербруггенъ*, что эти свойства также приспали къ мужчинамъ, какъ къ женщинамъ тѣ недостатки, которые вы означили на другой лѣспницѣ; теперь, когда вы окончите это великое произведе-ніе, я почту за щаспіе соединить съ вами судьбу мою.»

Художникъ долженъ былъ смириться въ свою очередь; онъ ничего не опивчалъ и безпрекословно исполнилъ то, что ему было предписано. Каеэдра, поставленная въ церкви Антверпенскихъ Иезуитовъ, сдѣла-лась предметомъ общей хвалы и удивленія. *Фербруггенъ* женился на *Цециліи*, и съ того времени, произведенія его не отличались болѣе ничѣмъ оскорбительнымъ для жен-щины.

Послѣ изгнанія Иезуитовъ, *Марія Терезія* опдала масперское произведеіе *Генриха Фербруггена* церкви св. *Гудулы* въ Брюссель. Эта великолѣпная каеэдра находилась тамъ и понынѣ; съ каеэдры преподавались великія поученія; но она сама служилъ безмолвнымъ урокомъ, и какъ будто говоритъ: «Не увлекайтесь слишкомъ кропостію, бѣдныя жен-щины, и если хотите, чтобы мужчина, ко-порый вамъ любезенъ, не вздумалъ скоро васъ оставить, то учитесь управлять имъ.» Это правило очень полезное.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЬ ЛЮБВИ.

Проникни въ духъ мой охладѣлый,
Любви спасительная власпъ!
И жизни, рано помершвѣлой,
Опдай веселье, силу, спраспъ.

*

Лишь шопъ позналъ красы земный,
Лишь шопъ воиспину блаженъ,
Кого любовь въ лѣта младыя
Пріяла въ неискупный плѣнъ.

*

На что ему вѣщовъ сіянье!
На что сокровищъ мрачный кладъ?
Его мечта, его желанье. —
Ликують въ области опрадъ.

*

Къ чистѣйшей, сладостпѣйшей цѣли
Спремится безъ болзни онъ,
Чтобъ очи милыя узрѣли
Ея черты сквозъ вѣщій сонъ;

*

Чтобъ тайнымъ пламенемъ сгарая,
Игра волненья своего,
На упрю красота млада,
Стыдась, взглянула на него;

*

Чтобъ силой спраспваго признанья
Изъ блѣдныхъ успъ, изъ томныхъ глазъ
Испоргнушь слезы и лобзанья,
Вкусишь блаженства дивный часъ.

*

Любовь! любовь! владѣй ты мною!
Твоимъ волшебствомъ обаянь,
Не погибалъ бы я душою
Въ глуши безлюдной чуждыхъ спранъ.

*

Пустынной жизнью изнуренный
Не увидалъ бы въ цвѣтѣ я:
Кружился-бъ образъ незабвенный
И днемъ и ночью вкругъ меня.

*

Всегда прекрасный, вѣчно юный,
Какъ солнце ясное весны,
Онъ оживлялъ бы сонны спруны
Привѣшнымъ гласомъ спарины.

*

Играя чувспвами моими,
Какъ своенравный чародѣй,
Онъ тайно грезами живыми
Пишалъ бы спраспъ души моей.

*

Порой бы мнилось: кто-то дышетъ,
Склонясь невидимо ко мпѣ;
Какъ сквозъ дремоту ухо слышитъ
Знакомый шопопъ въ пищипѣ.

*

Какъ будто кудри шелковыя
 Прильнули вдругъ къ моимъ ушамъ,
 Какъ будто перси молодыя
 Открылись радостнымъ очамъ...

*

Ты-ль это, милое видѣнье,
 Мой рай, мой геній на земли?
 Ахъ, нѣтъ! по сердца обольщенью,
 Обманъ плѣнительный любви!

В. Туманскій.

Скуляны.
 1826.

Ш А Р А Д А.

Мой первый слогъ—союзъ; второй слогъ—генераль,
 Маркёръ, король у чуждаго народа,
 Въ священную войну двѣнадцатаго года
 Онъ славно воевалъ—
 И цѣлое мое нѣрѣдко проклиналъ.

Въ No 85-мъ, помѣщенная загадка значить:

Sans cesse il faut que l'on guette
 Jeune fille et vin nouveau;
 L'une fuit sous la coudrette,
 Et l'autre échappe au tonneau:
 Mais afin que tout demeure
 Dans un semblable repos,
 Il faut apprêter sur l'heure
 Des maris et des *Cerceaux*.

М О Д Е С.

Les courses du Champ de Mars, les premières représentations de la *Tempête* ont attiré du monde et mis au jour quelques toilettes cherchées par nous avec avidité; partout ce sont encore des toilettes d'été; des peignoirs de mousseline à larges manches et corsage drapé; avec les devans garnis de dentelle ou marqués par des brandebourgs en satin et en broderie; des robes de mousseline de l'Inde fine et magnifique, garnies d'un haut volant brodé ou d'un volant de dentelle; du tulle de fil de façon simple et presque négligée; robes du soir pour les soirées privées, où l'on éloigne toute prétention de parure, et qu'accompa-

gnent seulement de beaux rubans et des cheveux retenus par un peigne d'écaille.

Les robes blanches ont cela de charmant, qu'elles répondent à toutes les exigences. L'écharpe de ruban à larges quadrilles que Mlles *Delatour* disposent avec grand soin, convient à cette robe à mantille d'Angleterre, que demain sera portée avec le bonnet de Mlle *Delatouche*, et plus tard avec la couronne de fleurs de *Batton*. Les caprices de coquetterie ravissante sont placés dans ces fantaisies qui demandent un luxe de fraîcheur, que quelques heures détruisent; dans ces vêtemens nuageux qui se mêlent aux dentelles, et par lesquels une femme doit s'environner de détails minutieux, porter des gants blancs et chausser un soulier de satin.

М О Д Ы.

Капатья на Марсовомъ полѣ, первыя предствленія *Tempête*, привлекли множество людей и заславили выказавъ нѣкоторыя наряды, которые мы ищемъ съ такимъ рвеніемъ; вездѣ видны еще лѣтніе наряды; кисейные пеньюары съ широкими рукавами и драпированными лифами; полы обшиты кружевами или обозначены брадербурями апласными и вышитыми; плащя изъ Индѣйской понкой и великолѣпной кисеи, обшитыя широко вышитую или кружевною оборкой; плащя изъ нипянаго шюля простаго покроя и почти *неглиже*; плащя для приважныхъ вечеровъ, гдѣ удалено всякое шребованіе на нарядъ, сопровождающя только красивыми лентами, а въ волосахъ черепеховой гребенкой.

Бѣлыя плащя шѣмъ прелесны, что онѣ соопвѣтствуютъ всѣмъ шребованіямъ. Шарфъ изъ ленты съ широкими клѣтками, который г-жи *Delatour* располагающъ съ большимъ шщаніемъ, приличенъ къ эпому плащю съ манпильею изъ Англійскихъ кружевовъ, которое завпра надѣшо будешъ съ чепчикомъ г-жи *Delatouche*, а послѣ съ вѣнкомъ цвѣтовъ г-на *Batton*. Прихопи восхишительнаго кокетства состоятъ въ эшихъ модныхъ вымыслахъ, шребующихъ роскошь свѣжести, которая шспребляешъ въ нѣсколько часовъ, въ эшихъ облачныхъ одеждахъ, смѣшанныхъ съ кружевами, и чрезъ которые женщина должна окружатъ себя мелочными подробностями, носишь бѣлыя перчатки и обувашъ въ апласные башмаки.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 87.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Октября 31 дня, 1854 года.

—За что ты въ спальнѣ спишь, а зябну я въ сѣняхъ?—

У мопса жирнаго спросилъ кобель курчавый.

«За что?» поты ошвѣчалъ, вся шайна въ двухъ словахъ:

«Ты въ домъ для службы вступи, а я вступи—для забавы!»

Кн. Вяземскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ РОСТѢ.

Всѣ академіи въ свѣтѣ съ удивительною охотою разрѣшаютъ ни къ чему не ведущіе вопросы и вдаются въ многословныя разсужденія о великолѣпномъ вздорѣ. Такъ напримѣръ, ихъ чрезвычайно занимаетъ мѣсто существованія какого нибудь города, забытаго въ исторіи, или нравы какого нибудь малоизвѣстнаго народа, и онѣ перлюются въ изслѣдованіяхъ, чптобы добиться, какимъ образомъ онѣ пипался, и пальцами или вилкою подносили ко рпу кушанье. Сколько словъ, сколько полковъ объ одной Эптурской вазѣ, о маленькой бронзовой медалѣ, и о тысячѣ другихъ вещей подобной важности! Какую же занимательность имѣютъ всѣ эти предметы для человечества? Кто заботился въ наше время о древностяхъ Римскихъ, Цельпическихъ, Карфагенскихъ или Китайскихъ?

Но какая академія, какое ученое общество занялись предметомъ новымъ, оригинальнымъ и имѣющимъ всеобщую занима-

тельность? Въ этомъ случаѣ, ручаюсь за вниманіе всѣхъ и каждого. Дѣло въ томъ, чптобы написать исторію человеческого роста отъ *Адама* до нашего времени. Это вопросъ, дышущій, какъ говорятъ, актуализмомъ и даже индивидуализмомъ. Въ эпоху, когда сполько пигмеевъ и карликовъ играютъ роль большихъ людей и поднимаются на каблукахъ, чптобы казаться исполинами въ пять фузовъ съ половиною ростомъ, изслѣдованіе постепенно возрастающаго пониженія человеческого рода было бы крайне любопытно. Наши красавицы и красавцы поубавили бы, можетъ быть, припизаній своего физическаго деспотизма, и самыя рослыя шамбуръ-мажоры и гренадеры національной гвардіи оказались бы, можетъ быть, карлами предъ людьми допотопными и даже жившими послѣ потопа.

Дальше слѣдовали бы изысканія о причинахъ этаго измѣненія, этаго перерожденія, а изысканія сіи повели бы насъ къ открытіямъ. Можетъ быть, успѣли бы даже изъяснить это измѣненіе посредствомъ діететики или гигиены. Почему знаешь, не была ли бы открыта самая пайна пѣхъ атлетиче-

скихъ поколѣній, которыя предполагаются учёными къ чести первыхъ вѣковъ опъ сотворенія міра.

Теперь спрашиваю, есть ли вопросъ, болѣе достойный жрецовъ науки? По чести, я невольно краснѣю при мысли, что мнѣ, человѣку вовсе неучёному, назначено было первому въ своемъ вѣкѣ обратитъ вниманіе академій на столь прекрасный предметъ академическихъ сосязаній.

Вмѣстѣ съ этимъ, въ увѣренности, что онъ немедленно будетъ принятъ всеми учёными сословіями, я почитаю нужнымъ извѣститъ будущихъ сосязателей, что одинъ учёный минушаго столѣтія произвелъ, около ста лѣтъ тому назадъ, нѣкоторыя изслѣдованія о человеческомъ ростѣ. Учёный эпохи былъ *Николай Ганрионъ*, составившій хронологическую таблицу различій человеческого роста опъ сотворенія міра до Рождества Христова. Въ таблицѣ этой онъ приписываетъ *Адаму* сто тридцать два фута девять дюймовъ (около 19 сажень) вышины, а *Еввъ* сто осмнадцать футовъ девять дюймовъ и при четверти (около 17 сажень); отсюда онъ выводитъ пропорцію между мужескимъ и женскимъ ростомъ, какъ 25 къ 24. Но *Николай Ганрионъ* не надолго оставляетъ человеческому роду такой необыкновенный ростъ; по его вычисленіямъ, *Ной* былъ уже двадцатью футами менѣ *Адама*; *Авраамъ* имѣлъ не болѣе двадцати семи или двадцати осми футовъ вышины, *Моисей* не болѣе тринадцати, *Геркулесъ* десяти; ростъ *Александра Великаго* не превышалъ шести футовъ, а ростъ *Юлія-Цезаря* не составлялъ и пяти.

Неизвѣстно, посредствомъ какихъ вычисленій достигъ *Ганрионъ* сихъ выводовъ; пайна его легла съ нимъ въ могилу. Остаётся учёнымъ нашего времени повѣритъ эти вычисленія, которыя безъ сомнѣнія кажутся немного смѣлыми, и начертать историческую картину человеческого роста, указавъ при томъ причины, опъ чего человѣкъ сдѣлался столь малымъ въ девятнадцатомъ столѣтіи, равно какъ и средства остановить это постепенное пониженіе, угрожающее сдѣлать удѣломъ будущихъ поколѣній

вовсе не поэтический ростъ жителей *Лиллипуша*.

НАСТАВЛЕНІЕ ВОЛОКИТАМЪ.

Несправедливо думать, что никогда нельзя понравиться. Угожденіе первое пропигворѣчь сему. Надобно только имѣть терпѣніе: времени все возможно.

Сердце женщины легковѣрно. Можно предъ нимъ смѣло клясться и не имѣть никакого сомнѣнія.

Есть такія щастливья минушья, въ которыхъ сердце женщины бываетъ безъ защиты и ожидаетъ только побѣдителя. Если представится случай ихъ увидѣть, не должно пропускать сего случая: ибо женщина никогда не прощаетъ мужчинъ, упустившему оный. Почти каждая изъ нихъ любитъ въ мужчинъ предприимчивость въ своемъ мѣстѣ.

Мужчина долженъ казаться простымъ, скромнымъ, чиспосердечнымъ. Это всегда прогаешь.

Онъ долженъ съ пріятностію говорить и молчать, съ робостію казаться безразсуднымъ и терпѣливо все сносить.

Милая печаль, нѣжный взоръ, проклинающій и вмѣстѣ ласкающій, вздохъ, молчаніе, часто удостоиваются вниманія. Это ничто, но ничто все можетъ надъ красавицею.

Не должно просить признанія женщины. Она рѣдко его дѣлаешь: должно примѣчать, соображать и пользоваться.

Не должно ни въ чемъ противорѣчить или несоглашаться.

Но всего лучше, если-бы на глазахъ женщины наворачнулась слеза, которая блистала бы опъ любви и не смѣла покашиться.

К. П.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РѢШИМОСТЬ ЖЕНЩИНЫ.

(*Современная повесть.*)

І.

« Это удивительно, любезный другъ, какъ неудачно ты сегодня играешь, ты, который обыкновенно такъ щастливъ! Вѣр-

но ты чѣмъ нибудь разсѣянъ или встревоженъ?»

— Я? нѣтъ, ни сколько. —

« Однако-жъ, ты проигрываешь эту игру, а долженъ былъ её выиграть. »

— Почему-жъ ты не споялъ здѣсь и не подавалъ мнѣ совѣтовъ? —

« Потому, что здѣсь того и смотри, что танцующіе опдавали тебѣ ноги. Сей часъ г. *дѣ Нерпи*, вальсируя съ своею женою, далъ мнѣ такой толчокъ, что я чуть было не слезлъ съ ногъ. Однако-жъ, играй внимательнѣе, у тебѣ король, а ты не кладешь его. »

— Ахъ, виновать! —

Золотыя монеты, набросанныя зрителями игры, въ залогъ увѣренности ихъ въ испытанномъ щастіи и искусствѣ того изъ игроковъ, къ которому относились эти слова, быстро исчезали со стола, и никто не угадывалъ тому причины. Въ это время, щегольски одѣтый молодой человекъ, подойдя къ играющимъ, какъ-бы нечаянно снялъ перчатку, и нашъ разсѣянный замѣтилъ у него на пальцѣ перстень. . . .

Смущеніе, которое изобразилось на лицѣ г. *д'Альберона* при видѣ этого перстня, было-бы очень понятно, если-бы знали, что онъ принадлежалъ г-жѣ *д'Альберонъ*, и что тотъ, кто носилъ его въ эту минуту, былъ г. *дѣ Нерпи*, котораго склонность къ ней всѣ давно замѣтили.

Въ самомъ дѣлѣ, съ нѣкотораго времени ихъ очень часто встрѣчали вмѣстѣ. Въ театрахъ, на балахъ, въ прогулкахъ, вездѣ г-жа *д'Альберонъ* избирала предпочтительно руку г. *дѣ Нерпи*. Тѣ, которые къ сему доказательству успѣли еще случайно замѣтить перстень на пальцѣ *дѣ Нерпи*, начинали выводиться изъ сего довольно неблагоприятное заключеніе, не думая о томъ, что чѣмъ болѣе увѣренъ мужчина въ благоклонности къ нему женщины, тѣмъ менѣе онъ спарается убѣдить въ ней другихъ.

Сказавъ, что перстень сей былъ замѣченъ на пальцѣ г. *дѣ Нерпи* случайно, мы не сооб-

разили того, что онъ снялъ свою перчатку пропивъ великолѣпнаго зеркала, оправавшего въ себѣ свѣтъ люстры, и снялъ её при прехъ молодыхъ дамахъ, съ нимъ разговаривавшихъ, изъ чего съ справедливостію можно заключить, что онъ не совершенно безъ намѣренія это сдѣлалъ.

Еще болѣе доказывалось это разговоромъ, происходившимъ въ тотъ вечеръ между г-жею *д'Альберонъ* и *дѣ Нерпи*.

« Когда вы возвратите мнѣ, » говорила первая: « кольцо, которое я опдала вамъ съ тѣмъ, чтобы вы велѣли его поправить? Мой ювелиръ могъ-бы сдѣлать это точно также, какъ и вашъ, котораго искусство вы мнѣ такъ расхвалили. »

— Кольцо ваше поправлено, сударыня; оно у меня на рукѣ, но я не опдамъ вамъ его въ нынѣшній вечеръ, потому что это доставитъ мнѣ новый случай васъ видѣть, котораго я вовсе не расположенъ упускать. —

« Но эти случаи вамъ совсѣмъ не нужны; а при томъ они представляются и такъ часто и такъ естественны, что вы избавляетесь отъ труда искать ихъ. Право, я удивляюсь этому. Вздумается-ли мнѣ поѣхать въ Тюльери, — вы узнаете объ этомъ по какому-то тайному инстинкту и являетесь туда. Буду-ли въ театрѣ, вы первые приходите въ мою ложу. »

— Это убѣждаетъ меня въ той мысли, что въ твердой волѣ заключается почти волшебство. —

Есть спрасть, которую образованность довела до величайшей упонченности; спрасть эта — самолюбіе. Цѣль ея не столько *быть*, сколько *казаться*. Самолюбіе прошившись всѣмъ спрастямъ, исключал, можетъ быть, любви, и то, когда она въ самой сильной степени. Парижскіе *декди*, живущіе только для щеславій, скорѣе наскучиваютъ наслажденіями чувственности, нежели наслажденіями гордости, и не одинъ изъ нихъ согласялся бы лучше прослыть любовникомъ прекрасной женщины, нежели быть имъ дѣйствительно, но втайнѣ. Нѣтъ средства, котораго бы не употребилъ человекъ раз-

вращенный, лишь бы вписать одно лишнее имя женщины въ истинный или вымышленный списокъ побѣдъ своихъ. Изъ числа сихъ людей былъ и г. *дѣ Нерпи*. Щастіе г-жи *д'Альберонъ*, спокойно жившей въ кругу своего семейства, досаждало ему. До того времени, между его любовными побѣдами, не было ни одного обольщенія, и когда ему случалось хвалиться числомъ своихъ любовницъ, друзья его всегда противопоставляли этому исчисленію его предшественниковъ въ благосклонности сихъ женщинъ. Какъ человекъ опытный и искусный въ дѣлахъ этаго рода, *дѣ Нерпи* скоро понялъ, что легче было обезславить, нежели обольстить г-жу *д'Альберонъ* съ ея чистосердечнымъ, искреннимъ и слабымъ характеромъ, легче погубить её, нежели совратить съ пути долга и чести. Онъ хотѣлъ равно успѣть въ томъ и другомъ, но впрочемъ болѣе желалъ удовлетворить своему самолюбію, чѣмъ любви, если можно было назвать такъ совершенно физическое влеченіе, которое онъ къ ней чувствовалъ. Неоднократныя предостереженія друзей г. *д'Альберона* начинали беспокоить его; но *дѣ Нерпи* такъ умѣлъ сдѣлать себя приятнымъ для каждаго и говорить со всякимъ приличнымъ языкомъ, что г. *д'Альберонъ* почти совершенно увѣрился, что онъ вѣдигъ къ нему для него самаго, и полагался на вѣрность жены своей, успокоился по прежнему.

Прошло два мѣсяца, и какъ вѣрные повѣствователи, мы должны признаться, что г-жа *д'Альберонъ* была не вовсе нечувствительна къ исканіямъ *дѣ Нерпи*. Склонность къ новости, которую, по несчастію, природа вселила въ сердца большей половины человѣческаго рода, находила пищу въ удовольствіи, съ какимъ г-жа *д'Альберонъ* видала *дѣ Нерпи*, котораго приемы и свѣтское обращеніе легко замѣтали, въ наружномъ опущеніи, ея мужа. Она чувствовала, что узы, связывавшія её съ *дѣ Нерпи*, съ каждымъ днемъ спаивались крѣпче и неразрывнѣе, что мѣсто, которое онъ занималъ въ ея сердцѣ, съ каждымъ днемъ увеличивалось, и мысль о пустотѣ, какую должно было оставить въ немъ его отсутствіе, приводила

её въ прелесть. Но доброша ея мужа и привязанность, которую она еще сохраняла къ нему, долго противоборствовали въ ней искушеніямъ свѣтскаго франша.

Сначала она надѣялась помирить эти двѣ склонности, которыя, однако-жь, день ото дня все болѣе и болѣе враждовали между собою въ ея сердцѣ. Ей не хотѣлось согласиться съ тѣмъ, что любовь есть чувство слишкомъ себялюбивое и самовластное, и не можетъ допустить на ряду съ собою другую склонность или обязанность, простирающуюся не отъ неё самой. Но скоро настала минута, когда она была вынуждена избрать одну изъ двухъ дорогъ сихъ, отнынѣ перявшихъ свое параллельное направленіе.

Въ одинъ вечеръ, г. *д'Альберонъ* возвратился домой печальнѣе и угрюмѣе обыкновеннаго.

— Милая *Лаура*, — сказалъ онъ женѣ своей: желаю знать, любишь ли ты меня? —

Г-жа *д'Альберонъ* не была готова къ подобному вопросу. Она тотчасъ замѣтила, что въ немъ заключается подозрѣніе, и невольно покраснѣла; однако, скоро оправившись отъ своего смущенія, спросила у мужа, что было цѣлію этаго вопроса.

— То, — отвѣчалъ онъ: что я хочу просить тебя объ одномъ пожертвованіи. —

«Пожертвованіи?» повторила г-жа *д'Альберонъ*, радуясь, что ей представляется средство оправдать себя: «въ чемъ же состоитъ оно?»

— О! — сказалъ *д'Альберонъ*: я надѣюсь, что оно не будетъ слишкомъ дорого тебѣ стоить. Я желалъ бы, чтобы ты не видалась болѣе съ г. *дѣ Нерпи*. —

При сихъ словахъ г-жа *д'Альберонъ* была не въ силахъ скрыть своего замѣшательства.

«Отъ чего же это?» спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Отъ того, что знакомство его съ нами подаютъ поводъ къ непріятнымъ слухамъ, которыми надобно положить конецъ, во чтобы то ни стало. —

«Но поможете ли этому такой неожиданный разрыв?»

— Чѣмъ скорѣе онъ случится, тѣмъ лучше. —

Г-жа *д'Альберонъ* употребила еще нѣсколько робкихъ и осторожныхъ возраженій, но видя, что подозрѣніе промелькнуло въ чертахъ ея мужа, она содрогнулась. Совѣсть не подкрѣпляла её болѣе, и она обѣщала повиноваться.

На другой день, она почла себя обязанностию писать къ *дѣ Нерпи*. Но тайное влеченіе побудило её позволить ему въ послѣдній разъ къ себѣ пріѣхать. Въ самомъ дѣлѣ онъ въ тотъ же день къ ней явился, и прищворно или, можетъ быть, оскорблясь неудачею, обманувшею его самолюбіе, изъявилъ г-жѣ *д'Альберонъ* живѣйшую горестъ, когда она открыла ему пребываніе своего мужа.

Онъ объявилъ, что предпочитаетъ смерть такому ужасному приговору. Опечаленіе его, какъ ни прищворно было, сильно пронудило г-жу *д'Альберонъ*, гораздо болѣе опечаленную сею принужденною разлукою.

«Что же намъ должно дѣлать?..» сказала она. «Я чувствую, что не могу переписать вамъ себя съ вами, а между тѣмъ вамъ нельзя будетъ пріѣхать сюда.»

— Такъ что же? — сказалъ *дѣ Нерпи*: развѣ мы не можемъ выдаться въ другомъ мѣстѣ? —

Г-жа *д'Альберонъ* испугалась этаго смѣлаго средства, которое ей предлагали. Она чувствовала, что это значило предать себя во власть *дѣ Нерпи*. Но онъ казался столь благороднымъ, столь влюбленнымъ, столь ей преданнымъ! Долго не хотѣла она согласиться на предложеніе выдаться съ нимъ въ одномъ постороннемъ домѣ, но *дѣ Нерпи* такъ хорошо сыгралъ роль свою, что она не рѣшилась похерпивовать всею любовію, какою онъ ей оказывалъ. Онъ ухалъ, взявъ съ неѣ слово явиться на свиданіе, о которомъ онъ просилъ её.

Едва только онъ оставилъ её, какъ она уже раскаялась въ томъ, что согласилась на такое неблагоприятное предложеніе; но

совсѣмъ тѣмъ ей недоспало твердости — письменно отказать отъ своего обѣщанія. Черезъ нѣсколько минутъ горничная вручила ей записку, которая еще наканунѣ вечеромъ была отдана привратнику, съ подтвержденіемъ немедленно её доставить, но по несчастію сей послѣдній оставилъ память на днѣ спакановъ, осушенныхъ имъ за обѣдомъ, и потому порученіе, которое ему сдѣлали, было забыто, и только на другой день, выронивъ записку изъ кармана, онъ вспомнилъ, что надобно отдать её по адресу.

Записка эта была отъ одного изъ друзей г. *д'Альберона* и заключала въ себѣ слѣдующее:

«Милостивая государыня!

«Если вы дорожите жизнію вашего супруга, то не допускайте его завтра выпити изъ дома. Онъ долженъ драпаться съ однимъ повѣсою, который неосторожно говорилъ о васъ.»

Трудно выразить, въ какое состояніе спроки эти повергли г-жу *д'Альберонъ*. Тогда было уже около полудня, а мужъ ея, какъ ей сказали, вышелъ изъ дома въ восемь часовъ. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, въ которыя наши давнишнія и законныя склонности, изгладившіяся немного въ нашемъ сердцѣ отъ времени и отъ дѣйствія какого нибудь посторонняго чувства, сильнаго своею новостію, вдругъ по прежнему и еще съ болѣею силою вступаютъ въ праня свои. Въ эту минуту г-жа *д'Альберонъ* забыла о *дѣ Нерпи*; она помнила только объ опцѣ своего дитяти, который подвергалъ опасности жизнь свою за одно слово, сказанное въ ея невыгоду.

Отъ этой мысли въ ней едва не помутился разумокъ; она хотѣла бѣжать и кинуться между противниками. Но гдѣ происходилъ этотъ поединокъ?... Если-бы ужасное безпокойство ея продолжилось еще болѣе, то она бы его не вынесла. Къ щастію, чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ г. *д'Альберонъ*.

Она со слезами кинулась къ нему на шею и осыпала его вмѣстѣ ласками и упреками.

— Я услышалъ какъ одинъ повѣса клеветалъ тебя, — сказалъ ей мужъ ея: мнѣ-бы должно было потребовать, чтобы ты не подавала болѣе къ этому повода, но вмѣстѣ слѣдовало и наказать клеветника, и я бы сдѣлалъ это, если бы дерзкій не опперся опъ клеветы своей въ моемъ присутствіи.—

«Но, по крайней мѣрѣ, ты, мой другъ, конечно не вѣришь этой клеветѣ?»

— Если-бы я вѣрилъ ей, то не спалъ-бы подвергать жизнь опасности за женщину, недоспойную любви моей. Я-бы не старался спасти честь мою, если-бы она была уже потеряна. —

«Объщай мнѣ, мой милый, что впередъ ты не заспавишь меня пакъ беспокоиться.»

— Я не могу обѣщать тебѣ этого; мужчина долженъ быть не властелиномъ, но покровителемъ жены своей. Никогда не позволю я безнаказанно злословить ту, копорая носить мое имя. И если ты боишься подобныхъ несчастій, то сама должна опасаться подавать поводъ ко всему, что можетъ возобновить ихъ.—

Случай этотъ послужилъ г-жѣ *д'Альберонъ* важнымъ урокомъ, и она дала себѣ слово не ѣздить на свиданіе, обѣщанное *дѣ Нерпи*. Продолжительна и тягостна была борьба ея съ собою, но наконецъ она рѣшилась писать къ нему и уведомить его объ опмѣнѣ своего намѣренія. Это не помѣшало ей однако-же окончить письмо свое изъвлеченіемъ желанія, чтобы случай доставилъ ей удовольствіе съ нимъ видѣться менѣе опаснымъ образомъ.

Написавъ эту записку, она позвонила, чтобы позвать свою горничную. Видя однако-жъ, что она не является, г-жа *д'Альберонъ* въ неперпѣннѣ встала и пошла въ комнату своей служанки, гдѣ нашла еѣ спящею въ успалости опъ дневнаго жара.

Горничная эта была молоденькая брюнетка, довольно живая, одышая всегда съ большимъ кокетствомъ, и одаренная всѣми склонностями гризетки. Въ эту минуту она спала и потому не слыхала звонка г-жи *д'Альберонъ*. Изъ кармана ея передника торчало распечатанное письмо, въ которомъ

къ удивленію своему г-жа *д'Альберонъ* съ перваго взгляда узнала почеркъ *дѣ Нерпи*.

Непреодолимое любопытство побудило еѣ вынуть пихонько это письмо и пробѣжать его глазами. Какъ изобразить ея негодованіе, когда она прочла въ немъ слѣдующее:

«Милая *Юлія!*

«Благодарю тебя за вѣрное извѣщеніе о томъ, куда ѣхала твоя барыня претѣяго дня; пожалуста не забудь уведомить меня, гдѣ она будетъ сегодня вечеромъ и завтра. Постарайся доставить мнѣ какуюнибудь ленточку, копорую бы она носила, ты меня эшимъ очень обяжешь. Кроме того, мнѣ нужно пакже знать о ней нѣкопорый подробности, извѣстныя только тебѣ и ея мужу. Я передамъ ихъ пріятелямъ, съ копорыми буду завтра обѣдать. Если успеешь завтра упромъ побывать у меня, то доставишь мнѣ эшимъ много удовольствія. Прощай... Обнимаю тебя и прошу вѣрить, что не смопря на доказательствва прошивнаго, я занялъ только одною тобою.

Едмондъ дѣ Нерпи.»

Завѣса упала съ глазъ г-жи *д'Альберонъ*. Теперь ей спало понянно, какимъ образомъ *дѣ Нерпи* заранѣе узнавалъ о ея малѣйшихъ намѣреніяхъ и умѣлъ пакъ искусно эшимъ пользоваться, чтобы придать себѣ въ глазахъ свѣта видъ шайнаго съ нею согласія. Она увидѣла гнусный заговоръ, составленный на погибель ея бездушнымъ повѣсою и развращенною горничною, зависть копорой не могла выносить превосходства госпожи, надѣленной богатствомъ, когда она не имѣла ничего, и пользовавшейся общимъ уваженіемъ, когда она заслуживала одно презрѣніе. Г-жа *д'Альберонъ* положила письмо по прежнему въ карманъ *Юліи*, разорвала то, копорое топовилась послать къ *дѣ Нерпи*, и въ потъ же вечеръ горничная была выгнана изъ дома, а *дѣ Нерпи* получилъ опъ своей жертвы нѣсколько спрокъ въ томъ родѣ, какія обыкновенно ведутъ за собою, между мужчинами друэль, а между женщинами смертельную вражду и ненависть.

(*Оптаніе въ слѣд. листѣ.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОСЕНЬ И СЕЛЬСКОЕ ЖИТЬЕ.

Съдѣетъ въ воздухѣ, и лишки
 Повѣсилъ свои листки;
И медленный кружится рыбки
 Въ шекучемъ зеркалѣ рѣки.
 Янтарный листъ дрожишь на вѣскахъ;
 Звончій гудѣшь въ пуспой трубѣ;
 Молчашъ нахмурясь пшпцы въ клѣпкахъ;
 Дрова привалены къ избѣ;
 Въ лѣсахъ прочиспились дорожки;
 Заглохло на полѣ пуспомъ;
 Но въ сельскомъ домикѣ простомъ
 Вспаляюшь на зиму окошки....
 Обобранъ шумный огородъ;
 Замокли роици и долины....
 Но въ деревняхъ слышній народъ,
И закурился овины....
 Распушь душистые стога,
И золотьюшь скирды хлѣба....
 Какъ жизнь кресстьянъ не дорога!
 Какъ незаштъйна ихъ потреба!
 Кусокъ насущнаго, да квасъ,
 Да зелень, и порой приварокъ,
 Для нихъ ужъ лакомый подарокъ!
 Но не бѣднѣй богатыхъ насъ
 Сии сыны простой природы!
 Свѣжи и въ запоздалы годы,
И сановишы и ловки!
 Въ хозяйствѣ *долго* разумьюшь
И толковишы для работъ;
И не грусяишь и не желпьюшь,
 Какъ мы, опѣ сплешней и заботъ.
 Проходишь скоро ихъ кручина!
 А у пригожихъ ихъ дѣвиць
 Лебяжья грудь и свѣжеспъ лицъ,
 Въ ланипахъ и въ усахъ малина!
Ихъ не помипъ огонь спраспей
И суемы не кличешъ голосъ;
 Не знаюшь припорныхъ сластей
И позже ихъ съдѣетъ волосъ.

Θ. Губина.

AUX ENFANS DE MADAME LÉONTINE GENOUDE.

Pauvres petits enfans, qui demandez sans cesse
 A votre père en deuil ce que c'est que la mort,
 Et pourquoi vos berceaux s'éveillent sans caresse,
 Et quand donc finira le sommeil qu'on y dort?
 Taisez-vous, grandissez: vous n'aurez plus qu'en songe
 Ces baisers sur le front, ces doigts dans vos che-
 veux,
 Ce nid sur deux genoux où votre cou se plonge,
 Ce coeur contre vos coeurs et ces yeux dans vos
 yeux.
 L'amour qui vous sevrâ vous fait la vie amère,
 Votre lait s'est tari, comme à ce pauvre agneau
 Qu'un pasteur vigilant sépare de sa mère
 Pour lui faire brouter l'herbe avec le troupeau.
 Vous n'aurez qu'une vague et lointaine mémoire
 De tout ce qu'au matin la vie a de plus doux,
 Et l'amour maternel ne sera qu'une histoire
 Qu'un père vous dira, seul et pleurant sur vous!
 Quand vous voudrez, enfans, retrouver dans votre âme
 Ces souvenirs scellés sous le marbre étouffant,
 Ces sons de voix, ces mots, ces sourires de femme
 Où l'âme d'une mère est visible à l'enfant.
 Quand vous voudrez rêver du ciel sur cette terre,
 Que de pleurs sans motifs vos yeux déborderont,
 Quand vous verrez des fils sur le sein de leur mère,
 Qu'un père entre ses mains vous cachera son
 front.
 Venez sur cette tombe où l'herbe croît si vite,
 Vous asseoir à ses pieds pour prier en son nom,
 Appeler Léontine, et du ciel qu'elle habite,
 Implorer son regard, dont Dieu fasse un rayon!
 De l'éternel séjour le regard de son âme
 Est un astre toujours sur ses enfans levé.
 Ainsi l'aigle est au ciel, mais son regard de flamme
 Veille encor de si haut le nid qu'elle a couvé.

LOGOGRIPHE.

Je suis, de prime abord, membre du corps humain.
Tranche ma tête et queue, alors je deviens saint.

Въ No 86-мъ, помѣщенная шарада значить: *И-ней*.

M O D E S.

Les énormes collets de mousseline brodée ne sont remplacés que le matin par de très-petits cols, hauts seulement de trois doigts, et par des collerettes à petits plis garnies de dentelle. Avec les robes d'étoffe, pour le soir, on fera certainement les mêmes formes en tulle ou en blonde, et garnies d'une haute blonde froncée.

Rien n'était plus joli, plus jeune, que ces cordons de fleurs entourant le visage et se perdant au milieu des cheveux; mais peut-être par cette raison, ils ont été si répétés, que déjà les femmes du monde élégant les ont rejetés, et à peine est-il permis de placer sous la passe une seule fleur isolée. Ce que nous voyons sont des coques de ruban posées en ligne, des nœuds en rosette, assez largement faits et placés sous la passe contre les *berthes*.

Car les *berthes* acceptées et adoptées généralement aussi, ont cependant l'avenir d'une saison au moins; dans le monde qui les créa. C'est une si élégante coiffure, elle est si bien faite pour une figure régulière et distinguée; deux belles nattes noires et luisantes encadrent si bien un visage ovale et délicat.

Pour les *berthes*, Mlle *Beudrant* a fait des bonnets tout exprès, *Batton* a monté de nouvelles guirlandes, et nos bijoutiers en vogue ont composé de nouveaux bandeaux. Cette mode restera donc tout l'hiver, les femmes élégantes lui conserveront une préférence que n'ont pu garder les bandeaux à la *ferronière*, si disgracieux pour la plupart des physionomies. Ceux-ci dégarnissaient complètement le visage, en l'allongeant sans mesure; les nattes dégagent le front et les yeux en accompagnant les joues et la tête.

Pl. No 32. Coiffure de M^r. Giroux. — Robe de mousseline à entredeux et mantille de mousseline brodée. — Rubans de satin broché.

M O D Ы.

Огромные кисейные вышитые воротники замѣняются только упрямъ весьма маленькими воротничками, шириною въ три пальца, и борочками, обшитыми кружевомъ и сложенными мелкими складочками. Къ платьямъ изъ матерій, для вечера, вѣроятно будутъ дѣлать, шьемъ же покроемъ, изъ тюля или блонды, и обшитые широко собранною блондою.

Ничего не было красивѣе, молодежѣе, эпитхъ шнурковъ изъ цвѣтовъ, окружающихъ лицо и перяющихся въ волосахъ; но по этой-то причинѣ, можетъ быть, ихъ показалось такъ много, что женщины щеголеватого свѣта оставили ихъ, и едва позволено приколошь подъ поле одинъ удивительный цвѣтокъ. Видны болѣе петли изъ лентъ, положенныя въ линію, банты розетками, довольно широко сдѣланныя и пришипенныя подъ поле надъ бертшами.

Потому что бертшы, принятыя также вообще, имѣютъ однако будущность по крайней мѣрѣ цѣлаго времени года, въ томъ мѣрѣ, который ихъ создалъ. Это такая щеголеватая прическа, она такъ прилична къ продолговатому оплечному лицу; двѣ прекрасныя черныя блестящія косы такъ хорошо обозначаютъ продолговатое итѣжное лицо.

Г-жа *Beudrant* сдѣлала нарочно чепчики для бертшъ, *Batton* соспавилъ новыя гирлянды, а извѣснѣйшіе брилянщики выдумали новыя повязки. И такъ, эта мода оспанется на всю зиму; щеголегато-одѣвающихся женщины сохранятъ къ ней предпочтеніе, которое не могли удержатъ повязки à la *ferronière*, кои споль неприспали къ большой часпи лицъ. Эпи открывали совершенно лицо, и опъ того показывали его чрезмѣрно длиннымъ; косы открываютъ лобъ и глаза, прикрывая щеки и голову.

Карп. No 32. Прическа самая новѣйшая. — Кисейное платье и маншльа изъ шипной кисей. — Апласныя ленты.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 88.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 каршинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, НОЯБРЯ 3 ДНЯ 1854 ГОДА.

Предавшись михому обману,
Припомъ спрашася и полковъ злыхъ,
Всѣ наши женщины похожи на Діану
Въ любовныхъ подвигахъ своихъ.
За взглядъ нескромный Актеона
Ему до смерти испясть онъ,
И обольцають въ пещинѣ
Безпечнаго Эндиміона.

В. Туланскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРЕВРАЩЕНІЯ ФРАКА.

Англія есть земля промышленности и промышленниковъ. Нѣтъ такой негодной прялки, такого дряннаго лоскупа, изъ котораго бы тамъ не извлекли выгоды. Въ доказательство, послѣдуемъ за исторіею одного фрака.

Это фракъ *неудавшійся* и прикинутый пѣтъ денди, который его заказывалъ, портному, испортившему оный. Не думайте, чтобы портной спалъ предлагалъ фракъ, котораго у него не взяли, другому своему кліенту, менѣ разборчивому. Нѣтъ, онъ продаётъ его одному изъ торговцевъ, исключительно посвятившихъ себя этому роду промышленности. Если бы фракъ этотъ сдѣланъ былъ удачно, за него заплатили бы шесть гиней, но въ настоящемъ видѣ его

сбываютъ за два фунта стерлинговъ и шесть шиллинговъ.

Онъ достается щеголю втораго разряда. Явивъ достаточное доказательство своей прочности на плечахъ своего новаго владельца, онъ переходитъ за двадцать или за двадцать пять шиллинговъ на службу другому франту, котораго пощій кошелекъ худо соотвѣтствуетъ его желаніямъ и склонностямъ. Наконецъ, переходя съ плечъ на плеча, онъ доживаетъ остатокъ пристойнаго существованія, судьбою ему назначеннаго; глянецъ его тускнѣетъ, швы начинаютъ бѣлѣться на тѣмномъ его полѣ. Тогда его относятъ къ Жиду, или къ одному изъ пѣхъ людей, которые ходятъ по улицамъ и кричатъ: *старого платья продать!* Покупатель переворачиваетъ его на всѣ стороны, разсматриваетъ каждую нитку, и не перестаетъ опорочивать его до пѣхъ поръ, пока наскучившій продавецъ не усту-

пить его за восемь, или за десять шиллинговъ. Что же будетъ съ нимъ далѣе? Послѣдуемъ за нимъ въ новомъ его жребіи.

Его числятъ, вымываютъ, выводятъ изъ него пятна, иногда даже выворачиваютъ и покрываютъ съѣжившійся воротникъ его бархатомъ, а позносившіеся лацканы украшаютъ новыми пуговицами, и въ этомъ обновленномъ состояніи онъ переходитъ въ руки молодаго ученика, который гордится моднымъ покроемъ своего фрака. Но увы! свѣжестъ его очень кратковременна. Еще нѣсколько дней — и онъ, одряхлѣвъ, возвращается въ первобытное свое состояніе, и въ этомъ случаѣ, владѣлецъ его долженъ щипать себя щаспливымъ, если какой нибудь Жидъ согласится дать за него четыре или пять шиллинговъ.

Теперь подвигнесь, до какой высокой степени доведена промышленность человѣческая, или Жидовская, если хотите. поелику фракъ этотъ уже не можетъ быть полезенъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, то ему даютъ другую форму. Жидъ перекраиваетъ его; тамъ пришиваетъ карманы, здѣсь дѣлаетъ выпушку, нашиваетъ галуны; прибавьте къ этому пуговицы съ гербами, и вотъ порядочная ливрея, которая легко придется по плечу какому нибудь лакею. Когда же и лакей перепродаетъ её, то въ ней вѣрно найдется еще довольно годныхъ лоскутковъ, изъ которыхъ можно скроить камзолъ для сына какого нибудь ремесленника. Правда, что это *новое* платье едва ли проносится долѣе недѣли, и что локши юной отрасли скоро послужатъ блестящимъ доказательствомъ того, что ничто не вѣчно въ мірѣ; но мало ли еще какимъ превращеніямъ можетъ подвергнуться знакомый намъ фракъ въ этомъ послѣднемъ періодѣ своей жизни? Можетъ быть, повѣщенный на палкѣ, онъ послужитъ огороднымъ пугаломъ; можетъ быть (участъ менѣе унижительною) чья нибудь искусная рука будетъ умѣть извлечь изъ его развалинъ пару охотничьихъ шпилетъ, или башмаковъ для подагрика; можетъ быть даже, что преобразованный въ фуражку и украшенный золотомъ

киспочкою, онъ будетъ еще красоваться на головѣ какого нибудь путешественника, повѣреннаго, студента; однакожь наконецъ, превратясь въ оберточную бумагу и служа крышкой для новаго платья, онъ заключитъ свое поприще у того, у кого его началъ.

ВЫБОРЪ ТУНИССКАГО ПОСЛА.

Тунисскій посолъ, *Сиди-Махмудъ*, собираваясь въ обратный путь изъ Парижа въ Тунисъ, дѣлалъ прощальные визиты всѣмъ министрамъ.

Въ особенности благодарилъ онъ министра, подъ вѣдѣніемъ коего состояли: театры, музей рѣдкостей и другія подобныя заведенія.

Министръ сказалъ Тунисцу: Если между предметами который либо въ особенности вамъ понравился, и вы желаете имѣть его: то прошу васъ объявить мнѣ объ этомъ откровенно, и я съ удовольствіемъ удовлетворю ваше желаніе. —

«Очень хорошо!» сказалъ *Сиди-Махмудъ*: «и такъ, я прошу у васъ акпрису *Прадеръ*. Я желалъ бы взять её съ собою.»

ЖАЛЬ, ЧТО НА МОРѢ НѢТЪ ПОСТОЯЛЫХЪ ДВОРОВЪ!

Капитанъ корабля преперѣлъ кораблекрушеніе въ Океанѣ на неизвѣстной мѣлѣ: по щастію весь экипажъ спасенъ. — По прибытіи въ гавань, былъ онъ призванъ къ военному морскому суду. Одинъ изъ первыхъ членовъ суда, не изъ моряковъ, спалъ ему выговаривая: «Какъ вамъ не стыдно посадить корабль на мѣль; знаете ли, что за это отвѣчать будете.» — Знаю, — отвѣчалъ хладнокровно морякъ, и, объяснивъ всѣ обстоятельства, сказалъ: Это общая несчастная участь моряковъ. — «Да зачѣмъ вы ходите по ночамъ?» возразилъ топъ же членъ. — За тѣмъ, милостивый государь, — отвѣчалъ

капитанъ: что на морѣ нѣтъ посполыхъ дворовъ! —

КАЖДОМУ ДОРОГА СВОЯ ДИНАСТІЯ.

Когда *Наполеонъ* провозгласилъ себя императоромъ, то произвелъ всѣхъ членовъ семейства своего въ короли и принцы, и называлъ ихъ своею династіею.—*Иосифъ*, братъ его, бывший король Испанскій, имѣлъ повара, по имени *Меота*, котораго онъ очень любилъ и часто съ нимъ разговаривалъ.—Однажды король сказалъ ему: «Послушай, *Меотъ*! ты безпрестанно рекомендуешь мнѣ своихъ братьевъ, племянниковъ, племянницъ, однимъ словомъ, ты желаешь все семейство свое вывести въ люди!»—Ваше Величество! — отвѣчалъ *Меотъ*: они всѣ принадлежатъ къ моей династіи. —

СЛОВЕСНОСТЬ.

РѢШИМОСТЬ ЖЕНЩИНЫ.

(*Окончаніе*).

Прошло нѣсколько дней, въ продолженіе коихъ г-жа *д'Альберонъ* каждую минуту благословляла Провидѣніе за то, что оно спасло её отъ такой опасности. Болѣе и болѣе привязывалась она къ своему мужу и дочери; но её огорчало, однако-же, то, что г. *д'Альберонъ* день ото дня становился холоднѣе и скрытнѣе въ своемъ обращеніи съ нею.

Въ одно утро къ ней явилась какая-то женщина, которая принесла съ собою разныя шкани, по столь дешевой цѣнѣ, что г-жа *д'Альберонъ* непременно бы купила ихъ, если бы только онъ ей понравился. Тогда женщина эта предложила ей прийти къ ней въ домъ и выбрать другихъ по своему вкусу; причемъ она рассказала г-жѣ *д'Альберонъ* длинную исторію о томъ, какъ потеря состоянія принудила её принятися за промыселъ, для котораго она никогда себя не готовила, и которой она намѣрена была оставить при первой возможности. Г-жа *д'Альберонъ*, которую эта исторія очень пронудила, имѣла неосторожность отправиться къ

незвѣстной женщинѣ одна, вечеромъ того же дня. Женщина эта жила въ небольшой и довольно пустой улицѣ Монмартрскаго предмѣстія. Г-жа *д'Альберонъ* вошла въ пыльный этажъ; незвѣстная торговка уже ожидала её и провела чрезъ длинный рядъ комнатъ. Вшевъ въ послѣднюю изъ нихъ, она попросила г-жу *д'Альберонъ* сѣсть и дожидаться, пока она принесетъ товары.

Прошла четверть часа, но женщина не являлась. Между тѣмъ приближалась ночь; г-жа *д'Альберонъ* въ безпокойствѣ и опасался слѣдствій своей неосторожности, хотѣла выпить, но дверь была заперта замкомъ. Она кинулась къ окну, но и оно также было накрѣпко зашворено. Напрасно она кричала и звала къ себѣ на помощь; никто не являлся. Она спала искавъ въ комнатѣ другаго выхода, но въ это время ей попалась запиночка, надписанная на ея имя; она съ трепетомъ развернула её и прочла слѣдующее:

«Милостивая государыня!

«Вы писали ко мнѣ письмо, каждое слово котораго заключаетъ въ себѣ жестокое оскорбленіе. Заслужилъ ли я это или нѣтъ, сно такаа обида пребудетъ непремѣннаго мщенія. Для успѣха въ томъ, которое я «приготовилъ вамъ, мнѣ нужно, чтобы вы «провели ночь въ этой комнатѣ; не спайтесь изъ неё выпить, она заперта оп«всюду; не зовите также къ себѣ на по«мощь, потому что оппуда васъ никто «не услышитъ. Впрочемъ, вы можете пать «спокойно спать, не опасаясь за свою добродѣтель. Какое нибудь покушеніе пропивъ «неё показывало бы съ моей стороны нѣко«спорую къ вамъ привязанность, а я никогда «её не чувствовалъ и не буду чувствовать. «Можете пожаловаться на это вашему му«жу, но вспомните только, что я извѣстенъ «своимъ искусствомъ спрѣлать изъ писто«лета.

«*Едмондъ дѣ Нерпи.*»

Можно представить, какъ провела эту ночь г-жа *д'Альберонъ*, столь вѣроломнымъ образомъ задержанная въ домѣ, въ который она вошла съ спокойнымъ сердцемъ и оп-

крытымъ лицомъ!... Такая злоба и коварство поразилъ её; всего болѣе перздалась она ужасною мыслию: что подумаешь о ней мужъ ея?... Что сказать ему? Чѣмъ передъ нимъ оправдаться и какъ обмануть его?... Она знала, что если бы она во всемъ ему призналась, то ничто въ свѣтѣ не удержало бы его: онъ тотчасъ бы наказалъ человека, такъ жестоко её оскорбившаго. Но подвергать опасности жизнь отца ея дочери, почитала она величайшимъ изъ всѣхъ несчастій.

Наступившій день освѣшилъ ея блѣдное лицо и помутившіеся взоры. Скоро дверь отворилась сама собою, и она вышла изъ комнаты, съ намѣреніемъ тотчасъ же вооружиться кинжаломъ и пронзить имъ недостоиннаго врага своего. Но вспомнивъ о своей дочери, которая имѣла нужду въ ея существованіи, она рѣшилась лучше вовсе опказаться опъ мщенія, нежели возложить его на своего мужа, которому оно могло быть столь пагубно.

Было десять часовъ утра, когда она возвратилась домой, еще не рѣшившись, что сказать о причинѣ своей оплочки. Она не смѣла ни говорить правды, ни молчать. Вошедъ въ свои комнаты, которыхъ были расположены опдѣльно опъ комнаты г-на *д'Альберона*, она вздохнула свободнѣе, особенно когда новая горничная ея сказала ей, что мужъ не замѣнилъ ея отсутствія, и всѣ домашніе были увѣрены, что она возвратилась въ тотъ же вечеръ.

Но между тѣмъ г. *д'Альберонъ* не шелъ, по обыкновенію, сдѣлать ей утреннее посѣщеніе. Угнетаемая тайною своего несчастія, которое тяжелымъ угрызениемъ лежало на ея сердцѣ, она не смѣла сама пойти къ своему мужу.

Когда она спросила о своей дочери: то ей сказали, что она у г. *д'Альберона*. Послѣ нѣсколькихъ часовъ тяжостной нерѣшительности, будучи не въ состояніи оставаться долѣе одна, она пошла въ комнаты мужа, но не застала тамъ ни его, ни своей дочери.

Г. *д'Альберонъ* не возвратился и ввечеру: а на завтрашнее утро ей подали опъ него слѣдующее письмо:

«Можетъ быть вамъ показалось стран-нымъ, сударыня, что въ нынѣшнюю ночь съя не былъ дома. Что же дѣлать? примѣры «заразительны. Мнѣ также можно было «искапать ночлега не подъ супружескою кров-«лею; но чувствуя въ себѣ болѣе стыда, «нежели вы, я не въ состояніи уже снова «возвратиться шуда. Вамъ должно быть «это понятно. Я все знаю; не спарайтесь «меня обманывать. Поздно открылъ я гла-«за, но узналъ наконецъ то, что было «всѣмъ извѣстно прежде меня. Пренная ва-«шна горничная доставила мнѣ разныя дока-«зательства, но изъ нихъ достаточнао было «бы и того только, что я видѣлъ, какъ вы «вошли и оставались цѣлую ночь въ домѣ, «который вашъ благородный оболъстатель «избралъ убѣжищемъ своего разврата. Не «смотря на то — такова моя слабость — «я не хотѣлъ наказывать васъ, не давъ «вамъ времени раскаяться; я надѣялся, что «по возвращеніи, вы со слезами броситесь «къ ногамъ моимъ, или по крайней мѣрѣ «удостоините оправдать себя какою нибудь «ложью!... Но вы нисколько не позаботи-«лись о моемъ спокойствіи или уваженіи къ «вамъ, и сдѣлали рѣшительно невозможнымъ «всякое примиреніе между нами. Я уѣзжаю. «си увожу съ собою дочь нашу; вы её боль-«ше не увидите и не заразите своимъ при-«смѣромъ. Не думаю о томъ, что станутъ «говорить въ свѣтѣ; честь моя уже безвоз-«вратно потеряна.

«Прощайте навсегда.

«*Эдуардъ д'Альберонъ.*»

На другой день, несчастная была въ по-«стель. Она занемогла жестокою горячкою.

II.

Прошло три мѣсяца со времени опъзда г. *д'Альберона*. *Де Жерни* вполне успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Въ обществахъ стали бы опвѣчать громкимъ смѣхомъ, если бы кто вздумалъ изъявить сомнѣніе въ томъ, что онъ снискалъ полную благосклонность г-жи

д'Альберонъ; а самъ онъ, когда его объ этомъ спрашивали, обыкновенно избѣгалъ прѣмого отвѣта, какъ бы изъ скромности.

Въ одинъ вечеръ онъ получилъ безымянную записку. Нѣкто, крайне имъ обиженный, предупреждалъ его, что завтра поутру его будутъ ждаты въ одной изъ алей Булонскаго лѣса. Его просили привести съ собою двухъ свидѣтелей, одного для себя, а другаго для своего пропивника.

Онъ спалъ думая, кто бы могъ быть этотъ неизвѣстный, и остановился на г-нѣ *д'Альберонъ*; впрочемъ, это не слишкомъ его встревожило, ибо онъ зналъ, что честный банкиръ былъ очень нескусенъ въ фехтованьи.

Явившись поутру на мѣсто свиданія, онъ нашелъ, что тамъ уже ждесть его какой-то человекъ небольшого роста. Но каково было его изумленіе, когда онъ узналъ въ немъ г-жу *д'Альберонъ*, въ мужскомъ платьѣ, съ парюю пистолевою подъ мышкою!

Когда миновалось первое впечатлѣніе, онъ съ пренебреженіемъ улыбнулся.

«Смѣйтесь, сударь, смѣйтесь,» сказала обиженная: «смѣйтесь, видя, что бѣдная женщина, которую вы погубили столь низкимъ образомъ, требуетъ отъ руки своей правосудія, въ которомъ отказываютъ ей Богъ и люди, и хочетъ воспользоваться однимъ изъ преимуществъ вашего пола, котораго онъ такъ дерзко употребляетъ во зло. Смѣйтесь; скоро вы не будете больше смѣяться, или по крайней мѣрѣ, я не буду этого видѣть. А! вы думаете, что можно лишиться женщину счастья и добраго имени, и что поному только, что она не захочетъ подвергать опасности жизнь своего мужа, которому никогда не измѣнила, она останется униженною, посрамленною и не отплатитъ за себя? О нѣтъ! вы ошибаетесь... она должна имѣть право пребывать удовлетворенною, и вы сей часъ мнѣ его окажете...»

— Вы требуете невозможнаго, сударыня, — отвѣчала *дѣ Нерпи*: какъ вы хотите, чтобы я убила женщину? —

«Такъ могли и должны вы были говорить прежде, чѣмъ лишили меня чести, потому что въ ней заключается и жизнь женщины!... Такъ могли вы говорить прежде, чѣмъ разлучили меня съ мужемъ и дочерью. Но теперь, если вы отказываетесь изъ жадости, то я щипаю это насмѣшкою; если же изъ боязни, то подлостью.»

— Я не могу съ вами драться. —

«Если вы не оставите мнѣ другаго средства, кромѣ убійства, то бойтесь меня! Я клянусь вамъ, что не уйду отсюда, прежде чѣмъ эти пистолеты не выпрылятъ по васъ, а поному отъ васъ зависить выборъ быть убитымъ или драться.»

При сихъ словахъ взоры г-жи *д'Альберонъ* блистали необыкновеннымъ одушевленіемъ; руки ея судорожно сжимали пистолеты. *Нерпи* и его свидѣтели вздумали было кинуться на нее и вырвать изъ рукъ ея оружіе, но разсудили, что прежде, чѣмъ они успѣютъ въ этомъ, это оружіе можетъ быть губельно для нападающаго.

Дѣ Нерпи стоялъ въ смущеніи, не смѣя ни согласиться, ни произнести рѣшительнаго отказа и видя въ глазахъ г-жи *д'Альберонъ* твердую готовность къ мщенію. Наконецъ, ему пришла мысль, что какъ ни странно было положеніе, въ которомъ онъ находился, но оно можетъ представить его свѣту въ выгодномъ видѣ, а это было всегда его главною цѣлюю.

— Я принимаю вашъ вызовъ, сударыня, — сказалъ онъ: и позволяю вамъ спрѣлать первой. —

«Я хотѣла этого пребывать, потому что изъ насъ двухъ я почиаю себя обиженною.»

Отщипали шаги, стали на мѣста, и пуля г-жи *д'Альберонъ* пролетѣла между туловищемъ и рукою *дѣ Нерпи*, который обнаружилъ при этомъ нѣкоторое удивленіе.

«Вы удивляетесь, что я спрѣляю такъ вѣрно,» сказала его противница: «но неужли вы думаете, что я бы стала такъ долго откладываать свое мщеніе, если-бы не хотѣла бытъ въ немъ совершенно увѣрена.»

Въ продолженіе трехъ мѣсяцовъ, преодолевая сильное отвращеніе къ оружію, я училась стрѣльбѣ, и теперь чувствую въ себѣ сколько же искусства, сколько рѣшимости. Мы деремся на смерть; стрѣляйте вѣрнѣе, или я не пощажу васъ.»

Дѣ Нерпи, хопя смѣшавшійся немного опъ эпихъ словъ, улыбнулся и выстрѣлилъ на воздухъ.

«А! вы хопите казаться великодушнымъ!» сказала г-жа *д'Альберонъ*; эпо вамъ ни къ чему не послужимъ; у меня въ рукѣ другой пистолетъ, а вопъ и еще одинъ. Я сказала вамъ, что одинъ изъ насъ долженъ оспасться на мѣстѣ.»

Она выстрѣлила снова и пуля проскользнула по волосамъ ея прошивника.

Съ неперпніемъ попнуть ногою, она вынула изъ за пазухи другой пистолетъ.

«Стрѣлай скорѣе, низкій человекъ, или я убью тебя. Не можеть быть, чтобъ я три раза сряду дала промахъ.»

Дѣ Нерпи споэль въ недоумѣніи.

«Стрѣлай же!» повторила она съ бѣшенствомъ.

Дѣ Нерпи видѣлъ, что глаза ея сверкали мщеніемъ; онъ видѣлъ уже, что она обратила къ нему дуло своего пистолета, и что успрашенные свидѣтели не осмѣливались подойти къ эпому необыкновенному существу, которое изъ женщины сдѣлалось болѣе нежели мужчиною. Онъ видѣлъ предъ собою неизбѣжную смерть, смерть послѣ безчестнаго поступка, смерть вѣрную и болѣзненную... Голова его закружилась... онъ выстрѣлилъ, но въ эпопъ разъ уже не на воздухъ.

Сначала думали, что пуля не коснулась г-жи *д'Альберонъ*, ибо она еще споела съ минутою, и занесла руку на послѣдній пистолетъ свой, но потомъ зашаталась и упала на землю. Пуля попала ей въ правый бокъ.

Одинъ изъ свидѣтелей, бывший вмѣстѣ и врачомъ, подошелъ къ ней, чтобы осмопрѣть ея рану.

«Никогда!» вскричала она: «лучше смерть.»

Цѣломудріе заставило её опвергнуть предлагаемую помощь.

Её перенесли въ карету.

III.

Чрезъ двѣ недѣли г-жа *д'Альберонъ*, еще живая, но въ безнадежномъ положеніи, легала въ постели, призывая смерть, опъ которой вслчески спарались её избавить. Опъ сильныхъ спраданій, она впала въ какое-то лепаргическое усыпленіе. Проснувшись однажды, она увидѣла у своей постели новое, совершенно неожиданное ею лицо. Эпо былъ г. *д'Альберонъ*, который узнавъ объ ужасной новости, потчасъ возвратился въ Парижъ.

«Эпо ты,» вскричала она: «си такъ, прежде чѣмъ умру, я могу еще разъ обнять тебя.»

— Да, эпо я, — сказалъ г-нъ *д'Альберонъ*: «я благодарю Бога, за то, что Онъ допустилъ меня усладить твои послѣднія минуты. Я пришелъ, чтобъ проспимъ тебя и быть твоимъ мспителемъ.»

«Проспимъ меня! Я не виновата. Человекъ, который способенъ умертвить женщину, могъ обезславить, но не обольспить её. — Быть моимъ мспителемъ! Судьба опспила за меня болѣе, нежели я желала. Опъ обезчестилъ меня, и я надѣялась только убить его, но лишивъ меня жизни, онъ обезчестилъ самаго себя. Теперь мы спомимъ на равной степени спыда и нещастія. Оспавь его жизнь, для того, чтобъ онъ служилъ предметомъ презрѣнія свѣта, которому онъ принесъ меня на жертву. Общай мнѣ, что ты оспавишь ему жизнь; опъ будетъ самымъ жалкимъ пвореніемъ; я знаю, онъ такъ низокъ, что никогда не осмѣлился самъ поднять на себя руку. Но гдѣ дочь моя? я хочу её видѣть.»

Ей принесли дитя ея. Она судорожно сжала её въ объятіяхъ.

Прекрасная дѣвочка обняла своими рученками блѣдныя и холодныя щеки матери, которыми она оспавила споль свѣжими. Вдругъ она вскрикнула, плашь ея было об-

липо кровью. Рана ея матери снова раскрылась опъ сильнаго волненія. Съ большими усиліями испоргли её изъ оледенѣвшихъ объятій, все еще сжимавшихъ её. Г-жи *д'Альберонъ* не спало болѣе на свѣтѣ!...

Дѣ Нерли не исполнилъ предсказанія умирающей г-жи *д'Альберонъ*. — Онъ почелъ себя столь несчастнымъ, что черезъ мѣсяць застрѣлился.

Перев. *Ипполитъ Глббовъ*.

АНГЛІЙСКІЙ ОБЫЧАЙ.

День св. *Михаила* (*) (29 Сентября) есть праздникъ, уважаемый всѣми Англичанами, а особенно торгующими дичиною. Въ этотъ день, богатые и бѣдные жители Лондона обязаны всѣ безъ исключенія имѣть на столѣ гуся, во что бы имъ по ни спало, и вопъ происхождение сего обычая.

29 Сентября 1589 года, королева *Елисавета*, отправляясь въ Тильбюри-Форпъ, остановилась обѣдать въ помѣстьѣ сира *Невилъ-Улфревилля*, и какъ вообще проспья блюда нравятся людямъ, привыкшимъ къ пищѣ изысканной: но сиръ *Невилъ* приказалъ приготовить для королевы самага жирнаго гуся, какого только можно было найти въ окрестности. Уполивъ апешипъ свой, королева спросила вина и провозгласила постъ за испребленіе Испанскаго флота. Въ ту минуту, какъ она отдала покаръ свой хозяину, получено извѣстіе, что Испанскій флотъ дѣйствительно разсѣянъ бурей. Въ память сего щасливаго событія, *Елисавета* выпила второй покаръ, и шупъ же отдала повелѣніе, чпобы каждый годъ, въ этотъ день, за столомъ ея подаваемъ былъ жареный гусь. Обычай этотъ сохранился при Англійскомъ Дворѣ донынѣ и самый народъ никогда опъ него не отступаетъ.

ИЗОБРѢТЕНІЕ ВИЛОКЪ.

Китайцы опредѣляютъ эпоху царствованія перваго царя своего *Фо-ги* около того времени, когда, по нашему лѣтосчисленію, произо-

(*) Въ Россіи празднуется сей день 8-го Ноября.— В.

шелъ потопъ; этому щитаается 4167 лѣтъ. Безъ сомнѣнія, сей народъ всѣхъ болѣе имѣлъ досуга для изобрѣтенія вилокъ; однакоже, опъ до сихъ поръ употребляетъ вмѣсто ихъ пальцы или небольшія заостренныя палочки, весьма неудобныя. Намъ позволительно удивляться этому, но король Французскій *Карлъ IX*, мать его *Катерина Медицисъ* и пышный Дворъ ихъ, едва-ли бы имѣли на это право: ибо они также брали мясо съ блюды руками. *Георіихъ III* первый спалъ употреблялъ вилки, изобрѣтеніе которыхъ признано было столь полезнымъ, что употребленіе ихъ скоро сдѣлалось общимъ. *Сент-Пале* и *Дюлоръ* упоминаютъ объ одномъ писателѣ, который, преподавая молодымъ людямъ правила благоприличія, совѣтуетъ женщинамъ остерегаться, чпобы не слишкомъ засаливать кушаньемъ пальцы.

СМЕРТЬ КРАСАВИЦЫ.

(Изъ *Парни*.)

Она едва изъ дѣтства выходила,
Спыдливою плѣняя красотой;
Любовь въ устахъ ея, во взорахъ говорила!
Еще одинъ бы годъ, и съ новою весной,
Невинная душой,
И сердцемъ пламеннымъ—она бы полюбила.
Но къ ранней смерти рокъ её опредѣлилъ;
Прекрасная утасла безъ спрданья,
И смертный часъ ея какъ сонъ привѣшлывъ былъ,
Безъ слезъ на Промыслъ, безъ роптанья.
Такъ радость свѣтлая очей
При вѣсти горестной мгновенно исчезаетъ;
Такъ въ пихомъ сумракѣ въпвей
Поѣтъ весенній соловей,
И сладкій гласъ его въ дубравѣ умираетъ.

Озлобишинъ.

ПОСЛАНИЕ КЪ ПЕЧКѢ,

когда на днлхъ авторъ этихъ стиховъ столь прислонялъ къ ней.

Печка, печка! иль не знаешь
Какъ мнѣ дорогъ виць-мундиръ?
Ты зачѣмъ его марашь:

Онъ новѣхонекъ, безъ дыръ,
 Безъ заплашь и безъ изъяна,
 Онъ закройщика *Ивана*
 Только съ мѣсяцъ получень.
 Въ праздникъ въ немъ хожу къ обѣднѣ,
 Въ немъ хожу я слушать бредни
 Милыхъ дѣвушекъ,—и онъ,
 Онъ товарищъ мой безцѣнный,
 Есть нарядъ мой неизмѣнный
 На боспонахъ, вечерахъ
 И на свадебныхъ шрахахъ;
 Даже въ сумрачныхъ спѣнахъ
 Департаментскаго зданья
 Въ ежедневныя собранья,
 Пыли, скукъ и дѣламъ
 Дань мы плащамъ пополамъ.

Ив. Уерюлицевъ.

О М О Н И М Ъ.

Я съ Русскими шагаль по высопамъ Балкана,
 Варшаву, Ахалцихъ завоевалъ;
 Я въ започеніе сослалъ
 Французскаго буяна - великана.
 Я рода низкаго, въ знашь вышелъ самъ собой;
 Вопъ шѣска у меня—топъ чистозолотой.

Орловъ.

Въ No 87-мъ, помѣщенный логотипъ значить: *Epaule, Paul.*

М O D E S.

Au spectacle, avec une robe en mousseline de l'Inde ou d'organdi brodé, on met des turbans pareils tournés une fois seulement autour de la tête sans aucun ornement. Ils ont la simplicité d'un bonnet tout en ayant peu de recherche. Ces turbans tout ordinaires qu'ils soient peuvent être portés avec un collier et des manches courtes. Nous les avons vus à des

femmes d'un goût reconnu avec une robe montante et même une redingote garnie de valenciennes.

Les manchettes paraissent de tous côtés avec les mêmes formes qu'elles avaient, il y a quelques années; mais pour cela nous ne devons pas les confondre, et bien au contraire les distinguer dans les nuances de détail qu'elles offrent selon la toilette à laquelle on veut les placer. Toutes les manchettes de tulle et garnies à canons sont anciennes et de mauvais goût. Celles de batiste à ourlet, bordées quelquefois d'une valenciennes, sont les seules bien portées. D'autres encore, tout-à-fait négligées pour le matin, sont en batiste, garnies d'une basse bande de batiste plissée à très-petits plis. Quelques personnes laissent tomber sur la main une bande à petits plis; c'est joli, mais on peut reprocher que cela manque de distinction, et ce motif est suffisant pour le défendre.

М O Д Ы.

Въ спектакль, съ плащемъ изъ Индійской кисеи или вышитымъ изъ органди, надѣвають такіе же шорбаны, обернутые въ одинъ разъ только около головы, безъ всякой отделки. Они имѣютъ prospectу чепчика, не бывъ слишкомъ запыльчивы. Эти шорбаны, какъ они ни проспекы, можно надѣвать съ ожерельемъ и корошкими рукавами. Мы видѣли ихъ на женщинахъ, извѣстныхъ по своему вкусу, съ высокими лицами и даже съ рединготомъ, обшитымъ кружевами.

Манжеты показывающаея со всѣхъ сторонъ; тѣхъ же фасоновъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но для ашаго мы не должны ихъ смѣшивать, а различать напрошивъ въ опшѣнкахъ подробности, представляемой ими, смотря по наряду, съ какимъ хотящъ ихъ надѣть. Всѣ манжеты, плюевыя и обшитыя кружевами, спаринны и дурнаго вкуса. Батистовыя съ широкимъ рубцемъ, обшитыя иногда узенькимъ кружевомъ, однѣ въ ходу. Другія еще, совсѣмъ проспекыя, для упра, батистовыя, обшитыя узенькою батистовою полоскою, сложенною въ желкія складочки. Нѣкоторыя дамы опбрасываютъ на руку полоску, сложенную мелкими складочками; это красиво, но можно упрекнуть за это недоспашкомъ опдичія, и эшою причиною досташочно, чпобъ запрѣтитъ упопрѣбленіе ихъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 89.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 80, съ до-
снавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, НОЯБРЯ 7 ДНЯ, 1854 ГОДА.

Карпы враги,
Когда ей щастье предрекали,
И наводили страхъ, когда
Въ нихъ выходила ей бѣда.

Е. Баратынскій.

ПЕРЕСМѢЩНИКЪ.

ПЕРВЫЙ ВОЗДУШНЫЙ ШАРЪ (*).

1772.

La gloire et la curiosité sont les fléaux de
notre ame: celle cy nous conduict à mettre
le nez partout. et celle là nous déffend de
rien laisser irrésoles et indécis.

Montaigne.

У меня былъ добрый пріятель г. *Дефоржъ*, каноникъ въ Эпампъ, одинъ изъ первыхъ изобрѣшателей воздушныхъ шаровъ, бывшихъ причиною его несчастія, подобно какъ и маркиза *Баквилля*; они оба прославились своимъ паденіемъ.

Г. *Дефоржъ*, не взирая на пипуль каноника при церкви Богородицы въ Эпампъ, любилъ путешествовать не менѣе многихъ изъ своихъ духовныхъ дѣтей, и едва ли не приходился съ родни знаменитому священнику *Мелью*.

— *Жакобъ*,—сказалъ онъ мнѣ однажды зѣвая: мнѣ ужасно какъ хочется побывать на лунѣ, на солнцѣ и объѣздить всѣ небесныя селенія. Не желаешь ли опсправиться вмѣстѣ со мною? —

Въ этихъ словахъ г. *Дефоржъ* вмѣстѣ съ шупкою выражалась какал-то увѣренность, основанная на изученіи астрономіи и физики: онъ надѣялся изобрѣсти особенный воздушный экипажъ въ родѣ крыльевъ *Икара*, или машины *Силона* чародѣя. Г. *Дефоржъ* былъ изъ числа тѣхъ людей безпокойнаго и смѣлаго духа, которые ничего не щитаютъ невозможнымъ и съ радостію хватаются за все новое: роль любителя нововведеній, которую онъ храбро поддерживалъ во всю жпзнь, не смотря на строгія мѣры Парламента и духовенства, началась у него въ 1758 году изданіемъ въ свѣтъ сочиненія въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: *О святости бражной жпзни, и какъ полезно и необходимо въ наше время вступать блгому духовенству въ бракъ.* — Сочиненіе сіе было сожжено рукою палача, а сочинитель посаженъ на два года въ Баспдлю, которая однако-жъ его не исправила.

(*) Изъ книги: *Quand j'étais jeune*, par P. L. Jacob, bibliophtite, membre de toutes les Académies.

Впрочемъ, жажда семейной жизни была для него только отдохновеніемъ, какъ охота для принцовъ и туалеть для женщинъ. Онъ въ одно время предавался занятіямъ самымъ опвлеченнымъ и самымъ легкимъ: зналъ наизусть сочиненія всѣхъ лучшихъ Французскихъ писателей, самъ сочинялъ книги о житейской философіи и былъ споль же свѣдущъ въ математикѣ, сколько изобрѣтателемъ по части механики: послѣдняя сославляла его спрасны, его безуміе. — Однажды вечеромъ я читалъ вслухъ ему и его ключницѣ *сочиненія Сирано дѣ Бержерака*, эпэго храбреца, выражавшагося слогомъ жеманнымъ и поддерживавшаго мечемъ славу пера своего, и попалъ на одну сцэную *Забавной исторіи солнечныхъ королевствъ и имперій. Бержеракъ* повѣствуетъ, что будучи посаженъ въ одну изъ башенъ Тулузскаго замка, для выхода изъ неѣ придумалъ онъ особенную машину, которой описаніе, довольно пѣмное, произвело сильное впечатлѣніе на г. *Дѣфоржэ*. «Она состояла изъ большаго ящика,» говоритъ *Сирано*, знавшій порядочно системы *Декарта*: «весьма легкаго и плотно затворявшагося, вышиною около шести, а шириною въ три или четыре фута. Ящикъ эпотъ имѣлъ отверстіе внизу, а на сводѣ его, также съ отверстіемъ, поставилъ я большой шарообразный спеклянный сосудъ, коего горлышко плотно входило въ скважину, сдѣланную въ верхней части ящика. — Эпотъ многоугольный сосудъ, имѣвшій форму икосаэдра, посредствомъ впуклыхъ и выпуклыхъ граней своихъ, долженъ былъ производить тоже самое дѣйствіе, какъ и вогнутое зеркало.»

— Вотъ умный человекъ! — воскликнулъ г. *Дѣфоржэ*, выхвативъ у меня книгу съ такимъ жаромъ, что половина обертки осталась у меня въ рукѣ. Удивительный! выпранный! Эпотъ *Сирано дѣ Бержеракъ* вѣрно путешествовалъ по планетамъ: я понялъ, я постигъ его машину! —

Въ самомъ дѣлѣ онъ пристально разсматривалъ рисунокъ, представлявшій воздушное восхожденіе Гасконскаго путешественника, который *не слишкомъ полагался на силу своихъ зеркалъ*. Гравюрка сія, рисованная въ

1649 году, донынѣ поражаетъ насъ спраннымъ сходствомъ, замѣчаемымъ между воздухоплавательными шарами и машиною *Сирано*, который, кажется, очень былъ занятъ устройствомъ летательнаго снаряда. Г. *Дѣфоржэ* перечисывалъ эпо щастливое мѣсто, въ которомъ открывалъ онъ цѣлый новый міръ, подобно *Христофору Колумбу*, предугадывавшему существованіе Америки по шарообразной формѣ земли; онъ прыгалъ на спулѣ, хлопалъ руками, плакалъ, смѣялся: словомъ сказать, онъ былъ безъ ума. Далѣ прочелъ онъ:

«Я предвидѣлъ, что пустое просранство, долженствующее образоваться въ икосаэдрѣ отъ совокупленія посредствомъ спеколь солнечныхъ лучей, будетъ втягивать въ него воздухъ изъ ящика, и что по мѣрѣ пого, какъ я спану поднимаюсь, вѣспрѣ, съ силою усремляясь чрезъ отверстіе къ своду, напискомъ своимъ будетъ напирать машину и двигать еѣ вверхъ. Я придѣлалъ къ краямъ ящика небольшой парусъ, приводимый въ движеніе посредствомъ снурка, конецъ котораго, проходившій чрезъ сосудъ, держалъ я въ рукѣ, въ помѣ предположеніи, что плавая въ воздухѣ, въ состояніи буду забирать сполько вѣспра, сколько мнѣ будетъ нужно.»

Не замѣчательно ли сіе изобрѣненіе, появившееся за 140 лѣтъ до *Монгольфьеровыхъ шаровъ*? *Сирано дѣ Бержеракъ* понялъ, что вся прудность воздушнаго путешествія состоитъ въ способѣ управленія: *надобно придѣлать руль къ летучему кораблю*. Чтобы представить себѣ шоржество г. *Дѣфоржэ*, который въ мысляхъ своихъ долеталъ уже до седьмаго неба, должно привести себѣ только на память суевѣрное изумленіе, овладѣвшее всею Франціею, когда *Монгольфьеръ* полетѣлъ подъ облака на маленькой лодочкѣ. Изобрѣненіе воздушныхъ шаровъ казалось побѣдою человека надъ природою, и самые разсудительные ученые не сомнѣвались сначала въ возможности долетѣть до міровъ *Фонтенелевыхъ*; одни спѣшили отпраивиться въ ледяное царство Луны, другіе въ пламеннющее жерло Сиріуса: воинъ мечемъ прокладывалъ себѣ входъ въ воздуш-

ный шаръ, росповщикъ дорогою цѣною покупалъ право полетать на немъ. Но по испеченіи года должно было отказаться отъ великихъ надеждъ, порожденныхъ симъ изобрѣщеніемъ, и ограничиться одними физическими опытами. Съ тѣхъ поръ воздушные шары были употребляемы съ пользою въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, и донынѣ забавляютъ зѣвакъ на публичныхъ гуляньяхъ. Окончилось ли теперь владычество аеростатовъ? Какъ бы то ни было, а *Монгольфьеръ* имѣлъ предшественника въ г. *Дѣфоржъ*, который самъ былъ подражателемъ *Сирано дѣ Бержерака*.

Каноникъ нашъ не медля уѣхалъ въ Эшампъ, обѣщавъ пригласить меня въ скоромъ времени на свое путешествіе. Онъ взялъ съ собою *Сирано дѣ Бержерака*, котораго перечитывалъ и толковалъ со всѣмъ учёнымъ подобострастіемъ, — и приступилъ наконецъ къ дѣлу. Онъ устроилъ машину *Сирано*, неиспытанную впрочемъ самимъ изобрѣтателемъ, которая вышла до того тяжела, что сильный ураганъ не сдвинулъ бы её съ мѣста: г. *Дѣфоржъ* съѣлъ въ неё однажды во время сильнаго зноя и просидѣлъ цѣлый день; но икосаедръ не вляивалъ воздуха и вѣтръ не стрелился въ отверстіе, только парусъ нѣсколько надувался и готовъ былъ улетѣть; у г. же *Дѣфоржа* едва не расплылся мозгъ отъ солнечныхъ лучей, которые чрезъ стеклянную грань падали въ опѣвномъ положеніи ему на голову.

Эта неудача не смутила его: онъ только оставилъ мысль *Сирано*, а нарисовалъ самъ машину новой формы и новаго устройства, обширнѣе и сложнѣе первой, и болѣе приближавшуюся къ шарамъ *Монгольфьера*, и нескромные слухи, распространившіеся о семъ новомъ изобрѣщеніи, которому придавали они названіе *летугаго кабриолета*, возбудили, какъ мнѣ кажется, соревнованіе физиковъ, и довели ихъ въ послѣдствіи до выводовъ болѣе удовлетворительныхъ.

Г. *Дѣфоржъ* сообщалъ мнѣ извѣстія о работѣ своей, при которой одна только ключница имѣла право присутствовать, и изъ переписки съ нимъ, продолжавшейся

около двухъ лѣтъ, я узнавалъ о всѣхъ улучшеніяхъ, дѣланныхъ имъ въ своей машинѣ, которая точно походила на кабриолетъ, снабженный парусами и крыльями. Замѣтливый и остроумный механизмъ, пребывавшій безпрерывнаго напряженія всѣхъ умственныхъ его способностей, дѣлался для него день ото дня драгоцѣннѣе и необходимѣе, такъ, что онъ прилѣпился къ нему всею душою: ни днемъ, ни ночью не покидалъ онъ своей занимательной машины, съ которою сплелся, такъ сказать, въ одно существо. За сполномъ черпилъ онъ ножомъ или ложкой геометрическія фигуры на тарелкѣ, во снѣ продолжалъ наблюденія надъ пляскою воздуха; онъ небрежно уже объ исполненіи обязанностей своего званія, а занимался исключительно высшею математикою, глодалъ кости *Ньютона* и *Декарта*: такъ одна опредѣленная идея можетъ разспрошить мозгъ самаго разсудительнаго человека. Г. *Дѣфоржъ* отказался отъ всего, что не принадлежало къ его машинѣ.

Ключница его *Филиппина*, свѣжая и краснотлицая брюнетка, просвѣтившаяся нѣсколько въ его домѣ и желавшая непременно пудриться, проклинала въ душѣ своей машину, которая удерживала господина вмѣстѣ съ нею дома, потому что пляскія обязанности ключницы заставляли её сидѣть неоплучно въ лабораторіи, гдѣ г. *Дѣфоржъ* позволялъ себѣ только одинъ родъ отдохновенія. У *Филиппины* былъ любезный по сердцу, не каноникъ, а простой пономарь и лихой пьяница *Томасъ*, который съ своимъ церковнымъ саномъ соединялъ болѣе пріятную должность скрипача. Во время танцевъ, на гулянь въ крѣпости *Томасъ* прельстилъ *Филиппину* своею дородностью и веселостью, и съ тѣхъ поръ былъ къ ней постоянно нѣженъ. Они назначали свои любовныя свиданія или въ тѣни ивъ, растущихъ на берегу рѣки, или во ржи, или подъ сѣнію Гинетской башни. Эти частыя посещенія, никогда не пропадшія даромъ, были прерваны, и наконецъ совершенно прекратились къ общему ихъ неудовольствію съ тѣхъ поръ, какъ г. *Дѣфоржъ* заперся дома съ своимъ воздушнымъ шаромъ и ключ-

ницею. Онъ нисколько не ревновалъ её и не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія, а просто думалъ о собственномъ своемъ удовольствіи, и почти умѣлъ сдѣлать для себя прилпнымъ сообщество *Филиппины*; она же вздыхала о своемъ пономарѣ, упѣшаясь гуломъ церковныхъ колоколовъ и усердно исполняя почтенную должность свою при нашемъ каноникъ-механикѣ, который занимался ею не менѣе, какъ своимъ шаромъ: ибо среди порывовъ своихъ къ звѣзднымъ сферамъ нерѣдко спускался съ неба на землю: спрассть его къ хозяйству росла скорѣе машины.

Наконецъ машина сія, соспавлявшая предметъ всѣхъ желаній его, была окончена, и онъ приглашалъ меня письмомъ пріѣхать въ Этампъ къ 10-му Октябрю 1772, быть свидѣтелемъ опыта, въ удачѣ коего онъ нисколько не сомнѣвался. — Казалось, самая погода содѣйствовала его предпріятію: ибо дувшій тогда сильный сѣверозападный вѣтръ благоприятствовалъ воздушному путешествію. — Кабриолетъ его, построенный изъ еловаго дерева, съ колесами, съ мельничными крыльями и корабельными парусами, былъ самой странной фигуры и необыкновеннаго механизма: его поставили въ саду на дугъ и прикрѣпили къ столбамъ, чтобы не улетѣлъ. *Филиппина* припворно плакала, представляя, какія опасности угрожаютъ отважному путешественнику; онъ же, будучи твердо увѣренъ въ непогрѣшимости своихъ выкладокъ, подшучивалъ надъ боязнью своей ключницы: можно было подумать, что онъ собирался не далѣе какъ въ Понтоазъ, и милліоны миль въ воздушномъ пространствѣ успрашали его не болѣе, какъ двѣ или три почтовыхъ мили: самоувѣренность можетъ привести въ заблужденіе самаго основательнаго человека.

«Скоро ли,» спросила его *Филиппина*, опирая слезы концемъ передника: «надѣетесь вы воротиться оппуда сверху?»

— Это будетъ завистль опъ обстоятельство, — опвѣчалъ г. *Дѣйфоржъ*: при хорошемъ вѣтрѣ я пуцусь на всѣхъ парусахъ прямо къ лунѣ, куда пріѣду завтра утромъ. —

«Увѣрены ли вы въ этомъ? Вѣдь луна не такъ близко опсюда; до ней, я думаю, вдвое,

впрое; а можетъ быть и еще далѣе, чѣмъ до верхушки нашей колокольни: впрочемъ, я вамъ вѣрю, вы ученый и знаете, что говорите.»

— Луна, которая кажется тебѣ, моя любезная ключница, круглою, какъ сыръ, есть планета въ придцать девять разъ менѣе нашей земли, опъ которой опстоишь на шестидесятъ полудіаметровъ земли. . . . Да тебѣ эпаго не понять: сама увидишь, какъ я отпраядусь завтра въ полдень и помчусь скорѣе стрѣлы, машина моя должна пролетать сорокъ миль въ часъ, и если не встрѣпится на дорогѣ никакихъ препятствій и объздовъ, то въ потъ же вечеръ могу причалить къ лунѣ, которая ближе всѣхъ планетъ къ нашему шару. Потомъ я намѣренъ побывать на шести прочихъ планетахъ прежде, чѣмъ пуцусь на солнце, что не такъ легко. —

«Такъ вы пробудете памъ нѣсколько дней? эпаго только и добивалась я: во время вашего опсупствія я буду смотрѣшь за домомъ.»

Г. *Дѣйфоржъ* не могъ спать ночью передъ тѣмъ днѣмъ, въ который назначено прозвестъ испытаніе машины. Онъ начерпиль карту своего путешествія, назначиль спанці на различныхъ звѣздахъ и опмѣпиль вихри, о которыхъ упоминаеть *Декартъ*, подобно тому, какъ на морскихъ картахъ рисуются подводные камни. Онъ вспалъ вмѣспѣ съ утреннею зарею и съ радостію прислушивался къ свисту вѣтра, вырываващаго деревья въ его саду. *Филиппина* приговорила съспные припасы, хлѣбъ, вино, мясныя холодныя: она была весела не менѣе своего господина и не менѣе его увѣрена въ успѣхѣ путешествія. Г. *Дѣйфоржъ*, какъ человекъ дальновидный, взялъ съ собою компасъ, цѣркуль, очки, оппическіе, физическіе и химическіе инструменты, не забылъ также ни перьевъ, ни чернилъ, для веденія журнала своего путешествія. Наспупиль полдень, а я еще не пріѣзжалъ: меня вывалили изъ экипажа въ Линасъ.

Пріятель мой ждетъ меня чепверть часа, ждетъ полчаса, испуща объ полъ ногою,

бѣгая отъ окна къ двери и отъ двери къ окну, поспраивая въ тоже время и на часовую стрѣлку и на барометръ, и проклиная мою медленность. Наконецъ, попереявъ всякое терпѣніе, обнявъ *Филиппину*, опдалъ ей въ руки запечатанную бумагу, приказавъ раскрыть её, если онъ не ворошится, и бросился въ кабріолетъ съ самоотверженіемъ *Христофора Коломба*, *Америка Веспучія* или *Васко де Гама*.

«Прощайте, мой любезный господинъ!» кричала ему ключница, для которой не мнѣе, какъ для него самаго, непріятна была оспановка въ опіздѣ: «желаю вамъ щасливаго пути, будьте здоровы и веселы; я жду васъ никакъ не раньше завтрашняго вечера; привезите мнѣ госпинцовъ съ луны, добрый мой господинъ!»

Г. *Дефоржъ* снарядился въ дорогу, пропянулъ веревки, поднялъ паруса, распустилъ крылья и захлопнулъ клапанъ, чрезъ который могъ выходить горячій воздухъ, наполнившій внутренность кабріолета, перерѣзалъ послѣдній канатъ — и закричалъ отъ радости, когда машина его зашевелилась, поднялась и полетѣла по вѣтру: онъ быспро поднялся на двѣсти фушовъ, какъ златокудрый *Фаэтонъ*, держа въ рукахъ бразды Солнцевой колесницы. Съ жадностію впивалъ онъ въ себя свѣжій, прохладный воздухъ и, закинувъ назадъ голову, смотрѣлъ на лежащую пупь: въ эту минуту не думалъ онъ ни о покинутомъ имъ мірѣ, ни о ключницѣ, которая рукоплескала ему, умильно прощаясь съ нимъ и смѣясь надъ нимъ исподтишка.

Простая сія ключница и повариха была увѣрена, что машина будетъ мчаться все съ тою же быспроतोю, и не дождавшись, пока она исчезнетъ изъ виду, выбѣжала изъ саду и полетѣла за пономарѣмъ, съ которымъ расположилась праздновать путешествіе каноника. Не издавшись цѣлый мѣсяцъ съ своимъ любезнымъ, она привела его прямо въ свою комнату, которой окно, обращенное на лугъ, оставили они открытымъ; они думали только о томъ, какъ бы вознаградить себя за долговременную разлуку и

воспользоваться тѣмъ временемъ, которое г. *Дефоржъ* пропразднуетъ на лунѣ.

Но бѣдный г. *Дефоржъ* былъ гораздо ближе, чѣмъ они думали; машина поднявшись на нѣкоторую высоту, поражена была сильнымъ ударомъ вѣтра, раздравшаго паруса и крылья, завертѣлась и упала прямо на вершину дуба въ саду г. *Дефоржа*. Жалкій воздушный путешественникъ зацѣпился за вѣтви и висѣлъ головою внизъ, зашатавшись въ лоскутьяхъ своего кабріолета. Хотя отъ сего паденія, обезсиленнаго нѣскольکو противодѣйствіемъ машины, и не получиль онъ никакого ушиба, однако-жъ находился въ самомъ невыгодномъ положеніи, будучи не въ состояніи пошевеливъ ни рукой, ни ногой, колеблемый вѣтромъ и угрожаемый новымъ, болѣе опаснымъ паденіемъ: онъ звалъ къ себѣ на помощь.

Филиппина была не тѣмъ занята и не слышала его голоса: одинъ звукъ трубы или громовый ударъ въ состояніи былъ тогда привести её въ себя; товарищъ ея пономарь былъ также крѣпокъ на ухо. Г. *Дефоржъ* едва не охрипъ крича, сердясь и ругаясь: ибо съ каждымъ мгновеніемъ паденіе ему болѣе и болѣе угрожало, и онъ чуть было не свернулъ себѣ шею, обернувшись посмотреть, не бѣжитъ ли кто изъ дому освободить его: тогда увидѣлъ онъ въ своей комнатѣ карпину, которая заняла бы его во всякое другое время, и не удивлялся болѣе, что его не слышали. Однако-жъ онъ снова принялся кричать и браниться; но только надсажалъ свою грудь: ключница и пономарь не оборачивались лицомъ въ его сторону. Напрасно надѣялся онъ, что любовники наконецъ его услышатъ. Онъ бился, вертѣлся, наклонялся къ окну, къ которому посылалъ мольбы и угрозы, наконецъ коѣ-какъ высвободился изъ лоскутьевъ своей машины и полетѣлъ съ вѣтви на вѣтвь, на землю: онъ переломилъ себѣ крестецъ, и не смотря на всѣ усилія, не могъ приподняться,—вопли его усугубились.

Только что приключилось это несчастіе, я подошелъ съ улицы и постучался въ дверь. Опрокинутый недавно съ каретою, съ подбитымъ глазомъ, съ огромною шишкою на

лбу, весь въ грязи, я болѣе думалъ о моихъ ушибахъ, чѣмъ о пупешествіи на воздушномъ шарѣ, и спучалъ въ дверь, какъ хозяинъ дома, или какъ создашь съ билетомъ на построй. Мнѣ не отворили, я бѣсился, ругался, приходилъ въ отчаяніе, барабанилъ въ дверь ногою и кулаками, но она отдавала только эхо и привлекала однихъ сосѣдей; я искалъ лома, чѣмъ её выломить. Но къ щаспію *Филиппина* отворила дверь; покраснѣвши, она смотрѣла на меня съ просодушнымъ смѣхомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Удивительно, какъ смѣшно! — сказалъ я ей съ досадою: вотъ уже цѣлый часъ, какъ я барабаню въ дверь; мнѣ право не до смѣха! Тому, кого вывалили изъ экипажа, хочется скорѣе всего добратся до постели, къ камину, и напишья чѣго нибудь теплаго: чоршъ меня побери, если я говорю неправду! —

«Какъ, васъ опрокинули, г. *Жакобъ*?» сказала она съ жалосію: «клянусь вамъ, что я не слыхала, какъ вы спучались: вотъ ужъ нѣсколько дней я, какъ глухая старуха. Хозяинъ мой очень сожалѣлъ, что вы не успѣли къ шой порѣ, какъ онъ поѣхалъ...»

— Поѣхалъ? Куда поѣхалъ? Развѣ онъ не будетъ пробовать сегодня своей машины? —

«Проба уже сдѣлана: такъ какъ вы долго не ѣхали, то онъ и сѣлъ въ свой кабріолетъ и развѣзжаетъ теперь по небу.»

— Возможно ли! — воскликнулъ я и съ удивленіемъ и со страхомъ: кабріолетъ полетѣлъ! Ужъ не смѣетесь ли вы? —

«Увѣрю васъ, что онъ полетѣлъ какъ птица, и ворошится не ранѣе завтраго; вѣдь г. *Дѣфоржъ* поѣхалъ на луну.»

Я готовъ былъ счестъ, что дѣвушка эпа въ припадкѣ лунапизма рассказываетъ мнѣ свои грезы съ такимъ непоколебимымъ равнодушіемъ; какъ вдругъ слуха моего коснулись жалобные вопли, выходившіе изъ сада; я и *Филиппина* узнали эпотъ голосъ и побѣжали къ тому мѣсту, гдѣ г. *Дѣфоржъ* лежалъ безъ всякаго движенія. При эпотой печальной картинѣ я забылъ о собственныхъ моихъ спраданіяхъ, ничтожныхъ въ сравненіи съ тѣми, коихъ я былъ свидѣтелемъ; больного перенесли на постель и, оставивъ

подъ надзоромъ расплакавшейся ключницы, я полетѣлъ искать по городу лекаря.

— *Филиппина*, — сказалъ каноникъ, оставшись съ нею наединѣ: въ то время, какъ я былъ на лунѣ, я видѣлъ.... —

«Что вы видѣли?» прервала его съ прогательнымъ соучастіемъ просодушная поварѣха-ключница.

— Я видѣлъ, что вы любите пономаря *Томаса*, — отвѣчалъ добрый каноникъ, ни сколько не досадуя: я видѣлъ, что *Томасъ* любитъ тебя больше, чѣмъ я въ состояніи любить. Запечатанный пакетъ, который я отдалъ тебѣ, дитя мое, при отпѣздѣ, держа въ себѣ завѣщаніе, которымъ я дарю тебѣ деньги на приданое; жаль, что не могу повеселиться на вашей свадьбѣ. Скажи *Томасу*, чѣмъ онъ не слишкомъ усердно звонилъ въ колокола при моемъ погребеніи, а по, пожалуй, заболѣетъ коломъ. —

Привезенный мною медикъ объявилъ, что болѣзнь неизлечима. Г. *Дѣфоржъ* очень хорошо понималъ свое положеніе: ибо лишь только перевязали ему раны, то предиктовалъ мнѣ свое завѣщаніе: часть своего капитала назначилъ онъ тому, кто первый совершитъ свое пупешествіе на луну, о коемъ мечталъ *Сирано дѣ Бержеракъ*; онъ разсмапривалъ недоставки своей машины, причины ея паденія и средства къ предупреденію сего зла въ будущемъ; необыкновенно умно разсуждалъ о тяжести шѣль, о припягательной силѣ, о безвоздушномъ пространствѣ, о вихряхъ: самъ *Декартъ* позавидовалъ бы бреду сего спрадалца, — и если будущее разоблачается для людей, близкихъ къ смерти, то я съ уваженіемъ буду повторять всегда сіи послѣднія пророческія слова его:

«Наспанетъ день,» воскликнулъ онъ въ какомъ-то сверхъ-еспещвенномъ воспоргѣ: «си день сей недалекъ, когда существа, населяющія міры сіи, висяція въ пространствѣ, вспунятъ между собою въ сношенія: ибо воздухъ также способенъ къ плаванію, какъ и вода. Тогда судьба человека расширится, тогда вселенная будетъ его неизмѣримымъ царствомъ, тогда мы сдѣлаемся существами высшаго разряда!»

И онъ испустилъ духъ на моихъ рукахъ.

Томасъ опзвонилъ свою свасьбу : спусти
два мѣсяца послѣ того, какъ опзвонилъ онъ
похороны г. *Дѣйфоржа*.

Предсказанія каноника о воздушныхъ ша-
рахъ не оправдались на опытѣ, и, чшобъ
исполнить буквально его завѣщаніе, я роз-
далъ деньги, назначенныя за пупешествіе
на луну, сумасшедшимъ, которые содер-
жались въ Бисепрѣ.

Съ Франц. *И. Д—ъ*.

12 Сентября 1834.

С К А М Б Я,

близъ Нарвскаго водопада.

„Ecome alpestro o rapido torrente....“
.....
„Che pin si spera, o che s'a Herdi o mai?“

I.

Текише вы, Наровы быспрой волны,
Шуми сердитый водопадъ!
Наровы берега воспоминанья полны:
Здѣсь все, и эпошь древній градъ,
И памъ въ предградіи равнины,
И эши рвы, и скалъ вершины,
Все о *Великомъ* говорашъ.
Текише вы, Наровы быспрой волны!
Красуйтесь берега, воспоминанья полны!
Шуми сердитый водопадъ!

II.

Свидѣтель древній ты и бѣдствія и блага:
Какъ днесъ, въ шѣ грозны дни, швоя кипѣла влага;
Какъ днесъ, шогда межъ дикихъ скалъ,
Гдѣ мечъ губилъ, гдѣ кровь лилася,
Обычно ты въ жерлѣ клубяся,
Наровы волны бушевалъ...
И *первый Россъ* и смѣлый *Карлъ*—
Въ часъ ночи шой, какъ бой спихалъ,
Въ шапрахъ окрестъ огни пылали,
Какъ рдѣлось зарево крутомъ —
Склонясь на мечъ увнчаннымъ челомъ,
Бышь можешь, шуму волнъ швоихъ внимали,
И жребія зашпро царшвамъ ждали
На полѣ боевомъ.

III.

Сводъ неба грознаго подернуть синевою;
Сокрылся въ вихрѣ ближій домъ;
За валомъ капить валь, сребрлся какъ чешую;
Какъ лава хладная, кипить,
Съ пороговъ падая, громада влаги снѣжной;
Рветъ камни въпръ съ скалы прибрежной;
Ревъ грозныхъ волнъ окрестность всю глушишь;
Скрыпшь на корнѣ дубъ, надъ мельницей шатаясь,
Визжатъ пилы, подъ мной колышется скамья;
Вкругъ пной брызгал, почти до ногъ касаясь,
Вершился колесо... Гдѣ я?...

IV.

Сей влаги ревъ, пошъ лѣсъ, пошъ домъ!... Волною
Сюда я брошенъ роковой.
Въ сей мигъ вся жизнь предшала предо мной...
Чшо-жь? ждашь ли шоржества борьбъ моей съ
судьбою?
Не въ грозныхъ ли волнахъ мнѣ кинуть якорь мой?
Иль здѣсь—рубежъ — и холмъ съ кресшамъ надъ
рѣкой,
Ты будешь мнѣ приюштъ безмолвный?
Иль кубокъ жизни весь разбишь, еще неполный,
И дни шруда и жершвъ безслѣдно пролешать?...

V.

Текише вы, Наровы быспрой волны!
Шуми сердитый водопадъ!...

N. N.

Нарва.
Апрѣль 1832.

E N I G M E.

Chez les marchands
Je suis en étalage,
Pour tenter les chalands;
Mais dans un autre sens,
De moi l'on fait usage,
Pour mesurer du tems
Le rapide passage.

Въ No 28-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Штыкъ* —
оружіе, *Штыкъ* — въ горномъ дѣлѣ слитокъ золота.

М О Д Е С.

Sortons aujourd'hui de cette moitié de Paris où semble s'être réfugiée la coquetterie féminine, et entrons, au-delà des ponts, dans le grand faubourg, où sont encore dans leur éclat d'anciens magasins d'im-mémorial souvenir.

En passant rue du Bac, devant Mme Guérin, Mme Corote et M^{le} Coulier, arrêtons-nous près de ces vitres prolongées qui tiennent l'étendue de trois et peut-être de quatre magasins, au-dessus desquelles nous lisons le nom bien connu du *Petit Saint-Thomas*. Laissons en entrant les *toiles blanches*, les *percales* et le *linge* que l'on a dépliés sur ce comptoir pour un trousseau de mariée, et jetons un coup d'œil sur ces nombreuses *indiennes*, fantaisie variée où se trouve réuni tout ce que la nouveauté a inventé pour cette saison. Ce sont des buissons de fleurs sur un fond noir ou solitaire; des ramages de jasmin d'Espagne serpentant sur une feuillée délicate; des bouquets de roses finement dessinés ou de massives tulipes entourées de leurs longues feuilles plates.

À droite et à gauche s'élèvent par centaines des pièces de mérinos, des bombazines, des stoffs d'un prix surprenant et d'une richesse de nuances qui ne laisse rien à chercher.

Là nous revoyons avec plaisir, car la mode ne les a jamais abandonnés, les *stoffs unis*, tissu plat et serré que nous ne comparerons, pour la distinction et la durée, qu'aux *satins de laine unis*, superbes croisés lustrés et soutenus, laine fine et brillante. Ces deux étoffes sont acceptées pour le négligé et seront portées encore toute cette saison, en redingotes tout-à-fait ordinaires. Leurs prix, comme tous les prix du même genre, au magasin du *Petit Saint-Thomas*, sont réellement extraordinaires, et portent sur la même ligne une robe de laine, élégante dans sa simplicité, et une robe d'indienne imprimée, moins bien choisie pour la saison. Pour les mêmes toilettes, nous avons remarqué aussi la *toile de laine brochée*, résistant aux mauvais jours et à la fatigue des courses; jolie cependant, et relevée par une brochure parfaitement tracée, formée par des fils peu saillans et pressés.

М О Д Ы.

Выйдемъ теперь изъ этой половинны Парижа, куда, кажется, переселилось все женское кокетство,

и перейдемъ за мосты въ большое предместье, гдѣ во всемъ ихъ блескѣ спарянныя магазины, начало коихъ перелетѣла въ памяти.

Проходя по улицѣ, мимо г-жи Guérin, г-жи Corote и г-жи Coulier, остановимся у этаго длиннаго ряда стеколъ, которыя занимають пространство прехъ или можетъ быть и четырехъ магазиновъ, надъ которыми мы читаемъ весьма извѣстное названіе *Petit Saint-Thomas*. Оспавимъ, вошедши, бѣлыя полошны, перкали и бѣлье, разложенное на этомъ прилавкѣ, изъ приданого одной невѣсты, и бросимъ взглядъ на эти безчисленные сипцы, разнообразную прихоть, гдѣ соединено все, что изобрѣтено новаго для этаго времени года. Это кусты цвѣтовъ по черному или цвѣта *solitaire* группы; разводы Испанскихъ жасминовъ, извивающіеся по вѣжнымъ листьямъ; букеты розъ тонко нарисованныя, или тяжелыя пюльпаны, окруженныя ихъ длинными плоскими листьями.

На право и на лѣво возвышающія сопнями куски мериносовъ, бомбазиновъ, шпофовъ удивительной цѣны, которые по богатству цвѣтовъ не оставляють ничего болѣе желать.

Тамъ видимъ мы опять съ удовольствіемъ, потому что мода еще не оспавила ихъ, гладкіе шпофы, гладкая и плоская шкань, которую мы не можемъ ни съ чѣмъ сравнить, по опличію и прочности, развѣ съ гладкими шерстяными апласами; прекрасная кипорная глянцоватая шкань, шерсть шоккая и блестящая. Эти двѣ матеріи приняты для *неглиже* и будутъ въ употребленіи во все продолженіе этаго времени года, для самыхъ простыхъ рединготовъ. Цѣна имъ, какъ и всѣ цѣны такога разбора въ магазинѣ *Petit Saint-Thomas*, дѣйствительно необыкновенная, и спавимъ въ одинъ разрядъ шерстяное платье, щеголеватое своею простотою, и печашное сипцовое, не споль приличное по времени года. Для подобныхъ нарядовъ, мы замѣтили также шерстяное запканное полошно, не перляющее своего вида опъ дурной погоды и частаго употребленія, красивое однакоже и украшенное запканнымъ узоромъ, прекрасно нарисованнымъ, соспавленнымъ изъ мало возвышенныхъ расплющеныхъ шпоковъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 90, 91 и 92.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Ноября 10 дня 1854 года.

Что можешь быть на свѣтѣ хуже
Семьи, гдѣ бѣдная жена
Груститъ о недстойномъ мужѣ,
И днемъ и вечеромъ одна;
Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
(Судьбу однакомъ проклиная),
Всегда нахмурень, молчаливъ,
Сердитъ и холодно-ревнивъ!

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ИСКУСТВО РАЗГОВАРИВАТЬ (CAUSER).

Два мѣсяца назадъ, какъ я расхаживалъ по Парижу: я прожилъ въ немъ почти три года безвыѣздно, свелъ пріятныя знакомства, насмотрѣлся и хорошаго и пакостнаго, и добраго и гнуснаго, наслушался болшоваго памошнихъ зѣвакъ: и теперъ еще дребезжишь у меня въ ушахъ. Парижъ есть шолкучій рынокъ говоруновъ цѣлаго свѣта, такъ какъ Лондонъ Госпинный дворъ купцовъ всего земнаго шара.

Парижане больше всего хвалятся искусствомъ разговаривать (causer). Возвратясь въ Петербургъ, я нашель, что многіе мои почтенные соотечественники не уступаютъ имъ въ этомъ бѣгломъ изыщномъ искусствѣ. Языки ихъ, съ проворствомъ маятника, звонкостію Валдайскаго колокольчика и легкостію ршупи, вертятся, щебечутъ,

свищутъ, стучатъ, прещатъ, звѣлятъ, прелятъ, щолкаютъ. Есть и такіе, что Боже упаси! Они язвятъ какъ змѣнное жало, колютъ какъ кинжалъ, рѣжутъ какъ бритва.

17-го Септября меня звали на обѣдъ къ генеральшѣ N. N. — Узнавъ, что сама она и при ея дочери въ одинъ эпотъ день вмениницы, я не могъ не похвалить ея превосходительство: какалъ предусмотрительность, какое хозяйственное распоряженіе! Въ одинъ день оппраздновать чепыре праздника: значить сберечь при четверти расходовъ и при дня времени! Насъ сѣдо за прапезу 42 человекъ: дамы около хозяйки въ верхнемъ концѣ стола, мужчины около хозяина въ нижнемъ. Я не занимался женскими разговорами, и было-бъ бесполезно: у насъ самихъ уста не затворялись, особливо послѣ того, какъ мы клонули по рюмкѣ водки предварительно, по доброй рюмкѣ Мадеры, по другой Сотерну, по спакану портеру, да по другому Бургондскаго.

Каждый гость о всякомъ предметѣ давалъ свое рѣшительное мнѣніе, всякой вещи назначалъ свою цѣну, каждому человѣку смѣло подписывалъ приговоръ. Опъ погоды перешагнули мы къ полиптикѣ, опъ полиптики къ философіи, опъ философіи къ войнѣ, опъ войны къ просвѣщенію, опъ просвѣщенія къ словесности. Я самъ своими ушами слышалъ, что сосѣдъ мой справа величалъ орломъ того, кого сосѣдъ мой слѣва называлъ филиномъ. Объ одномъ правилѣ правспвенности одни утверждали, что оно боже-спвенно, другіе доказывали, что оно нельпо; одинъ поступокъ военному человѣку казался славнымъ, а гражданскому чиновнику безчеловѣчнымъ; полицейскому хитрымъ, а военному плутовскимъ. Противоположности и противорѣчія спалкивались на каждомъ шагу; одно и тоже слово, сказанное двумя человѣками, получало совсѣмъ разное значеніе. Не думаете ли вы, что разность мыслей производила распри, неудовольствія? Нимало! Все это говорилось столь мягко, столь сладко, столь легко, что и та и другая спорона оставались довольны. Надобно отдать справедливость Русскимъ моимъ братьямъ: во 134 года знакомства съ Европою, они удивительно много у неѣ переняли: самая умная обезьяна не переняла бы и половины!

Въ мнѣнъ рѣчей каждая фраза похожа на ударъ весла, ударъ и легкій и глубокий. Свѣтскіе люди скользятъ съ предмета на предметъ, ни на одномъ изъ нихъ не останавливаясь; между тѣмъ, всѣ они окрашиваются одною краскою, слѣдственно, приходятся подъ цвѣтъ ко всякому разговору. Pro и contra излагаются съ чрезвычайною живостію. Наслажденіе разговоромъ—есть наслажденіе отменно цѣнное и принадлежность самаго образованнаго общества, наблюдающаго поикія правила, имъ для своего круга выдуманная и принятая. Человѣкъ грубый, или какъ говорятъ, не имѣющій такта, нѣмъ и глухъ въ такомъ обществѣ.

Въ самыхъ лучшихъ обществахъ не всегда злословятъ: есть такія хозяйки дома, которыя у себя этаго не позволяютъ,

также, какъ и карточной игры. Да будутъ благословенны сіи мудрыя женщины!

Мени всего болѣе удивляютъ Пиндарскіе переходы опъ комедіи къ *Донъ-Карлосу* и *Тьеру*, опъ моды къ явленію кометы, опъ козырнаго шуза къ магнетизму, опъ воздушнаго шара къ пошевнямъ, опъ *Франклина* къ *Шугагову*. Предметы связаны между собою однимъ волосомъ; связь сія незамѣтна, но опытный глазъ знапка еѣ осязаетъ; отношенія, хотя и дальнія, существуютъ, и мыслитель видитъ, что все склеено, все одно другаго касается. Бездна мыслей кипитъ, какъ водопадъ, котораго каждая капля блещетъ по серебромъ, по золотомъ. Переливъ красокъ, и въ духовномъ смыслѣ и въ физическомъ, придаютъ одинъ другому яркости и жизни; но какъ жемчужина рѣдко выплываетъ на поверхность воды, такъ рѣдко случается замѣшпшъ геніальную, новую мысль въ свѣтскомъ разговорѣ.

Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ прогуливаться въ полѣ разнообразныхъ и разнообразныхъ идей своихъ собесѣдниковъ; видѣть, что за многихъ изъ нихъ ораторствуютъ ихъ мундиры, ихъ ордена, ихъ важная осанка. Есть хитрецы, которые не будучи златоусты, умѣютъ кстапи и краснорѣчиво пожимать плечами; есть искусники, которые не умѣя свести рѣчи, презрительно усмѣхаются рѣчамъ другихъ, или подмигиваютъ глазомъ своимъ единомышленникамъ; претпи качаютъ или киваютъ головою; четвертые, самые запальчивые, размахиваютъ руками, попираютъ себѣ руки.... О, знаніе дѣлъ и сердцеъ человеческихъ вѣрнѣе пріобрѣтается въ свѣтскомъ обществѣ, нежели въ самыхъ мудрыхъ книгахъ!

А. Кораблицкій.

22-е Сентября

1834.

Рыбацкая слобода.

НЕСГАРАЕМЫЙ ГЕРОЙ.

Два Австрійскихъ солдата стояли на часахъ. Одинъ изъ нихъ уснулъ; другой, который былъ весьма хитръ на шулки и выдумки, вынулъ изъ трубочки кусокъ горя-

щей губки, и положилъ его на руку своему товарищу, спящему Марсу. Сей, проснувшись отъ нестерпимой боли, въ досадѣ закричалъ: «Эпо ты, бездѣльникъ, сдѣлалъ? постой, я тебя проучу! я оставлю горящую губку на рукѣ, куда не придетъ сержаншъ.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

РУССКОЕ ЗИМНЕЕ КАТАНЬЕ (*).

Длинные Каменноостровскія алеи оглашались попеременно блистательными аккордами изъ *Фрейшица*, *Сороки воровки*, *Отелло*, *Фра-Дьявола*. Громъ оркестра былъ разительною противоположносью каршины, какую представляла бѣлоснѣжная равнина, покрываемая обнаженными деревьями, которой безмолвіе, въ продолженіе бѣльшей половины года, нарушается только карканьемъ вороновъ. Тотъ, кто случайно очутился бы въ эпомъ мѣстѣ, легко могъ повѣрить чародѣйству. Петербургскій карнавалъ привѣтствовалъ эпою музыкою мѣста, въ которыхъ собирается лѣтомъ лучшее общество столицы; онъ преобладалъ отъ окрестностей Петербурга удовольствій, которыми люди, принадлежащіе къ высшему кругу, не могутъ предаваться въ самомъ городѣ.

Трое огромныхъ саней, запряженныхъ каждая осмью лошадьми и наполненныхъ музыкантами, быстро мчались по льсу, таща за собою по нѣскольку небольшихъ салазокъ, въ которыхъ съ трудомъ могли усесться двое. Поѣздъ эпомъ уподоблялся большимъ водянымъ пшпцамъ, плывущимъ съ своими пенцами. Изъ среды эпоихъ группъ мелькали хорошенькія личики женщинъ, какъ цвѣтны, распускающіеся изъ подъ снѣга. Кругомъ раздавался говоръ, смѣхъ, восклицанія; во всемъ эпомъ видна была дѣтская веселость. Высшее общество играло въ куклы. Въ самомъ дѣлѣ, оно должно было спѣшить запасаться веселостію, потому что чрезъ нѣсколько дней начинался Великій постъ, а съ нимъ на цѣлыя семь недѣль за-

крывались театры, прекращались балы, и словомъ, оканчивались всѣ удовольствія.

Обѣхавъ всѣ острова, образуемые разными рукавами Невы, и лѣтомъ имѣющіе очаровательный видъ, веселый поѣздъ остановился наконецъ у ледяныхъ горъ Кресповскаго острова. Тутъ возобновилось въ маломъ видѣ зрѣлище, которое представляло въ то же время Адмиралтейская площадь. Общество въ бѣлыхъ перчаткахъ, эполепахъ и галстукахъ, замѣцало здѣсь людей съ длинными бородами и обнаженными шеями. Но Петербургскіе францы обнаруживаютъ въ сихъ опасныхъ играхъ точно такую же смѣлость и ловкость, какъ и люди простаго класса; Русская кровь еще кипитъ подъ ихъ чужеземною одеждою.

— Не угодно ли вамъ скажитесь со мною, сударыня?—говоритъ *Владимиръ* подходя къ *Надеждѣ*, потому что они оба участвовали въ эпой прогулкѣ. И *Надежда* робко съела въ узкія санки впереди *Владимира*. Сердце ея билось сильно, но не отъ страха. Она почитала себя щастливою, вѣрля на минуту жизнь свою тому, кто уже управляетъ ея судьбою.

Русскія дамы выбираютъ кавалеровъ для капанья, также какъ для танцевъ. Онѣ сохранили въ эпомъ случаѣ привычки спаринны и не отказываются отъ удовольствій, которое пугаетъ, можетъ быть, спрогую чинность (*pruderie*), эпоу лицемѣрную дочь сердецъ испорченныхъ. И пусть еще надолго сохраняютъ Русскія дамы охоту къ забавѣ, которая носить на себѣ печать первобытной чистоты нравовъ! Онѣ могутъ отвѣчать дерзкому насмѣшнику: *Honni soit qui mal y pense*. Такъ! стыдъ чужеземцу, который бы не понялъ того, что есть священнаго въ обычаяхъ, ведущихъ свое начало отъ времени, когда въ правахъ не скрывалось никакихъ *arrière-pensées*! Стыдъ ему, если онъ не съ почтительностію принимаетъ братскій поцѣлуй, который даетъ ему Русская дама, когда онъ цѣлуетъ ея руку! Въ высшемъ Русскомъ обществѣ начинаютъ оставлять эпо благородное обыкновеніе. Не смѣю вывести изъ эпоа моего заключенія.

(*) Сочинено на Французскомъ языкѣ княземъ Степаномъ Мещерскимъ и помѣщено въ одномъ изъ Парижскихъ журналовъ.— В.

За капаньемъ послѣдовалъ панцовальный завтракъ, данный владѣльцемъ одного изъ прелестныхъ загородныхъ домовъ, которыми покрытъ Крестовскій островъ. Балъ былъ восхитителенъ; госпи упивались панцами, какъ упиваеся виномъ преступникъ, чтобы забыть о казни, ожидающей его на завтра. Они спѣшили веселиться, потому что чрезъ тридцать шесть часовъ масляница должна была кончиться.

Рѣзвый вальсъ смѣнился конпродансомъ, прыгучимъ, жеманнымъ и въпренымъ, какъ Французская гризетка; конпродансомъ, который зашелъ въ Россіи гораздо дальше, нежели большая *Наполеоновская* армія; конпродансомъ, который заполонилъ Русскую землю, и поселившись въ ней, сдѣлался Финномъ въ Або, Русскимъ въ Петербургъ и Москвѣ, Сибирякомъ въ Иркутскѣ, Грузиномъ въ Тифлисѣ и Черкесомъ на Кавказѣ.

Потомъ, спремительный, неистовый галопадъ умчалъ за собой веселую толпу, и наконецъ началась мазурка, эпа царица танцевъ, которую Русскіе завоевали у Польши, и которая сдѣлалась теперь въ Россіи національнымъ танцемъ.

Мазурка почти совершенно замѣнила у насъ копильонъ, эпотъ нескончаемый танецъ. Изъ простой кадрили, какою она была прежде, мазурка преобразовалась въ кругъ изъ тридцати или сорока паръ, и усвоила всѣ фигуры, изобрѣтаемыя ежедневно прихотливымъ воображеніемъ копильона; но вмѣстѣ съ тѣмъ она сохранила свои оплительныя па и свои оригинальныя приемы, въ которыхъ такъ хорошо выражается вся пріятность и вся пылая энергія, свойственная Славянскимъ племенамъ.

До тридцати паръ расположились на стульяхъ, образовавшихъ стѣны эпой панцовальной арены, среди которой летали легкія пары, призываемыя на паркетъ каждая въ свою очередь. Такимъ образомъ, мазурка становится вмѣстѣ дѣйствующимъ и спрадасельнымъ танцемъ.

Большая часть предпочпаетъ, можетъ быть, анпракты самому дѣйствію, и танцуетъ, чтобы не танцовать.

Какое наслажденіе сидѣть вдвоемъ среди спа челоуѣкъ, и быть соединенными, сочепанными, если можно такъ выразиться, закономъ удовольствія, допускающимъ и утверждающимъ подобныя союзы, которые обыкновенно бывають слѣдствіемъ не простаго случая! Въ это время, сильное тѣлесное движеніе приводитъ въ волненіе духъ танцующихъ; нѣжное и неосторожное признаніе вырывается изъ сердца съ попоками крови, которые спремятся къ головѣ; букеты цвѣтовъ упадають непарочно съ груди, волнуемой усралостью; слова произносятся какъ бы въ припадкѣ горячки и слышаются какъ во снѣ. Но танцы снова опшоргають опъ эпаго превожнаго спокойствія и уносятъ въ своемъ вихрѣ разсудительную мысль и, можетъ быть, восклицаніе раскаянія....

Русская пляска вовсе не походитъ ни на одинъ народный танецъ другихъ земель. Она въ одно и тоже время — пляска, драма и романъ; въ ней заключается, такъ сказать, сокращеніе національнаго характера, попеременно веселаго и спепеннаго, сжапато и охотно выражающаго въ себѣ, посредствомъ мимики, способность, кою Славянскія племена обладають въ высшей спепенности. Пляска эпа сохранила всю непорочность, все цѣломудріе, которыя искони были свойствомъ Славяно-Русскихъ женщинъ; въ пей нѣтъ ни сладоспраспныхъ объясній, ни вольныхъ движеній и положеній тѣла. Русскую пляску можно назвать народнымъ менуетомъ, менуетомъ, исполненнымъ прелести и важности, но болѣе оживленнымъ, болѣе естественнымъ и не столь бѣднымъ понятіями, какъ старинный Французскій менуетъ, ограничивавшійся позами и поклонами, выученными, жеманными и разрумяненными, какъ нарядъ того времени.

Вопъ эпа пляска, эпа драма и романъ:

Танцующая пара дѣлаетъ сначала кругъ, подавался впередъ медленно и небольшими шагами; дама опирается слегка рукою на плечо своего кавалера, который держитъ шляпу, и оба кланяются публикѣ. Дама еще не подала руки своей, потому что не извѣ

спно, имѣсть ли кавалеръ ея щастіе ей нравиться. Пришедъ на прежнее мѣсто, оба рисуются нѣсколько времени другъ прошивъ друга, не покидая мѣрнаго и плавнаго шага: это первое ихъ свиданіе на единѣ, пайный разговоръ ихъ. Они, можетъ быть, уже поняли одинъ другаго; но Славяно-Русская дѣва, какъ всѣ дѣвицы въ свѣтѣ, не хочетъ допустить такъ скоро угадать ея чувства; она удаляется, вѣроятно, чшобъ заставить себя преслѣдовать, и это дѣйствительно сбывается. Но тщетныя усилія! Чѣмъ нѣжнѣе кавалеръ, тѣмъ равнодушнѣе и даже суровѣе дама; она упорно отказывается въ рукъ своей. Тогда молодой человекъ, не видя помощи отъ чувства, рѣшается прибѣгнуть къ пособию ума. Онъ выказываетъ личныя свои достоинства въ соло, которое пребуеетъ всей ловкости и гибкости Казацкой пляски. Красавица, по видимому, прогаеетъ усиліями, которыя употребляетъ влюбленный, чшобы ей понравиться; между тѣмъ онъ съ своей стороны начинаетъ уже вѣрить своему успѣху и подсакиваетъ къ ней. Безразсудный! неосторожный! Явился слишкомъ рано, поже, чшо явился слишкомъ поздно. Дама раздражается, гнѣвается, и гнѣвъ ея обнаруживается множествомъ милыхъ и кокетливыхъ шлодвиженій, потому что она также подвержена кокетству: замѣтите, что въ Русской пляскѣ выражается національный характеръ.

Нещастный старается загладить свою неосторожность почтительною предупредительностію. Онъ подходитъ къ ней съ правой стороны; но она поспѣшно отворачивается и показываетъ видъ, чшо занимается рукавомъ своей рубашки. Онъ переходитъ на лѣвую сторону и касается ея пальцевъ; но она съ гордостію одергиваетъ руку и убѣгаетъ: это добрый знакъ; молодой человекъ начинаетъ надѣяться; онъ не ослабляетъ еѣ болѣе, и его старанія, его посвятство увѣнчаваются наконецъ заслуженною наградою.

Побѣда! торжество! Щастливый любовникъ выражаетъ свою радость веселымъ соло, и потомъ съ гордымъ и торжествующимъ

видомъ уводитъ свою милую плѣнницу, которой поникшее чело и опущенные взоры вполне подтверждаютъ его побѣду.....

ПИСЬМО ОДНОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА ИЗЪ РИМА.

Вчера ходилъ я смотрѣть капакомбы монастыря св. *Севастіана*.

Монахъ, служившій мнѣ проводникомъ, показался мнѣ человекомъ умнымъ, а особливо съ пылкимъ воображеніемъ.

Вошедъ въ первую улицу безмѣрной пещеры; «Вы видите, сказалъ онъ мнѣ, на правой и лѣвой сторонѣ въ этой скалѣ мѣсно, гдѣ лежатъ пруты одинъ на другомъ: говорятъ, чшо ихъ было путь болѣе сна пылачъ; это тѣла мучениковъ.

«Вотъ орудія казни, жертвенники, марморная статуя св. *Севастіана*, рѣзца *Бернини*, а вотъ и обвалы.

«Случается,» говорилъ онъ: «что путь скалы обваливаются; почему по сей опасной пещерѣ ходятъ съ большою оспорожностію: неоднократно нещастные иностранцы входили сюда—и назадъ не выходили.

«За сорокъ лѣтъ предъ симъ, одинъ молодой человекъ, съ женою, изъ любопытства проникли въ эту пещеру далѣе, съ проводникомъ и факеломъ: вдругъ позади ихъ скала обрушилась.

«Вечеръ прошелъ. Ищутъ проводника по всему монастырю, ходятъ вездѣ, проходятъ мимо капакомбъ;—о ужасъ, дверь не заперена!

«Съ поспѣшностію зажигаютъ факелъ, входятъ въ пещеру, вездѣ ищутъ, идутъ впередъ: попадается новый обвалъ!

«Кличутъ—имъ отвѣчаютъ воплями.—Но гдѣ средство отвалить скалу, поддержать сводъ, сдѣлать выходъ?...

«Въ скоромъ времени ничего не было слышно, кромѣ смѣшенныхъ стоновъ; потомъ все затихло; еще слушали, прислушивались, наконецъ перестали слушать; не знали, чшо дѣлать.»—Повѣсть моего проводника привела меня въ прелесть.

Какую сцену воображеніе мое представило себя позади сей обвалившейся скалы,

когда факель начиналъ догорать, когда догорѣлъ, когда полухъ! Какъ жена не видала уже своего мужа, какъ проводникъ не видалъ дороги; когда мракъ эпошъ сдѣлался для нихъ вѣчнымъ мракомъ смерти;—когда они почувствовали, что оба они живые во гробѣ!

Продолжая дорогу, мой проводникъ разсказалъ мнѣ исторію о сихъ пещерахъ. Онъ говорилъ мнѣ о нихъ съ такимъ чувствомъ, которое доказывало его вѣру и силу воображенія.

«Сюда-то,» говорилъ онъ мнѣ съ жаромъ: «Христіане, гонимые Цесарями, сходились подъ вечеръ опправлять свои панцирва. Жены, дѣти, старцы, богатые, нищіе, всѣ прибѣгали здѣсь къ Богу.

«Здѣсь-по молитва, начатая благочестивымъ первосвященникомъ, переходила отъ одного края пещеры до другаго, и восходила до Небесъ. Какое удивительное согласіе всѣхъ молившихся сердецъ! Въ сіе благочестивое время часто вѣрные приносили въ собранія прорубы своихъ брагъевъ, сраженныхъ рукою палачей: не спенали, не жаловались, не плакали—даже и маперы, а только молились.

«Въ одинъ вечеръ, на молитвѣ, вдругъ слышится великой шумъ, и видѣнъ великой свѣтъ: это была толпа неукротимыхъ солдатъ, которые, по долгому исканію, наконецъ нашли эту пещеру. Какъ люпытые звѣри устремляются на добычу, такъ они бросились на Христіанъ и всѣхъ предали мечу. Нѣсколько женщинъ и дѣтей убѣжало. Варвары гонятся за ними съ желѣзомъ и пламенемъ въ рукахъ; убиваютъ, рѣжутъ; ищутъ новыхъ жертвъ; но страшное молчаніе устраскаетъ самихъ варваровъ и прогоняетъ. Выходя—они завалили входъ въ сію обширную могилу огромными камнями.

«Я обманываюсь: сіи камни щепно покрыты и обременены вѣками; благоговѣніе вѣрныхъ подозрѣваетъ входъ, находитъ его, отваливаетъ скалы, входитъ и собираетъ всѣ сіи кости, весь сей прахъ, всѣ сіи святыя тѣла, въ каменной горѣ погребенныхъ.»

Дошедъ до пзвѣснаго мѣста, монахъ проводникъ мой, остановился и объявилъ мнѣ, что надобно воротиться: мнѣ стало грустно; мнѣ бы желалось углубиться далѣе подѣ

сіи древніе своды, въ сіи священные мраки, вбросить шуда два три луча блѣднаго свѣта факела.

За симъ, съ позволенія моего проводника, сѣлъ я на камень; онъ также, и продолжалъ разговоръ: «Я люблю часто ходить въ эту пещеру, предаваться ночи, уединенію и смертному хладу.»

Надобно сходить подѣ землю размышляя о происшествіяхъ земли и о всемъ томъ, что люди на ней дѣлаютъ, или замышляютъ дѣлать. Сколь мало производятъ памъ шуму спопы войскъ, приводящихъ её въ содроганіе, колеса торжественныхъ колесницъ, её бороздящихъ, паденіе городовъ и царствъ, её покрывающихъ!

Я люблю подземелье: тупъ душа, отдѣляясь отъ чувствленности, одна съ собою наслаждается всею своею чувствительностию, и паритъ высоко, высоко. Можно сказать, что тупъ къ Небу находится подѣ землѣю.

Сюда-то надлежало бы свѣтскимъ людямъ иногда удаляться, дабы облегчить раны любви, зависти, неблагодарности. Любостіе тупъ поухло бы.

Я вышелъ изъ капаконбъ, съ спраспнымъ желаніемъ снова войти въ нихъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВѢКОВОЙ ЛИПѢ НАШЕГО САДА (*).

О липа древняя! поклонъ тебѣ, поклонъ,
Отъ кедра Русскаго принеси я.—Величайся;
Кедръ, осѣняющій Монарховъ Русскихъ пронъ,
Тебѣ привѣтъ послалъ; красуйся, возвышайся!

*

Екатерины былъ сей славный кедръ знакомъ,
И твердостью его—Опечество хвалилось.
Онъ правотѣ всегда былъ кровомъ и щипомъ,
И съ флотомъ по морямъ хвала ему носилась.

*

(*) Графъ Николай Семеновичъ *Мордвиновъ*, посѣпня садъ нашей дачи, любовался *двухсотлѣтнею* липою, и въ другой разъ, при свиданіи съ авторомъ, наказывалъ ему кланяться ей отъ него.—Ф.

Ты многих видѣла подѣ пѣнію своей,
Опѣ зноя лѣпняго прохладою освѣжая,
Внимала говору пирующихъ гостей
Въ *Елисаветинъ* вѣкъ, и днесъ, въ вѣкъ *Николая*.

*

Еще запомнишь ты Чесменскій славный день,
Въ уединеніи ты здѣсь тогда выросла,
И старость съ юностью, пѣснясь къ тебѣ подѣ
пѣнь,

Екатериныны побѣды пировала.

*

Тамъ часто за споломъ, блестящимъ въ хрусталахъ,
Ура! *Суворову* въ полкѣ гостей гремѣло;
Тамъ веселился обѣ *Александра* дняхъ,
И брызгами—вино на пенъ къ тебѣ летѣло.

*

Ты слышала хвалы *Мордашова* дѣламъ;
Порою и себя всѣ гости шумъ хвалили,
И взоръ подыая къ своимъ раскинутымъ вѣшьямъ—
Она росла съ *Петромъ*,— другъ другу говорили.

*

Но, годы въ слѣдъ годамъ чредою пропекли,
И юность, съ временемъ превращая, дряхлѣла,
И поколѣнія сошли съ лица земли,
А ты съ весною вновь цвѣла и зеленѣла.

*

Цвѣтны и зеленѣй! И вѣкъ еще живи—
О липа древняя, въ кругу берѣзъ прильнувшихъ,
Мордашова присѣсть подѣ сѣнь твою зови,
И сладкія мечты внушай о дняхъ минувшихъ.

Б. Федоровъ.

27 Іюля 1853.

И ЕЩЕ ТРОЙКА.

(*Русская пѣсня.*)

Впрягайте тройку удалую!
Живѣй махай по завивной:
Мою головушку большую
Со свѣта мчи, ямщикъ лихой!

*

На башнѣ полночь . . . всѣ въ покоѣ
Средь дружбы, пѣги и любви;
Одно мое лишь сердце ноя,
Томился на лицѣ земли.

*

Ахъ, очи, очи голубые!
Вы иссушили грудь мою.
Гдѣ вы, дни щастья золотыя? —
Я плачу, мучусь и—люблю!

*

Какъ быстро быстро миновалось
Веселье, рай души моей.—
И что-жъ на память мнѣ осталось?
Отказъ любви и скорбь по ней.

*

Скачи, какъ вихрь, во всю дорогу!
По всемъ по прѣмъ! Гони въ Москву.
Не разогнать души тревогу!
Не разогнать души тоску!

*

И тройка мчитъ, и даръ Валдая
Звѣнитъ уныло подѣ дугой,
И *Нина*, стращая не раздѣляя,
Смѣется въ тишинѣ ночной.

Павелъ Хотлищевъ.

Сентябрь 1854.

Ш А Р А Д А.

Начальное мое Французскій генераль:

Опѣ за опечество на полѣ брани палъ.
Въ Нѣмецкой азбукѣ искашь *концы* мой должно;
О *цѣлоу* же узнашь опѣ лекаря вамъ можно.

Въ No 89-мъ, помѣщенная загадка значитъ: *Montre*.

М О Д Е С.

Une des nouveautés qui nous ont paru plus frappantes sont les *satins de laine damassés brochés*. Depuis une petite fleur couleur sur couleur jusqu'à l'énorme rosace de couleur tranchante, ces satins de laine réunissent tous les caractères de simplicité ou d'éclat des étoffes de soie. D'abord ils furent exclusivement destinés aux manteaux, puis leurs beaux plis, leur tissu souple et moëlleux les firent adopter pour robes. Nous avons remarqué particulièrement des *arabesques vertes* sur fond *palissandre*, des *ramages oranges* sur fond *gris de fer*, qui nous ont semblé devoir obtenir un très-grand succès. Les satins de laine, unis ou brochés, ont sur les étoffes de laine ordinaire l'avantage de réunir les qualités de toutes, sans en avoir les inconvéniens; ils ont plus de soutien que le mérinos, et moins de raideur que les stoffs.

Les redingotes négligées se ferment au milieu; celles qui flottent, ouvertes, doublées en couleur, pourraient bien ne pas être accueillies dans le monde qui aime toujours de la simplicité dans les toilettes du matin; et une redingote ne pourra jamais être qu'un négligé. Nous ne nous hâterons donc pas de les accepter à ce nouvel avènement; nous attendrons qu'elles soient adoptées par les femmes vraiment élégantes, et alors nous nous empresserons de les conseiller. En tout cas, il est probable que lorsqu'elles paraîtront ce ne sera pas en ville, mais peut-être dans l'intérieur, avec un bonnet de dentelle ou les cheveux négligemment attachés.

Bientôt reviendront les robes de satin, et avec elles les blondes et les ornemens de velours. On dispose en ce moment, au magasin de Mme Gleizal, rue Dauphine, des blondes blanches de plusieurs hauteurs, dont les dessins diminuent selon les dimensions de la garniture. Ces volans sont destinés à garnir les jupons de dessous; nous en avons pour exemple une jolie robe en reps rose broché, garnie d'une blonde haute d'un quart, dont le bord, en feuilles de fraisier, se détachait légèrement dentelé sur l'étoffe. La même blonde à trois rangs étagés garnissait le jupon de dessous en satin blanc.

Pour une toilette de soirée, nous avons eu occasion de voir une charmante robe de satin *Marie-Stuart*, à carreaux violets, rouges et verts. Le corsage montant et la jupe fermée se dessinaient par des brandebourgs de rubans assortis aux nuances se terminant par un bout découpé.

Pl. No 35. Habit de drap a bouton d'or et collet de velours. — Pantalon de drap. — Redingote et pantalon de drap. — Cravate de satin broché.

М О Д Ы.

Шерстяные апласы, жамчатные, зашканные, одна из новостей, показавшихся нам самою резкою. От маленькаго цвѣточка подъ цвѣтъ, до огромнаго кружка резкаго цвѣта, эти шерстяные апласы соединяютъ въ видѣ простоты или блеска шелковыхъ матерій. Сперва они исключительно назначены были для плащей, потомъ ихъ красивыя складки и мягкость ввели ихъ въ употребленіе для платьевъ. Мы замѣтили особенно зеленые арабески, по группѣ цвѣта палиссандръ, оранжевые разводы по стро-жельзному цвѣту; они должны казаться цвѣтъ большой успѣхъ. Шерстя-

ные апласы, гладкіе или зашканные, имѣютъ по преимуществу надъ обыкновенными шерстяными матеріями, что соединяютъ въ себѣ достоинства всѣхъ ихъ, не имѣя невыгодъ; они не такъ мягки, какъ мериносъ и, не такъ грубы, какъ шпофъ.

Простые рединготы заспегиваются въ среднѣ; опкрытые рединготы, подложенные цвѣтною шафкою, очень могутъ быть не приняты въ помѣ свѣтъ, гдѣ любятъ простоту въ упренныхъ нарядахъ; а рединготъ есть ни что иное какъ неглиже. И такъ, мы не будемъ спорошиться принять ихъ для сего новаго употребленія; подождемъ, пока увидимъ ихъ на женщинахъ, истинно щеголевато одѣвающихся, и тогда поспѣшимъ съ своими совѣтами.

Во всякомъ случаѣ, если они покажутся, по вѣроятію не въ городѣ, а могутъ быть въ провинціи, съ кружевнымъ чепчикомъ или просто зашкнутыми волосами.

Скоро опять появятся апласныя платья, и съ ними блонды и бархатныя опдѣлки. Теперь приготавливаютъ, въ магазинѣ г-жи Gleizal, въ улицѣ Dauphine, бѣлыя блонды, разной ширины, у которыхъ узоры уменьшаются въ соразмѣрность оборки. Эти оборки назначены для нижнихъ юбокъ. Мы видѣли на примѣръ красивое платье изъ розоваго репса, зашканнаго цвѣточками, обширое блондою въ чепверть ширины, у которой койма, изъ земляничныхъ листьевъ, опдѣлялась на матеріи съ легко-обозначенными зубцами. Такою же блондою въ три ряда, одинъ надъ другимъ, опдѣлана была нижняя бѣлая апласная юбка.

Для вечерняго наряда, мы имѣли случай видѣть прелестное платье изъ апласа *Marie Stuart*, съ фиолетовыми, красными и зелеными клѣтками. Лицъ высокой, юбка цѣльная, обозначались брадѣбурами изъ лентъ, сообразными цвѣтамъ юбки, которые оканчивались вырѣзанными концами.

Карп. No 33. Суконный фракъ съ золочеными пуговицами и бархатнымъ воротникомъ. — Суконные панталоны. — Рединготъ и панталоны суконные. — Галстукъ изъ апласа broché.

При сихъ номерахъ приложены два листа спашы: *О подлинности древлаго Русскаго стихотворенія, извѣстнаго подъ названіемъ: Слово о полку Игоревѣ, Игоря Святославля, сына Ольгова.* — Слѣдующій же 33-й номеръ Лип. Прибавл. выйдетъ въ Среду 21-го сего Ноября.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 93.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
скавою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Ноября 21 дня, 1854 года.

О, какъ страшно смерть встрѣчать
На постелѣ господиномъ,
Ждатьъ конца подъ багдахиномъ
И всчасно умирать!
О, какъ страшно смерть встрѣчать
На постелѣ господиномъ!

Д. Давыдовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЧЕТВѢРКА ЛОШАДЕЙ ЛУЧШЕ ИНОЙ ДЕРЕВНИ.

Какихъ, подумаешь, обмановъ не бываетъ:
Топь шѣмъ, другой другимъ—мошенникъ промышленнѣе.
Хелтицеръ.

Это было 14-го Октября, когда только что явилось первое *Прибавленіе къ Сѣверной Пчелѣ*, и когда я только что прочелъ испишно справедливую и прекрасную спашейку оспроумнаго *В. В. В.* о Петербургскихъ нищихъ. Соглашаясь совершенно съ авторомъ, я подумалъ, что Петербургъ, какъ большая столица, есть именно то мѣсто, въ которомъ мелкая, щепетильная и перѣдко не позволенная промышленность, имѣющъ наиболѣе пищи, какъ и вообще во всѣхъ большихъ и населенныхъ городахъ.—Въ это время листокъ *Прибавленія* лежалъ передо мною на столѣ, рядомъ съ чашкою превосходнаго шоколада; какимъ всегда потчиваетъ своихъ многочисленныхъ посѣпителей г. *Чернышевъ*,

содержатель кондитерской лавки противъ Семіоновскаго театра. «Конечно,» думалъ я: «нищіе-припворщики вредны обществу; однако есть и кромѣ ихъ грабипели другаго рода, которые не прослѣтъ, не опнимаютъ открыто ничего у другихъ, однакожь живутъ на щепъ ближняго.—Въ это время вошли двое молодыхъ людей, одинъ въ модномъ редигопѣ, другой въ военной шинели и шляпѣ съ бѣлымъ султаномъ. Закуривъ сигары и попивая кофе, они проглядывали разные листки: офицеръ углубился въ одну спрочку Инвалида, гдѣ, по видимому, подъ рубрикою производства изъ корнеповъ въ поручики, блестяло его имечко, а спашскій съ великимъ вниманіемъ читалъ Петербургскія Академическія вѣдомости, и записывалъ извѣстія о продажѣ движимаго имѣнія, приговаривая: «Лишь бы мнѣ опять не наскочить на какого нибудь обманщика, барышника.» — О какомъ барышникѣ ты толкуешь?—спросилъ военный, глядя умпльно на свои плеча, украшенныя двухзвѣздными эполетами.—«Да я развѣ тебѣ не рассказы-

валь о томъ, что со мною случилось на дняхъ?» — Нѣтъ, я ничего не слыхалъ важнаго, кромѣ того, что ты скоро надѣнешься быть какимъ-то столоначальникомъ и что это тебѣ кружитъ голову, какъ мой вальсъ молоденькимъ дѣвушкамъ, особенно на вечерахъ у эшаго запѣйника *Хватаева*. — «О, ненавистное имя!» воскликнулъ юноша въ редиинготъ: «*Хватаевъ!*... Гдѣ живетъ твой *Хватаевъ?* не въ собственномъ ли желтомъ деревянномъ домѣ по такому-то проспекту, у такого-то моста?» — Именно; что же находишь ты ненавистнаго въ имени Павла Ивановича *Хватаева*, у котораго молодѣжь веселился не на шупку? — «Онъ меня обманулъ лошадьми.» — Это ничего. Говорятъ, что обмануль, продавая лошадь, позволено брапа роднаго. — «Все это такъ — да только не тогда же обманываешь, когда являешься молодой человекъ, порядочный и объявляешь, что онъ не знапокъ; даетъ почти первую цѣну и проситъ дѣйствовать, какъ слѣдуетъ благородному человеку.» — Ну, это другое дѣло, когда покупатель не играетъ роли знапока; но къ дѣлу, рассказывай. — «На дняхъ вижу по газетамъ, что у *** моста продаются упряжные лошади; иду туда и почно нахожу двѣ пары: одну гнѣдую, другую вороную; лошади круглыя, съ длинными и пушистыми хвостами, живыя, веселыя. Огонь! Я прельспился, особенно парю гнѣдыхъ. Спрашиваю цѣну: — 500 р. пара. Самъ хозинъ, съдой, важный мущина, объявляетъ мнѣ, что генераль *Хватуцкій*, котораго я коротко знаю, покупаетъ ихъ за эту цѣну, и что завтра отвезутъ лошадей къ его превосходительству для окончательнаго уговора. Подспрекаемый желаніемъ перебить лошадей у *Хватуцаго*, я покупаю пару, съ тѣмъ, что г. *Хватаевъ* мнѣ дастъ ихъ для пробы на одинъ день. Онъ согласенъ, и проситъ задатокъ и мой адресъ: я иду къ нему въ кабинетъ, пишу адресъ; прошу на другое утро велѣть привести ко мнѣ лошадей и оставляю 100 р. въ задатокъ, т. е. по 20% за каждую лошадь. Мой г. *Хватаевъ* жметъ мнѣ руки, рекомендуетъ меня дочерямъ, довольно смазливенькимъ; проситъ поиграсть съ ними въ Китайскій биль-

ярдъ, или попанцовать; я извиняюсь тѣмъ, что въ серпукъ — и ухожу весьма, превесма довольный моею покупкою, почипая г. *Хватаева* олицетворенною честностію. Да и какъ не почестъ такимъ человекъ, который рассказываетъ такъ красно о своихъ великодушныхъ подвигахъ и о томъ, что онъ въ родствѣ и дружбѣ со всѣми знакомыми мнѣ *Хватаевыми*; увѣряетъ, что никогда не рѣшится обмануль человекъ, объявляющаго чистосердечно, что онъ не знапокъ и покупаетъ лошадей на честное слово. — Черезъ часъ ко мнѣ приводятъ лошадей; смотрю и не узнаю: кажись та же пропчина у правой, та же звѣздочка у лѣвой, та же грива, тѣ же копыты; но гдѣ пушистые, огромные хвосты, заставившіе меня думать, что это именно лошади необыкновенной силы и крѣпости? — Оказывается, что они были подвязные: прекрасно! — На другой день являешься ко мнѣ мой коноваль, Англичанинъ; я прошу, чтобы онъ сказалъ мнѣ свое чистосердечное мнѣніе объ этихъ животныхъ. Пока онъ ихъ осматриваетъ, завернулъ ко мнѣ Кирасирскій ротмистръ мой пріятель, и тогда, вдвоемъ съ Ньюмеркпскимъ знапокомъ, мой Ливонецъ рѣшительно бракуетъ лошадей, говоря, что онѣ надупы, кормлены опрубями и сѣномъ, что онѣ на ноги слабы, что у лѣвой ропъ изорванъ, что правая опоена и кашляетъ. Не уважалъ ихъ толки и вѣря честному слову Павла Ивановича *Хватаева*, я приказываю заложить лошадей въ мою Тохимскую колдску, которая, какъ тебѣ известно, легка какъ пухъ.... И что же? — Моя пара вся въ мыль, переминаетъ ногами, дрожитъ отъ усталости, и я самъ явно вижу, что честный человекъ сдѣлалъ безчестный поступокъ, продавъ мнѣ такихъ лошадей, которые были имъ измучены, опкормлены не овсомъ, а опрубями, и доведены до такого положенія, что нѣтъ средствъ ихъ поправить. «Да помилуйте, господа!» спрашиваю я кавалериста и коновала: «скажете, ради Бога, какимъ образомъ вчера объ эти лошади, выведенныя кучерами подъ усицы изъ конюшни, прыгали какъ черти, а сего дня едва ноги передвигаютъ?» — Они оба за-

хохотали: перецъ, инбирь, кнупъ, средства весьма обыкновенныя и весьма дѣйствительныя въ эгихъ случаяхъ; — отвѣчалъ ромиспръ: кромѣ разныхъ другихъ, извѣстныхъ продѣлокъ. — Я ужаснулся поступку г. *Хватаева*: Но тѣмъ не менѣе, лошади были уже на дворѣ у г. *Хватаева*, съ запискою, въ конойрой излагая недоспашки ихъ, я просилъ его о возвращеніи мнѣ того задатка, который ему мною данъ вчера. Не путь-то было! *Хватаевъ* изорвалъ въ мелкіе клочки мое посланіе, объявилъ моему посланнику, что ежели онъ осмѣлится еще разъ копя зацкннуться о задаткѣ: то онъ его порядочно опдѣлаешь.» — Что-жь ты думаешь дѣлать пеперь? — спросилъ молодой кавалериспъ, какъ громомъ пораженный рассказомъ своего пріятеля въ рединготѣ, который хладнокровно отвѣчалъ, бросивъ докуренную сигару въ плевальницу: «Оставить это дѣло такъ, потому что у меня нѣтъ никакой росписки въ полученіи *Хватаевыхъ* моихъ денегъ, которыя имѣлъ я глупость дать ему. Сверхъ того замѣнить еще должно, что онъ называетъ себя родственникомъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ *Хватаевыхъ*, а ни одинъ изъ нихъ о немъ понятія не имѣетъ.» — А, это прекрасно! — вскричалъ молодой поручикъ: безподобно! Какъ нельзя лучше! Онъ однако же богатъ и живетъ весело, напр. и сегодня у него вечеръ: *Климовскій* будетъ играть новыя кадрили и мазурки, а хозяинъ этой кондитерской угоститъ, на свои денежки, своимъ превосходнымъ мороженымъ и несравненными конфетками. Ха! ха! ха! — «Да что, ты шутишь?» сказала спашка: «Извѣстно мнѣ пеперь, какъ дважды два четыре, что *Хватаевъ* не съ однимъ мною выкинулъ эту шуку, и что уже съ годъ, какъ онъ торгуется такимъ образомъ своею четвернею, и никогда не опдаетъ задатковъ. Онъ препышно объявляетъ въ газетахъ о продажѣ съ славнаго завода коней и, какъ отличный физиогномистъ, умѣющийъ прекрасно оплчить знапка опъ профана, дѣйствуецъ съ тонкимъ искусствомъ и даже иногда проводитъ жалудей, знающихъ толкъ въ лошадяхъ, беретъ со всѣхъ задатки, ко-

порые потомъ не возвращаетъ, и такимъ образомъ, положимъ напримѣръ, что эпи шуки повторяются разъ каждыя двѣ недѣли, и что онъ беретъ круглымъ числомъ по 40 р. задатка за лошадь: вопъ уже тысяча рублей чистаго дохода съ каждой лошади, а ихъ всего четыре, и всѣ четыре безпрестанно бываютъ на пробѣ!!! — И такъ, можно почти утвердительно сказать, что *Хватаевъ* изволитъ пѣшиться и... чѣмъ чортъ не шутитъ!... посыпая нашими деньгами, бросая пыль въ глаза молодѣжи, легко доспигнетъ до желанной цѣли: выдастъ дочекъ своихъ замуъ за какихъ нибудь добряковъ, которыхъ поймаетъ на удочку, почъ въ почъ, какъ пеперь ловитъ проспаковъ своею четвернею вороныхъ и гнѣдыхъ клячъ, которыми умѣлъ дать видъ Буцефаловъ.»

Я взглянулъ на часы: мнѣ пора было ийти въ театръ, куда аршинная афишка бенефицианта звала добрыхъ и довѣрчивыхъ людей, чтобы послѣ, залучивъ также неспашныхъ зрителей, какъ *Хватаевъ* покупателей, изумить ихъ площадными плоскостями закулиснаго водевиллизма и ярмарочною обстановкою пьесъ. Теперь, обращаюсь къ вамъ, господинъ В. В. В.! Не лѣнитесь спешать бичемъ вашей дѣльной, вполне современной сатиры, такихъ людей, какъ мой благодѣтель *Хватаевъ*. Повѣрьте, что на вашъ вѣкъ ихъ спашетъ!

В. Б.

РАЗСУЖДЕНИЕ ОДНОГО СОДЕРЖАТЕЛЯ ТЕАТРА.

Пантомимный танцовщикъ *Б.* сдѣлался нездоровъ предъ самымъ представленіемъ новаго балета *Пирамъ* и *Тиббе*, въ которомъ онъ долженъ былъ представлять роль *Пирама*. Режисеръ балетной труппы пришелъ о томъ доложить содержателю. «Что-жь дѣлать?» сказалъ послѣдній: «не опмѣнитъ же балета для одного танцовщика, когда всѣ билеты распроданы. Танцуй-ка ты за него сегодня.» — Помылуйте! — возразилъ режисеръ: я фигурантъ, никогда не готовился на первыя ампуа и не занималъ подобныхъ

ролей. — «Полно, брапець, умничать! Съ чего ты взялъ, что это прудная роль? Наизусть что ли её пвердипь? Одѣнься *Пирамолъ*, да и размахивай руками на сценѣ: вѣдь жесповъ никто не понимаетъ.»

ЩИТАТЬ НАДОБНО ДЕНЬГИ, А НЕ ГОДЫ.

«Коморый вамъ годъ?» спросилъ маршалъ *Бассомпьеръ* одного капитана.

Капитанъ. Я не могу опредѣлительно доложить вамъ объ этомъ; думаю однакожь, что мнѣ 38 или 48 лѣтъ опъ роду.

Маршалъ. Какъ! разность въ десяти годахъ вамъ неизвѣстна?

Капитанъ. Увѣрю васъ, я веду щепъ своимъ деньгамъ, овцамъ, лошадямъ и проч., но никогда не щипаю своихъ лѣтъ: ихъ никто у меня не украденъ.

МЫСЛИ.

Преждевременная старость есть несчастіе.

Многимъ можно сказать: ходи прямо и говори громко.

Напрасно fortuna закрываетъ пышнымъ ковромъ навозную кучу—вонь всё слышна.

Пылкія страсти суть курьеры жизни, съ ними не долго ѣхать до кладбища.

Роса веселости рѣдко упадаетъ на развращенное сердце.

Сатира есть камень, бросаемый въ толпу дураковъ.

Многіе люди достигаютъ до извѣстной высоты подобно пробочисшамъ, пробираясь по темнымъ запачканнымъ закоулкамъ и замаравшись сажею.

Глазъ походитъ на дверь Янусова храма. Когда онъ закрытъ, въ по время царствуетъ тишина въ маломъ мірѣ, извѣстномъ подъ названіемъ человѣка.

Дружба, родившаяся въ возрастѣ не спольнѣжномъ, подобна распѣнію, слишкомъ поздно посѣянному.

Терпѣніе есть ключъ опъ всѣхъ дверей и лекарство опъ всѣхъ болѣзней.

Злой человекъ похожъ на уголь: если не обожжетъ, пакъ замараешъ.

Высокія мѣста, подобны высокимъ горамъ: на нихъ взлетаетъ орелъ, или вползаетъ змѣя.

Великій писатель въ переводѣ похожъ на вельможу въ опспавкѣ.

ИСПАНСКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

— Опворай двери доброму дню, и готовься къ приему дурнаго.

— При прудномъ пути, ускорай шаги.

— Чѣмъ глубже вспашешь, тѣмъ обильнѣе пожнешъ.

— Хлѣбъ любитъ укрываться подъ снѣгомъ, какъ спарикъ подъ шубою.

— Плодоносное поле, не имѣя опдыха, становится безплоднымъ.

— Кто имѣетъ друзей, тотъ и богатъ.

— Кто испинно любитъ, тотъ никогда не забываетъ предмета своей склонности.

— Дружба дитяи, може, что вода въ рѣшетѣ.

— Дружба зяля — зимнее солнце.

— Любовь материнская — есть единственная любовь.

— Обезьяна и въ шелковомъ парадѣ опсаешъ обезьяною.

— Глаза наши всегда младенчествуютъ.

— Въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка имѣетъ большую глубину, она дѣлаешъ наименѣе шума.

— Красивыя перья дѣлаютъ красивою птицу.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЪ ЛОНДОНѢ.

(Изъ *L'Echo Britannique.*)

На зло недобросовѣстнымъ газетчикамъ, которые не видятъ никакого улучшенія въ участи бѣдныхъ сословій народа, и систематически изъясняютъ состраданіе къ ихъ положенію, должно сознаться, что въ наше время господствуетъ въ народѣ такое довольство и изобиліе, какое никогда и во снѣ не снилось нашимъ дѣдамъ. Нынѣ самый невнимательный наблюдатель не можетъ не замѣтить нѣкопорога изящества въ одеждѣ и пріемахъ множества гуляющихъ, которые, въ каждый воскресный день, вереницами плынутъ по всѣмъ улицамъ, ведущимъ за городъ. Правда, что бѣдность вспрѣчается еще перѣдко, но при всемъ томъ, она не можетъ сравниться съ дѣйствительнымъ улучшеніемъ состоянія рабочихъ сословій, изъ коихъ, по крайней мѣрѣ, двѣ трети свободны отъ нужды и недостатка. Тысячи работниковъ носятъ въ наше время такое платье, какое въ прошедшемъ столѣтіи было принадлежностью людей богатыхъ, или гонящихся за модой. Къ этому преобразованію одежды присоединилось преобразование пріемовъ, разговора, склонностей, привычекъ.

Если погода обѣщаетъ благопріятствовать дневнымъ удовольствіямъ: то всё, что только живетъ и носитъ человѣческій образъ въ цѣломъ городѣ и его предмѣстіяхъ, съ утра начинаетъ волноваться. Всѣ возможные роды экипажей на колесахъ, паровыя повозки, лодки, вьючныя живописныя, все готовится покинуть душную столицу. Сборы такого множества людей показываютъ, что каждый изъ нихъ готовится къ необыкновеннымъ веселостямъ, что каждый рѣшился провести день отдыха самымъ пріятнымъ образомъ, то есть вполне посвятивъ его наслажденіямъ, самымъ употребительнымъ.

Сегодня Воскресенье; надобно отдохнуть и повеселиться, говорятъ въ одно время десять тысячъ *Джонсовъ Смитовъ*, и вслѣдствіе

сихъ словъ, десять тысячъ *Смитовъ* отправляются за городъ двадцатью различными дорогами. Мальчики шагаютъ въ колесочкахъ маленькихъ сестеръ своихъ: и эта братская услуга, отъ которой съ нихъ градомъ льется польза, дѣлаетъ ихъ чрезвычайно счастливыми. Самые почетные изъ *Смитовъ* избегаютъ отъ этого труда наследниковъ своего состоянія и впрягаютъ въ колесочки своихъ дворныхъ *Плутоновъ* и *Нептунговъ*, покрытыхъ красивою упряжью. Эти живописныя, также какъ хозяева ихъ, одарены истиннымъ трудомъ и съ неперпніемъ ждуть минуты отдыха. Наконецъ она наступаетъ. Борзые псы съ лаемъ открываютъ шествіе, махая хвостомъ отъ удовольствія, и съ гордостію везутъ свое драгоценное бремя. Мужъ наблюдаетъ за цѣлостію экипажа, а жена, составляя аррьергардъ, несетъ большую корзину, накладенную до верха холодною бараниною, салатомъ, хлѣбомъ, солью, ножами и салфетками для сельскаго обѣда въ Копенгагенской долинѣ, или какомъ нибудь другомъ загородномъ мѣстѣ, столько же привлекательномъ.

Не одни *Смиты*, но и *Джонсы*, *Вилліамы*, *Томсоны*, *Джонсоны*, *Джасоны* удаляются изъ Лондона по воскреснымъ днямъ; и это всеобщее переселеніе на цѣлый день успокоиваетъ и очищаетъ городъ. Въ немъ остается только небольшое число набожныхъ людей, которые щипаютъ за грѣхъ пропустить литургію въ день праздничный. Когда начинается благовѣстъ: тогда лодки, омнибусы, фіакры и кабриолеты далеко уже умчались веселую толпу гулякъ. Всѣ они заботливо спѣшатъ впередъ, довольные и веселые, а случай довершитъ остальное. Между ними вы можете встрѣтить какого нибудь запоздалаго пѣшехода, одиноко пробирающагося по дорогѣ въ долину: это покойной холостякъ, которому одна чувствительная *Смитъ* назначила тамъ свиданіе. Если отъ въ бѣломъ жилетѣ, и если на каждой полумилѣ вынимаетъ изъ кармана платокъ и обметаешь имъ пыль съ свѣтлыхъ сапогъ своихъ, то можно заключить навѣрное, что онъ обѣдаетъ не дома и про-

водилъ нынѣшнее Воскресенье не по будничному.

Около двухъ часовъ по полудни начинаешя впоричная перекочевка пилигримовъ, и на сей разъ было бы достаочно для населенія прешье-степеннаго города. Новыя толпы горожанъ пѣснятся и спѣшаютъ по всѣмъ направленіямъ вонъ изъ города. Одни поддерживаютъ плечесъ своего пучнаго пѣла полстою палкою, на которую крѣпко опираются и которая служитъ имъ дешевымъ средствомъ путешествовать. Другіе, цвѣтущіе молодостью и веселіемъ, поглаживаютъ себѣ усы золотымъ или серебрянымъ набалдашникомъ своей піросточки, или же, если у нихъ хороши зубы, приподнимаютъ верхнюю губу, чтобы они были виднѣе. Собаки также участвуютъ въ общемъ удовольствіи; онѣ съ громкимъ лаемъ бѣгутъ за своими хозяевами и гоняются за кошками, которыхъ встрѣчаютъ, однако-жъ не дѣлая имъ ни малѣйшаго вреда. Кажется, какъ будто въ этотъ день во всѣхъ классахъ общества господствуетъ какая-то общая любезность и привѣпливость. Подходя къ рогащамъ, которыми бывають заставлены дороги на поляхъ, молодые люди помогаютъ дѣвицамъ перепрыгивать черезъ эти, совсѣмъ не кстапи поставленные преграды, а красавицы не находятъ словъ благодарить своихъ любезныхъ кавалеровъ. Сидѣлецъ изъ магазина надѣлъ свое праздничное платье и новые сапоги, и вмѣстѣ съ будничною одеждою, оставилъ будничную поступь и ухватки. Молодые содержательницы модныхъ лавокъ, въ лучшихъ своихъ уборахъ, съ свѣжимъ и веселымъ видомъ, не смотря на вчерашніе труды и усталость, выносятъ на показъ толпѣ, которая не слѣдуетъ за модами, самую дорогую новомодную ткань, искусно драпированную около ихъ стройнаго спана. Портной-подмастерье, мечтающій достигнуть со временемъ извѣстности и богатства, какою нибудь *Штульца*, осматриваетъ фракъ, жилеты и панталоны, и замѣчаетъ въ нихъ недоставки съ привязчивостью спротаго рецензента. За то, замѣтивъ смѣлый и ма-

сперской покроей или искусное шитье, онѣ приходилъ въ восшоргъ и спѣшилъ возвратиться домой, полный сладоспныхъ мечтаний и погруженный въ свою *науку*.

На улицахъ встрѣчаются одни только видимо несчастныя существа; это мальчикъ, который разноситъ въ корзинѣ докторскія пилюли и микстуры. Бѣднякъ, зависливо смотрящій, какъ другіе шалуны одного съ нимъ возраста, забавляются, бросая вверхъ камешки. Онѣ проклинаятъ спариковъ за то, что они больны въ Воскресенье, и начинаетъ жалѣть, что не занялъ мѣста, которое предспавлялось ему у одного мелочнаго торговца, хотя онѣ получалъ бы тамъ и менѣе пеперешняго двѣнадцатую су въ недѣлю. Всѣ дѣти, которыхъ онѣ встрѣчаетъ, веселятся такъ, что онѣ готовы припши въ опчаяніе. Одни плескаются грязною водою изъ лужи и брызгаютъ ею другъ другу въ лицо; другіе валяются по землѣ подлѣ этой лужи. Будущій *medico* оспанавливается на минушу, печально смотрящій на нихъ, потомъ бросаетъ взглядъ на свою корзину, на баночки и спклянки, и опсправляется далѣе, съ сердцемъ, полнымъ какъ каждая изъ этихъ спклянокъ и баночекъ.

Воскресенье въ Лондонѣ есть настоящая сапурналія для дѣтей. Самое кладбище, мѣсто плача и сътованій, оглашается ихъ веселымъ смѣхомъ и криками. На одной изъ гробницъ стоить мраморный испуканъ: опважный шалунъ вспрыгиваетъ къ нему на закоршки и дѣлаетъ тысячу разныхъ дурачествъ. Другой царапаетъ надгробный камень, претпій забавляется, передѣлывая *hic jacet* (здесь лежитъ) какой нибудь эпитафій на *hic jaket* (его камзолъ). Въ эту минушу, какъ онѣ малоешь послѣднюю букву, церковный спорожъ спегаетъ его лозою, и толпа шалуновъ разбѣгается въ разные стороны; но едва только старый *Аргусъ* скроется изъ вида, какъ они снова выбѣгаютъ изъ за-могилъ, за которыми спрятались, и возобновляютъ свои проказы.

Колокола призываютъ къ вечернему богослуженію. Подлужицы бѣдныхъ спарухъ,

давно ожидающихъ, чѣобы опворили церковь, входящъ въ неё, едва передвигая ноги и опираясь на палочки; выбираютъ мѣста и медленно на нихъ опускаются; потомъ, разстилаютъ на колънахъ свои бѣлые передники, расправляютъ велкїя плащя и приготавливаются къ слушанію вечерни. За ними входящъ дѣти, которыхъ своеволие и нахальство въ эпошъ день не имѣютъ границь; они, кривляясь, снимаютъ свои шапки, и занимаютъ скамью, для нихъ назначенную; спорожъ, который коропко ихъ знаетъ, спохитъ подѣ нихъ съ простотю въ рукѣ, и ни на минушу не упускаетъ ихъ изъ виду. Потомъ приходятъ дѣвицы изъ ближнихъ воспитательныхъ заведеній, нѣсколько почтенныхъ семействъ того прихода, ихъ служители и горничныя попарно, и наконецъ люди, не имѣвшіе досуга отправиться за городъ. Колокола умолкаютъ и божественная служба начинается.

Тогда въ прешій разъ отправляются изъ города толпы жителей, которые поранѣе отобѣдали, чѣобы долѣ воспользоваться вечеромъ. Отцы, матери, дѣти, идутъ въ поле, чѣобы послѣ недѣльнаго заточенія, порадовать взоръ свѣжею зеленью. Тѣ, которые не любятъ далекихъ прогулокъ, бродятъ около своихъ квартиръ. На перекресткахъ, при входѣ въ большія улицы, вы можете видѣть, какъ они, прислонясь къ фанарнымъ столбамъ, съ беззаботнымъ видомъ, философически наблюдаютъ все, что происходитъ вокругъ. Лакеи и кучера, отъ бездѣлья запускаютъ руки въ первые карманы, которые имъ попадаются, чѣбы они ни были. Молоденькія горничныя появляются въ эпо пору на порогѣ домовъ; онѣ покупаютъ молоко и болтаютъ съ продавцомъ его; потомъ уходятъ разводивъ огонь и готовивъ чай къ приходу господъ своихъ, и снова возвращаются бросить бѣглый взглядъ на улицу; но замѣтивъ какую нибудь старую сосѣдку, которая не знаетъ оправданія къ молодымъ дѣвушкамъ, и любивъ наговаривать на нихъ ихъ хозяйкамъ, по неволѣ сидятъ въ кухнѣ, и читаютъ, для разогнанія скуки, *Картину обязанности геловѣка, Сельскіе разговоры или Ручной пис-*

ловникъ, для употребленія горничныхъ, умѣющихъ писать, при перепискѣ съ ихъ любезными фаніонаблями.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ К* * *

Сонетъ.

Оставля кругъ друзей, шумъ свѣтскихъ наслажденій,
Ты ѣдешь, другъ! Слѣши въ Авзонію скорѣй,
Подъ небо южное, подѣ небо вдохновеній,
Гдѣ воздухъ сладостнѣй, гдѣ солища свѣтъ
яснѣй,
Гдѣ дышатъ пѣгою почей роскошныхъ пѣтнй,
Гдѣ звонче слышится весенній соловей,
Гдѣ пѣлъ *Торквато Тассъ*, гоимый рокомъ гений,
Котораго стихи прейдутъ до позднихъ дней.

Слѣши, мой другъ! душа поэта
Тамъ пищи болѣе найдетъ,
Чѣмъ здѣсь въ холодномъ вихрѣ свѣша;
Твоя памъ Муза оживѣтъ
И, юга пламенемъ нагрѣта,
Бытъ можетъ снова запоетъ.

Н. Линдфорсъ.

РОМАНСЪ.

(На голосъ вальса Беттговена.)

«Когда все пируетъ и блещетъ вокругъ,
Зачѣмъ ты такъ мраченъ, пустынный нашъ другъ?
Что вспомнилъ, надумалъ? Что душу грызетъ?
Пей съ нами: печали вино унесетъ!»

*

—Вино не уносишь власпительныхъ думъ:
Ихъ крылья тяжелы, соборъ ихъ угрюмъ!
Весельемъ дышать, о друзья! вамъ легко —
Веселье-жъ мое далеко, далеко.

*

— За призракомъ я сердцемъ ношусь,
Я страстью стараю, разлукой помлюсь;
И въ грусти безумной мнѣ щастье одно:
Все върнѣшъ тому, чего нѣтъ ужъ давно!

*

—Играйте и пойте, пируйте, друзья:
По своему щасливъ, хоть сумраченъ я!
Когда-жь съ упованьемъ разspanусь моимъ,
Скажите: духъ смерти вишаетъ падъ нимъ.

В. Туманскій.

1829. Адрианополь.

LOGOGRIPHE.

Je suis, avec mon chef, des savans consulté;
Et, sans mon chef, des marins redouté.

Въ No 90, 91 и 92-мъ, помѣщенная шарада значить:
Лан-цетъ.

MODES.

Nous avons commencé le mois d'octobre avec de telles chaleurs que rien, dans la toilette des hommes, n'annonçait un changement de saison, et nous voyions, pendant ces journées de brûlant soleil, les redingotes ouvertes laissant voir la chemise sans gilet, et les pantalons blancs et les chapeaux gris, nécessités par la poussière des temps de sécheresse.

Il est temps cependant de s'occuper des modes qu'amène l'automne, de laisser de côté les courtes redingotes à l'anglaise, et de jeter un coup d'œil sur les façons nouvelles, sur les étoffes nouvellement acceptées et celles que l'on conserve de l'hiver dernier.

Pour les négligés, les redingotes demi-courtes se font en drap noir, ou vert foncé si noir que l'on cherche les reflets verdâtres pour s'assurer de la nuance; marron rouge, ou vert mousse très-foncé. Généralement on met des collets de velours noir et des boutons en soie terne arrondis.

Pour monter à cheval, quelques jeunes gens conservent les habits redingotes, ces habits dont les pans, excessivement larges, garnissent, par derrière, autant que la jupe d'une redingote. Les pans couvrent à demi la hanche en continuant de biais l'ouverture des devans.

Lè soir on porte toujours les habits bleus avec ou sans collets de velours, et les habits noirs à larges collets de velours noir mat.

Les manches ne sont plus très-courtes ni très-étroites; elles doivent jouer sur le bras, sans froncer à l'épaulette, et retomber aisées sur la main. Les pans sont moins longs que l'année passée, et les tailles toujours de même longueur, s'arrêtant au dessus de la hanche.

Pl. No 34. Costumes d'enfants.

МОДЫ.

Октябрь мѣсяцъ начался у насъ такими жарамы, что въ мужской одеждѣ ничто не предвѣщало переменъ по времени года, и мы видали въ эти жаркіе дни: открытые сюртуки, выказывающіе рубашку безъ жилета, бѣлыя панталоны и сѣрыя шляпы, сдѣлавшіяся необходимыми отъ пыли по сухости погоды.

Время однакоже занявшись модами, появляющимися осенью, оставивъ въ сторону короткіе Англійскіе сюртуки и бросивъ взглядъ на новые покроя, на матеріи вновь принятыя и сохранившіяся отъ прошедшей зимы.

Для *неглиже*, полу-короткіе сюртуки дѣлаются изъ чернаго сукна, или темно-зелѣнаго, кошпое споль черно, что опыскиваютъ зелѣный опшивъ, чтобъ удостовѣриться въ цвѣтъ; красноваго-каштановаго, зелѣнаго цвѣта или чрезвычайно тѣмнаго. Вообще пришиваются черныя бархатныя воротники и округленныя пуговицы изъ шусклаго шелку.

Нѣкоторые молодые люди употребляютъ для верховой ѣзды фраки, сдѣланные на манеръ сюртуковъ; фалды этихъ фраковъ, чрезвычайно широкия, прикрываютъ сзади ноги, какъ юбка сюртука, и доходящъ до вершмуговъ, спереди срѣзаны вкось.

Для вечера продолжаютъ употреблять сипіе фраки съ бархатными или одинакими воротниками, и черныя фраки съ широкими бархатными воротниками чернаго маповаго цвѣта.

Рукава не дѣлаютъ болѣе слишкомъ коротки и слишкомъ узкі; они должны быть свободны на руке, безъ сборокъ на плечѣ, и спущены довольно на кисть; фалды не такъ длинны, какъ въ прошломъ году; а лифы все той же длины, окапчиваются надъ вершмугами.

Карп. No 34. Дѣтскія модныя плащницы.

Поправка.

№№ 90, 91 и 92-го Лип. Прибавленій въ сплать: О *подлинности древняго Русскаго творенія*, на стрн. 1, стрк. 2, *напечатано*: сплхотворенія, *надобно читать*: творенія; — на стрн. 23, стрк. 25, *напечатано*: рецензентъ сдѣлалъ, *вмѣсто*: рецензенты сдѣлали, и на стрн. 25, стрк. 19; *напечатано*: куны, *вмѣсто*: гривны куны.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 94.

Цѣна годовому изданію,
состоющему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30; съ до-
ставкою и пересылкою
33 рублей.

СУББОТА, Ноября 24 дня 1854 года.

Чье это сочиненье?
Повѣрили глупцы, другимъ передають,
Спарухи вмѣгъ тревогу бьютъ,
И вопль общественное мнѣнье!

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. НЕЩАСТЛИВЕЦЪ.

Съ самаго дня его рожденія начинается его первое несчастіе, несчастіе, которое имѣло вліяніе на всю жизнь его, которое было первымъ звеномъ цѣпи бѣдствій имъ претерпѣваемыхъ: онъ родился кривымъ, красноволосымъ и безобразнымъ. Во время его дѣтства, всѣ ласки, всѣ попеченія, вся материнская нѣжность были удѣломъ его братьевъ, а на его долю доставались одни ругательства и пощечины.

Когда ему исполнилось пятнадцать лѣтъ: по въ училищѣ, куда онъ былъ отданъ, не проходило ни одного дня, чтобъ его не наказывали. Безпрестанно оставляя его безъ обѣда и безъ ужина, можно было подумать, что содержатель училища рѣшился уморить его съ голоду. Когда шайка негодяевъ, его товарищей, заслуживала розги за свои шалости, удары, вмѣсто того, чтобъ быть раздѣленными поровну, доставались почти сполна ему одному. На маленькихъ балахъ ни одна дѣвочка не хотѣла танцовать съ нимъ;

по улицамъ соученики его стыдились ходить съ нимъ рядомъ. Дома никогда не сажали его за столъ при гостяхъ, а грубо прогоняли въ дѣтскую. Тамъ, гдѣ другіе встрѣчаютъ однѣ розы, онъ находилъ тернія.

Съ большимъ трудомъ доспалъ онъ себѣ мѣсто въ спатской службѣ, въ Управѣ Благочинія, съ премія спами рублей жалованья, хотя по грамотности и уму имѣлъ бы право на мѣсто сподобачальника или Сенатскаго помычка и на 1,200 рублей. Полицейскеръ и совѣтники были довольны его трудами, но никогда не призывали его къ себѣ, ни однажды не сказали ему *спасибо*; секретарь отсылалъ ему самыя запутанныя свѣдѣнія дѣла и былъ покоенъ, но никогда ни къ чему не представлялъ его, и не приглашалъ въ праздничный день на чашку чаю. Онъ пропянулъ 7 лѣтъ до перваго класснаго чина, между тѣмъ, какъ многіе изъ его сослуживцевъ получили его за 3 года службы. Въ театрѣ, разумѣется въ райкѣ, дразили, щипали, давили его такъ, что онъ принужденъ былъ уступать пахамъ свое мѣсто; подъ качелями и на гуляньѣ будоч-

ники толкали его назадъ, если онъ, кривой и безобразный, осмѣливался продраться въ передній рядъ; перевозчики отказались перевозить его. Лошади шарахались, собаки, увидѣвъ его, поджимали хвостъ съ испуга и убѣгали въ кануры.—Онъ съ чувствомъ и чистю игралъ на фортепiano—и желалъ бы давать уроки за самую умѣренную цѣну; но какал дѣвушка рѣшилася сидѣть по 3 часа въ недѣлю глазъ на глазъ съ чудовищемъ? Онъ весьма хорошо рисовалъ и, не могши содержать себя скуднымъ жалованьемъ, прискалъ было себѣ довольно выгодное занятіе. Кто-то, выдававшій себя за художника и не умѣвшій правильно нарисовать глазка, пригласилъ его помогать ему докончивъ нѣсколько картинъ, имѣ начатыхъ. Само собою разумѣется, что картины сіи живописалъ несчастливецъ, а похвалы и деньги пожиналъ хвастунъ художникъ. Когда же, по прошествіи прехъ мѣсяцевъ, спалъ онъ требовать платы за свою работу, его прогнали изъ дому.

Это бы все еще перетерпѣлось, но онъ влюбился въ кухарку своего сосѣда-слѣсаря—и женился на ней. Свѣтъ не видалъ такой сварливой женщины! Это послужило къ довершенію всѣхъ его бѣдствій.

Не въ состояніи будучи сносить домашнихъ непріятностей, бывшихъ для него настоящею адскою мукою, бѣднякъ рѣшился на отчаянное средство, состоявшее, какъ водится, въ самоубійствѣ. Но по званію самага несчастнаго человѣка во всемъ Пилтерѣ, вмѣсто одного средства онъ употребилъ три: запасся напередъ пистолетомъ, который зарядилъ двумя пулями и карпечью, выстрѣлилъ себѣ въ ротъ, но не застрѣлилъ себя, а разорвалъ ротъ до ушей и, повредя небо во рту, спалъ гнусить. Оправясь отъ раны, онъ бросился въ Неву съ Воскресенскаго моста, однако былъ выплащенъ живой рыбаками, и вмѣсто чорпа, попался въ когти къ сапанѣ женѣ своей, и сверхъ того, выдержалъ жестокою горячку.

Съ полгода не накладывалъ онъ на себя рукъ; наконецъ замѣчая, что участь его не облегчается, онъ началъ задумываться,

унывать и, ускользнувъ отъ рысѣхъ глазъ своей милой пиранки, подспавилъ скамейку, на скамейку спулъ и повѣсилъ въ кладовой на гвоздѣ, на которомъ его жена вѣшала сушеные грибы, но шибко спрыгнувъ въ вѣчность, онъ оборвался внизъ, опрокинулъ спулъ, скамейку, перебилъ посуду, изрѣзался, выпачкался въ крови, въ вареньѣ, въ пуху и сѣнной прухѣ. Еще не очнувшись отъ паденія, онъ уже почувствовалъ градъ палочныхъ ударовъ, посыпавшихся ему на спину. Эпоть градъ пущенъ былъ изъ рукъ его чувствительной супруги, которая прилепѣла въ чуланъ, какъ гроза на крылахъ урагана.

Теперь, вопъ уже другая недѣля, какъ онъ лежитъ въ больницѣ со вздупою спиною и въ лубки связанною ногою. О дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ не премину со всеакуратнѣйшею акуратностію довести до свѣдѣнія почтеннѣйшей Публики.

PS. Въ ту минуту, какъ я дописалъ то, что вы читали, пришелъ ко мнѣ надзиратель Обуховской больницы и увѣдомилъ, что ему лучше и что дни съ два тому назадъ, онъ началъ ужасно дорожить жизнію: бьюсь объ закладъ, что его похоронятъ на эпой недѣль.

А. Коробитинскій.

Октябрю 1-е

1834.

Село Рыбацкое.

УМНАЯ ГОЛОВА.

— Одинъ Ирландецъ, пріѣхавшій въ Лондонъ, осматривалъ Британскій Музей.—А гдѣ же голова *Кромвелла*?—спросилъ онъ. «У насъ еѣ нѣтъ,» отвѣчалъ надзиратель.—Это не дѣлаетъ чести вашему кабинету,—сказалъ Ирландецъ: даже въ Оксфордѣ видѣлъ я *Кромвеллеву* голову!

ГДѢ КОРОЛЕВА?... БРѢТСЯ!

Въ старѣ женщины не играли на театрахъ, ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ, а мужчины представляли женскія роли. Когда

Карль II, въ одномъ изъ представлений, выведенъ былъ изъ перптня медленностью актёровъ, по директоръ въ свое оправданіе доложилъ, что *Королева* еще *бръется*.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЖЕНЩИНЫ ВЪ ИСПАНІИ.

Между разными Европейскими народами назначеніе женщинъ понимается двоякимъ, совершенно различнымъ образомъ. Одни почитаютъ ихъ не болѣе, какъ предметами забавы и удовольствія, и едва лишь онѣ перестаютъ забавлять и нравиться, по покидаютъ и забываютъ ихъ. Пока онѣ дѣлаютъ еще очарованіе и упоеніе чувствъ, ихъ осыпаютъ угожденіями и ласками, но какъ скоро это очарованіе исчезаетъ, онѣ не принадлежатъ болѣе обществу.

У другихъ народовъ, имѣющихъ приязнаніе на высшее совершенство разума и особенную чистоту нравовъ, женщины суть ни что иное, какъ главныя прислужницы въ домѣ, и вслѣдствіе этого, онѣ обязаны угождать и повиноваться. Какое-то лицемеріе, основанное на упомоченномъ эгоизмѣ, исключаетъ ихъ изъ общества мужчинъ, подъ предлогомъ опасенія возмущить ихъ цѣломудріе. Достоинство женщины определяется у нихъ единственно числомъ фунтовъ шерстинговъ, сбереженныхъ ею въ теченіе года въ пользу мужа. Будь она нѣжна, сострадательна, непорочна въ своихъ склонностяхъ, свободна отъ всякаго упрека въ поведеніи, все это хорошо, болѣе или менѣе, смотря по характеру мужа. Но всѣ они одинаковаго мнѣнія на щётъ своего самовластнаго превосходства. Въ клубѣ, на биржѣ, въ *coffee-room*, мужъ равенъ всѣмъ его окружающимъ; а дома, глазъ на глазъ съ женою, онъ всегда глава, всегда удерживаетъ за собою право повелѣвать.

Въ Испаніи обходятся съ женщинами другимъ образомъ, совершенно отличнымъ отъ этихъ двухъ системъ. Если и шамъ ихъ любятъ какъ въ Италіи и уважаютъ какъ въ Англіи; по: изъ соединенія эпой

любви и уваженія рождается претъе смѣшанное и усовершенствованное чувство, котораго нельзя назвать иначе, какъ *поклоненіемъ*. Изъ многихъ рыцарскихъ чертъ, образовавшихъ древній характеръ Испанцевъ, до того времени, когда инопоземныя династїи исказили все, что было хорошаго въ нравственномъ и политическомъ устройствѣ Испаніи, эта черта сохранилась во всей чистотѣ своей. *Сервантесъ* испребилъ многочисленное племя донъ *Кихота*, но племя *Дульциней* существуетъ еще донинѣ.

Этого рода нѣжнаго и почтительнаго обожанія нѣтъ прїятнѣе для мужчинъ, что онѣ льстятъ его самолюбію и пробуждаютъ въ немъ сознаніе истиннаго своего превосходства. Онѣ признаютъ себя покровительствомъ женщины, но стараются смягчить все, что есть униженнаго въ положеніи того, кто пользуется покровительствомъ. Съ его поэтическимъ и пламеннымъ воображеніемъ ему нравится называть себя невольникомъ существа слабаго, жертвою существа нѣжнаго и кропкаго. Въ самыхъ его упрекахъ и вспышкахъ ревности господствуетъ нѣчто, доказывающее его зависимость и смиреніе. Обыкновенное названіе, присвоенное женщинамъ жестокой или вѣроломной, есть — *тиранка* или *лугительница*. Одно это слово выражаетъ собою больше, нежели всѣ припорныя нѣжности Французскаго волокитства. Сей родъ благородной и замысловатой лести отъ любви вкрался и въ обыкновенный языкъ общества. Въ Испаніи не говорятъ женщины, какъ во Франціи: *J'ai l'honneur de vous présenter mes respects*, не осведомляются сухо о здоровьѣ, какъ въ Англіи: шамъ еѣ привѣтствуютъ всегда убѣжденіемъ въ ея владычество: *Señora, beso a vos los pies* — сеньора, цѣлую ножки ваши. Можно судить, какъ важно это привѣтствіе для Католика, потому, что вызываясь цѣловать ноги женщины, онѣ ставятъ еѣ на ряду съ главою церкви. Всѣ другія изъявленія вѣжливости запечатлѣны нѣтъ же отличительнымъ характеромъ. Въ Англіи, пропягиваютъ женщинъ руку, но выгоняютъ еѣ изъ за-стола въ часы веселости. Во Франціи, цѣлуютъ еѣ въ щѣку,

но не уступаютъ ей перваго мѣста въ театръ. Въ Испаніи, мужчины не оплещаются ни такою свободою въ обращеніи, ни такимъ эгоизмомъ. Въ обществѣ, они подходятъ къ женщинѣ только тогда, когда могутъ быть ей чѣмъ нибудь полезны. Сходятъ ли она съ лѣспницы, ей предлагаютъ руку; входятъ ли въ церковь, ей подають святой воды. Вездѣ она занимаетъ первое мѣсто, пользуется главными почестями, всѣми преимуществами. Если бы употребленіе чая было извѣстно въ Испаніи, то конечно не женщины была бы предоставлена тяжелая забота приготавливать и разливать этотъ напитокъ.

Испанецъ проводитъ дома большую часть времени. Онъ не имѣетъ нужды ни въ спектакляхъ, ни въ клубахъ, ни въ поѣздкахъ. По этому для него необходимо, чтобы всѣ дѣйствія его жизни оживлены были взорами жены, какъ расщіяны лучами солнца. Мужъ не пренебрегаетъ самыми просными занятіями, чтобы только облегчить свою подругу. Онъ обмываетъ и одѣваетъ дѣтей своихъ, стряпаетъ кушанье, ходитъ на рынокъ. Онъ принимаетъ на себя половину всей тягости домашнихъ работъ. Никакая общественная забава, даже правля волость, не посвящена исключительно удовольствію мужчины. Во время владычества Кортесовъ, женщины почли себя чрезвычайно оскорбленными, когда имъ запретили входить въ галерею законодательной палаты. Онъ очень усиленно претовали возстановленія правъ своихъ, и видя, что имъ отказываютъ въ этомъ, явились на мѣста въ мужскомъ платьѣ: спража принуждена была пропустить ихъ.

Отъ этой снисходительности къ женщинамъ во всѣхъ классахъ общества происходятъ свойства Испанской женщины, свойства, признанныя всѣми путешественниками и предъ которыми принуждены были сложить оружіе всѣ иностранныя арміи, занимавшія Пиринейскій полуостровъ. Во время осады Кадикса, въ 1812 году, пара черныхъ глазъ владычествовала въ главной квартирѣ маршала *Султы*, и вздернутый

носикъ обнаруживалъ пайны посланника одной сильной державы, союзной патріотамъ.

Въ самомъ дѣлѣ невозможно пропитьсья *прелести* Испанскихъ женщинъ, не имѣющей ничего общаго съ тѣмъ, что извѣстно подъ симъ же названіемъ въ прочихъ странахъ Европы; *прелести*, состоящей изъ живости воображенія, эпиграмматической соли разговора, огня взоровъ, роскоши и нѣги положеній и изящества пріемовъ; *прелести*, одушевляемой тою неизъяснимою силою, безъ которой ничто не можетъ быть прекраснымъ ни въ природѣ, ни въ искусствѣ, по естѣ *выраженіемъ*.

Взоръ любви Испанской женщины не заключаетъ въ себѣ ни языка желаній, ни спраспной помноти. Это смѣсь нѣжности и величія, гордости и самоотверженія; это зеркало ея души; это самая душа ея, изливающаяся изъ ея черныхъ очей, осѣненныхъ длинными рѣсницами. Въ этомъ безмолвномъ и краснорѣчивомъ языкѣ нѣтъ ничего расщипаннаго, ничего изученнаго. То, что вы читаете въ глазахъ ея, написано у ней въ сердцѣ.

Чертамъ лица Испанскихъ красавицъ недостаетъ часто правильности; но въ самомъ этомъ недостаткѣ есть что-то такое, что трудно опредѣлить и чего нельзя не обожать. Дѣва *Рафаэля* заставляеть насъ преклонять предъ собою колѣна; но что же чувствуемъ мы предъ дѣвою *Мурилло*, какъ не нѣжность, любовь и какое-то непъяснимое влеченіе? Это происходитъ отъ того, что дѣвы *Мурилло* писаны съ Андалузскихъ женщинъ.

Пер. *Ил. Г—въ*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

БАКЧИСАРАЙ.

(Отрывокъ изъ описательной поэмы: *Таврида*.)

Пустынный дворъ Бакчисарая
Унылой озаренъ луной;
Развалины другъ, она, играя,
Скользитъ по кельѣ гробовой,

Гдѣ грозныхъ и надмѣнныхъ хановъ
 Давно забытый плѣшетъ прахъ,
 Гдѣ воля дремлющихъ пирановъ
 Ужь не законъ въ нѣмыхъ гробахъ!

Исчезла слава сильныхъ хановъ!
 Дворецъ ихъ пускъ, гарема нѣтъ! —
 Тамъ только слышенъ шумъ фоншановъ...
 Луны непостоянный свѣтъ
 На стеклахъ росписныхъ играетъ,
 И по узорчатымъ коврамъ
 Широкий лучъ ея блуждаетъ,
 Какъ блѣдный духъ по облакамъ.

Или въ зелѣномъ лозѣ объѣмъ,
 Сквозь легкой виноградный сводъ,
 Она въ кристалльномъ водоѣмѣ
 Осеребряетъ зыби водъ
 И гроздй пѣнь на нихъ наводитъ;
 Дробится ликъ ея въ струяхъ,
 То по волнамъ играя ходитъ,
 То засыпаетъ въ ихъ зыбяхъ.

И будитъ дремлющія своды
 Фоншановъ однозвучный шумъ;
 Изъ чаши въ чашу льются воды,
 Лелѣятели сладкихъ думъ.
 Все измѣнили быстрые годы, —
 Гдѣ ханскій блескъ? — Но водометъ
 Задумчивыя пѣнитъ воды,
 На память тѣхъ, копорыхъ нѣтъ.

Анд. Муравьевъ.

ПРАКСИТЕЛЕВА СТАТУЯ И ОСЕЛЬ.

Басня.

(Посвящается С. В. Р.)

Великій *Пракситель* свершилъ безсмертный прудъ:
 Спашую кончивъ Аполлона,
 Онъ выставилъ еѣ на всенародный судъ.
 Богъ дышетъ въ мраморъ, властитель Геликона.
 Случилось, что Осель чрезъ площадь проходилъ;
 Грязь брызжетъ вокругъ съ ослинаго копыта,
 И Фебу на лицо комъ грязи наскочилъ;
 Но меньше-ль отъ того статуя знамениа?

*

Ты правъ, усердный Русскъ сынъ,
 Что не пуждается въ защитѣ —
 Великій *Карамзинъ*,
 Хоть грязь у многихъ — на копытѣ.

Б. Фѣдоровъ.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* женщинъ наряжаетъ
 И кружеву родной;
 Такъ какъ пѣшухъ Индѣйскій, мой *второй*
 Бездушень, глупъ, слѣсивъ. А *цвѣтлый* — цвѣтъ:
 Ему по пестротѣ узоры равныхъ нѣтъ.

Въ No 98-мъ, помѣщенный логогрифъ значить: *Récueil, écueil.*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О драмѣ барона Е. Э. *Розена: Осада Пскова.*

Спросился-бъ у меня!

Хмельницкій.

Слава знаменитаго драматика пріятнѣе изъ всѣхъ литературныхъ славъ. Писатели въ другихъ родахъ словесности, упѣшающія единственно увѣренностію, мечтою, что надъ ихъ поэмою сидитъ задумавшійся юпоща, что романъ ихъ въ рукахъ прелестной женщины, что ихъ пѣсню поѣтъ дѣвушка. Иногда только другъ, или пріятель въ опкровенной бесѣдѣ, говорятъ литератору о его извѣстности; еще рѣже встрѣчаетъ онъ похвалу себѣ въ журналахъ. Напротивъ того драматикъ, кромѣ удовольствій, общихъ хорошимъ писателямъ, пользуется народнымъ одобреніемъ, какъ царь или побѣдитель. На торжество ума его въ столицахъ и по провинціямъ стекаются люди всѣхъ сословій; пьесу его выражаютъ опытные артисты, какъ не выразитъ кабинетному чтецу, и громъ рукоплесканій замѣчаетъ каждую его высокую мысль, трагическое чувство, каждое сильное слово. Обыы, наполняющія театръ, взятыя отдѣльно, болѣею частію не только учены, какъ журналисты: но въ общей массѣ судъ ихъ нѣженъ и вѣренъ; о, они не пропускаютъ истинно-умнаго, не заснутъ при истинно-прекрасномъ; ни лич-

ность, ни лесть не чернятъ хвалы ихъ. Новые народы только въ театрѣ либературнымъ удовольствіемъ приближаются къ древнимъ Грекамъ, у коихъ даже лирики и испоричи читали и пѣли свои созданія въ шумныхъ сборищахъ народа, столько чувствительнаго, благодарнаго къ красотама изящнаго. Нынѣ одни драматички вначаютъ лавромъ общественно, могутъ сами находиться при торжествѣ своемъ, какъ бы видѣть, слышать свою славу, упиваться ею. Сладко должно быть либератору читать на лицахъ тысячи согражданъ свой восторгъ, замѣчать, что попка, волновавшая мою грудь, волнуешь всѣ груди, что въ чужихъ очахъ претеплетъ мысль моя, которая такъ уединенно меня посылала, при одной свидѣтельницѣ, бѣдной лампадѣ! Щасливъ поешь, коего благородные труды награждаютъ столь радостно: его колыбель, вѣрно, и небо озаряло пророчесвенною звѣздою!

Баронъ *Розенъ* сильно чувствуетъ прелесть эпои извѣстности, если судить по тому, какъ хотѣлось ему поставить на сцену свою драму: *Россия и Баторій*. Новое произведение его: *Осада Пскова*, есть прежняя драма, съ очень небольшими добавленіями (*). Отъ того, что добавленія едва, едва приложены къ спарому, въ драмѣ вышло два предмета, пекущіе особыми руслами: одинъ вправо, другой влѣво. Главный предметъ (ибо занимаетъ почти всю драму): осада Пскова Поляками, которые, не побѣдивъ Русскихъ, бѣгутъ во свояси. Вводный предметъ, вновь сочиненный, состоитъ въ томъ, что сынъ *Курбскаго* воспитанъ пайно въ Россіи и служитъ при царѣ подъ именемъ князя *Прозоровскаго*. Драматическія положенія проявляются единственно при началѣ и подѣ конецъ драмы. Въ I-мъ дѣйствіи превосходны сцены, гдѣ сынъ *Курбскаго* вооружаетъ своихъ крестьянъ на за-

щипу Руси, и попомъ зажигаетъ собственную опчину, напоминая, такъ близко къ Русскому сердцу, безсмертнаго *Расстопина*. Сцены эпои тѣмъ прогательнѣе, что *Прозоровскаго* мучитъ мысль объ опцѣ, боязнъ встрѣпиться съ нимъ въ пылу сраженія. Забывъ милыя черты родителя, молодой *Курбскій* спрашивается увидѣть его въ каждомъ Полякѣ, прекрасно выражаясь, что *Баторій* ведетъ съ собою сто тысячъ его опцовъ. Однако-же, не смотря на всѣ предосторожности, *Прозоровскій*, въ погонѣ за *Баторіемъ* (*), на безлюдной дорогѣ встрѣпился съ тѣмъ, котораго столько боялся встрѣпиться. Думая, что это король, *Прозоровскій* бѣется съ нимъ на смерть, ранитъ его, и уже кровь бросилась невозвратимою струею, а онъ узнаетъ, что это его родитель... «Князь *Курбскій*! ты князь *Курбскій*!» нѣсколько разъ вскрикиваетъ онъ, и не произноситъ ничего нѣчего бѣды: ужась и радостъ завалили ему грудь! То крики нещаснаго сына; вы сами издали бы ихъ, когда-бъ въ смутѣ сраженія вонзили по-рукою шпагу въ врага, а злое нещасіе, протягивая изъ за-плечъ вашихъ насмѣшливое лицо, просвистѣло бы вамъ въ ухо: хорошо, хорошо, это отецъ твой!... Несвязные, безыскусственные крики *Прозоровскаго* темны, страшны, какъ сама мысль быть опцеубійцею!

Изъ сценъ, занятыхъ у прежней драмы, одну только можно назвать драматическою: прощаніе *Курбскаго* съ Русскими плѣнными. Невольный измѣнникъ входитъ къ королю, въ сопровожденіи дорогихъ ему Москвитянъ, съ приспѣженнымъ лицомъ, съ поникшею головою, и на вопросъ *Баторія*, говорилъ ли ты съ ними, опвѣчаетъ:

« Они

Не говорятъ со мною!»

Представьте себѣ *Курбскаго* во всемъ пламени его характера, съ его юношескою спрастію къ Руси, и опвергаемаго соотечественниками, попомъ вслушайтесь въ эту рѣчь: «Они не говорятъ со мною!» Испинно высокое выраженіе и высокое мѣсто въ драмѣ! Какъ ночь облегаетъ пожаръ, такъ

(*). Въ концѣ драмы.

(*) Новаго только I-е и послѣдняя половина V-го дѣйствій. Содержаніе другихъ актовъ, съ малыми измѣненіями, составили при среднихъ дѣйствіяхъ прежней драмы, съ совершеннымъ исключеніемъ того, что относилось до *Юанна IV-го*, *Царевича* и *Годунова*.

это выраженіе мракомъ облегло вокругъ *Курбскаго*, показывая, каково было ему не на Руси, каково Русскому, когда не говоряшь съ нимъ Русскіе! Оно прекрасно, оно зачалось на днѣ сердца, развилось въ мину-пу поски сочинителя!... Впрочемъ, спод-вижникъ щаспливыхъ временъ *Іоанна IV*-го въ новой драмѣ остался по прежнему въ пѣни, превосходно очеркнушимъ, но не бо-лѣе, какъ очеркнушимъ. А надежда общала, что баронъ *Розенъ* напишетъ *Курбскаго* сле-зами и огнемъ. Хотѣлось видѣть эпогу бур-наго челоуѣка при дворѣ Московскомъ, и щаспливаго въ блескѣ, и опальнаго, ядаща-го гибели. Желалось посмотришь на него скачущаго, съ однимъ вѣрнымъ слугою, по Липвѣ; посмотришь, какъ онъ, не оспана-вливая коня своего, подобно *Глуру Бейрона*, вдругъ поворачиваетъ назадъ голову, и какъ въ глазахъ его выражается мысль: Руси давно уже не видно! Для чего сочинитель не показалъ намъ *Курбскаго* въ Польшѣ съ кровавымъ письмомъ отъ *Іоанна*, или пишу-щимъ кровавый отвѣтъ ему; не показалъ его среди веселостей королевскаго двора, гдѣ ничто не упѣшало изгнанника? Намъ бы хотѣлось чипать въ разспроенныхъ очахъ и на блѣдномъ лицѣ *Курбскаго* перемѣны пламеннаго его сердца: по отъ ненавистна-го воспоминанія объ *Іоаннѣ*, по отъ милой повѣсти прошлаго, которую колотило его сердце... Жизнь *Курбскаго* для него была мучительна, а для потомства—прогашель-ная и многомысленная драма.

Уничтоживъ превосходные характеры: *Іоанна Грознаго*, Царевича и *Годунова*, баронъ *Розенъ* не замѣнилъ ихъ не только равными, но и никакими характерами. Князю *Прозо-ровскому*, великодушному герою безъ всякихъ особенностей, съ прибавкой новаго, отдана роль *Хворостинина*. Остальные характеры перенесены изъ прежней драмы въ новую съ старою безцвѣтностью: ни одинъ изъ нихъ не скрылъ за собою сочинителя. На-пишите надѣ любую ролею: *Бѣльскій*, *Бах-телровъ*, *Олферьевъ*, какъ самъ баронъ *Розенъ* надѣ ролею *Хворостинина* поставилъ имя *Прозоровскаго*; напишите даже имена людей другаго времени и происшествія — будетъ

все ровно; если хопите, вы изъ *Осады Пско-ва* можете сдѣлать осаду Казани, Смолен-ска и тому подобное! Вѣрно вы вспомнили при этомъ того классическаго прагика, ко-торый, вспрѣшивъ препятствіе отъ цен-зуры, выдумалъ преклассическую шпуку. Предметъ драмы его взятъ былъ изъ Испан-ской исторіи; дѣйствіе происходило въ Бар-целонѣ. Есть о чемъ думать классику! Ве-лика ли разница между *Barcelona* и... напр. *Babylone*? Самые стихи почти не измѣняп-ся! И Испанское происшествіе, оплетѣвъ за тысячи верстъ и лѣтъ, вышло Вавилон-ское!... Въ то время никто надѣ этимъ не смѣлся. Но въ каждомъ вѣкѣ свои нравы: нынѣ нельзя дѣлать ни изъ Барцелона Ва-вилона, ни изъ *Хворостинина Прозоровскаго*. Тогда въ модѣ былъ *Аристотель* и *Лагаръ*, и только противъ нихъ спрашно было провиниться: пеперь здравый смыслъ по-шелъ въ моду, ошибайтесь прошивъ какихъ угодно знаменитостей, хотъ романшиче-скихъ, но не противъ ума и природы. Тре-бованія новой драматической школы не въ томъ состоятъ, чтобы дѣйствующія лица не говорили высокопарностей: но чтобы люди были совершенно люди, со всѣми оп-тѣнками, многоразличіемъ и сущностью людей дѣйствительнаго міра; не въ томъ, чтобы отбросивъ при единства, только расширить границы драмы, наколотить еѣ неспротоку, шумомъ: но въ томъ, чтобы, расширивъ границы, пѣмъ свободнѣе пока-затъ ходъ и возрастаніе челоуѣческихъ страстей; не въ томъ, чтобы въ драмѣ не было однѣхъ предугадываемыхъ, форменныхъ положеній: но чтобы каждая часть и общность происшествія, имѣя внупренній смыслъ, поразительную красоту, лишь съ перваго набѣга казались бы необыкновенны-ми, а при вниманіи къ нимъ, они были бы безусловно естественны. Словомъ, роман-пизмъ требуетъ генія, генія истиннаго, про-ницающаго насквозъ природу міра и челоуѣка. Лепите по направленію вашего таланта, высоко; не рвите съ презрѣніемъ цѣпи пра-вилъ, но только пѣ, кои несутъ васъ въ при-роду; лепите въ нихъ, но будто безъ нихъ, чтобы люди, дивуясь вашимъ полетомъ, все

опносили въ вашемъ паланту и ничего къ искусству. Гдѣ нѣтъ обнаженной природы, изумляющихъ, но глубоко пспинныхъ красота, гдѣ возможны такія перемѣны, какія невозможны въ природѣ, тамъ нѣтъ зрѣлаго паланта и хиль романпзмъ.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

М О Д Е С.

On a vu tant de redingotes longues l'hiver dernier, cette mode a été tellement répandue, que l'on ose à peine compter sur sa renaissance. Cependant, pour la généralité des personnes qui sortent à pied, les redingotes longues sont des nécessités d'habillement dont on aura peine à se séparer. Il y a moyen d'ailleurs de leur donner un cachet de nouveauté dans la coupe, et quelques-uns de nos premiers tailleurs ne devaient pas y manquer. Celles que nous avons vues commencées dans leurs ateliers étaient d'une longueur démesurée. Le collet, arrondi en châte, laisse une petite ouverture sur la poitrine, d'où l'on doit apercevoir la cravate à longs pans ou une chemise à jabots. Quelques-unes, destinées à être portées sur l'habit, étaient larges et boutonnées par des pattes qui croisaient sur les devans de la redingote.

Les meilleures couleurs sont noir ou vert-bouteille; le collet doit être en velours, et les devans sont doublés de soie.

Les pantalons de casimir uni, gris argent, noir ou bleu, sont élégans et conviennent aux redingotes ouvertes ou aux habits boutonnés. Il faut aux négligés complets, pour monter à cheval ou faire des courses du matin, les casimirs à côtes et les croisés veinés, étoffes de résistance, souples et d'une apparence simple.

On continue à porter les bandes de tresses aux pantalons. Il est joli de mettre, pour le soir, un habit noir à collet de velours boutonné, laissant voir le haut du gilet et de la chemise, avec un pantalon noir à bandes très-plates et presque unies, et des bottes vernies.

Les gilets sont toujours de demi-longueur, dépassant peu ou point l'habit, à collet carré; ceux du matin boutonnant quelquefois jusqu'en haut, ceux du soir ouverts et dégagant la poitrine. Pour le matin, on se sert des laines anglaises à raies ou carreaux imprimés, ou à fleurs brochées couleur sur couleur.

Ceux du soir sont en étoffe de soie damassée ou en velours satiné.

М О Д Ы.

Прошедшею зимою сполько видно было длинныхъ сюрпучковъ, мода эпа была въ такомъ употребленіи, что едва смѣюпъ полагаться на еѣ возобновленіе. Однакоже, для большей части людей, ходящихъ пѣшкомъ, длинные сюрпучки еспь необходимая одежда, съ которою спрудно будетъ разстаться. Еспь способъ, впрочемъ, придашь имъ оппечатокъ новоспи въ покроѣ, и первые изъ нашихъ порпныхъ должны бы были эспимъ заняться. Которые мы видѣли въ ихъ рабочихъ, чрезвычайно длинные. Воронникъ, округленный шалью, не совсѣмъ закрышь на груди, гдѣ видѣнъ галспухъ съ длинными концами или рубашка съ жабо. Нѣкоторыя, для надѣванья сверхъ фраковъ, были широки и схвапывались заспѣжками, лежащими крестообразно на полахъ сюрпуча.

Лучшіе цвѣта: черный или бушылочный зелѣный; воронникъ долженъ бышь бархашный, а полы на шелковой подкладкѣ.

Панталоны изъ гладкаго казимира, дикаго се-ребриспаго цвѣта, чернаго или синяго, щеголеватые и приличны къ открытымъ сюрпучкамъ или заспегнутымъ фракамъ. Къ совершенно простымъ платьямъ, для верховой ѣзды или для упра, должно дѣлать изъ казимира съ полосками и кипорнаго съ жлжками: прочныя матеріи, мягкія и просты на взглядѣ.

Плеченныя полоски на панталонахъ все еще въ употребленіи. Для вечера очень красиво: черный фракъ съ бархашнымъ воронникомъ, заспегнутый, оставляя верхъ жилета и рубашки на виду; черныя панталоны съ весьма плоскими, почти гладкими полосками, и лакированные сапоги.

Жилеты продолжаютъ дѣлать полу-длинные, немного выпущенные или ни сколько изъ подъ фрака, съ четверугольнымъ воронникомъ; утренніе заспегиваются иногда до верху, вечерніе же открыты и не стѣсняють грудь. Для утреннихъ употребляютъ Англійскія шерстяныя матеріи съ печатными полосками или клѣпками, или съ запканными цвѣтками подъ цвѣтъ. Для вечернихъ шелковыя камчатныя матеріи или атласистый бархашъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 95.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Ноября 28 дня, 1854 года.

Вруль хочеть о такихъ вещахъ издашь шворенье,
Надъ конми-бъ никто пошеть не вздумалъ ввѣкъ.
О бѣдный человекъ!
На что онъ мучишь такъ свое воображенье,
И трудной чтишь ту вещь? Она не такова:
Пусть пишетъ онъ себѣ похвальныя слова.

П. Суляроковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЖАЛОБА БѢДНАГО ОТЦА НА УЧЕНУЮ ДОЧЬ.

«Пожалѣй обо мнѣ, любезный читатель! бѣдномъ популярномъ сошпникѣ, если ты опецъ семейства; поплачь обо мнѣ, Максимѣ Меркурьевичѣ *Писулькинѣ*, который сдѣлался предметомъ насмѣшекъ и злыхъ укориствъ нашего уѣзднаго городка С***. — Всѣ мальчишки показывають на меня пальцами на улицѣ, мапушки вспрѣчають съ презрительною улыбкою, а друзья мои: исправникъ, засѣдатель и секретарь Земскаго Суда; тнушаються моимъ знакомствомъ, по той единственно причинѣ, что я имѣю несчастіе быть опцомъ ученой дочери! Выслушайте терпѣливо мой разсказъ, и посудите сами: почто ли я несчастенъ? —

Дочери моей *Василисѣ* минуло теперь двадцать четыре года; но она уже съ двенадцати лѣтъ спрашино, делюбила чтение, и могла въ томъ нѣжномъ возрастѣ писать

письма безъ грамапическихъ ошибокъ къ своимъ подругамъ.

Жена порядочно напугала меня, сказавъ, что чрезвычайная поняпливость и необыкновенный умъ *Василисы*, есть вѣрный признакъ ея недолговѣчности. Сосѣди же увѣрили меня, что отъ эпаго раннего напряженія мозга, зайдетъ у неѣ умъ за разумъ, и что воспитаніе моей дочери, вѣроятно, окончится въ домѣ сумасшедшихъ!

Опечаленный такими предсказаніями, я обобралъ у дочери всѣ книги, тетради, перья, карандаши, и наконецъ, чтобы совершенно погасить въ ея головѣ просвѣщеніе, — велѣлъ ей только шить бѣлье и вязать чулки.

Не пущь-то было!

Василиса познакомила тайно съ одною прівзжею изъ Петербурга Смольяною, и начала съ нею занимать Русскою и Французскою словесностью, географіею, исторіею, физикою.

Черезъ два года *Василиса* проглотила всѣ поэмы *Александра Пушкина*, съѣла доч-

ста прозу *Александра Марлинскаго*, и начала вмѣсто десерта лакомиться какими-то Французскими бусурманами: *Евгеніемъ Сю*, *Бальзакомъ* и *Викторомъ Гюго*.— Во всѣхъ эпихъ ученыхъ продѣлкахъ она призналась мнѣ, на очной ставкѣ съ Петербургскою умницею Смольянкою.

По этому чрезвычайному случаю, я собралъ семейственный комитетъ, подъ председательствомъ моей жены; въ засѣданіи этого комитета положено было: отдать *Василису* для обученія хозяйству къ ея спарой пѣпкѣ Акулинѣ Нефедьевнѣ *Ватрушкиной*, которая была мастерица покупать състные припасы на базарѣ, и торговалась съ барышниками до пѣхъ поръ, пока ихъ бросало въ сильный потъ отъ божбы и проклятія своей души.

Хозяйственные уроки пѣпки имѣли большее вліяніе на учёную племянницу.

Василиса хорошо поняла экономію, ходила сама на рынокъ, варила, жарила и пекла, какъ искусная повариха, но у кухоннаго очага не испарилась страсть ея къ липературѣ.

Всякій легко могъ замѣтить, что умъ *Василисы* не ограничивался печеніемъ пироговъ и караваевъ; но что мысли ея жадно вырывались за предѣлы костюль, горшковъ и блинныхъ сковородъ.

Я собралъ снова мой семейственный комитетъ; но онъ, по разногласію юбочныхъ мнѣній съ мопми предположеніями, разошелся, ничего не рѣша, и участь моей дочери предоставлена была судьбѣ.

Я осушилъ съ горя графинъ настойки, закутался въ гороховую шинель съ шестью воротниками, и съ рѣшимостью ожидалъ новаго бѣдствія на главу свою.

Оно не замедлило посѣпшить меня.

Съ ужасомъ и прелепомъ узналъ я, что дочь моя... сочинила стихи, которые были напечатаны въ покойномъ *Московскомъ Телеграфѣ!*

— О посрамленіе! *Василиса* стихотворка, Фармазонка!— кричали мои сосѣди. — Я за-

хворалъ съ опчальнія и слѣгъ въ постелю.— Никто не хопѣлъ навѣспить больнаго; родня и всѣ окружные дворяне прекрапчили со мною знакомство.

— Спашное ли дѣло, мапушка *Степанида Орешковна*, знашься намъ съ пвоею дочкою,— нашепывали въ уши моей женѣ С*** барыни.

— Она философка, говоритъ свысока, и водитъ компанію съ какими-то Музами.— Ужъ вѣрно они подлаго опродѣл, потому что мы не встрѣчали ихъ ни у предводителя, ни у нашего городничаго.— Вотъ, что говоритъ уѣздная публика про мою *Василису!* Не больно ли слышатъ это моему родительскому сердцу?

Умные люди совѣтовали мнѣ отправить *Василису* въ Петербургъ, по той-де причинѣ, что въ столицѣ на учёную дѣвицу не будутъ глядѣть, какъ на бѣлаго медвѣдя.— Тамъ, говорятъ, умъ вошелъ въ моду, и всякую дѣвицу назовутъ безъ обиняковъ невѣжею, если она ничему не училась, кромѣ панцовъ и Французской болшовнѣ о погодѣ и нарядахъ.

Къ сожалѣнію, я не могу послѣдовать ихъ совѣту; во первыхъ потому, что службу казначеемъ въ уѣздѣ, а во вторыхъ, что жену мою отправитъ въ путь гораздо труднѣе, чѣмъ снарядитъ въ походъ цѣлую дивизию.

И такъ, да будетъ воля Господня! Пусть *Василиса* стихотворспвуетъ въ нашемъ степномъ уѣздѣ; но слово ея будетъ гласъ вопіющаго въ пустынь!—Что же касается до меня, то клянусь честію вѣчнаго популярнаго совѣтника, что я не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на стихотворное бѣснованіе моей дочери; поелику учился только грамотѣ у нашего приходскаго дьячка, и во всю жизнь не чипалъ ничего, кромѣ писмовника *Курганова* и прибавленій къ Сенатскимъ Вѣдомостямъ: о разрѣшеніяхъ и запрещеніяхъ на недвижимыя имѣнія.

О вы, добрые отцы семействъ, воспитанные, подобно мнѣ, на оипѣ и ижицѣ, подъ грозною плѣткою псаломщика! научитесь

изъ моего бѣдствія, какъ предохраняшь своихъ дѣшей отъ заразительнаго посвященія.

Да избавишь васъ Богъ отъ голода, наводненія, холеры и учёной дочери.»

Круг . . . въ.

ЛИХАЧЬ, ПО РУССКИ; ФАШІОНАБЛЬ.

На верхней ступени модной лѣстницы стоить *лихачъ*, *фашіонабль*, произведение туманной Англіи, богатое спранными и причудами не одной своей націи. Его отличительныя примѣты всегда одна и та же; онъ носитъ бакенбарды въ видѣ подковы и бѣлыя перчатки; — бѣлыя перчатки! Это одно изъ непремѣнныхъ условий званія фашіонабля. Плащъ его шипитъ по послѣдней модѣ, уродливой и спранный въ высшей степени. Онъ ни откуда не выходитъ безъ шпоръ; шпоры — его необходимая принадлежность, открытый листъ, паспортъ его. На ходьбѣ онъ держитъ руки въ видѣ наугольника и соображаетъ силу данныхъ ему природою ередствъ нравиться съ отверстіемъ угла, который онъ образуетъ своими локтями. Ему не приходило никогда и въ мысль, что человекъ порядочный можетъ имѣть очень хорошее зрѣніе, и отъ того лорнетъ составляетъ существенную принадлежность его туалета. Прибавьте къ этому яркій глянecъ сапогъ и панталоны съ шпиблетами, а наконецъ умышенное отсуствіе рубашечнаго воротника.

Обыкновенно, когда кланяются, то наклоняютъ голову; но ему это кажется слишкомъ пошлымъ: онъ закидываетъ назадъ плечо и выставляетъ впередъ шею съ какимъ-то отрывистымъ киваньемъ; вопъ его манера кланяться; онъ почитаетъ её очаровательною; у всякаго свой вкусъ.

Дерзость и наглость фашіонабля обнаруживаются на каждомъ шагу, но въ театрѣ онъ становится несносен, нестерпимъ, ненавистен. Онъ приходитъ не за тѣмъ, чтобы слушать, еще того меньше, чтобы позволять слушать другимъ. Главная цѣль его. — обратить на себя вниманіе. Среди

прогавельной сцены, когда всѣ опираются глаза, онъ громко произноситъ какую нибудь глупость, и потомъ хохочетъ, размахиваетъ руками, посылаетъ поцѣлуй фигуранткамъ, приводитъ въ замѣшательство актёровъ, и до того раздражаетъ партнёра, что въ немъ раздаются крики: *Вонъ! вонъ!* Но крики эти возбуждаютъ въ нашемъ фашіонаблѣ восхищеніе, восторгъ; онъ радуется отъ того, что взоры всей залы устремлены на него. Въ антрактахъ, чтобы не уронить себя въ мнѣніи зрительницъ, занимающихъ ложи и галерею, онъ, не переставая шумѣть, лакомится мороженымъ или пьетъ Шампанское. Какъ милъ!

Онъ много говоритъ, но не спрашивайте, есть ли хопя тѣнь мысли въ словахъ его? Нѣтъ; на это онъ не такъ расчётливъ. Онъ говоритъ при томъ очень громко, чтобы каждый изъ его сосѣдей могъ насладиться цвѣтами его краснорѣчія. Онъ столько же заботится о томъ, чтобы сдѣлать гласными свои неблагородные поступки, сколько другіе стараются скрыть ихъ. Онъ хочетъ, чтобы вы знали непременно, что вчера его верховая едва не сломила себѣ ноги; что пакой-то лошадиный барышникъ предлагалъ ему промѣнять его тѣмно-гнѣдаго Англійскаго жеребца на другаго, сѣраго въ яблокахъ; что *Юлія* или *Женни* назначила ему свиданіе, и пр. и пр. Тамъ, онъ вдругъ обращается къ своимъ приятелямъ и говоритъ имъ: «А слышали ли вы новость?» — Вы прислушиваетесь, думая узнать что нибудь занимательное. — «*Эрнестъ* поссорился съ полстою *Полиною*; онъ взялъ на содержаніе *Леопарда*! А *пропорос*, я видѣлъ *Тигра*, и нахожу его *отличнымъ, превосходнымъ*.» — Вы этого не понимаете; очень вѣрю; *Тигръ* и *Леопардъ*, это женщины. Въ прошломъ году, женщины эти, такъ мило окрещенныя именами живописныхъ, назывались бы *восхитительными*, *ослѣпительными*, *изумительными*, *поразительными*, но эпитеты и прилагательныя также выходятъ изъ моды.

Чѣмъ живетъ фашіонабль? Получаетъ ли онъ содержаніе отъ казны, имѣетъ ли по-

мѣспья, или капишала въ оборотѣ? Вопросъ затруднителенъ. Спросите его самаго; онъ спанеть отвѣчать вамъ: «*Я занимаюсь дѣлами.*» Какими дѣлами? Этого никто не знаетъ; а между тѣмъ фашіонабль развѣзжаетъ въ коляскѣ и шильбюри, на борзыхъ, репивыхъ, спашныхъ коняхъ; на гуляньяхъ знатоки любятъ его упряжью и экипажемъ, когда онъ мчится, сидя рядомъ съ какою нибудь женщиною, разубранною перьями, которыя развѣваются по вѣтру. Если не ошибаюсь, то слова: *занимаюсь дѣлами*, имѣютъ обширный смыслъ; обыкновенно они означаютъ: «Я мечу банкъ. — Мнѣ удалось ссудить одного богатаго наслѣдника десятью тысячами франковъ, изъ которыхъ двѣ я отдалъ ему наличными, а на остальныя навязалъ ему старыхъ вещей, лотерейныхъ билетовъ, дѣтскихъ игрушекъ, и п. п.»

Вопъ какими дѣлами занимается фашіонабль!

Впрочемъ, онъ проводитъ жизнь совершенно гулевую, уличную. Онъ посвящаетъ однѣ только подозрительныя общесства, собранія, не пользующіяся хорошою извѣстностью. Это одно изъ тѣхъ негодныхъ, вредныхъ растеній, которыя встрѣчаются въ чистомъ полѣ, но отъ которыхъ свободны земли воздѣланныя и нивы удобренныя.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ОНА БЫЛА ТАКЪ ХОРОША!

(Переводъ съ Французскаго, изъ Поль-де-Кока.)

Обманушый сто разъ, я поклялся больше не любить; я не совѣмъ хотѣлъ убѣгать прекраснаго пола, прелести нашей жизни; но по крайней мѣрѣ быть простымъ наблюдателемъ красоты, какъ образумившійся игрокъ, который уже не садится за ломберный столикъ, а довольствуется тѣмъ, что обсуживаетъ игру другихъ. Но, увы! кляпвы свои люди пишутъ на песокъ. И возможно ли было пропитьсь любви, когда увидѣлъ я *Клотильду*? . . . Она была такъ хороша! . . .

Я забылъ мои кляпвы, я проспился съ благоразуміемъ; но при ней можно ли было сохранить его. Спиройный спанъ, красивыя черты лица, привлекательный голосъ, ангельскую улыбку, всё это соединяла она въ себѣ, чптобъ нравиться; должно было полюбить её; всѣ были ей подвластны; я сдѣлалъ поже, чпто и другіе; но какъ мы всѣ самолюбивы, то я желалъ быть однѣмъ любимымъ. Однажды показалось мнѣ, будто бы я попалъ въ милость; я вѣрилъ всему, чпто только она хотѣла, и какъ сомнѣваться въ томъ, чпто говорятъ прелестныя уста!

Когда оскорбляла она меня своимъ легко-вѣріемъ, тогда одного ея слова было достаточно для разсѣянія всѣхъ моихъ сомнѣній. Она была такъ хороша!

Въ угодность ей, я жертвовалъ всѣмъ, чпто въ жизни для меня драгоценно: пренебрегалъ родными, друзьями, занятіями; я пренебрегалъ всѣмъ, чптобы ею одною занимаюсь; не глядѣлъ ни на кого, чптобы только её одну видѣть; не внималъ совѣтамъ благоразумія, не слушалъ дружескихъ предоставленій, не могъ жить безъ неё,—я жилъ только при ней! Удовлепворяя ея прихотямъ, предупреждая малѣйшія ея желанія, было единственныиъ моимъ занятіемъ. Я распочалъ мое имѣніе, терялъ время, пренебрегалъ моими способностями; но не пужилъ о томъ. Она была такъ хороша!

Въ награду за любовь, я былъ еще обманутъ! Она покинула меня. Припоминая все, чпто я для неё сдѣлалъ, ея неблагодарность, я силлся позабыть о ней, или ненавидѣть столько, сколько прежде я любилъ её. Но всѣ усилія были тщетны! Слабое сердце мое любило еще *Клотильду*; милый образъ ея ежечасно представлялся моему воображенію; я чувствовалъ, чпто все еще обожаю её. Она была такъ хороша!

Увы! блескъ ея былъ непродолжителенъ; она увяла въ цвѣтѣ лѣтъ; смерть похитила её изъ среды радостей, любви и очарованій, коими она была всегда окружена, и коими въ свою очередь столь щедро надѣляла другихъ. Рука Парки не дрогнула при видѣ такихъ

красотъ и любезности! Минутный блескъ ея поухъ

Всѣ окружавшіе её, всѣ искавшіе ея взоровъ, улыбки, позабыли её для другихъ!..... Одинъ лишь я посѣщаю ея могилу; лишь я одинъ сажусь на ту землю, которая прикрываетъ то, что природа создала для моей радости, для моего нещасія. Я забылъ всѣ горести, которыя она мнѣ сдѣлала, а помню только тѣ щасливья минуты, которыми ей былъ обязанъ.

Если бы она была жива и удѣлила мнѣ хотя одинъ часъ любви, я бы почелъ себя щасливѣйшимъ изъ смертныхъ; за эпохъ часъ я бы охотно проспалъ ей всѣ часы, горечи которыхъ она была виновницею.....

Ахъ! она была такъ хороша!

И.... С.....ъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТРАДНОЕ ЧУВСТВО.

Какимъ-то чувствомъ обновилась

Моя тоскующая грудь,

Душа о чемъ-то взвеселилась

И говорила мнѣ: «забудь,

Забудь печальное бывшее!»

И я, послушный, все забылъ,

И мнилось мнѣ, какъ дымъ алое

Видя изъ золотыхъ кадиль.

Душа какой-то нѣгой мѣла;

Понятный говоръ былъ ручья,

И звездъ великая семья

На высяхъ радостно свѣтѣла!

И, полный крошкой пишипы,

Природой насыщая очи,

Я мнилъ, что золото луны

Мѣшалось съ пишиною ночи!

Благодарю Его; Кто далъ

Мнѣ хоть на мигъ покой сей чистый:

Съ нимъ свѣтелъ спалъ я, какъ кристалъ,

Одѣтый гранію лучистой.

О. Глинка.

П Е Л Ъ М Е Н И.

Люблю, когда въ одинъ кружокъ,

Окончивъ дружно вечерокъ,

Семья засядетъ небольшая,

И важно миса суновала

Предъ нами спанетъ на столъ;

Когда—друзей досужной льны—

И хвалитъ и ѣдятъ—пельмени;

Когда, блистая въ хрусталѣ

Рубиномъ, лхонпомъ, княжника

Свой разлиываетъ ароматъ;

Когда смѣлый заговорятъ....

Когда, напѣная, косяника

Въ покаянье полетѣтъ круговой

И пьютъ заздравный тостъ душой.

Черкасовъ.

Тобольскъ.

С H A R A D E.

Dans le plus beau des mois, chacun sait qu'au village

Mon premier offre aux yeux l'émail et la fraîcheur;

L'âge sur mon second fait un cruel ravage;

Et souvent dans mon tout un insipide auteur,

Croyant éterniser un insipide ouvrage,

De fatigue et d'ennui fait bailler son lecteur.

Въ № 94-мъ, помѣщенная шарада значить: *Тюльпанъ*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О драмѣ барона Е. О. Розена: *Осада Пскова*.

(*Окончаніе*).

Вообще драма: *Осада Пскова*, какъ драма, многимъ нравится несравненно меньше, чѣмъ самому г. сочинителю. Онъ въ особой антикриптикѣ (*), не закрывая лица, до небесъ превознесъ свое произведеніе. Удивительный случай: сочинитель пишетъ критику на собственное сочиненіе, хвалитъ себя самого! Быть можетъ, пьеса барона Розена заключается въ себѣ драматизмъ, сокровенный

(*) См. 241-ю Стверной Пчелы.

для земныхъ жипелей, и мы не споримъ съ легиономъ духовъ, коему поправилась она. Не споримъ и пропивъ купца, который въ театрѣ сполько же былъ въ восхищеніи отъ драмы барона *Розена*, сколько отъ него былъ въ восхищеніи баронъ *Розенъ*. Думаемъ, что въ журналѣ не дадутъ мѣста опроверженію литературнаго мнѣнія изъ *Гостинаго двора*. Первое представленіе драмы мы сами видѣли, хотя не были щасливы, подобно г. сочинителю. Около насъ сидѣли зрители, кои всѣ зѣвали, и мы зѣвали: поучительная картина! Словомъ, драма: *Осада Пскова*, по драматизму, вовсе не въ помѣрѣ занимательна, въ какомъ утверждаетъ баронъ *Розенъ*; а антикрипика его, сказать его же новоизобрѣшеннымъ выраженіемъ, есть «фольга» между антикрипиками. Всего важнѣе недостатковъ драмы барона *Розена* толь, что она не драма (*). Если сочинитель не хотѣлъ написать совершенно но-

(*) Не говоримъ особенно о литературныхъ достоинствахъ и недостаткахъ драмы: *Осада Пскова*, потому что она, не составляя во всѣхъ частяхъ новаго сочиненія, имѣетъ одинаковыя литературныя качества съ драмою: *Россія и Баторій*. О послѣдней мы говорили подробно. Въ прибавленныхъ мѣстахъ прибавлены и ошибки пропивъ языка въ прежнемъ вкусѣ барона *Розена*, и красоты въ его изящномъ вкусѣ. Торжества его таланта ищете въ выраженіи святыни Руси, предметовъ, возбуждающихъ народную гордость, чувства прямо — Русскаго. Къ автору драмы: *Осада Пскова*, можно примѣнить его же стихи:

«Знашь мѣда

Ему святая Русь!»

Въ мѣстахъ, взятыхъ изъ прежней драмы, баронъ *Розенъ* сохранилъ большую часть погрѣшностей пропивъ языка, вѣроятно не чувствуя ихъ, какъ ошибки языка, ему неприроднаго. Напр: «Мы Русскіе не возмѣлимъ страха отъ короля.» «Вопь молодець, кого (вмѣсто какихъ) намъ надобно.» и проч., и проч. Новыя ошибки у него очень похожи на старыя: слова не на мѣстѣ, оди и тѣ же сплшкомъ часто употребляемыя, а отъ эпига прекраснѣйшія слова спновятся у барона *Розена* дурными. *Прозоровскіе*, мужъ и жена, нѣжны по-деревенски, безпрестанно говоря другъ другу: сударикъ, голубчикъ и п. п. Волѣ всего мечется въ глаза слово: *широкій*, сильное слово, теперь модное, но нашъ сочинитель *черезчуръ* имъ пользуется. У него все широкое: и разумъ широкій, и мысль широкая! Какъ угодно барону *Розену*, а это широкая ошибка!

ую пьесу, изъ печалей *Курбскаго*, а желаль единственно поставитъ на сцену прежнюю драму, то ей основою могли бы послужить спраспи двухъ *Иоанновъ* и *Годунова*, волненіе и случаи царскаго семейства. Баронъ *Розенъ* какъ-то иначе смоприпъ на театральной поприще. Онъ будто нарочно выбиралъ изъ драмы: *Россія и Баторій*, именно то, въ чемъ нѣтъ драмы: спраданія народныя, дѣла государственныя, полководню города и биваковъ, оди маневры воинскіе. Даже здѣсь, въ сценахъ *Осада Пскова*, изъ корня вырваны всѣ частныя горести, и изъ бѣдствія народа не возвыщается, не покрываетъ драму ни одно семейственное нещасіе чловѣка (*). Наконецъ, не выведя на театръ *Иоанна Грознаго*, поэтъ выбросилъ изъ драмы свѣтъ: происшествіе сдѣлалось темно, цѣль и конецъ войны такъ смутны, что она кажется безъ цѣли, безъ начала, безъ конца. Незнакомый съ исторіею, видя, что Россіане и Поляки сходятся, рѣжутся, шумяпъ, бѣгають, не знаешь изъ чего идетъ вся эпга суматоха, и конечно многіе спрашиваютъ: что это такое?

Сложенная безъ драматическихъ силъ, драма: *Осада Пскова*, отъ эпига самага получила ничѣмъ незамѣлимый въ литературѣ недостатокъ: она скучна, опмѣнно скучна. Въ шумѣ войны, въ многолюдствѣ дѣйствующихъ лицъ, ни къ кому не лежитъ сердце. Пупаница происшествія не оправдлетъ по себѣ горя о комъ нибудь, унылой мысли о спраспяхъ, несбывшихся надеждахъ, новыхъ надеждахъ и неизмѣняющихся чловѣку нещасіяхъ. Пьеса барона *Розена* содана болѣе для ума, а драма предназначена для сердца: судите послѣ того, что-жъ это за театральной пьеса! Сердце не слу-

(*) Сцены спраданій *Курбскаго* и *Прозоровскаго* такъ малы, что почти незамѣтны между сценами *Осады Пскова*. Въ II-мъ дѣйствіи уничтожено явленіе, въ которомъ борются со смертію раненыя и умирающій *Ганорра*, столь трогательно утѣшаемые Псковскими пняками (въ прежней драмѣ). Кромѣ того, безъ эпгой сцены чудно казается, что послѣ продолжительной битвы, послѣ рѣзни не на-животъ, а на-смерть, не оставось ни одного убитаго, на мѣстѣ. Всѣ уцѣлились по домамъ здоровехоньки!

шаетъ описанія событій, простыл сплеме-
нiя случаевъ: оно живетъ грустью, печа-
лю, превогою. Терзаясь зломъ и бѣдствiями
постоящими, спрашась будущихъ, оно ску-
чаетъ покоемъ и безопасностью. Радости
кажутся ему небесными только тогда, ко-
гда улепятъ ошъ него, какъ бы на небо.
Мы наслаждаемся болѣе поскою о щастii,
чѣмъ самимъ щастiемъ. Даже при вспоми-
нанii о былыхъ, сладкихъ грезахъ, не споль-
ко онѣ мечпаются, сколько буря зла, ко-
порая ихъ развѣяла. Радости наши мы ри-
суемъ красками печали! Такъ поселянка, про-
спарую незабытую любовь, про дни пыл-
кихъ удовольствiй, думаетъ закручинившись,
и ошъ восторга души поѣтъ унылую пѣс-
ню! Умъ усаждаεται прiобрѣтенiемъ по-
знанiй и мыслей: сердце—поперями любез-
наго. Какъ умъ, недовольный своею опыл-
ностью, спремишсь узнать опытность дру-
гихъ умовъ: пакъ сердце къ собспвеннымъ
печалямъ хочетъ прививать чужiя печали,
чпобъ было о чемъ погрустишсь. Въ дѣй-
ствительныхъ нещастiяхъ еще сила спра-
данiя превозмогаетъ способность насла-
ждаться: мы ими живемъ уже послѣ; въ
театрѣ, облегчая себя мыслию, чпо передъ
нами вымыселъ, мы въ одно и тоже время
и печалимся и наслаждаемся. Здѣсь на на-
споящiя нещастiя смотримъ мы какъ на
свои прошедшiя: въ безопасности, безъ шер-
занiя, съ однимъ помнмъ удовольствiемъ.
Въ театрѣ печали наши легче, слѣзы слад-
ки, безъ горечи. Степень славы драматика
соразмѣрлется съ пѣмъ, сколько онѣ по-
пнятъ человѣческое сердце. Чѣмъ больше дра-
ма наводитъ печали, пѣмъ она совершен-
нѣе, возвышеннѣе. Выразитъ горестныя на-
ши ощущенiя, свѣятъ съ своего сердца по-
ску на чужiя сердца—вошъ подвигъ драма-
тика. Чувствовали-ль вы, читая незабвен-
наго *Озерова*, какъ въ его трагедiяхъ мысли
и воспоминанiя дѣйствующихъ лицъ, осо-
бенно женщинъ, самые звуки стиховъ—по-
гружаютъ васъ въ непреодолимую грусть?
Его трагедii, по времени, по школѣ, къ ко-
порой принадлежатъ, для насъ устарѣли:
по его чувствованiя, его прекрасныя чув-
ствованiя всегда останутся образцомъ для

драматиковъ. При другомъ направленiи и
должайшей жизни, эпошъ человекъ могъ бы
превзойти оба триумвирана прагиковъ, ко-
ими гордятся Греци и Франци. *Озеровъ*, по
чувствованiямъ своимъ, долженъ быть солн-
цемъ въ мирѣ нашихъ драматиковъ, даже
романтическихъ. Баронъ *Розенъ* въ новой
драмѣ совершенно выступилъ изъ эпога
круга. Еѣ правильнѣе назвать ошибкою,
большою ошибкою, въ пяти дѣйствiяхъ,
чѣмъ драмою!

Равнодушiю, съ коимъ встрѣчена драма:
Осада Пскова, помогло и то, чпо въ ней
мало новаго. Самый предметъ, выбранный
барономъ *Розеномъ*, для него уже старъ.
Раскрывая его новыя книжки, первая под-
вертывается злая мысль: тоже, все тоже!
Въ прѣшемъ сочиненiи баронъ *Розенъ* не
отспааетъ ошъ *Юанна IV-го*: какъ будто
въ литературѣ безъ *Юанна IV-го* нѣтъ и
свѣта Божьяго! Наши прихоти пребываютъ
новаго, новаго, безпреспанно новаго. При-
бавьте къ эпому, чпо поправки и передѣл-
ки въ литературѣ (*) никогда не увѣчива-
лись успѣхомъ, и первое сочиненiе писате-
ля всегда оставалось лучше того же сочи-
ненiя поправленнаго. Кто знаетъ драму:
Россия и Баторiй, потъ пожметъ плечами
надъ драмою: *Осада Пскова*! Такъ умъ испитъ
за самаго себя, отспаивая свою самород-
ность ошъ рукъ гранильщиковъ! Если бы
возможны были поправки въ словесности,
то въ продолженiи вѣковъ конечно нашлись
бы люди, кон болѣе и болѣе поправляя, хотя
одно сочиненiе наконецъ довели бы до иде-
альнаго совершенства. Сами *Гомеръ*, *Дантъ*,
Шекспиръ, вмѣсто того, чпобъ умножать
книги, прудаясь только надъ *Илиадою*, *Боже-*
ственной Комедiей и *Лиромъ*, предспавили бы
намъ созданiя, въ коихъ не было бы ни од-
ной ошибки. Но мечпаетъ объ эпомъ, по-
правлять ошибки въ человѣческомъ произве-

(*) Послѣ *Освобожденнаго Иерусалима*, ни-
кто не спанетъ чппать эпо же поэму, переправлен-
ную *Тассомъ*; второе и третье изданiя *Душеньки*
И. О. Богдановица, тоже исправленныя сочинителемъ,
безъ всякаго сравненiя хуже перваго изданiя (съ чет-
вертаго изданiя поэма печпалась уже въ почности
пронивъ перваго); и проч. и проч.

деніи, значить не понимаетъ человѣка. По-вѣрьте, если бы кто написалъ сочиненіе безъ погрѣшностей: это было бы самое дурное сочиненіе. Мы совершены ошибаться. Непримишленные прослушки ума, находились бы они среди сіяющихъ достоинствъ, шмало не оскорбительны, очень естественны. Развѣ отъ того меньше вы любите румянаго малютку, что онъ безпрестанно виноватъ, и развѣ есть невиноватыя дѣти? Переправка въ изящномъ произведеніи всегда пахнетъ работою, принужденіемъ. Обдуманная красота наплунута; недостатки памъ, гдѣ все исправлялось, гдѣ по видимому не должно бы оставаться недостаткамъ, кладуть на сочиненіе печать какъ бы неисправимаго дурнаго человѣка. Для чего ли ператору, творящему свои созданія играя, будто работнику, исправлять ошибки, поспѣть? Какой онъ работникъ! Въ словесности, если умъ потерпѣлъ неудачу, пуспитъ его на другой предметъ: гулять, рѣзвиться, какъ ему любо; но первое твореніе оставьте со всеми его недостатками. Намъ нравился умъ въ дѣйствіи свободномъ, раскидистомъ, непорочномъ. Не на поприщѣ изящныхъ искусствъ рачетливости, усидливости, спорить съ первымъ вдохновеніемъ! Это на себѣ испыталъ баронъ *Розенъ*: годъ, употребленный имъ на передѣлку драмы, погибъ для славы, какъ не былъ. Впрочемъ, читатели паланта барона *Розена*, за одну ошибку, не забываютъ, что онъ произвелъ превосходные характеры двухъ *Иоанновъ*, *Годунова*, *Курбскаго* и нѣсколько истинно-трагическихъ сценъ въ обѣихъ драмахъ; что онъ новыми прудами легко можетъ стать въ ряду отличныхъ драматическихъ писателей. Русскимъ ли не надѣяться на своихъ братьевъ? Подъ небомъ, подъ копырымъ родился *Озеровъ*, можетъ родиться величайшій прагикъ въ свѣтѣ!

Пп.

4-го Ноября.

MODES.

Une des dernières nouveautés pour les demi-toilettes du matin et les négligés du soir sont les draps de soie satinés, ligne brillante sur un fond mat.

Sans pouvoir désigner quelle nouvelle forme prennent les chapeaux, nous remarquons quelques nuances dans les mille formes qui passent devant les yeux. Le magasin de *Gibus*, place des *Victoires*, offre continuellement quelque perfectionnement aux innovations récentes. En admirant ses jolies fantaisies de bonnets pour la chambre, nous avons remarqué, dans ses nouveaux chapeaux, que les formes sont un peu moins hautes, les bords un peu plus droits et tombant légèrement sur le devant.

Les hommes portent toujours les mêmes cannes. Les jons à tête d'or ou de platine pour le matin; le soir du laurier à tête d'or une pierre.

Les gants jaunes, maïs ou paille pour le matin, et jaune paille pour le soir.

Des foulards pour mouchoirs de poche.

МОДЫ.

Одна изъ послѣднихъ новостей для упренныхъ полу-нарядовъ или вечернихъ negligé, атласистые *draps de soie*; блестящія полоски по маповому грунту.

Не умѣя означить новой формы шляпокъ, мы замѣчаемъ нѣкоторыя ошпѣнки въ тысячи фасонахъ, попляющихъ предъ глазами. Магазины *Gibus*, на площади *des Victoires*, представляютъ безпрестанно какое нибудь усовершенствованіе въ нововведеніяхъ. Удивляясь его красивымъ, прихотливымъ чепчикамъ для комнаты, мы замѣтили въ новыхъ шляпкахъ, что тулбы немного ниже, поля прямѣе и наклоняются нѣсколько напередъ.

Мушны употребляютъ все шѣ же прости простниковыя, съ золотою или платиновою головкою, для утра; лавровыя съ золотою головкою и камнемъ для вечера.

Перчатки желшыя, цвѣща маисъ или соломенныя, для утра, и желшо-соломенныя для вечера.

Для носовыхъ платковъ фулары.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 96.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 1 ДНЯ 1854 ГОДА.

Признаться надобно: не намъ,
Сугробовъ сѣверныхъ сынамъ,
Принаровливаясь къ дѣшамъ Юга!
Мятежей духъ не создалъ насъ
Для ихъ блистательныхъ проказъ.

Баратынскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НАСЛѢДСТВО.

Божественный мепалъ, красящій испугановъ,
Живошворящая душа пуспыхъ кармановъ;
Подпора спариковъ, упѣха молодыхъ;
Причина добрыхъ дѣлъ, нерѣдко и худыхъ!

Фонъ-Визинъ.

Въ маленькомъ заштатномъ городкѣ
жилъ спаричокъ *Продувалкинъ*, мѣщанинъ.
Онъ занимался мелочною торговлею въ соб-
ственной своей лавочкѣ подъ домомъ. Мы не
поспавимъ его въ примѣръ честности. Со-
вершенная честность очень рѣдкая вещь и
не въ шоргашахъ; но, по крайней мѣрѣ, онъ
плутовалъ меньше, чѣмъ другіе; а между слѣ-
пыми и кривой король.—И пакъ, шамошніе
жители охотнѣе покупали товаръ у него,
нежели у другихъ купцовъ, его товарищей.
Припомъ онъ былъ умѣренъ въ образѣ жи-
зни: презвѣ, бережливъ, не алченъ къ боль-
шой прибыли, не пускался на явось; съ
такими качествами не всегда богатѣютъ,
но рѣдко и бѣднѣютъ. Фортуна не всегда

благопріятствуетъ тѣмъ, въ которыхъ ма-
ло честны и правды; не всегда гонитъ тѣхъ,
въ комъ есть умъ и совѣсть. Это поклѣпъ
на своенравную богиню щастія! И нашъ *Ни-
кита Иванычъ*—такъ величали спаричка *Проду-
валкина*—трудодами своими и бережливостію—
зашибъ денежку, и во всѣхъ отношеніяхъ
могъ называться *зажиточнымъ мужичкомъ*.

Но въ чужой рукѣ ломать всегда кажеп-
ся толще; и сосѣди *Никиты*, щипая его ба-
рыши, никогда не щипали ни убытковъ его,
ни накладовъ; они полагали его вчепверо
богаче, нежели какъ онъ былъ въ самомъ
дѣлѣ.—Нѣкоторые прашивали у него займы
денегъ, но онъ имъ не давалъ,—можетъ быть
по весьма достаточной причинѣ,—за это они
провозгласили его скрягою. Одинъ слухъ по-
могаетъ другому; скупость и богатство
нѣсколько сродни другъ другу; скупыми мо-
жно называть только богатыхъ: «У такова-
то, говорятъ люди, должно быть денегъ
много, а испрачиваетъ-то онъ мало; слѣдо-
вательно, онъ скупъ.»—«Такой-то скупъ;
слѣдовательно, онъ накопилъ много денегъ.»

Вопь логика большой часпи людей въ заключеніяхъ о своихъ ближнихъ.

Никита былъ вдовъ, имѣлъ сына на возрастѣ, котораго звали *Семёномъ*. Не сполько щука гоняется за карасями, сколько въ купеческвѣ и мѣщанствѣ свахи напускаются на жениховъ и на невѣстпъ; разница только въ помѣ, что опъ одной щуки бѣжипъ цѣлое спадо мелкихъ рыбокъ, а за каждымъ женихомъ или невѣстою, изъ порядочныхъ, (по еспъ достаточныхъ) гонится спая свахъ. Съ помощію одной изъ сихъ необходимыхъ въ городѣ тварей, супружество *Семёна Никитига* совершилось безъ дальнихъ романическихъ препяпствій; сватовство не переходило изъ завязки въ завязку, изъ приключенія въ приключеніе.

Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай. Ни при какихъ случаяхъ не ведепся сполько разныхъ обычаевъ и обрядовъ, какъ при сватбахъ: всѣхъ перечестъ невозможно. Однако же, при всемъ ихъ разнообразіи, существуетъ во всѣхъ деревняхъ, городахъ и пригородкахъ одинъ общій обычай, наблюдаемый строже всѣхъ прочихъ: при заключеніи брачнаго союза принимать въ соображеніе приданое невѣспы и достатокъ жениха больше, чѣмъ всё другое прочее. Обычай весьма старинный.... слѣдственно и весьма почтенный.

Сей обычай рѣшилъ судьбу и *Семёна Никитига* съ его суженою. Никогда бы не взялъ опъ *Арины Кузьминишны*, если бы за ней не сполько было приданаго; никогда бы и она не подумала выпипи за *Семёна Никитига*, если-бъ споустая молва не провозгласила о желѣзномъ сундукѣ опца его.—Мы признаемъся, хопя противъ воли, хопя подвергаясь негодованію чувствительныхъ сердець, что если выборомъ супружества руководствуетъ благоразуміе, а не безуміе, то нѣкоторая соразмѣрность званія и достатка съ обѣихъ споронъ не еспъ совсѣмъ пустое дѣло; но мимоходомъ замѣтимъ, что въ числѣ невѣсппъ, которыхъ предлагали *Семёну Никитигу*, была одна, у которой приданаго было четвертою частію меньше противъ приданаго *Арины Кузьминишны*; за то сама она была вдвое пригожѣе, впрое умнѣе и въ де-

спяпъ разъ добрѣе. Также и *Арина Кузьминишнп* ея доброхоты намѣкали объ одномъ ловкомъ, доброкровномъ молодцѣ, которій *Семёна Никитига* запкнулъ бы за поясъ, но опецъ его не слылъ ни такимъ богачемъ, ни такимъ скрягою, какъ *Никита Иваныгъ*; а пошому благоразумная *Арина Кузьминишна* и слышашъ не хотѣла о женихѣ низшаго разбора, когда дѣло заводилось уже о суженомъ перваго сорта.

Вопь, домъ старика *Никиты*, дополь тихій, пустынный, украсился и оживился при-супствіемъ молодой хозяйки. Набѣлёная, на-румяненная, такъ что сухая краска сыпалась съ неѣ, какъ щекатурка, съ насурмленными бровями, съ жилками, выведенными синимъ карандашемъ, съ зубами чѣрными, какъ пережѣнный кофе, словомъ, во всѣхъ правплахъ погдашней (назадъ пому тридцать лѣтъ) купеческой моды жеманная и манерная невѣспка *Продувалкина*, казалась посковымъ херувимомъ на вербѣ спарому своему свѣкру, которій спановился хиль глазами, хопъ и немного чипалъ на своемъ вѣку.

Когда пройдетъ наша пора, когда ничто не льспипъ уже нашимъ охладѣвшимъ чувспвамъ, мы оживляемся погда радостями нашихъ дѣпей, если ихъ искренно любимъ. Иной старикъ любуется на первыхъ дняхъ женою своего сына едва ли не больше, чѣмъ любовался во время оно собспвенною своею женою. Такъ было и съ *Никитой*.

Невѣспка почитала старика свѣкра, кланялась ему въ поясъ, исполняла рысью его приказанія; молилась въ слухъ, и бапюшку-свѣкра поминала на упренней и на вечерней молитвѣ. Старикъ будто переродился; опъ пвердилъ сыну разъ по пяти въ день, чтобы опъ любилъ жену свою какъ душу. Такъ прошло около года; невѣспка казалась свѣкру съ каждымъ днемъ послушнѣе и покорнѣе; опъ былъ ласковѣе и ласковѣе; сосѣди завидовали ихъ семейспвенному согласію.

Вопь наконецъ родился и внучекъ; старикъ чуть не сошелъ съ ума опъ радости. Младенцу дали имя *Никиты*. «Кабы ты, какъ выроспешъ, спалъ эдакой же разумной, какъ пвой дѣдушка!» говаривала мапъ надъ ре-

бенкомъ, разумѣется такъ, чтобъ дѣдушка могъ это слышать.

Но радость возвращаетъ молодость душъ, а не тѣлу. Дряхлость и недуги привели съ собою и лѣнь. Спарикъ потерялъ охоту къ торговымъ хлопотамъ. Онъ подумалъ, и рѣшился передать свой промыселъ и имущество сыну.

Домъ и лавка написаны были на имя покойной *Семёновой* матери и, по праву наследства, принадлежали ему.

Вотъ однажды *Семёнъ* и жена его сидѣли въ досужный часъ передъ споломъ наединѣ, и только было начинали перебраниваться, какъ вошелъ къ нимъ спарикъ *Никита*, съ важнымъ, но веселымъ лицомъ; въ одной рукѣ держалъ онъ огромный ключъ и лавочныя книги, въ другой спаринный кованный ларецъ, котораго доселъ никогда не видалъ *Семёнъ*. Съ нѣкоторою поржешвенностью спарикъ положилъ все это на столъ, и началъ рѣчь: «Ну, мой сынъ дорогой, чадо мое милое, *Семёнъ Никитичъ!* я спаръ и дряхлъ, какъ ты самъ видишь, пора мнѣ отдохнуть. Вотъ тебѣ мое родительское благословеніе, навѣки нерушимое, вотъ тебѣ все, что я накопилъ трудами на вѣку моемъ. Живи да поживай, спрой свои дѣла самъ съ Божіею помощію, а мнѣ спарикъ, кромѣ лежанки, пока Богъ не уберетъ мои кости, ничего не надобно.» Сынъ упалъ въ ноги опцу, невѣстка также; за симъ полились изъявленія тёплой благодарности.

Наконецъ спарикъ ушелъ. Только онъ за дверь, какъ невѣстка опроремью бросилась опцирать ларчикъ: много ли въ немъ *благословенія*? Сколько въ лавкѣ повару, это она знала; но какъ великъ капиталъ, который спарикъ берегъ, не пуская въ торговлю, это неизвѣстно было и сыну его, а потому оставалось доселъ тайною и для *Арины Кузьминичны*. — Что же чувствовала она, когда увидѣла, что существенность далеко, далеко не соотвѣтствуетъ ея ожиданіямъ, что людская молва, которую такъ часто называютъ пустою—и её обманула?

Сначала пришло ей на мысль, что свѣкоръ обманываетъ, что онъ зарылъ гдѣ нибудь горшокъ съ деньгами про чёрный день. Не дальше

какъ на другой день, напѣвая благодарность бапюшкѣ-свѣкру, умѣла она намекнуть самымъ тонкимъ образомъ, что дѣдушка, по великому своему благоразумію, оставилъ чай что нибудь еще въ запасецъ. По спарикъ съ такою искренностью увѣрялъ её, что любя ихъ, все отдалъ до послѣдней полушки,—что всѣ дальнѣйшія сомнѣнія на этотъ щётъ разсѣялись въ умѣ *Арины Кузьминичны*.

Вотъ, мало по малу, начала она охлаждать къ своему свѣкру. Тутъ же, на бѣду, ребенокъ её сдѣлался болѣнъ, она и день и ночь съ нимъ нянчилась, а съ дѣдушкой и слова вымолвить некогда. Материнское сердце! Въ хлопотахъ, а иногда и безъ хлопотъ, невѣстка часто и не слышитъ, что свѣкоръ ей приказываетъ; вотъ, говоря съ нимъ уже и не глядя на него, да и говоритъ сквозь зубы. Вотъ начала она покрикивать на своего мужа и при бапюшкѣ-свѣкрѣ.

Вотъ пріѣхалъ изъ другаго города проуродный дѣдушка *Арины Кузьминичны* и остановился у племянницы. Гостю опвели свѣтѣлку, которую занималъ спарикъ; а его перемѣстили тутъ же на чердачкѣ въ маленькій тѣмненькій чуланчикъ. Гость попилъ, уѣхалъ, а спарика на старое мѣсто не переводятъ; свѣтѣлка спойтъ пуста и заперта.

Спарикъ давно сдѣлалъ привычку къ крѣпкому, цвѣточному чаю, а любезная невѣстка спала подавать ему спитой, холодный и въ прикуску.

Сынъ спарика *Семёнъ* не имѣлъ никакого характера; жена же его была упряма, какъ чортъ, а скупа, какъ дьяволъ. По законамъ нравственнаго міра, душа, неимѣющая собственныхъ своихъ склонностей, подвергается вліянію склонностей чужихъ, сильнѣйшихъ; слѣдовательно *Семёнъ* долженъ былъ подражать своей сожительницѣ. Спарикъ иногда жаловался сыну то на тѣсноту, то на темноту его чулана, то на холодъ, то на голодъ; но сынъ соболѣзновалъ о родителяхъ про себя и не говорилъ ни слова женѣ своей, которая разбранила бы и мужа и свѣкра, такъ какъ это было её любимое упражненіе и днёмъ и ночью, и до обѣда и

послѣ обѣда. Короче доложитъ, что если бы имѣла она при языка, то и тогда бы каждому порознь была работа.

За обѣдомъ, забопливая невѣспушка пеклась, чтобъ свѣкоръ не обременялъ желудка. Спать ложился онъ часпенъко и безъ ужина.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СЛОВЕСНОСТЬ.

МИКРОСКОПЪ.

Микроскопъ есть безспорно одно изъ удивительнѣйшихъ орудій, изобрѣженныхъ гениемъ челоѣка. Создатель скрылъ оныя воровъ нашихъ цѣлыя міры и пворенія; но съ помощію микроскопа, наше зрѣніе дѣлаеть въ нихъ ежедневно самыя любопытныя открытія. И когда возвращаешь изъ эпитъ чудныхъ спранствованій въ мірахъ невидимыхъ, когда опнимаешь глазъ опъ волшебнаго спекла: то чувствуешь какую-то благородную гордость, какъ-бы послѣ далекаго и многотруднаго путешествія. Зрителю представляется особенно много спранныхъ предметовъ для разсказа послѣ изумительной картины, являемой солнечнымъ микроскопомъ. Я видѣлъ самъ, какъ самый легкій и тончайшій газъ, служащій плечамъ красавицъ покровомъ, до того прозрачнымъ, что они кажутся обнаженными; я видѣлъ самъ, какъ эпотъ газъ, освѣщенный яркимъ сіяніемъ, представлялся на бѣломъ полотнѣ, наптанутомъ въ нѣкоторомъ распояніи опъ микроскопа,—наспящею оконною рамою съ широкими клѣпками. Капля грязной, сподчей воды являла зрѣлище ужасное и вмѣстѣ отвращительное: чудовища самаго спранныаго вида перебѣгали взадъ и впередъ, кружились и спадкивались въ эпотъ океанъ съ обыкновенною быстротою; но между сими змѣвидными живописными одно, превосходившее прочихъ величиною и походившее на крокодила, безпрестанно пожирало другихъ, мельчайшихъ, какъ эпотъ обыкновенно водится и въ нашемъ видимомъ мірѣ. Крокодилъ эпотъ, въ пу минушу, какъ мы его увидѣли,

лакомился живописнымъ меньшаго объѣма и имѣвшимъ видъ угря: нещасная жертва рвалась, извивалась, билась головою о голову своего ужаснаго пропивника, но всѣ ея усилія были напрасны, и—невѣрояпно! капля крови показала намъ, что битва между ними была смертельная. — Какъ ужасно было бы, сказалъ я, видѣть всегда эпитъ чудесныхъ пварей въ ихъ наспящемъ видѣ. — «Ахъ! милоспивый государь, опивчалъ одинъ изъ зрителей: вы напоминаете мнѣ эпимъ плачевную участь одного поварища моего дѣспства и воспитанія.» — Тупъ онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее, свиспящимъ произношеніемъ, по которому я догадался, что говорю съ Англичаниномъ.

«Мой бѣднй *Добсонъ* родился въ одномъ со мною городѣ. Родители наши издавна были друзьями, а потому мы скоро свыклись и почти никогда не распавались. Игры, ученье, занятія, прогулки, все было общее между нами, и дружба наша прекратилась лишь за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, вопъ какимъ образомъ....»

Тупъ разскащикъ замѣнилъ, что другіе зрители начинаютъ выходить: мы послѣдовали ихъ примѣру, и дорогою онъ досказалъ мнѣ свое происшествіе.

«Съ самыхъ пѣхъ поръ, какъ начали развиваться понятія *Добсона*, онъ получилъ особенную наклонность, сдѣлавшуюся въ послѣдствіи наспящею спрасстію, къ физическимъ наукамъ: классическіе памятники Греціи и Рима, исторія, языки, словомъ все было имъ оставлено, чтобы свободнѣе предаться созерцанію природы, и когда ему минуло двадцать лѣтъ, то не осталось живошнаго, насъкомаго, былинки, которыхъ бы онъ не изучилъ съ любовью; на небѣ не осталось звѣзды, которой бы не узналъ онъ мѣста, вида и сіянія. Свѣтъ казался ему прекраснымъ, и все жило, дышало въ глазахъ его, все говорило ему языкомъ, для него понятнымъ. Телескопъ сблизалъ его съ свѣтлыми небесными; микроскопъ открывалъ ему насъкомое, ползающее въ правѣ, и мало по малу глазъ его, приученный къ магическимъ дѣспвіямъ оптики, занялъ опъ нихъ

какое-то чудное свойство. Съ тѣхъ поръ, каждая песчинка, каждая мошка, спали представлялись ему въ увеличенномъ видѣ; свойство это было еще усилено воображеніемъ, и наконецъ, онъ дошелъ до того, что съ перваго взгляда могъ видѣть самую опдаленную звѣзду на такомъ распояніи, на какое привела бы её лучшая зрительная труба, и самое маленькое живописное въ такомъ размѣрѣ, какой оно должно бы было получить отъ дѣйствія сильнѣйшаго изъ извѣстныхъ ему микроскоповъ.

«Такое странное расположеніе органовъ могло бы сдѣлаться для него гибельнымъ, породивъ въ немъ какія нибудь постоянныя ужасающія видѣнія; но минула, въ копирую это должно было случиться, еще не наступила. Созерцаніе безконечно великихъ и безконечно малыхъ планетъ и насѣкомыхъ, не попрепятствовало ему обратить вниманіе на одну прекраснѣйшую дѣвушку, какую когда либо создавала природа. Глаза ея были самаго чистаго небснаго цвѣта, уста дышали свѣжестію, а каштановые волосы роскошными кудрями висѣли по плечамъ. *Добсонъ* увидѣлъ её и полюбилъ до безумія: съ той поры на землѣ и на небѣ для него не спало другой прелести; и нужно ли было ему вынуждать свое зрѣніе къ усиленію, чтобы увидѣть невидимое, когда видимое было такъ прекрасно?

«Всѣ друзья его, и я первый, радовались такой щастливой переменѣ, избавившей его отъ гибельной мономаніи, которая предъ тѣмъ грозила овладѣть имъ: переменна эта дѣйствительно послужила къ его спасенію, потому что въ то время во всей вселенной онъ видѣлъ одну только обожаемую имъ дѣвушку, которая скоро спала его невѣстою. Онъ былъ вполне щастливъ и совершенно позабылъ о своихъ микроскопическихъ наблюденіяхъ. Будущая жена его сама привела ихъ ему на память, изъявивъ однажды желаніе видѣть въ микроскопѣ едва примѣтное насѣкомое, которое она подняла съ земли; это желаніе вдругъ обратило его къ прежнимъ склонностямъ, и онъ тѣмъ ревностнѣе предался имъ, что сама невѣста

его раздѣляла ихъ. Онъ возобновилъ свои оставленные занятія, и голова его снова воспламенилась такъ, что онъ едва не лишился разсудка.

«Онъ не забывалъ, однакоже, своей невѣсты; но теперь, въ его мечтаніяхъ о будущемъ щастіи, занимали главное мѣсто микроскопическія наблюденія, которыхъ онъ надѣялся раздѣлять съ нею. Онъ бредилъ выпуклыми стеклами и микроскопами и охотно готовъ былъ наполнить ими свадебную корзинку, предпочитая оптическое стекло самому чистому алмазу. Разумѣется, что невѣста не раздѣляла съ нимъ этого мнѣнія.

«За нѣсколько дней до щастливаго дня, назначеннаго для ихъ соединенія, онъ отправился въ Лондонъ, чтобы сдѣлать нужныя покупки. Тамъ ему попалась на глаза прехъ-аршинная афиша, въ которой объявлялось о новомъ микроскопѣ, освященномъ поддѣльнымъ свѣтомъ, столь же яркимъ, какъ свѣтъ солнца, и увеличивающемъ предметы въ 76,000 разъ. О! на этотъ разъ онъ не въ состояніи былъ владѣть собою; вся кровь бросилась въ немъ къ сердцу, и онъ пришелъ въ такое сильное волненіе, какого не испытывалъ никогда, даже будучи вмѣстѣ съ своею прекрасною невѣстою. Все въ глазахъ его приняло увеличенный видъ: прехъ-аршинная афиша показалась ему саженей въ пятнадцать длиною, и въ этомъ жару, онъ вошелъ въ залу, въ которой показывался микроскопъ, цагнувъ голову, хотя двери были на цѣлую сажень выше его роста.

«Онъ увидѣлъ зрѣлище, котораго мы были сей часъ свидѣтелями,» продолжалъ Англичанинъ: «но дай Богъ, чтобы оно не оставило въ насъ того впечатлѣнія, какое произвело на него. Онъ вышелъ оптуда мрачный, угрюмый, безпрестанно закрывал рукою глаза, и спуская осторожно, какъ будто бы онъ шелъ на краю пропасти, или проходилъ мимо какой нибудь громады, грозившей паденіемъ. Онъ возвращался въ деревню, въ которой назначенъ былъ свадебный обѣдъ, и я догналъ его при выходѣ изъ города. Но едва мы прошли нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ онъ задрожалъ и пустился бѣжать,

какъ будто увидя ужасное чудовище: это былъ жукъ, спокойно ползшій по дорогѣ.

«Черезъ нѣсколько минутъ, мнѣ удалось однакоже, привести его въ себя, и скоро мы прибыли въ домъ отца невѣсты, гдѣ уже все было приготовлено къ обѣду. *Добсонъ* остался въ споловой, не говоря ни слова, и почти вовсе не открывая глазъ. На вопросъ, что онъ чувствуетъ, онъ отвѣчалъ, что ему немного дурно, и что у него кружится голова. Тогда всѣ гости сѣли за столъ, не безпокоясь болѣе о *Добсонѣ*, и веселость начала уже одушевлять собесѣдниковъ. Невѣста была прелестнѣе, чѣмъ когда либо; всѣ смѣялись, шутили, разговаривали, какъ вдругъ *Добсонъ* съ крикомъ вскочилъ со стула, устремивъ на столъ блуждающіе взоры.

—«Ай! ай! посмотрите, какія спрашныя чудовища; они сожрутъ васъ!»...—вскричалъ онъ, указывая на блюдо жаворонковъ.—А эта огромная пицца по срединѣ! Это исполинскій коршунъ, это кондоръ!— То былъ просто цыпленокъ. Всѣ испугались, увидя жениха въ такомъ безумномъ состояніи: за кускомъ хлѣба онъ протягивалъ обѣ руки, какъ будто хотѣлъ обнять мачту; когда же, указывая на мягкіе и прекрасные волосы невѣсты, онъ спросилъ, зачѣмъ была паша эта связка канатовъ, то не смотря на общій страхъ, никто не могъ удержаться отъ смѣха. Очевидно было, что имъ снова овладѣло прежнее безуміе; но на этотъ разъ, не могли ничѣмъ помочь ему. Свадьба не состоялась, и съ тѣхъ поръ мой бѣдный *Добсонъ* живетъ въ домѣ сумасшедшихъ и перипитъ участь самую плачевную. Съ ужасомъ опворачивается онъ отъ воды, которую ему наливаютъ; отбрасываетъ хлѣбъ, который даютъ ему и въ котлоромъ онъ видитъ множество червей; безпреспанно наклоняетъ голову, какъ будто опасаясь, чтобы какая нибудь планета не раздавила его; не смѣетъ ходить, потому что каждая былинка кажется ему деревомъ, о которое онъ боится разбить голову: какая жизнь! Поблагодаримъ Провидѣніе за то, что Оно ограничило силу нашего зрѣнія.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РОМАНСЪ.

Въ здѣшней рощицѣ тѣнистой
Паша сердце я вручилъ,
 И въ награду спроси чистой
 Сердце *Паша* получилъ.

Здѣсь, подъ тѣнію древесной,
 Клялся я—ей вѣрнымъ быть,
 И во всей лишь поднебесной
 Одну *Пашеньку* любилъ.

Здѣсь и *Пашенька* клялася
 Вѣчно мнѣ принадлежать,
 И, со мной хоть разлучася,
 Никогда не измѣнять.

Здѣсь мы часто съ ней видались,
 Ахъ! вечернею порой,
 И въ восторгахъ почивались
 Всѣхъ щасливѣй подъ луной...

Но, увы! смерть подкосила
Пашу милую мою:
 Здѣсь теперь—ея могила!
 Здѣсь теперь—я слѣзы лью!

Л. Рѣкинъ.

1827.

Курганъ.

ШАРАДА.

Когда восторгъ, пль изумленье,
 Души и сердца восхищенье
 Желаемъ изъяснить:
 Тогда начальное мое провозглашаемъ.
 Въ концѣ военное орудіе встрѣчаемъ.
 Зимой цѣлое заведено носить;
 Оно естъ мѣхъ звѣриный:
 Бобровый, бѣлицій, медвѣжій, соболиный.

Въ No 25-мъ, помѣщенная шарада значить: *Pré-face*.

К Р И Т И К А.

Мои замѣтки на атласъ г. Максимовича, изданный братьями Глазуновыми.

Атласъ сей составленъ не только не рачительно, но съ необыкновенными погрѣшностями, а сверхъ того не по географіи К. И. Арсеньева, какъ сказано въ заглавіи онаго, довольно неизящно изложенномъ, но по собственной фантазіи кого-то, и съ присокупленными старыми картами, уже давно изданными и взятыми изъ стараго атласа Лани, а сюда лишь вклеенными, безъ всякаго дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Я не спалъ бы говорить объ эптомъ, если-бъ атласъ г. Максимовича не былъ имъ самимъ предназначенъ для учебныхъ заведеній, а эпгаго рода изданія должны обращать тщательное вниманіе диллературной полиціи. Узнавъ изъ No 181-го Сѣверной Пчелы о выходѣ въ свѣтъ сего атласа, я полагалъ, что онъ лучше единственнаго у насъ въ семь родѣ атласа, состоящаго изъ 35 картъ и составленнаго опытнымъ нашимъ географомъ г. Позняковымъ, провѣрившимъ свой атласъ дважды съ географіею г. Арсеньева. Но вообразите, если можете, мою досаду: войдя въ лавку бр. Глазуновыхъ, я потребовалъ атласъ г. Максимовича, развернулъ поданную мнѣ шепрадь, съ 35-ю же весьма посредственно гравированными картами и увидѣлъ, что извѣстная рѣка Сена, названа Сейною, вѣроятно отъ слова Seine, въ которомъ переводившій принялъ Латинское *i*, за Русское *й*;—Севилла—Севилья (см. карту 5-ю), Гренада—Гранадю, Валенція—Паленцію; Испанія, Богъ вѣсть по какому особенному къ ней расположенію, вся испещрена ненужными почповыми дорогами, между тѣмъ, какъ прочія карты сею излишнею милостію не пользуются. Все это взято съ испорченнаго Савинковскаго пресловутаго атласа, столь хорошо окрикованнаго покойнымъ Орестомъ Михайловичемъ Соловьевъ въ 243 и 248 NNo Сѣв. Пчелы 1832 г. На картѣ Италіи вдругъ вижу Тирренское море (!?) и какое-то отдѣльное отъ неѣ Иллирійское королевство, тогда какъ, по всѣмъ географіямъ въ мірѣ, Иллирія соста-

вляетъ часть Сѣв. Италіи, какъ Крымъ часть Россіи. Въ картѣ Европейской Турціи вижу Букарештъ, Римникъ, Медіа, Кнспенджи (вмѣсто Киспеньджи) Селивриа (!?) и прочія прелести, какъ-то: *Польскіе острова*. Кромѣ сего 7 картъ эпгаго хваленаго атласа взяты цѣликомъ изъ Лани, а именпо: NNo 20, 24, 26, 27, 28, 30 и 34 и въ томъ числѣ и карта Россіи, дурно выгравированная, и которую должно бы издать какъ можно тщательнѣе и какъ можно вѣрнѣе, тѣмъ болѣе, что весь атласъ предназначенъ, какъ я выше сказалъ, для юношества. — Чтوبъ увеличить списокъ картъ, атласъ добавленъ картами совершенно излишними, какъ напримѣръ: картами Шотландіи, Ирландіи, Англіи, которыя повсюду вмѣщаются въ одну карту, и п. п. Но всего не перечесать и въ недѣлю: нужны томы для знаменованія эпихъ грубыхъ погрѣшностей. Вы спросите меня, почему я утвердительно говорю, что помнудный атласъ предназначенъ для юношества; а вопъ почему: г. Максимовичъ самъ печатно объявилъ, что онъ при составленіи его принималъ въ соображеніе географію Арсеньева, которую, скажемъ мимоходомъ, величаетъ онъ на титулѣ *географіи* (!!!); а какъ сія географія, всѣмъ извѣстно, издана не для кабинета ученаго, а для училищъ: то очевидно, что и атласъ, составленный по оной, назначается (увъ!) пособіемъ при ея преподаваніи юношеству; но, зачѣмъ же г. Максимовичъ испестрилъ его такимъ множествомъ излишнихъ названій, которыя естественнымъ образомъ ускальзываютъ при преподаваніи гимназическаго курса географіи, и лишь затемняютъ и обременяютъ память и понятія учащагося? И такъ, атласъ г. Максимовича не удовлетворителенъ въ отношеніи къ вѣрности и правильности, наполненъ излишностями и старыми картами, совсѣмъ неидущими къ географіи Арсеньева и слѣдовательно не принаровненъ къ означенной географіи. — Послѣ эпгаго невольнаго оспается сказать, что изданный атласъ г. Позняковымъ въ 1832 году оспается у насъ на Руси донинѣ лучшимъ и наиболѣе къ географіи Арсеньева приспособленнымъ: его

безъ страха и упрека совѣсти рекомен-
дуемъ родителемъ и наставникамъ.

Ив. Урюмцевъ.

M O D E S.

Enfin sont arrivés ces premiers froids qui font son-
ger aux manteaux et rendent nécessaires les chapeaux
de satin ou de velours. — Enfin sont commencées
ces pluies d'automne qui amènent les guêtres noires
et les robes doublées, chaudes et sombres.

Dans ce moment on est ébloui des mille nouveau-
tés qui se pressent en foule dans les grands magasins;
partout on déploie les satins éclatans, les étoffes de
laine plus simples et plus modestes; et après ce que
nous avons dit des maisons premières où nous trou-
vons la mode à peine à son premier jour, il nous
reste à parler des bons magasins où l'on est sûr de la
rencontrer encore dans sa primeur.

De ce nombre est le *Minaret*, boulevard Poisson-
nière. Joli magasin élégant qui commence avec la sai-
son, où tout est nouveau et recherché; où l'on re-
trouve l'écharpe que *Caupen* exposa avec tant de suc-
cès aux pavillons de la Concorde, et des fantaisies
toutes particulières que nous ne revoyons nulle part.
Nous y avons remarqué de magnifiques *draps de soie*
écossais, dont les nuances variées, habilement, com-
posaient des carreaux richement élégans. Nous en ci-
terons, entre autres, un uni sur noir, et un autre vert
et pensée; mélanges les plus heureux que l'on puisse
désirer.

Les *levantines écossaises* à carreaux formés par un
double filet délié comme un fil, font de belles robes
de promenade; et elles peuvent, ainsi que les draps
de soie, être employées pour manteaux. Un des plus
jolies nous a semblé un fond marron foncé sur lequel
passent des lignes contrariées noires et blanches.

Une charmante étoffe, qui remplace absolument les
nuances du foulard, avec lequel elle offre beaucoup
de ressemblance, est le *satin d'Écosse*, tissu croisé,
aussi léger que le foulard, mais plus souple encore et
plus soyeux.

Pl. No 35. Modes de Vienne.

M O D Ы.

Наконецъ появились первые холода, которые
заспаляютъ думать о плащахъ и дѣлають не-
обходимыми атласныя или бархатныя шляпки.
Наконецъ начались эти осенніе дожди, которые
влекутъ за собою чѣрные шпидлеты и плащя
на подкладкахъ, теплыя и шѣмныхъ цвѣтовъ.

Теперь ослѣпляютъ пысячи новостей, находя-
щихся въ большихъ магазинахъ; вездѣ развершы-
ваютъ блестящія атласы, скромнѣе и проснѣе—
шерстяныя матеріи; и послѣ того, что мы го-
ворили о первыхъ магазинахъ, гдѣ мы находимъ
моду въ самомъ ея началѣ, намъ остается ска-
зать нѣсколько словъ о хорошихъ магазинахъ, гдѣ
вспрѣтите еѣ вѣрно еще въ первенствѣ.

Въ этомъ числѣ *Minaret*, на бульварѣ Pois-
sonnière. Красивый, щеголеватый магазинъ, начи-
нающійся съ временемъ года, гдѣ все ново и оп-
лично; гдѣ вы увидите шарфъ, который *Caupen*
выказывалъ съ такимъ успѣхомъ въ павильонахъ
de la Concorde, и совсѣмъ особенныя пришедш-
выя вещи, копорыхъ мы нигдѣ болѣе не видимъ.
Мы замѣтили шамъ великолѣпныя Шотландскіе
draps de soie, у копорыхъ цвѣта, искусно распо-
ложенныя, составляли богато-щеголеватыя клѣш-
ки. Мы назовемъ, между прочимъ, одинъ *uni* по
черному; а другой зелѣный и *pensée*; самая ца-
спливая смѣсь, какую можно желать.

Шотландскіе леванпины съ клѣшками, соста-
вленными изъ двойной сѣпки, пониною въ ниш-
ку, прекрасны на плащѣ для прогулки; ихъ мо-
жно, какъ и *draps de soie*, употреблять для пла-
щей. Одинъ изъ самыхъ красивыхъ, какой мы ви-
дѣли, грунть шѣмно-каштановый, по немъ черныя
и бѣлыя линіи въ прошивоположныя спороны.

Прелестная матерія, замѣняющая совершенно
цвѣта фулара, съ копорымъ она весьма сходна,
это Шотландскій атласъ; кипорная ткань шак-
же легка, какъ фуляръ, но еще мягче и шелко-
виснѣе.

Карш. No 35. Вѣнскія моды.

При No 95-мъ Липер. Прибавл. роздана *прибавочная*
картинка No 5.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 97.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ДЕКАБРЯ 5 ДНЯ, 1854 ГОДА.

О, какъ болтаньемъ докучаешь
Глупецъ—ученый Кляпъ!
Онъ говоритъ все то, что знаешь,
Не зная самъ, что говорить.

В. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НА СЛѢДСТВО.

(Продолженіе.)

Многострадаальный старикъ наконецъ потерялъ терпѣніе; онъ спалъ горько пенявъ сыну. Сынъ всё свалилъ на жену: «что, батюшка, мнѣ съ нею дѣлать? Ты видишь и самъ, какова она! ну, послушаемся ли хоть когонибудь?»—Сынъ, ужь мнѣ не въ мочь терпѣть на старости лѣтъ монахъ, когда я все вамъ упрочилъ. — «Погоди, батюшка!» сказалъ сынъ подумавъ: «я все улажу.»

Это улаживаніе состояло въ томъ, что сынъ съѣзжалъ въ уѣздный городъ, гдѣ была богадѣльня, и здѣсь, съ помощію одного приказнаго, который былъ ему родственникъ по женѣ, у котораго крестила жена уѣзднаго спрячгаго, который былъ съ руки городничихъ, которая водила хлѣбъ-соль съ сожигельницею градскаго главы — удалось ему достать поранѣе мѣстечко для старика-отца, котораго ему изъ дома вонъ выпихнуть хотѣлось.

И вотъ онъ воротился, далъ исподоволь почувствовать дражайшему родителю, что онъ нашелъ средство отъ него избавиться, и . . . не откладывая вдаль, выпросилъ у сосѣда лошадь съ пѣлегою, бережно усадил отца, обложилъ его сѣномъ, чтобы не растрясло, а самъ сѣлъ на передокъ и правил лошадью. — Что думалъ отецъ? что думалъ сынъ? оба молчали. Въролпно старикъ твердилъ въ мысляхъ: «вотъ до чего я дожилъ!» а сынъ, можетъ быть, ращипывался съ своею совѣстью.

Вотъ въѣзжаютъ они на гору, съ которой верстахъ въ трехъ открылся и городъ, цѣль ихъ пупешествія. Было около вечера, солнце свѣпило въ полномъ блескѣ на ясномъ небѣ; позолоченные кресты городскихъ церквей сіяли вдали надъ домами и садами. «Остановись!» сказалъ старикъ; это было между ними первое слово по выѣздѣ изъ дома. — Старикъ спалъ вылезать изъ пѣлеги, сынъ соскочилъ и помогъ ему, думая, что съ крупной горы хочепъ онъ сойти пѣшкомъ. «Ну, Семѣнъ!» сказалъ ему старикъ рѣшительно: «здѣсь мнѣ педалеко, воротишься домой, а я добреду и одинъ; пуж-

ныя бумаги со мною, меня шамъ и безъ тебѣ примушь; что тебѣ въ такую даль забиваешься.» Сынъ, разочпѣя вмгъ, что въ городъ съ отцомъ замедлишь; и долженъ будешь или оспаться ночевать на постояломъ дворѣ и заплащать за кормъ и поспой, или, если поѣдетъ поздно, то пожалуй, ночью опнимушь и лошадь, дорога же лѣсомъ, — сначала обрадовался, что отецъ его отпускаетъ; снялъ шляпу, и спалъ отцу кланялся. — Бапюшка! я буду по временамъ навѣщать тебѣ. — «Прощай, сынъ!» сказалъ старикъ, пакже снявъ шляпу: «прими отеческое благословеніе: живи въ довольствѣ, будь щасливъ... сколько можешь.» Сынъ опять поклонъ; а старикъ оборотился и побрѣлъ, опираясь о палку.

Лицо его было важно и уныло; но въ очахъ не видно было ни гнѣва, ни упрека. — Что же ты, бапюшка, не хочешь, чтобы я тебѣ довезъ? — закричалъ вслѣдъ ему сынъ. «Ну, ужъ я такъ хочу, повъжай съ Богомъ.» — Нѣшь, однако, скажи! — приступилъ *Семѣнь*, догнавъ его: ты о чемъ-то думаешь! — «Вотъ что, *Семѣнь*; каюся передъ Господомъ Богомъ: въ молодые годы я пакже отвезъ своего отца въ богадѣльню, и на самомъ эпомъ мѣстѣ оставилъ его, чтобы онъ дошелъ пѣшкомъ. Пусть и мой сынъ пакже меня оставляетъ. Прощай!»

Бываютъ минушы, когда въ самыхъ загрубѣлыхъ сердцахъ пробуждаются чувства совѣсти и природы. Мысль о воздаяніи за все доброе и злое, въ будущемъ или даже въ здѣшнемъ мѣрѣ, дѣйствуетъ со всею силою, и долгъ, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, одерживаетъ иногда верхъ надъ спраспѣми. — О Вѣра! какъ ни обезображена ты у многихъ людей суемудріемъ, ханжеспвомъ, изувѣрспвомъ; но все горитъ искра... запущенные эпѣ блѣдную искру... и тогда обезьяны превращаются въ крокодиловъ.

Сынъ бросился отцу въ ноги. — Виноватъ, родитель! прости меня, ради Творца небесаго! — Слезы прерывали его голосъ. Старикъ прослезился и самъ. Кто чувствуетъ живо свои проспушки: пошь скоро прощаетъ и другихъ. «Встань, сынъ! я тебѣ прощаю. Да простишь тебѣ Господъ Богъ!»

сказалъ старикъ поднимая сына. — Бапюшка! если ты меня прощаешь, пакъ я не повезу тебѣ въ богадѣльню. Воропимся домой; домъ швой! Господъ поможетъ мнѣ сладить съ сварливою женою. Я за все берусь. Онъ уговорилъ старика. Они поворопили оглобли.

Вотъ они въѣзжаютъ на дворъ вмѣстѣ съ закапомъ солища; жена услышала, и выходитъ на крыльцо встрѣтить мужа. Но какая досада и удивленіе, когда увидѣла, что свѣкоръ назадъ же прѣхалъ. — Господи! и шамъ не даютъ мѣспа эпому спарому хрѣну. — «Слушай, жена!» перебилъ *Семѣнь* твердымъ голосомъ: «если ты хоть одно слово скажешь отцу моему непочтительное, пакъ я покажу тебѣ, что я хозяинъ въ домѣ.»

Параличъ не опшибъ у неѣ языка отъ сихъ словъ, превосходившихъ въ десять разъ всякое ея ожиданіе; она шевелила языкомъ, не знала, не чувствую сама, что бы сказала, но голосъ замеръ въ груди — только не отъ спрахъ. — Нигдѣ въ природѣ злость не выражается въ такихъ гнусныхъ черпахъ, какъ на лицѣ женщины; древніе, для обремененія преступниковъ всѣми муками въ адѣ, вымыслили фурій, существа женскаго пола. Не пакъ спрашно Самана сверкнулъ прикраты на Аббадону, дерзнувшаго ему противорѣчить и укоряшь въ безумномъ буйспвѣ, какъ *Семѣнова* жена бросала взоры на своего мужа, съ конвульсіями бѣшенства въ лицѣ. Но *Семѣнь*, полный еще энтузіазмомъ и рѣшимостью, остался непоколебимъ.

Эпо заставило еѣ почувствовать, что есть всему границы, даже и шерпѣню мужей; она понимала, что переступить однажды шагъ за эпѣ волшебную черпу, значить уничтожить еѣ на будущее время — и превозмогла себя. Молча пошла въ горницу, но за по цѣлую недѣлю ни слова не говорила съ мужемъ, до пѣхъ поръ, пока онъ не принесъ ей шелковую шубейку, которую за сходную цѣну купилъ съ аукціона. На свѣра же не хопѣла и глазъ подынять, хопѣ бранить его вслухъ и не смѣла.

Проходяшь дни. Время уноситъ все; скорѣ всего добрыя намѣренія. Сынъ сначала

имѣлъ самъ всѣ попеченія объ отцѣ, но по немногу спараніе охладѣло; припомъ же онъ мало былъ и дома, а сидѣлъ больше въ лавкѣ. А невѣстка молчала, и ничего не слушала; чего бы свѣкоръ ни просилъ, она была какъ глухая, и бѣдный спарикъ часно шерпѣлъ даже голодъ.

Не думалъ ли онъ иногда, что, можетъ быть, покойнѣе было бы ему въ богадѣльнѣ? — Но пришла ему наконецъ щасливая мысль, и положеніе его перемѣнилось.

Позвали его къ спаринному пріятелю и куму, котораго на смертной постелѣ хотѣлъ съ нимъ проспитъ. «Кумъ дорогой! скажи ему умирающей: мой сынъ, а пивой крестникъ, оспаеся молодой. Онъ не дуракъ, потому-то нуженъ ему въ иное время добрый совѣтъ и напоминовеніе.» (Спарики знали, что совѣты полезны однимъ умнымъ, ибо дураки хорошихъ совѣтовъ не слушаютъ). «Не оставь его. Въ знакъ памяти прошу тебя выбрать чтонибудь изъ моихъ вещей.»

Никита увѣрилъ своего друга, что помнитъ обязанность Христіанскую крестнаго отца и спаринную любовь. А въ подарокъ просилъ пустой, окованный желѣзомъ, дубовый сундукъ, съ крѣпкимъ огромнымъ замкомъ. Другъ удивился такому выбору: на что крѣпкій сундукъ человѣку, которому ровно нечего въ него положить? Развѣ въ немъ самага себя запирашь? Но *Никита* ничего другаго не хотѣлъ.

Кумъ умираетъ. Родной сынъ съ нашимъ спарикомъ отдали ему послѣдній долгъ; вмѣстѣ заплакали, погрустнили. Потомъ спарикъ открылся своему крестнику, на что ему крѣпкій сундукъ; молодой человѣкъ взялся исполнить все, что только нужно было *Никитѣ*, со всѣмъ усердіемъ.

Вотъ, на другой же день послѣ похоронъ, перевезли сундукъ на парѣ ломовыхъ лошадей; человѣкъ шестъ работниковъ, въ попѣ лица, веревками черезъ плеча впащили сундукъ въ уголокъ къ *Никитѣ*. Это происходило въ бѣлый день, въ часъ, когда большая часть день глядящъ въ окошко и ждущъ мужей къ обѣду. — Подобное происшествіе, какъ перевезеніе черезъ улицу сундука не-

извѣстно съ чѣмъ, составляетъ эпоху въ маленькомъ городкѣ. Менѣе, нежели черезъ четверть часа, сундукъ былъ на всѣхъ женскихъ языкахъ во всемъ помѣ околдкѣ.

Невѣстка не знала что придумать о семъ чудесномъ явленіи сундука, ни о содержаніи его. Не столько бы она дивилась камню, спадшему съ неба. Пяти сосѣдкамъ, прибѣгавшимъ къ за спичкой сѣрной, по за ниш-ками, по попросить взаемъ квасу, по нѣтъ ли на два пяпака пяти грошей, а между тѣмъ мимоходомъ спросить о сундукѣ,—оп-вѣчала она, что ничего сама не знаетъ, а принесли сундукъ къ свѣкру, и попѣ съ нимъ заперся. Но вотъ приходитъ шеспая, ботомольная спарушка; она сообщила *Аринѣ Кузьминичнѣ* иъкоторый по сему предмету свѣдѣнія; она впащала, какъ сундукъ спавили еще на распуски изъ дому *Нескудова*, спарикова кума, потомъ побывала она домахъ въ шестни, и развѣдала, что сундукъ издавна споялъ подъ кроватью у покойнаго кума *Никитина*, задушевнаго его пріятеля, съ коимъ въ молодые годы вмѣстѣ они и проказничали; что ключъ былъ у *Никиты*, и самъ кумъ врадъ ли зналъ, что за нимъ хранится; старый *Никита* себѣ на умѣ; что кумъ предъ послѣднимъ издыханіемъ накрѣпко велѣлъ сыну отдасть сундукъ, какъ онъ естъ, *Никитѣ Иванигу*, или хранишь его у себя неприкосновенно, если попѣ прикажетъ; однако, видно спарые молодымъ-по не больно ввряптъ. — «А что же у него въ этомъ сундукѣ?» спросила наконецъ *Арина Кузьминична*. — Кому ввспимо, родимая! Да чему быть-по другому? Ввдъ я говаривала тебѣ, что свѣкоръ-на не прикидывается ли полно? Ну, какъ-пишь! Гдѣ по слыхано, чтообы старый кашей поспуался всѣмъ добромъ своимъ? Нѣтъ! ввдъ ужъ люди-по даромъ не скажутъ: съ чего нибудъ да возьмутъ. Онъ кашпцу-по вамъ опдалъ, помазалъ васъ по губамъ, а себѣ-по оставилъ чай, ой-ой-ой! погуще вашего-то, да и притамлся себѣ ни чупъ, ни слышашъ. Ввдъ не въ первый разъ ему добрыхъ-по людей морочилъ; не даромъ ввкъ изжилъ. Сундукъ-на сколько ихъ шащили, все ребяпа дюжіе, а попомѣли. —

«И, кормилица *Акулина Дельяновна*, кто ихъ разбереть, что между ими дѣлается? Молодой то парень не задумалъ ли послѣ опца-то въ панкруты на первыхъ порахъ, такъ и спроворилъ, что попенлѣе, къ опцову пріятелю; у него-де искалъ не спануть, такъ и гладко все.» — А кому въспимо, родимал, бывають и по правда! — Съ сими словами жрица стоустой богини опправи-лась еще въ двадцать домовъ собирають, какъ пчела, медъ повоспей, и вновь разглашають все собранное, мѣшая такимъ образомъ половину правды съ выдумками, выдавая догадки за быль, и пересказывая все по своему.

За ужинкомъ сынъ, по наущенію жены, спросилъ опца о сундукѣ. «Тебѣ на что? не краденое!» отвѣчалъ старикъ голосомъ, какого давно опъ него не слыхали.

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С У Д Ъ Б А.

Ценсурнымъ шшемпелемъ одѣта,
 На пытку критики идѣть,
 Въ нозорь народамъ—мысль поэта—
 Высокихъ думъ созрѣлый плодъ.
 И встрѣчу ей шипяшь журналы,
 И чернь бранится и шумитъ,
 И зависть скрытые книжалы
 Надъ грудой пасквилей оспришь!...

Но смолкнушь личности—и лица,
 Умчатся годы вслѣдъ годамъ—
 И незабвенна страница
 Священна позднимъ племенамъ.
 Времячъ исчезнувшихъ обломокъ,
 Она повѣдаетъ ихъ быль—
 И съ ней—заблудившій попомокъ
 Смететъ наслѣдшвенную пыль!...

И. Бардинскій.

LOGOGRIPHE.

Je suis aux champs avec ma tête,
 Dans la basse-cour sans ma tête ;
 Très-gros en conservant ma tête,
 Je suis fort petit sans ma tête.
 J'ai du poil en gardant ma tête,
 Mais je suis lisse étant sans tête;
 Roux, gris, blanc, noir avec ma tête,
 Je suis toujours blanc sans ma tête ;
 Si l'on me mange avec ma tête,
 L'on me mange encor sans ma tête.

Въ No 96-мъ, помѣщенная шарада значить: *О-лушка.*

К Р И Т И К А.

Замѣчанія на кришику Истории Донскаго войска, В. Броневскаго, *напечатанную въ Ноябрьской книжкѣ Библиотеки для гтенія.*

La Critiqué est aisée et l'art est difficile.

Похвалить хорошую книгу не трудно; за похвалу никто не взыщеть и никто не обидится; но сыскають ошибки въ хорошей книгѣ, дѣло иное, дѣло пребывающее прилежанію, досуга, учености, соображенія и крайней осторожности. Что похвалы, приписанныя Истории Донской, не преувеличены, читатели усмотряють изъ послѣдующаго; что же касается до ошибокъ, которыя критикъ выставилъ: по въ семь отношеніи онъ, какъ намъ кажется, не исполнилъ ни одной изъ обязанностей, правиламъ критики и приличіями литературными предписанныхъ.

Вмѣсто того, чтобы посредствомъ го-меопатіи разжидить страницу на пять наставленіе (кому-то), какъ должно писать исторію, г. критикъ лучше поступилъ бы, если бы самъ про себя подумалъ,

какъ должно писаць крипики, гдѣ и какъ искаць ошибки, съ чѣмъ ихъ повѣринь и пр. и пр. Если наставленіе придумано имъ для эффекта, дабы сильнѣе обозначить достоинство книги, имъ разбираемой: то для сего онъ не долженъ былъ обнаруживать личное свое къ двумъ авторамъ неуваженіе и недоувѣренность. Личное мнѣніе крипикъ не долженъ держать у себя въ карманѣ: ибо онъ говоритъ передъ Публикою, а не съ своими пріятелями.

Крипику не понравилось, что авторъ назвалъ первый періодъ своей исторіи *рыцарскими*. Почему? Казачество было учрежденіе, подобное рыцарскому, имѣло свои обряды, постановленія; какъ передовая стража, также охраняло границы Русскаго государства (1), и имѣло свои понятія о чести. Въ XVI столѣтіи казаки очень могли называться рыцарями; сами Цари, похваляя ихъ за службу и раченіе, называли ихъ *добрыми витязями*. Въ свое время феодальные бароны также, какъ и казаки, рыцарствовали по большимъ дорогамъ; въ наше время *Бонапартовы* легіоны также жили и кормились однимъ мародерствомъ и конпрібуціями. Спрашиваю критика: Будущій историкъ, которой родится спустя 300 лѣтъ до смерти нашей, можетъ ли назвать *Наполеоновыхъ* воиновъ разбойниками, когда современники симъ именемъ ихъ не называли?

Для краткаго предисловія къ книгѣ, гдѣ авторъ ищетъ несомнѣнныхъ доказательствъ, что Донскіе казаки суть люди Русскіе (2), а не смѣсь народовъ, до прихода ихъ жившихъ на Дону, авторомъ упомянуты *Карамзина*, *Лерберга* и *Миллера* кажутся намъ достопочными. Безъ *Френа* и *Клапрота*, г. *Броневскій* отыскалъ, гдѣ былъ древній Саркель; доказалъ что Каяла не Кагильникъ, а Кал-

міусъ, и что Азовскіе или Ордынскіе казаки не были тѣ же, что наши Русскіе Донскіе казаки (3). Эпими доказательствами объяснилъ онъ при ошибкѣ *Лерберга* и *Карамзина*; но крипикъ не хотѣлъ сего замѣтить, не потому ли, что авторъ обличилъ *Полеваго* въ невѣжество, въ названіи Сулы Сурою (см. ч. 1. стр. 243 въ прим.)? Въмѣсто того, чтобы поблагодарить автора за сіи при новыя открытія, весьма важныя для исторіи, г. крипикъ говоритъ, что будто не слѣдовало опровергать производство казаконъ отъ Амазонокъ и *Сармато-Скивоновъ*; но этаго производства, и объ этомъ никогда на землѣ несуществовавшемъ народѣ, мы въ исторіи Донской ничего не отыскали. Откуда онъ взялъ сіе? Неужели выдумалъ? Неужели чужое мнѣніе приписалъ автору? Эта мистификація объяснилась послѣдующимъ разсмотрѣніемъ.

Крипикъ говоритъ: «Нельзя разсуждать о происхожденіи слова *казакъ*, безъ пособія ориентализма.» По праву сего ориентализма, крипикъ вырываетъ одну строку изъ цѣлой страницы, и укоряетъ автора, за то, что онъ имя казаконъ производитъ отъ Кассоговъ, а не отъ Киргизовъ, утверждая, что слово казакъ есть собственное имя Киргизовъ. Но замѣтивъ, что авторъ въ послѣдующихъ строкахъ, не отвергалъ свидетельства Константина Порфиророднаго, говоритъ, что слово *казакъ* есть имя нарицательное, означавшее у всѣхъ восточныхъ народовъ вольнаго человека и легко вооруженнаго воина, служащаго на конѣ, что казакими назывались и Киргизы и Черкесы, и Ташары и Русскіе, служившіе на конѣ, г. ориенталистъ опомнился и прибавилъ,

(3) Говорящіе Русскимъ, численнымъ языкомъ, исповѣдывающіе Православную вѣру, дѣти одного Царя, столь же вѣрные, столь же храбрые въ боюхъ, столь же мужественные въ бѣдствіяхъ, столь же перпѣливо сносящіе зной, голодъ, холодъ, безсонницу. Ихъ Богослуженіе опирается на языкъ древне-Славянономъ, ихъ законы, указы, приказы, пишутся на Россійскомъ языкѣ. — *Воейковъ*.

(1) Государства Христіанскаго отъ Невѣрныхъ. — *Воейковъ*.

(2) Съ начала до конца крипикъ напрягаетъ всѣ свои силы, ученость, знаніе языковъ восточныхъ и западныхъ—дабы доказать, что Донцы не отъ Славяно-Русскаго корня происходятъ. Хвала Богу, его усилія напрасны. — *Воейковъ*.

что собственное имя Киргизъ-казаковъ сдѣлалось такимъ подобно тому, какъ народное имя Швейцарцовъ превратилось въ Европѣ въ наименованіе извѣстнаго рода служителей. Г. *Броневскій* почто также объяснилъ слово казакъ.—О чемъ же спорилъ ориенталистъ? Увидимъ.

Если доводы автора, что: «Донцы суть люди Русскіе, не смѣшавшіеся съ Ордынцами,» не могли убѣдить г. ориенталиста, по правиламъ критики пребудутъ, чтобы онъ свое правдоподобное *предположеніе* подкрѣпилъ какими либо доводами. Исторія, также какъ математика и критика, ничего не приемлетъ въ нѣдра свои безъ доказательствъ ясныхъ и почныхъ.

Авторъ, говоря о первомъ переселеніи Русскихъ людей на Донъ, основываетъ свою *догадку* на историческомъ событіи; критикъ переспрашиваетъ догадку снизу вверхъ, и тѣмъ измѣнивъ смыслъ рѣчи, шутитъ, издѣвается надъ авторомъ, рассказываетъ анекдотъ *Фридриха Великаго*.

Авторъ излагаетъ одинъ историческій фактъ такъ: «Въ Константинополь, послы наши называли казаковъ шайкою разбойниковъ, а изъ Москвы посылали имъ воинскіе снаряды; такъ что, если Султанъ вредилъ намъ набѣгами Крымцовъ, Царь могъ вредить ему своею Донскою вольницею.»—Мы привели это мѣсто,—говоритъ критикъ: чтобы познакомить читателя съ образомъ сужденія автора! Конечно не всѣ раздѣляютъ его мнѣніе о приличіи и благоразуміи подобной политики. Чтобы убѣдить всѣхъ безъ изъятія—дѣло невозможное, и конечно авторъ, зная образъ мыслей господина критика изъ другихъ сочиненій, не взялся бы убѣдить его, который, какъ уже очевидно, рѣшился ни въ чемъ съ нимъ не соглашаться.—За всѣмъ тѣмъ, мы увѣрены, правда, что если бы г. рецензентъ прочелъ мнѣніе автора о сей двусмысленной политикѣ Царя (стр. 153, час. 1.), но по обстоятельству для государства полезной, а по духу времени извинительной: то конечно онъ не прибавилъ бы къ своей критикѣ сей лишней страницы.

«Покореніе Азова казаками и исторіи *Стенки Разина* кажутся намъ опличительными счастьями въ исторіи Донской,—особенно *покореніе* Азова;»—и вмѣсто покоренія г. критикъ говоритъ объ *осадѣ* Азова, чрезъ пять лѣтъ по взятіи сей крѣпости казаками!!!

«Пріятнѣе было бы найти и въ этомъ прекрасномъ, разнообразномъ отрывкѣ (покореніе Азова),» говоритъ нашъ критикъ: «нѣсколько болѣе критики; самому даже автору, изъ уваженія къ столь превосходному факту, слѣдовало быть осторожнѣе и спросить въ выборѣ преданій, чтобы неумѣстными преувеличеніями не превращать въ басню событія, и такъ почти уже невѣроятнаго. — Если бы г. *Броневскій*,» продолжаетъ критикъ: «за неимѣніемъ другихъ пособій, прибѣгнувъ хотя къ *Гомеровою* исторіи; то онъ, безъ сомнѣнія, не подвергъ бы насъ прудному испытанію вѣрши вмѣстѣ съ нимъ, *будто* 1400 чел. казаковъ могли выдержать долговременную осаду въ дрянной *третьей* разряда крѣпости, безъ всякихъ средствъ къ защитѣ, противъ 200,000 Турокъ,—и еще разбить ихъ въ добавокъ... Что касается до *четынадцати* народовъ, поднятыхъ Султаномъ, противъ горстки *дурно* вооруженныхъ наѣздниковъ!!!...»

Прочитавъ сіи спроки съ такимъ, по натурности, доброжелательствомъ написанныя, кто бы могъ подумать, что въ нихъ нѣтъ и полуслова правды? Развернемъ *Исторію Донскаго войска* и прочтемъ (стр. 129 и 130), что тамъ сказано о сидѣніи казаковъ въ Азовѣ:

«Наконецъ, многочисленная рать отъ *двѣнадцати* (4) народовъ, Султану подвластныхъ, собралась... Кроме безоружныхъ рабочихъ людей и землекоповъ и 6,000 наемныхъ войскъ, Турокъ, осаждавшихъ крѣпость, щипалось: 20,000 Янычаръ, столько же Спаговъ, 50,000 Крымскихъ Татаръ и 10,000

(4) А не *четынадцати*, какъ выставляетъ критикъ. Добросовѣстность и починность въ выпискѣ приводимыхъ имъ мѣстъ — есть главное качество каждаго рецензента. — *Воейковъ*.

Черкесовъ, всего *сто шесть тысяч* (5). Самъ войсковою атаманъ *Осипъ Петровъ* защищалъ Азовъ съ *пятью или семью тысячами* (6).» А какъ на стр. 132 авторъ упоминаетъ, что Тамары и Черкесы не хотѣли спѣшиться, и потому осадѣ безполезными, то нѣтъ ничего ни чрезвычайнаго, ни *преувеличеннаго* (7), если храбрый паша съ 26,000 пѣхоты и 20,000 спѣшенныхъ Спаговъ, также какъ и Крымцы, неспособныхъ къ осадной службѣ, не могъ взять Азовской крѣпости, не претѣяго разряда, а весьма сильно укрѣпленной *первоклассной* крѣпости, которую, какъ по исторіи г. *Берхмана* и г. *Броневского* видно, *Петръ великій* покорилъ не иначе, какъ вновь построеннымъ для сего флотомъ, 58,000 регулярной пѣхоты и 20,000 казаковъ, охранявшихъ осаду.

Часто критики судятъ о вещахъ поспѣшно; но подобной ошибки со времени существованія журналовъ еще не случилось. Сполъ искусный и учёный критикъ, какъ *Тюстенджи-Оглу*, не могъ дать шутъ промаха; нельзя также предполагать, чтобы онъ не читалъ книги. Конечно нѣтъ, и этого бытъ не могло! — Опъ чего же небывалое на Руси случилось? Опъ того, что критикъ увѣрилъ себя, что тошъ, кто не знаетъ по Турецки, не можетъ написать, что либо порядочное. Вотъ почему онъ не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, что г. *Броневскій* писалъ объ осадѣ Азова не по одному сказанію, а по опискѣ (рапорту) атамана къ Царю; вотъ почему не хотѣлъ онъ догадаться, что сіи два Русскіе дѣловые (офиціальные) документа могли бытъ сличены и повѣрены съ пѣмъ, что

(5) А не 260,000 ратниковъ, какъ увѣрилъ критикъ. На г. *Броневского* заклѣпано 100,000 человекъ: бездѣлица! — *Воейковъ*.

(6) А не съ 1400-ми, какъ ошибочно приводишь критикъ. — *Воейковъ*.

(7) Кагульская и Рыминская победы, приступъ Пражскій въ 1794 году и приступъ Варшавскій показали намъ, что Русская храбрость совершаетъ подвиги, еще невозможнѣйшіе. — *Воейковъ*.

было писано о семъ достопамятномъ событіи на иностранныхъ языкахъ. Укажемъ на то, что въ разсматриваемой имъ книгѣ повѣспвуется о *вылазкѣ 5,000 казаковъ*; изъ этого могъ бы онъ видѣть, что обвиненіе автора въ томъ, будто бы онъ казакскій гарнизонъ въ Азовской крѣпости ввѣрилъ 14,000 Донцамъ, несправедливо.

Разсужденіе критика о сдачѣ Азова Туркамъ по Царскому указу, сшибается на статью покойнаго Моск. Телеграфа, въ которой *Полевой*, съ извѣсною его опрометчивостью, осуждаетъ сдачу сію по своему, п. е. съ плеча. Г. *Броневскій* напротивъ оправдываетъ это дѣло тогдашнимъ положеніемъ государства, говоря (сп. 146), что: «время побѣдъ и завоеваній для Россіи еще не наступило.»

Изъ написаннаго о рыцарскомъ періодѣ Донцовъ слѣдуетъ, что авторъ могъ называть *Разина* вилыземъ своего вѣка; и разбой его въ Персіи могъ называть *подвигалями*, а разбой въ Россіи *злодѣйствами*! Если бы г. *Броневскій* смотрѣлъ на вещи, какъ смотритъ на нихъ критикъ: то исторія Донская не имѣла бы этого чуднаго, фантастическаго колорита XVII столѣтія.

Критикъ укоряетъ автора *въ употребленіи бранныхъ и порицательныхъ эпитетовъ*. — Каждая страница исторіи Донской доказываетъ противное; вездѣ, гдѣ, не нарушая исторической правды, было возможно, авторъ смягчилъ выраженія, и вмѣсто разбойничества ставилъ рыцарство, — вмѣсто грабежа — вольные или удаые промыслы.

На стр. 24 критики сказано: «г. *Броневскій* написалъ также *Исторію Калмыковъ*, — по несчастію для сочинителя, эта статья теряетъ почти всю цѣну, по причинѣ выхода въ то самое время двухъ пространныхъ и чрезвычайно любопытныхъ сочиненій о томъ же предметѣ ошца *Такинфа* и г. *Нефедьева*.»

Другой просмотръ. Въ 3-й части, на стр. 45 и слѣдующихъ, чѣпкими буквами напечатано, что статья г. *Броневского* о

Калмыкахъ, приписанныхъ къ Донскому войску, до прихода ихъ на Донъ, заимствована изъ исторіи Ойротовъ, соч. отца *Такинфа*, а все прочее составлено имъ по другимъ документамъ и лично собраннымъ на мѣспѣ свѣдѣніямъ. А какъ г. *Несфедьевъ* издалъ книгу о Калмыкахъ, кочующихъ за Волгою, то г. криптику слѣдовало бы сказать, что спатья г. *Броневскаго* не только не теряетъ своей цѣны, но вмѣстѣ съ сочиненіями о. *Такинфа* и г. *Несфедьева*, представляетъ полное извѣстіе о Калмыкахъ, живущихъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи.

Жаль, очень жаль, что въ *Библиотекѣ для тенія* печатаются подобныя криптики; но удивленіе читателей можетъ удвоиться, если имъ угодно будетъ прочесть въ Февральской книжкѣ; на стр. 13, что сказалъ имъ самъ поэтъ, кто занимается сею частію: «Въ нашей критикѣ не найдете вы ни капли криптики, а найдете... такъ! — что ищете! (8) и въ родѣ криптики: то, что пишутъ всѣ люди, воображая себѣ, будто они пишутъ криптику; найдете мое *лигное* смѣніе, и, въ моемъ мнѣніи, доказательство «литературной моей независимости.»

Такая добровольная исповѣдь господина критика *Библиотеки для тенія* не обѣщаетъ ничего добраго.

(8) И подлинно — *что либудъ*: поелику вмѣсто разбора красотъ и недостатковъ романа: *Черная женщина*, написанъ предлинный и претошный трактатъ о магнетизмѣ; вмѣсто того, чтобы дать полезный советъ молодому нашему трагику *Кукольнику*, при разсмотрѣніи его трагедіи *Торквато Тассо*, онъ наговорилъ намъ нѣсколько страницъ о *Шекспирѣ*, о романизмѣ и классицизмѣ, и кончилъ восклицаніемъ: *великій Кукольникъ!* Изъ безбрежной его рецензіи романа *Мазепы*, лучшаго изъ историческихъ романовъ *Булгарина*, нельзя догадаться, хвалилъ онъ его, или хвалилъ. — *Воейковъ*.

M O D E S.

Parmi une foule de *mousselines de laine à fleurs vives et marron*, de *tissus indous* et de *satins luxor* de toute espèce dont nous distinguons les fonds *Amandine* et *Isabelle* semés de fleurs vives, nous remarquons les *mousselines d'Asie*, tissu léger à bandes salinées, les *gazes écossaises* à carreaux satinés éclatans sur fond bleu, et de charmantes *gazes noires* semées de feuilles rouges et vertes qui ressortent brillantes sur le fond mat.

Nous avons gardé en souvenir une collection de charmantes étoffes pour manteaux; les *tissus Indiens* brodés, fond noir ou solitaire semé d'un pavot nuancé, d'un ceillet ou d'une rose; les *satins cachemire écossais*, couleur sur couleur, et par-dessus tout le *satin luxor plucheux*, étoffe de luxe qui conservera une grande distinction. — Les *satins luxor plucheux* sont tramés de manière à ne pas demander de doublure; ils sont légers et souples, en sorte qu'ils peuvent remplacer les manteaux ouatés.

M O Д Ы.

Между множествомъ шерстяныхъ кисей, съ яркими цвѣтами по каштановому грунту, *Индостанскихъ* тканей и апласовъ *luxor* всякаго разбора, въ которыхъ мы отличаемъ по грунтамъ *Amandine* и *Изабеллы*, устьяныхъ разными цвѣтами, — мы замѣчаемъ *Азіатскія* кисей — легкая ткань съ апласистыми полосами, *Шотландскіе* газы съ блестящими апласистыми клѣпками по голубому грунту, и прелестныя черныя газы, устьяныя красными и черными листьями, которые съ блескомъ отдѣляются на маповомъ грунту.

Мы сохранили въ памяти собраніе прелестныхъ матерій для плащей: вышитыя *Индійскія* ткани, грунтуя черныя или цвѣта solitaire, устьяный макомъ въ пѣнь, гвоздиками или розами; кашемировыя *Шотландскіе* апласы, одного цвѣта по другому; а больше всего плюшевый апласъ *luxor*, роскошная матерія, которая сохранилась съ большимъ отличіемъ. Плюшевые апласы *luxor* шканы такимъ образомъ, что ненужно подкладки; они легки и мягки, такъ что могутъ замѣнять плащи на ватѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 98.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 8 ДНЯ 1854 ГОДА.

То ли дѣло средь мечей!
Тамъ о славѣ лишь мечтаешь,
Смерти въ когнѣ попадаешь
И не думалъ объ ней.
То ли дѣло средь мечей?
Тамъ о славѣ лишь мечтаешь!

Д. Давыдовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НАСЛѢДСТВО.

(Овоулисіе.)

Вопь молва разсѣваетъ между тѣмъ, что старый *Нескудовъ* оставилъ послѣ себя больше долговъ, чѣмъ имѣнія, и что не это ли укоротило и жизнь его; что сынъ его и наследникъ объявитъ себя несостоятельнымъ. Люди, которымъ больше извѣстны были дѣла *Нескудова*, говорили иное, но имъ меньше всѣхъ вѣрили. Одинъ заимодавецъ со страху подалъ на *Нескудова* ко взысканію вексель, еще прежде срока. Молодой *Нескудовъ*, не отклоняясь, представилъ опъ себя вексель на такую же сумму на другаго, по которому срокъ уже исполнился. Случилось, что кредиторъ *Нескудова* и должникъ его были двоюродные братья между собой; послѣдній хотѣлъ просить отсрочки по своему векселю у *Нескудова*, по другой, неуступчивый и алчный, хотѣлъ получить скорѣе наличныя деньги. Это было поводомъ къ

ссорѣ, и шопъ, который долженъ былъ плапшть, человекъ буйнаго нрава, въ веселый часъ прибилъ новаго претендателя, двоюроднаго своего брата.

Вмѣсто всего того, старый *Нескудовъ* оставилъ дѣла свои въ самомъ лучшемъ порядкѣ. Сыну съ этой стороны, съ наличнымъ капиталомъ, и думать нечего было; умышленнымъ банкротствомъ онъ гнушался. Но онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы способствовать плану своего крестнаго отца.

Вопь приходитъ онъ къ нему однажды по упру; лишь вошелъ, какъ *Арина Кузьминкина* на цыпочкахъ подкралась къ дверямъ и приложила ухо. «Батюшка крестный! не откажи помочь!» — Ну, что тебѣ надо, любезный крестникъ? — Дѣло состояло въ томъ, что крестникъ просилъ взаймы денегъ, а старикъ доказывалъ, что можно обойтись и безъ нихъ. Крестникъ говорилъ, что если не достанетъ денегъ: то потеряетъ случай сдѣлать выгодный обо-

ропъ по торговлѣ, а за долги отца опишутъ имѣніе и поваръ. Кончилось тѣмъ, что старикъ согласился въ память отца помочь сыну: отперъ замокъ, спукнулъ крышкой, потомъ зазвенѣли цѣлковые рубли, которые молодой *Нескудовъ* принесъ съ собой. Не одинъ разъ перещипаны были однѣ и тѣ же кучки, а щѣпъ все шелъ впередъ да впередъ. Потомъ положили ихъ въ кожаный мѣшокъ съ мѣдными пятаками, и засыпали ихъ сверху серебряными рублями. Крестникъ пошелъ попросить чернилицы и въ торопяхъ не припворилъ двери: *Арина Кузьминична* успѣла отойти между тѣмъ, но проходя мимо, бросила быспрый взглядъ въ полуотворенную дверь, и на сподъ мѣшокъ серебра произвелъ на нее дѣйствіе, подобное электрическому.

Молодой *Нескудовъ* принесъ чернилицу, заперъ съ старикомъ, писалъ, и потомъ прочелъ твердымъ голосомъ: тысяча восемьсотъ такого-то года, такого-то числа, я нижеподписавшійся, и проч., по естѣ, вексель на такую-то сумму. Когда же онъ пошелъ домой, паща подъ мышкой мѣшокъ: по глаза *Арины Кузьминичны* позеленѣли отъ зависти, провожая его. «Ну, что какъ онъ не отдастъ, а свѣкоръ проститъ ему!» думала она.

Въ тотъ же день старикъ, кликнувъ знакомаго сосѣдняго мальчика, послалъ его купить себѣ шалфею и папки, и далъ ему цѣлковый, съ приказаніемъ, чтобы невѣстка не видала. Но невѣстка караулила все недреманнымъ окомъ и ухомъ. Если бы *Аргусъ* исправлялъ свою должность съ такою же точностію: по десять *Меркуриевъ* не усыпили бы его никакимъ пѣніемъ, никакимъ краснорѣчіемъ. Она подстерегла мальчика на крыльцѣ: немного надобно ей было, чтобы пригрозить мальчику и заставить все рассказать; потомъ взяла у него цѣлковый, въсила на рукъ, повершывала со всѣхъ споронъ, и со вниманіемъ прочитала надпись: «*Петръ, Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій.*» — Это крестовикъ! видно давно положенъ! — Отдавъ монету, накрѣпко приказала мальчику не сказывать, что она его оспанавливала.

Съ этаго времени не было уже ни косыхъ взглядовъ, ни ворчанья себѣ подъ носъ; она не хлопала дверьми, не спучала чашками и ложками, когда спавила передъ свѣтромъ кушанье, и хопя еще не говорила ни слова, но приказанія старика часто были уже предупреждаемы; ходила потупя глаза со смиреніемъ въ землю, и только по временамъ вздыхала.

Вопъ спала она проснись у мужа на богомолье пѣшкомъ въ монастырь верстъ за шестидесятъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ сосѣдокъ. Мужъ далъ свое позволеніе, хопя не могъ и запрешить.

Передъ самымъ часомъ отправленія въ путь приходитъ она къ старикку, и въ ноги. «Отецъ родной! помилуй! не гнѣвайся на меня грѣшную, окаянную, нечестивую! Послѣ родовъ нечистая сила на меня повѣяла, и я гнѣвила, родитель, тебя! Лукавый смущалъ меня тѣмными навѣтами! провались онъ окаянный! Прости ты меня безумную!» Какъ не проститъ, видя такое покаяніе? Старикъ сдѣлалъ краткое поученіе, растворенное однако ласкою, и отпустилъ её съ миромъ.

Возвратясь съ богомолья, *Арина Кузьминична* рассказывала сонъ: будто она видѣла могилку своего сына, а на ней извивался многими кругами огромный зелѣный змѣй; потомъ явился спарецъ, взялъ этаго змѣя за хвостъ и бросилъ въ огонь, который на ту пору вышелъ изъ подъ земли; ей же сказалъ, что это былъ ея смертный грѣхъ, и чтобы она больше каялась, да была бы покорнѣе.

Много ли всему этому вѣрилъ старикъ, мы не знаемъ; но вѣдаемъ то, что съ сихъ поръ онъ спалъ какъ сыръ въ маслѣ капаться: сполько невѣстка и сынъ спали о немъ заботливы. — Внутренность сундука оставалась всегда непроницаемымъ таинствомъ; споялъ же онъ у старика подъ кроватью; а огромный ключъ отъ него старикъ носилъ на поясѣ. Кромѣ того была на сундукѣ и печать.

Наконецъ — проходятъ дни и печальные и радостные — проживъ еще семь лѣтъ, спа-

рикъ преставился. За нѣсколько дней до смерти объявилъ онъ, что все хранящееся въ сундукѣ оставляеть онъ своей ненаглядной невѣстушкѣ.

Едва старикъ отдалъ послѣдній вздохъ, какъ невѣстка собственными руками оплывала ключъ; въ ту же минуту вынесли плѣло обмывать въ другую свѣпѣлку, и едва успѣли захлопнуть дверь, какъ кровать была отброшена въ сторону, и ключъ въ замкъ. Но не женская сила надобна была, чтобъ отпереть заржавѣлый церковный замѣкъ. Она сбѣгала за деревяннымъ масломъ, намазала перушкою скважину, выперла имъ ключъ. И тутъ мужъ насилу поворотилъ его. Печать сломана... тяжелая крышка поднята.... Глаза алчныхъ наслѣдниковъ разбѣжались.... Гдѣ же имперіалы, червонцы, крестовики? Одни камни!!!.... и все камни!!!...но нештъ, которые носятъ въперстняхъ и сергахъ, а камни, какими мостятъ улицы: и синіе и сѣрые, и кирпичи, и голыши, и булыжникъ, и обломки печныхъ изразцовъ!!!!!!....

Мужъ и жена, какъ будто сговорясь, по-ропливо принялись выбиратьъ камень, чтобъ посмотрѣть не спрячано ли чего нибудь подъ ними. Увы! на днѣ все то же, что и на верху.

Кто изобразить *Арину Кузьминичину*? Развѣ поэтъ замысловатый маляръ, который намалевалъ сатирическую народную картину: какъ *мыши kota погребаютъ*; а я не берусь и объявляю, что это дѣло мнѣ не подъ силу.

На нихъ нашель столбнякъ, который хотя и прошель, однако-жь угаръ въ головѣ остался — и они едва на ногахъ держались.—«Это съ печали по бапюшкѣ!» шептали другъ другу глупые міряне, недогадливые.

Подъ однимъ расколотымъ кирпичемъ, оставшимся на днѣ сундука, увидѣла однако же *Арина Кузьминичина* уголокъ бумаги. Дрожащими руками выпатила она листокъ, но ничего не могла разобрать. На ту пору

вошелъ дьячокъ, читавшій въ послѣдній часъ надъ умершимъ отходную; онъ также стоялъ недвижимъ, и удивлялся, какимъ манеромъ горница, въ которой за четверть часа скончался православный Христіанинъ, въ одно мгновеніе превратилась въ каменку, хотя горница не похожа было на баню. *Арина Кузьминичина* подала ему бумагу; онъ повернулъ её какъ должно; чѣпкимъ, краснымъ семинарскимъ почеркомъ написаны были два стиха; дьячокъ прочель ихъ пвердымъ голосомъ безъ всякой запинки:

Каменіемъ побитъ да будетъ волкій поэтъ,
Кто заживо дѣпямъ имѣнье отдаеть.

Чудное дѣло, что *Арина Кузьминичина* осталась жива послѣ такого афронпу!

Во время похоронъ свѣкра, *Арина Кузьминичина* чуть не лаяла по собачьи. Одна слѣпая спарушка, слыша чудныя, певнящія ея восклицанія, пожалѣла: «Эко, мапушка! воптъ по-то свѣкра-то любила! хоть бы по опщъ такъ вопитъ родномъ!» Мужъ плакалъ нелицемѣрно; только неизвѣстно, о чемъ больше: о помѣ ли, что опець умеръ, или что жена жива осталась.

Этимъ еще не кончилось. *Арина Кузьминичина* всю бѣду взвалила на молодого *Нескудова*, что онъ поддѣлался къ старику, и перепаскалъ все его имѣніе, можетъ быть еще посредствомъ колдовства. Не упоминала о семъ послѣднемъ пунктѣ, заставила она мужа подать на *Нескудова* просьбу. Но просьба столь глупо была написана, а бургомистръ, не смотря на то, что былъ сватъ *Арины Кузьминичины*, на этошь разъ столько имѣлъ разсудка, что возвратилъ её съ надписью и съ добрымъ словеснымъ совѣтомъ не срамить себя.

За всѣмъ тѣмъ, если бы исполнилась сопая доля всѣхъ тѣхъ прокляпій, которыми *Арина Кузьминичина* каждый разъ осыпаетъ *Нескудова*: то давно бы на тысячу клочковъ разорвали его адскіе духи, домъ бы его вихоръ разнесъ прахомъ, и на мѣстѣ бы томъ стала бездонная пропасть.

Но добрый плутъ *Нескудовъ* день ото дня добреть и румянетъ; въ веселый часъ

любитьъ разсказывать исторію крестнаго своего опца, въ которой такъ искусно сыгралъ онъ свою ролю. А *Арина Кузьминична*, жёлтая, со впалыми глазами, бранить весь свѣтъ и еще болѣе сохнетъ, сохнетъ. Она уже высохла, какъ былиночка.

И. Пальмицъ.

О ВЛІЯНІИ КОШЕКЪ НА СЛОВЕСНОСТЬ.

Можетъ ли быть что нибудь милѣе кошки? Я всегда досадовалъ на *Бюффона* за то, что онъ худо отзывался объ эпитахъ живописныхъ; мнѣ кажется, что знаменитый естественный испытатель совершенно несправедливъ въ эптомъ отношеніи. Онъ громко возстаетъ противъ кошекъ, находить въ нихъ сотни дурныхъ свойствъ и ни одного хорошаго, и въ заключеніе говоритъ, что кошка была бы свирѣпа какъ пигръ, если бы она обладала силою сего послѣдняго. Не спорю, что кошка есть родъ маленькаго пигра, что её можно назвать *тигролиз денди*, пигромъ, который получилъ образованіе и умѣлъ облагородить свои приемы; что же касается до свирѣпости, то кошка не заслуживаетъ въ ней ни малѣйшаго упрека. Кошка, которая гонится за мышью, ни сколько не свирѣѣе собаки, преслѣдующей зайца или оленя и пожирающей окровавленную виупренность живописнаго, ею пойманнаго и расперзаннаго.

Кошка пріобрѣла народность, если можно такъ выразиться; отъ госпожи до чердака, отъ погреба до поварни, её вездѣ охотно принимаютъ, кормятъ и ласкаютъ. Ни одно животное не удостоилось, подобно ей, чести быть воспѣтымъ въ особой пѣснѣ; а кто изъ насъ не засыпалъ подъ обыкновенные колыбельные куплеты нашихъ кормилицъ и нянюшекъ:

Копикъ бѣлинькой, хвостикъ сѣренькой, и пр. Но дѣло не о томъ; мнѣ хочется показать вліяніе кошекъ на словесность.

Гофманъ имѣлъ копа, копа, который возбуждалъ въ немъ сильное и высокое вдохновеніе: вамъ извѣстны мечпанія копа *Мурра*.

Авторъ *Генія Христіанства* почти всегда окруженъ кошками. Большая часть этихъ

кошекъ были подарены великому писателю нѣкоторыми изъ владыкъ земныхъ. Каждая изъ нихъ служитъ ему воспоминаніемъ дружбы или славы.

Я очень хорошо понимаю склонность къ кошкамъ вообще. Восточные жители любятъ имѣть при себѣ ручныхъ пигровъ и львовъ, но такъ какъ у насъ пигры и львы довольно рѣдки, то мы заводимъ кошекъ. Но мнѣ особенно понятна эпта склонность въ литераторѣ: не пріятно ли, во время занятій, видѣть подлѣ себя важное и глубокомысленное лицо живописнаго, торжественно побуждающее васъ къ труду? Васъ запрудняетъ какая нибудь фраза; вы не находите приличнаго выраженія, и воптъ, между тѣмъ, какъ вы гладите рукою мягкую и нѣжную шерсть своей кошки, мысли ваши проясняются, приходятъ въ порядокъ, и выраженіе, котораго вамъ недоставало, само собою ложится подъ перо ваше.

Не должно думать, однако же, что кошка можетъ внушить однѣ только пріятныя идеи. *Кребиллонъ* имѣлъ дюжину кошекъ, и когда хотѣлъ писать, то бралъ почтовую бичъ, и махал имъ на право и на лѣво, дразнилъ своихъ любимыхъ живописныхъ до пѣть поръ, пока они не приходили въ совершенное бѣшенство. Проведши съ полчаса въ эптомъ занятіи, искушенный и исцарапанный, и съ воображеніемъ, исполненнымъ мрачныхъ явленій, происходившихъ предъ его глазами, онъ принимался писать свои трагедіи, исполненные такого мрачнаго и ужасающаго чувства. *Радалистъ* и *Зиновіа* были можетъ быть слѣдствіемъ царапины.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧТО ТАКОЕ ЖУРНАЛИСТЪ?

Журналистомъ называется писатель, обнародывающій выписки изъ произведеній литературы, наукъ и художествъ, и по мѣрѣ, какъ они появляются, объявляющій о нихъ свое мнѣніе. Журналистъ обязанъ слѣдовать за успѣхами ума человѣческаго, любить истину, и на ней основывать свой судъ. Изъ сего опредѣленія слѣдуетъ, что для выпол-

ненія обязанностей журналиста должно имѣть немалыя способности, и вообще издатель (*) журнала долженъ быть не безъ достоинства. Но, какого бы рода эти достоинства ни были, журналистъ не долженъ забывать, что онъ зависитъ отъ писателей, и самъ по себѣ, при ихъ бездѣйствіи, ничего не значить.

По множеству разнообразныхъ предметовъ, входящихъ въ составъ журнала, невозможно одному человеку издавать самый посредственный. Нельзя быть въ одно время великимъ математикомъ, краснорѣчивымъ ораторомъ, вдохновеннымъ стихотворцомъ, глубокомысленнымъ историкомъ и философомъ. Нельзя знать всего.

Журналъ долженъ издаваться обществомъ ученыхъ, дорожающимъ правдою; иначе въ немъ будутъ замѣтны многія ошибки. Журналистъ не долженъ принимать въ сотрудники свои молодыхъ любителей критикъ. Гении вездѣ рѣдки, а къ большому числу хорошихъ и посредственныхъ писателей должно оказывать благо разумное снисхожденіе. Не должно при самомъ началѣ поприща оскорблять ихъ невѣжливостію, а еще меньше ругательствомъ.

Для журналиста не довольно односторонней учености; поспулки его на письмѣ должны быть благородны, обращеніе пристойно: ибо онъ, какъ актёръ на сценѣ, въ званіи предсавителя литературной республики говоритъ предъ публикою. Паче же всего ему должно быть нелицепріятнымъ и строго вѣрнымъ въ выпискахъ изъ книгъ, имъ разбираемыхъ. Безъ сихъ качествъ, онъ превознесетъ до небесъ мелочное, посредственное произведеніе, и унижитъ тѣ, которыхъ болѣе достойны похвалы. Не зная науки военной и мореходной, не хорошо пестрить журналъ свой ученическими переломами и разсужденіями о сихъ предметахъ. Мнѣніе журналиста въ отношеніи наукъ, которыхъ онъ не вѣдаетъ, будетъ неосновательно и пристрастно. Похваля-

нѣе не довѣрятъ себѣ, чѣмъ слишкомъ много на себя полагаются.

Сужденія журналиста должны быть основаны на здоровомъ смыслѣ, спрогой логикѣ, вкусѣ, проницательности, и на большой привычкѣ къ критикѣ. Неприлично привязываться къ мелочамъ, унижать критическіе разборы недосмотрами, выписками такихъ мыслей изъ книги, какихъ въ ней нѣтъ, и замѣнять цифры другими цифрами (*). Онъ обязанъ выписывать цѣлые періоды, заключающіе въ себѣ полный смыслъ, съ буквальною точностію и безъ малѣйшей перемены противу текста.

Журналистъ поступитъ несправедливо, если, станеть извлекать изъ книги одну горечь, обращать вниманіе публики на одну дурную ея сторону, на одни промахи, и особенно, если позволитъ себѣ издѣваться надъ личностію сочинителя. Пусть онъ хвалитъ безъ лести, осуждаетъ безъ обиды, и знакомитъ читателей съ произведеніями словесности, не искажая оной кривыми своими толками.

Иногда журналисту можно предаться веселому расположенію духа; но для сего потребно особенное умѣнье смѣяться остро, а не язвительно; умѣнье выбирать благопріятный для того случай и умно имъ пользоваться, *во время, въ пору, кстати*, и по весьма вѣрдка. Онъ можетъ позволить себѣ посмѣяться, но такъ, чтобы эта улыбка никого неоскорбляла.

Журналистъ, представляющій на судъ публики сочиненіе посредственное, обязанъ указать на ошибки вѣжливо, благодушно, безъ досады, обязанъ вмѣстѣ съ нимъ предложить и средства для исправленія сихъ ошибокъ; словомъ, представить свое мнѣніе такъ, чтобы читатели могли сказать, что сдѣлано хорошее извлеченіе изъ дурной книги.

(*) Напримѣръ: еслибы историкъ, описывая осаду какой нибудь крѣпости, написалъ, что осаждающая армія ципала подъ ружьемъ до 100,000, а рецензентъ высказавилъ 200,000; еслибы историкъ число защитниковъ ея полагалъ въ 7,000 человекъ, а критикъ, по своей прихоти, уменьшилъ ихъ до 1,500.— II.

(*) Редакторъ или подредакторъ. — II.

Журналистъ унизитъ себя, если спашетъ пропускаетъ лучшя мѣста изъ сочиненя, имъ крипикуемаго. Онъ лишится довѣренности, если осмѣлится преувеличивать промахи того автора, который попалъ къ нему *подъ слѣдствіе*. Онъ не исполнитъ обязанности крипики, если обвиненія, сдѣланныя имъ противъ автора, оставитъ безъ доказательствъ.

Журналистъ обязанъ показывать непритворное уваженіе къ писателямъ заслуженнымъ, гениальнымъ, спяжавшимъ знаменитость блестящими, великими подвигами. Кто можетъ быть врагомъ *Тасса*, *Расина*, *Шекспира*, *Шиллера*, *Карамзина*, *Жуковского*, *Пушкина*. Надобно умѣючи, и съ должнымъ, пакъ сказать, благоговѣніемъ къ симъ любимцамъ Музъ и публики поднимать прекрасную завѣсу, скрывающую ихъ промахи. Еще разборчивѣе должно быть, судя объ умершихъ. *Мармонтель* сказалъ: «Сапирикъ, оскорбляющій челоѡка умершаго, подобенъ тѣмъ люпымъ звѣрямъ, которые, разрывая могилы, пипаються прапами.»

Журналистъ, принимая на себя званіе крипики, обязанъ въ точности исполнять всѣ вышеописанныя правила. Крипикъ есть литературный *слѣдственный* приславъ: онъ пишетъ обличительные доносы, подводитъ ихъ подъ законы и, представляя на заключеніе публики свои выводы, непременно долженъ представить имъ доказательства неопровергаемыя, математическія. Посему-то и говорятъ Французы: *La critique est aisée et l'art est difficile.*

Журналистъ не есть судья, или председатель Уголовной Палаты; онъ только блюститель литературныхъ законовъ, и правилъ грамматики. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть присяжный защитникъ писателей, неправедно упѣсняемыхъ хитрыми соперниками, ложными друзьями, сильными врагами. Онъ, какъ хранипель правосудія, имѣетъ въ своемъ управленіи *благогиніе* и, подобно полицмейстеру, обязанъ предупреждать безпорядки, ссоры, брань въ литературѣ, дѣлать обыски, допросы, но голоса *въ Управ*

не имѣетъ. Онъ пишетъ свой пропоколь, или журналъ, слогомъ чиспымъ, яснымъ, простымъ, легкимъ. Право судить и рядить, подписывать приговоры и спавить подъ ранжиръ писателей—не принадлежитъ ему. Онъ только представляетъ крапкую выписку изъ новыхъ произведеній литературы, наукъ и художествъ передъ глаза публикѣ, которая, обнаруживая свои приговоры посредствомъ общаго мнѣнія, оканчиваетъ процессъ безмолвнымъ приговоромъ. Журналистъ, осмѣливающійся учреждать отъ своего имени литературный Уголовный трибуналъ, дерзающій объявлять полуграмотнымъ, недоучившимся, заспѣнчивымъ, неопытнымъ юношамъ рѣзкіе приговоры, есть хищникъ власти, ему непринадлежащей. Мы совѣтовали бы такому неумолимому оцѣнщику почаще повторять мудрый стихъ *Мерзлякова* :

Несовершенство—есть удѣлъ несовершенныхъ!

Модестъ Правдинъ.

Тверской помѣщикъ.

ТОГРУЛЬ-БЕЙ И СЫНОВЬЯ ЕГО.

(*Турецкая сказка.*)

Король *Тогруль-Бей*, чувствуя приближеніе смерти, призвалъ прѣхъ сыновей своихъ и сказалъ имъ слѣдующее: «Дѣти мои, ангелъ смерти носитя надъ моимъ изголовьемъ; но прежде, нежели онъ сведетъ меня въ могилу, я дамъ совѣтъ каждому изъ васъ; если вамъ дорого собственное частье, то послѣдуйте ему непременно.» Три принца со слезами обѣщали исполнить волю отца. Тогда король, обратясь къ старшему сыну, сказалъ ему: «Вели построишь дворецъ въ каждомъ большомъ городѣ моего царства.—Ты, сказалъ онъ второму, женись ежедневно на непорочной дѣвицѣ.—Ты же, сказалъ онъ третьему, прибавляй масла и меду ко всему, что будешь употреблять въ пищу.»

Тогруль-Бей умеръ. Старшій сынъ его тотчасъ приказалъ построишь дворецъ въ каждомъ значительномъ городѣ своего владѣ

дѣнія; средній спалъ ежедневно брашь въ замужство дѣвушку, копорую на завтра отсымалъ обратно; а младшій запрепилъ подавать себѣ пищу, не приправленную масломъ и медомъ.

Одинъ мудрый мужъ, видя, съ какою почтостію принцы слѣдуютъ совѣтамъ *Тоеруль-Бей*, сказалъ имъ однажды: «Принцы, король опецъ вашъ, умирая, надѣлилъ васъ наставленіями не съ тѣмъ, чтобы вы буквально имъ повиновались. Вы не поняли настоящего смысла его совѣтовъ, и потому я вамъ объясню ихъ. Когда великій *Тоеруль-Бей* сказалъ спаршему сыну: Вели построить дворецъ во всѣхъ большихъ городахъ царства, то онъ разумѣлъ подъ этимъ, что сыну его было-бы полезно приобрести дружбу какого нибудь богатаго и уважаемаго человека во всякомъ значительномъ городѣ, дабы найши убѣжище въ его домѣ, въ случаѣ какой нибудь превратности щастія. Когда онъ совѣтовалъ среднему сыну жениться ежедневно на непорочной дѣвицѣ, это значило, чтобы онъ никогда не отходилъ ко сну, не утѣшаясь совѣстію въ томъ, что въ продолженіе дня сдѣлалъ доброе дѣло. Наконецъ, говоря претьему сыну: прибавляй масла и меду ко всему, что станешь употреблять въ пищу, король хотѣлъ выразить этимъ: будь привѣтливъ и снисходителенъ, чтобы всѣ признавали швое великодушіе и доброту сердца.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

V I V A T !

(*К. А. В . . . ковой*).

Гдѣ ты, краса печальныхъ дней,
Услада грусти, преволненья;
О лира — другъ! приди, разсѣй
Души холодныя сомнѣнья.
Безмолвье тяжкое давно
Уста отшельника сковало.
Прошла пора, какъ ликовало
Младое сердце, какъ полно

Живыхъ восторговъ, безъ печали
Оно лелѣло мечты,
И струны радостно звучали
Во славу дѣвы — красоты.

Бывало бурною ватагой,
Собравшись праздные друзья,
Не зная горя бышя,
Надменны вътрепой отвагой,
Мы все дѣлили пополамъ:
Продѣлки частаго досуга,
Пиры пріятельскаго круга,
И весело всемъ было намъ.

Никто не вѣрилъ, чтобы печали
Явились скучной чередой,
Чтобы скорби, горести запали
Въ груди свободной, молодой.

Минуло то! . . . лишь воспоминанья
Одни доспались мнѣ въ удѣль.
Увы, любимыя желанья,
Какъ скоро къ вамъ я охладѣлъ!
Но не совсѣмъ! . . . порою младость
Береть свое, и снова радость
Блескишь въ потухнувшихъ очахъ,
И снова блѣдныя ланипы
Румянцемъ пурпурнымъ облипы,
И слово дышетъ на усахъ.

О, будь благословенъ ты мною
Во вѣки незабвенный часъ,
Когда подъ сѣнію ночью
По братски всѣ соединясь,
Щасливцы-юноши спремилсь
Воздать признапельности долгъ
Тому, къмъ Скарпы такъ гордились,
Кто безбоязненно возмогъ
Ученость съ честью неподкупной
Въ хаосъ жизни сочетать,
Кому ни родъ, ни санъ, ни знашь,
Одни заслуги лишь доступны.

Какъ дружно грянули привѣтъ,
Какъ будто громомъ прогремѣли
Ему *виватъ*, — и онъ въ отвѣтъ:
«Утратой силы ослабѣли,

«Тоска на сердце налегла,
«Постыло жизни наслажденье,
«Но ваша дружба развлекала
«Души могильное забвенье;
«Утѣшенъ вами я вполнѣ,
«И горе слаще спало мнѣ.»

Умолкъ. Но тайнал печаль
Слезою взоръ его смочила;
Задумчиво приникъ онъ вдаль,
Туда, гдѣ ранняя могила
Покоитъ щастіе его.
Увы, и радость одинокимъ
Встрѣчашъ намъ въ жизни тяжело!
Избранный пруженикъ! глубоки
Потери, горести твои;
Но не всего насъ Богъ лишаетъ.
Взгляни, въ кругу родной семьи
Тебѣ отрада разцвѣщаетъ.
Лелѣй безоблачные дни,
Покой души ея прелестной,
И въ ней ты свѣту сохрани
Подобье матери небесной.

Бенари.

Дерптѣ.

17-го Ноября 1834 года.

Ш А Р А Д А.

Начало у меня остро и ядовито:
Ищи его у мухъ, у змѣй, у пчелъ,
У спрѣль.
Есть у иныхъ людей, да шолько скрыто.
Конецъ мой вымолвишь не разъ,
Нечаянный услышавши разсказъ,
Иль встрѣтясь съ кѣмъ нечаянно подъ часъ.
Все—челобитная, прошенье,
И подаётся въ судъ всегда на разрѣшенье.

III.

Въ No 97-мъ, помѣщенный логогрифъ значить: *Voieuf, ouif.*

M O D E S.

Les chapeaux de velours vont être de nécessité d'ici à la fin de ce mois; on s'empresse de les disposer, et nous avons pu remarquer leur forme demi-chapeau, demi-capote, relevant ovale sur le front et appuyant tout-à-fait sur les joues; les velours de couleur seront préférés au velours noir; ils entrent mieux dans le caractère des toilettes où l'on retrouve les caprices des vieilles modes. Les velours marron, pensée, grenat sont charmants avec des rubans de satin façonné, de même couleur, et deux nœuds de satin sous la passe.

Les plumes se posent de côté; deux ou trois forment le panache.

Sur les chapeaux de velours on met des fleurs en velours, de très-larges pensées, des oreilles d'ours ou des roses de fantaisie.

Aux chapeaux habillés, on voit quelques rubans de gaze; ils se rapprochent du genre des rubans de satin, par leurs dessins à mille raies ou carreaux, mats, et très-peu satinés.

M O Д Ы.

Бархатныя шляпки будутъ необходимы въ концѣ сего мѣсяца; спѣшатъ ихъ дѣлать, и мы могли замѣтить ихъ покрой полу-шляпки, полу-капота, приподнимающійся продолговато надъ лбомъ и совсѣмъ прижатый къ щекамъ. Цвѣтные бархаты будутъ предпочитаться чѣрному бархату; они болѣе приличны нарядамъ, гдѣ находятъ прихожи старинныхъ модъ. Бархаты каштановаго, *pensée* и грапаповаго цвѣтовъ, прелестны съ апласными узорчатými леншамы, одного цвѣта, и двумя апласными баншамы подъ полемъ.

Перья кладутся на сторону; два или три составляютъ букетъ.

На бархатныя шляпки прикалываются бархатныя цвѣты, весьма большія *pensées*, медвѣжьи ушки или вымышленныя розы.

Изъ нарядныхъ шляпокъ видны нѣкоторыя съ газовыми леншамы; онѣ въ родѣ апласныхъ леншъ, по своимъ узорамъ, съ мелкими полосками или клѣпками маповыми и весьма мало-апласными.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 99.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Декабря 12 дня, 1854 года.

Вотъ, напримѣръ, у насъ ужь изстари ведется,
Что по ошцу и быну чеснѣ;
Будь плохинькой, да если наберется
Душъ тысячи двѣ родовыхъ,
Такъ и женихъ.

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ФИЗИОЛОГІЯ ПАРИЖСКАГО ЖУРНАЛИСТА.

Журналистъ—это человѣкъ, съ которымъ ищутъ сблизиться, котораго не терпятъ, уважаютъ и боятся; человѣкъ, которому льстятъ, за которымъ присматриваютъ, на котораго указываютъ пальцами, котораго преслѣдуютъ, хватаютъ, судятъ, обкрадываютъ, сажаютъ въ тюрьму и забываютъ.

Журналистъ—человѣкъ, у котораго нѣтъ свободной минушты, который, днемъ думаетъ и обдумываетъ, пишетъ и суешился, а вечеромъ смѣется и разговариваетъ, критикуетъ и спитъ въ своей ложѣ въ театръ.

Кабинетъ его есть святилище, или скорѣе, маленькая крѣпость, со многими рядами укрѣпленій. Обыкновенно онъ занимаетъ уголь какого нибудь боковаго зданія и прикрывается многеслѣвомъ компаніи, чрезъ которая часто надобно пробиваться на шпыкахъ приступомъ, а еще чаще хитрослѣю.

У журналиста на головѣ ермолка изъ писнаго бархата, на ногахъ пухля, а сверхъ пухель ящикъ, обитый мѣхомъ шульпыри; на столѣ его вы найдете огромную чернилицу, сотни чиненыхъ перьевъ, стопы чистой бумаги, изрѣзанной въ разные форматы, гору пакетовъ-великановъ и пакетовъ-карликовъ, видимо-невидимо брошюръ и газетъ, а въ немъ самомъ рѣшимость не читать ни брошюръ, ни газетъ....

Брошюры и журналы составляютъ библиотеку журналиста: послѣдніе разставлены отдѣленіями за каждую четверть года, а брошюры разложены на полкахъ по своему формату и цвѣту.

Чтобы быть безпристрастнымъ, журналисту не должно имѣть ни друзей, ни семейства; ему нужны для этого только голова, сердце и правая рука.

Видите ли тамъ нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ одинъ пишетъ у себя на колѣнѣ, другой на тулѣ шляпы, третій на плечѣ соседа? Это журналисты-стенографы....

Видите ли того, который пишетъ одною рукою, а въ другой держитъ ножницы, и у котораго ротъ набитъ облатками? Это журналистъ, редакторъ ежедневныхъ и ежечасныхъ Парижскихъ происшествій!

Видите ли еще этого, который облокачивается головою на лѣвую руку и закрывъ глаза, пишетъ очень сжато и немного, но съ частыми помарками? Это редакторъ спашей о курсѣ ходячей монеты, о капишалахъ, недвижимыхъ имѣнiяхъ и пр.

А видите ли вопъ эшаго?

Передъ нимъ разложены географическія карты и огромные листы Англійскихъ газетъ, въ которыхъ даже всѣ поля заняты печатными строками....

Это блюстителъ Европейскаго равновѣсія, всемірный дипломатъ, гроза палатскихъ протоколовъ, *Медвистобель* шайныхъ конференцій, безъ посланниковъ, чрезвычайныхъ пословъ, консуловъ, агенповъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ.... Это журналистъ, который завѣдываетъ редакціею спашей подъ рубрикою: Вѣна, Берлинъ, Лондонъ, Петербургъ, Штутгартъ, Константинополь, Смирна, Парагвай, Пекинъ и пр. и пр.

А этотъ маленькій человекъ, съ живыми черными глазами, въ испертомъ фракѣ и грязномъ бѣльѣ, который почесываетъ грудь и у котораго потъ каплетъ со лба? Это журнальный вѣсповщикъ....

Это потъ, который поставленъ для журнала соблазнительныя и уголовныя извѣстія по спольку-то за строку; это ходячій списокъ самоубійствъ, дракъ, похищеній, разбоевъ, сватбъ, похороновъ, щаспльвыхъ и несчастныхъ случаевъ....

У него два убійства въ полахъ фрака, три самоубійства въ жилетныхъ карманахъ и полдюжины покражъ въ шляпѣ съ продранныю тульѳю.

Онъ знаетъ число мертвыхъ тѣлъ, найденныхъ въ продолженіе дня, знаетъ ихъ приключенія, родъ смерти каждаго изъ нихъ, ихъ наружность и одежду и степень ихъ исплѣнія.

Ему извѣстны всѣ богатыя и бѣдныя по хороны; онъ пишетъ стихи для эпипафій и прозу для газетныхъ объявленій; объедаетъ по Воскресеньямъ у гробовщика и каждые девять мѣсяцовъ креститъ дѣтя у спорола въ домѣ упопленниковъ.

Этотъ человекъ съ головы до ногъ представляетъ существо совершенно энциклопедическое: онъ имѣетъ уши, которыя вѣчно слушаютъ; языкъ, который безпрестанно болтаетъ; ноги, которыя безпрестанно бѣгаютъ; голову, которая никогда ничего не забываетъ. Каждый членъ его оказывается ему особенныя, періодическія и полезныя услуги.

На Парижскихъ улицахъ не упадетъ булмажки, которой бы онъ не поднялъ; не случится драки, которой бы онъ не былъ свидѣтелемъ; не пройдетъ кареты съ опущенными спорами, которой бы онъ не замѣтилъ номера; не останется кофейнаго дома, въ который бы онъ не зашелъ, новаго сочиненія, котораго бы не спросилъ, эстампа, котораго бы не посмотрѣлъ онъ.

Онъ знаетъ новости госпинныя, лакейскія, биржевыя, закулисныя, музыкальныя, ѳличныя, липературныя, трактирныя.

Онъ знаетъ землетрясенія, морскихъ чудовищъ, водяные столбы, ураганы, запмѣнія, видимыя вездѣ, кромѣ Парижа; знаетъ число мѣсяца, день недѣли, имя святаго, празднуемаго въ потъ день, время новолунія, цѣну говлдинны, часъ прилива и оплива, номера omnibusовъ, ихъ дороги и станціи, кварширу повивальной бабки, адресъ доктора и новаго ресторатѣра.

Журнальный вѣсповщикъ ничего не имѣетъ и никому не долженъ; онъ умираетъ безъ наслѣдниковъ, и хозяинъ кварширы, въ которой жилъ онъ, чшобы очистишь комнату, принужденъ похоронить его даромъ, безъ священника, безъ процессіи, безъ эпипафии и безсмертія.

А въ потъ святилищѣ, о которомъ мы упомянули выше, видите ли вы человека за письменнымъ столомъ, среди журнальныхъ корректуръ, которыя онъ перечипываетъ, спашеекъ, которыя онъ прибавляетъ въ

разныхъ мѣсахъ, чѣобы придашь изданію общій, однообразный характеръ?

Это главный Редакторъ журнала! Онъ даетъ темы, излагаетъ гипотезы, рѣшаетъ сомнѣнія, объявляетъ войну и превозноситъ сонъ многихъ сильныхъ и знаменитыхъ земли.

А Д В О К А Т Ъ .

(*Scènes du beau monde.*)

Завтракъ приходилъ къ концу.

Около чайнаго стола сидѣли двѣ особы: мужчина, съ лукавою улыбкою, рѣзкими и выразительными чертами лица; женщина, въ упрямомъ платьѣ, бѣлая и нѣжная, какъ накинутая на неѣ кисея. Эту сцену заключало преле лицо: молодой человекъ, который споялъ, держась за задвижку окна, смотря разсѣянно на находившуюся противъ дома позолоченую рѣшетку Палацы юстиціи.

Сидящій мужчина, занимавшійся въ это время складываніемъ въ одну линію нѣсколькихъ крупинокъ сахару ослѣпительной бѣлизны, былъ извѣстный адвокатъ, женатый уже нѣсколько лѣтъ; а тотъ, который споялъ опъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, былъ художникъ, энтузіастъ изящнаго, музыкантъ, поэтъ въ душѣ и давнишній другъ знаменитаго юрисконсульта.

«По этому ты никакъ не можешь припн-ти?» Сказалъ адвокатъ вставая изъ-за стола.

— Невозможно! — отвѣчалъ художникъ. Я тебѣ уже сказалъ, что ѣду въ деревню.—

«Въ деревню, въ Ноябрь мѣсяцъ!»

— Я ѣду туда за дѣломъ.—

«Въ такомъ случаѣ щастливаго пути! Однако не забудь-же передъ отъѣздомъ большую арію! А по моя жена разсердилась.»

— Ахъ, если бы г. Мерсей былъ пакъ добръ!—замѣтила молодая женщина, поднимая глаза, усмремленные на спранный рисунокъ чашки Китайскаго фарфора.

— Гоповъ служите вамъ, сударыня! Въ этомъ нѣтъ ничего запруднительнаго: дуаетъ изъ Straniera? —

«Именно!» сказалъ адвокатъ. «Straniera Forestiera.... Я не знаю, какъ вы называете. Только эти оперы-Буфы такая скука!!!»

— Что ты говоришь? —

«Я говорю, что думаю. Но съ ихъ большими аріями, ихъ безконечными руладами, они меня убиваютъ безжалостно; признаюсь, если бы не моя жена....»

— Я вамъ очень благодарна, сударь, что вы заспавляете себя скучать для меня. —

«Почему же, душенька? Это очень справедливо — и меня благодарить не за что. Я мужъ, это мой долгъ.»

— И такъ, ты не любишь музыки? —

«Напротивъ, я очень люблю музыку! Но музыку веселую, пріятную, какъ въ Двухъ Охотникахъ и Молочницѣ, въ Лекарствѣ безъ лекаря, Блезъ и Бабетъ и кучу другихъ! Что же касается до пвоей Opera-Steria, пвоей Straniera, то я въ нихъ сплю, и не понимаю ни слова; по есть!.... Когда говорю, что не понимаю ни слова, то я ошибаюсь; когда Талбурины вскричалъ: Leopoldo! Leopoldo! Я тутъ же отгадалъ; что это значило Леопольдъ.»

— Вотъ видишь ли! ты начинаешь усовершенствоваться, — сказалъ художникъ улыбаясь.— Но прощай! Мнѣ долге оставаться пельзл. До отъѣзда надо еще кой-гдѣ побывать.—

«А мнѣ приготовить судебное дѣло.»

Альфредъ поклонился и вышелъ.

«А, послушай!» сказалъ адвокатъ, провожая своего друга: «вѣдь ты, по этому времени, не останешься спо лѣтъ въ деревнѣ?»

— Сегодня же вернусь назадъ.—

«Въ добрый часъ! Конечно ты ѣдешь получить награду за свою храбрость?»

— Какъ это? —

«Не безпокойся! Я тебя допрашивать не буду.»

— Это видно по всему.—

«Но ты напрасно опъ меня скрываешь, за кого дрался три дня тому назадъ... Надѣюсь, ты не думаешь, чтобы я былъ простакомъ?»

— Мой другъ, я могу тебя увѣрить!...

«Скромность! Какъ же! Это прекрасно!!! Но не менѣе много и справедливо, что прелестная женщина, за которую ты такъ горячо вступился, обязана тебѣ благодарностью. Въ этомъ нѣтъ ничего дурного, ни малѣйшаго... и, какъ говорятъ: благодарность есть добродѣтель.»

— Но это было вовсе не за женщину. Ты ошибаешься.—

«Адвокату ошибаться! Ты шутишь! Адвокату, привыкшему все открывать, все отгадывать, пояснять самое правосудіе!»

— Это еще не доказательство.—

«Ты пожалуй захочешь меня увѣрить, что дрался изъ славы, какъ спранствующие рыцари, паладины прошедшихъ временъ! Въ 1834 люди не такъ просты, мой милый,—и если рѣшатся сдѣлать доброе дѣло, такъ въ такомъ только случаѣ, когда изъ того могутъ извлечь для себя полезное. Я самъ говорю въ пользу невинности погда, когда невинность имѣетъ деньги, чтобы за это заплачивать мнѣ;—и ты поступилъ не иначе какъ другіе.»

— Клянусь тебѣ, ты въ заблужденіи...—

«Положимъ. Я ничего не понялъ, ничего не отгадалъ;—а если хочешь, то буду всегда показывать видъ будто ничего не знаю. Прощайте, господинъ непроницаемый!»

— Прощай!—

«Славный малый!» сказалъ адвокатъ, войдя въ свой кабинетъ: «человѣкъ съ достоинствами! отличный ваятель, котораго мѣсто было бы въ академіи; но все-таки не увѣрить меня, чтобы у него не было какой нибудь любовной интрижки... какой нибудь... потому, что я самъ, не смотря на то, что жена... Но это не мѣшаетъ. Однако пора приняться за дѣло, хотя оно и не совсемъ весело. Тяжба! Вѣчно тяжбы! Мужъ проситъ о разводѣ! Чортъ возьми!

Онъ на это имѣетъ большое право!!!... Въ томъ случаѣ, когда просятъ о разводѣ по причинамъ законнымъ.... постановление гласитъ: «По причинамъ законнымъ, дозволяется право обоимъ супругамъ просить о разводѣ.»

«Мой кліентъ превосходно доказываетъ свое право, даже слишкомъ хорошо. Это очень ясно. Вся доказательства здѣсь. Однако говорятъ, это супружество было очень щастливо. Кто же довелъ ихъ до разрыва? Другъ. Вотъ каково быть слишкомъ довѣрчиву! Вотъ каково позволять женѣ своей... Впрочемъ, такіе мужья достойны своей участи. За чѣмъ были слабы, близоруки! Вотъ напримѣръ я,.... о! я увѣренъ, что со мною ничего подобнаго не случится. Я никуда не хожу, кромѣ Палаты. Ни чѣмъ не занимаюсь, кромѣ своей должности. Я спрогъ, но справедливъ. Не принимаю къ себѣ никого, рѣшительно никого, исключая *Альфреда*,—друга съ самаго дѣтства. Правда, что съ нѣкоторыхъ поръ, онъ спалъ ходилъ ко мнѣ очень часто.... однако нѣтъ ничего спранныго: онъ музыкантъ, жена моя тоже; они оба углубились въ хроматическій родъ, и пока будутъ заниматься одною только музыкою.... да, но дѣлать все одно и тоже надоѣсть—и подъ конецъ очень можетъ быть, что они начнутъ.... Чортъ побери! Съ чего мнѣ пришло это въ голову?... О! нѣтъ.... дружество.... долгъ.... Впрочемъ, это еще не убѣждаетъ, и у меня тысяча примѣровъ передъ глазами.... Дьявольская мысль! Всему этому виною проклятая плямба! Я её проклинаю; а можетъ быть вмѣсто проклятій, мнѣ бы слѣдовало благодарить её, потому что, какъ знать?... можетъ быть она-то и спасаетъ меня!.... Глупо слѣпо довѣряться. Конечно, *Амалия* меня любитъ; насъ связываетъ законный контрактъ; въ наше время мирные договоры не соблюдаются такъ свято, чтобы нельзя было.... Къ тому вотъ уже нѣсколько дней я замѣчаю въ *Альфредѣ* особенную внимательность! Неужели они въ совершенномъ согласіи? Нѣтъ, нѣтъ! эта-то внимательность и доказываетъ мнѣ проповное. Если бы онъ

былъ вполнѣ щасливъ, то не былъ бы такъ услужливъ. Я это знаю. Тутъ только еще предварительные вздохи... и нѣжное вниманіе. Э, вздоръ! они не понимаютъ и никогда не поймутъ другъ друга. Я какъ шутъ, чтобы всему положить конецъ. Меня не обманушь! И такъ, какъ мой добрый геній взразумилъ меня и время еще не ушло, чтобы предупредить зло.....»

Кто-то слегка постучался въ дверь кабинета.

«Кто тамъ?» спросилъ адвокатъ.

—Я!—отвѣчала *Амалия*.—Можно войти?—

«Почему же? Ты знаешь, моя милая, что никогда не бываешь лишнею; напротивъ....»

—Право?—

«Безъ сомнѣнія.»

—Ну, пѣтъ лучше, потому что я хочу просить тебя. —

«И ты еще до сихъ поръ мнѣ этого не сказала, *Амалия*! Нехорошо! Очень плохо! Я разсержусь. Опказывалъ ли я тебѣ въ чемъ нибудь?»

—Богъ мой! какъ ты сегодня любезенъ....—

«Я думаю, что сегодня, какъ и всегда.»

—Нѣтъ, гораздо больше.—

«Согласенъ, потому что это ты находишь. Однако къ дѣлу! Чего же хочешь ты? Не новаго ли какого нибудь головнаго убора? Я сейчасъ поѣду самъ и куплю.»

—Нѣтъ, совсѣмъ не то. Ты знаешь, какъ я рѣдко выѣзжаю.—

«Очень рѣдко! то есть....»

—Да, очень рѣдко.—

«Если ты такъ думаешь, то я не буду съ тобою спорить.»

—Я бы очень хотѣла завтра быть въ оперѣ.—

«А! вотъ что! ты хочешь быть завтра въ оперѣ?»

—Да, мой другъ.—

«Завтра?»

—Конечно.—

«И ты непременно хочешь быть завтра?»

—Непременно.—

«Это не такъ легко!»

—Почему же?—

«Почему? Ты знаешь, что у меня нѣтъ свободной минуты, и что мы за пѣтъ перѣехали жить противъ Палаты, чтобы сберечь драгоценное время.»

—Да, мы живемъ въ неподобной части города!—

«Ты знаешь поже, что я никогда еще не проигрывалъ ни одной паябъ моихъ кліентовъ? Моя репутація уже сдѣлана, и я не хочу поперять её.»

—Такъ какъ же?—

«Завтра я долженъ сдѣлать выписку по дѣлу одного несчастнаго, который обвиненъ въ заговорѣ *Карлистовъ*. Нельзя же мнѣ бросить этого бѣдняка.....»

—Нечего дѣлать!... Если тебѣ нельзя то я не поѣду въ оперу.—

«Какъ ты добра!»

—Надо было и эмотъ разъ уступить тебѣ.—

«Повѣрь, я очень благодаренъ!...»

—Но послѣ завтра, я поѣду на балъ къ *Мералю*, и ты долженъ проводить меня.—

«Любезный другъ..... я бы очень желала.... но...»

—Что еще?—

«Послѣ завтра я долженъ сдѣлать выписку по дѣлу одного несчастнаго, который обвиненъ въ сношеніи съ республиканцами. Нельзя же мнѣ оставить этого бѣднаго.....»

—А! Послушай, это уже слишкомъ!—

«Будь увѣрена, что безъ необходимости.....»

—Я готова не ѣхать въ оперу; за то по крайней мѣрѣ буду на балъ.—

«Мой милый другъ, я бы готовъ былъ это для тебя сдѣлать съ величайшимъ удовольствиемъ; ты не можешь представить себя, до какой степени это огорчаетъ меня.»

—О! я очень хорошо....

«Нѣтъ, я тебѣ говорю, ты не можешь вообразить себѣ.... Я въ опчаяніи! Если бы ты знала!!! Но я никакъ не могу ѣхать съ побою на эпошѣ балъ.»

— Въ такомъ случаѣ я попрошу г. *Мерсея*; онъ меня проводитъ туда.—

«А! Какъ можно!!!»

— Опъ чего же?—

«То есть.... если *Мерсей* будетъ имѣть время; вѣдь онъ не говорилъ тебѣ, что будетъ свободенъ! Нельзя же употреблять во зло снисхожденіе другихъ.... эпо не хорошо! неприлично!....»

— Г. *Мерсей* такъ услужливъ.—

«Правда; однако же всему есть граница.»

— Если онъ согласится?—

«Онъ, разумѣется согласится, потому что иначе не можешь сдѣлать. Однако эпо будетъ ему въ тягость. Я знаю, что эпо помѣшаетъ ему.»

— Почему же?—

«Потому, что.... мой другъ! есть вещи, о которыхъ я не могу говорить тебѣ. Ты меня спрашиваешь! ты бы должна была догадаться. Неужели ты не понимаешь меня?»

— Нисколько, увѣрю тебя.—

«Ты согласишься конечно, что *Альфредъ*, будучи холостымъ, не можетъ быть такъ степененъ, порядоченъ, занятъ дѣломъ, какъ я. Не сидѣть же все ему въ кабинетѣ. Онъ ѣздитъ по баламъ, ищетъ удовольствій....»

— Ну! что же изъ эпаго?—

«Изъ эпаго выходитъ то.... какой вопросъ! Изъ эпаго выходитъ то, что будучи довокъ, уменъ, хорошъ, онъ долженъ нравиться. И если уже ты хочешь знать всё, то знай же, что въ свѣтѣ есть одна особа.... Я тебѣ её не назову; но которая имѣетъ право располагать его минушамъ.»

— И такъ!— произнесла холодно *Амалия*, я не обезпкою его моею просьбою. Я уважала *Мерсея* и....—

«Богъ мой! онъ черезъ-то не меньше достоинъ своего уваженія. У него есть чувства, есть глаза, которые не остаются

въ бездѣйствіи; къ тому же эпо не пресупленіе.... разумѣется, для холостяго.»

— И ты полагаешь?...—

«Конечно.»

— Кто же сказалъ тебѣ?...—

«Онъ самъ: онъ мнѣ рассказалъ всё. Ты можешь быть увѣрена, что я было сначала не хотѣлъ его слушать, потому что нравственность.... но онъ преобладалъ непремѣнно, чтобы я былъ его повѣреннымъ; надо было согласиться. Однимъ словомъ, нѣтъ еще прехъ дней, какъ онъ за ней дрался на поединкѣ.»

— За эпу женщину?—

«Да. Онъ мнѣ сейчасъ эпо сказалъ, въ то время, какъ я провожалъ его. Эпо тебѣ доказываетъ, что онъ человекъ храбрый и достойный вполне своего уваженія....»

— Напроривъ, эпо доказываетъ, что онъ человекъ, котораго надо убѣгать. Недовольный прѣмъ, что опнялъ честь у женщины, которая имѣла слабость полюбить его, онъ не побоялся эпо разгласить.... поединкомъ!... О! эпо ужасно....—

«Вопъ, ты уже топчасъ увеличиваешь бездѣлицу! сердисься за ничто.»

— Я тебѣ повторяю: эпо ужасно!—

«Увѣрю тебя, что *Мерсей* совсѣмъ не ужасенъ. Женщины его не находятъ пакикомъ....»

— Чѣмъ больше ты будешь хвалить его, тѣмъ больше онъ поперяетъ въ моемъ мнѣніи....—

«Что же дѣлать! Нельзя же мнѣ, удовлетворяя своему своенравію, скрыть всё его прекрасныя качества. Онъ молодой человекъ съ большими достоинствами, любезенъ, чувствителенъ, даже слишкомъ....»

— Довольно! ради Бога довольно! До сихъ поръ, я на него смотрѣла, какъ на всѣхъ друзей своихъ; теперь же увѣрена, что находясь вмѣстѣ съ нимъ, буду имѣть неприятное чувство. И ты мнѣ сдѣлаешь большое одолженіе, если съумѣешь сдѣлать, чтобы я видѣла его, какъ можно рѣже.—

Амалия ушла.

«Хорошо!» подумалъ адвокатъ, оставшись одинъ и поширая себѣ руки: «дѣло мое въ половину выиграно. Бѣдный *Альфредъ* ни мало не подозреваетъ, что я съ нимъ дѣлаю. Но это еще не всё: надо продолжатъ дѣло съ неусыпностью и не останавливаясь на хорошей дорогѣ. Это было только вспугиваніемъ, теперь надо перейти къ доводамъ. Сегодня вечеромъ *Альфреда* не будетъ въ Парижѣ. Безподобно! Я напишу къ *Жюльеттѣ*. Вчера она сказала мнѣ, что сегодня представленія въ Оперѣ не будетъ: по этому она дома. Надо сдѣлать такъ, чтобы моя жена съ ней не увидѣлась. Не знаю, какъ за это приняться. Всё равно! Найду средство; свалю все на *Мерселъ*. . . . Это прелестно!»

Онъ написалъ нѣсколько спрочекъ. Когда записка была кончена, онъ позвонилъ.

Вошелъ слуга.

«*Жерменъ!* Записку эту отнеси въ улицу Лапелетъ. Чтобы сейчасъ она была доставлена.»

— Слушаю, сударь, сію минуточку отнесу.—

«А! это ты *Альфредъ!* Ужъ возвратился!» сказалъ адвокатъ увидѣвъ своего друга.

— Да. Ты знаешь, я долженъ былъ принести женѣ своей ноты. —

«И ты ихъ ей принесъ? Благодарю тебя.»

— Она не взяла. —

«Право! Развѣ она разлюбила *Straniera*?»

— Не знаю. —

«Вѣдъ это *Straniera*; ты кажется такъ называешь ихъ?»

— Да. —

«Странное названіе. . . . Я всегда пушаю.»

— Она приняла меня такъ холодно, что я ничего не могъ понять изъ ея со мною обращенія. —

«Кто? *Straniera*?»

— Нѣтъ! своя жена: что съ нею сдѣлалось? —

«Ничего я право не знаю.»

— Она мнѣ казалась всегда ровнаго характера, всегда одинакова! Это удивительно. —

«Пройдетъ.»

— Если бы я подаль поводъ. . . а то кажется не сдѣлалъ ничего такого, чтобы могло заспать. . . . —

«Боже мой! можно ли объ этомъ такъ безпокоиться. Будь увѣренъ, что завтра всё пройдетъ.»

— Въ такомъ случаѣ я спокоенъ. До завтра! —

«До завтра!»

Аршистъ удалился, но медленно. Онъ казался задумчивымъ, что-то подозревалъ и старался истолковать себѣ причину холоднаго пріема.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОЯ ЛИЛЕТА.

Какъ я люблю мою Лилету;
О! какъ пламенно всё въ ней!

И не грозитъ за то поэту,
Тяжелой цѣпью Гименей.

Она свѣжа, какъ упрю Мая —

Лишь пробужденная зарей;

Какъ голубица молодая,

Нѣжна и пламенна душой.

Её съ избыткомъ наградила,

Скупая для иныхъ Судьба, —

И къ ней одна моя мольба,

Чтобы тоски не знала Лила.

Одушевленные черты

Въ ней чудной прелестью новы:

Онъ какъ южные цвѣты,

Какъ изваяніе Кановы.

А поцѣлуй!.. Онъ душу жжетъ,

То душу нѣгой услаждаетъ —

И тая на устахъ какъ медъ,

Какъ ароматъ благоухаетъ!

В. Ивановъ.

CHARADE DE 4 SYLLABES.

Une voyelle est mon premier;
 Dans le sein de la terre on trouve mon deuxième;
 Une conjonction compose mon troisième;
 Au nombre des pronoms figure mon dernier;
 Et dans le coeur humain naît souvent mon entier.

Въ No 98-мъ, помѣщенная шарада значить: *Жалоба*.

M O D E S.

Aux manteaux lourds et informes ont succédé les pelisses gracieuses et coquettes, les pelisses qui, tout en couvrant la taille, la laissent deviner; joli vêtement qui donne à la tournure une sorte de gaucherie empruntée, à travers laquelle perce toute la distinction des manières.

Les coiffures en cheveux ne prennent un caractère de nouveauté qu'au moment des bals; tout ce que nous pouvons dire en ce moment pour prévenir toute incertitude, c'est que l'on répète les coiffures de l'hiver dernier. Les papillottes demi-longues, les berthes et les bandeaux Ferronière; par derrière les nattes est un large cercle tourné trois fois, écrasé sur lui-même. Nous pouvons citer cependant une charmante coiffure de mariée exécutée par *Jouenne* (rue Grange-Batelière), avec le bon goût qu'il met à grouper les cheveux et les ornements à l'air du visage. *Mlle de F.* est très-jeune, plus châtain que blonde; sa physionomie arrondie est accompagnée de deux bandeaux plats descendant très-bas sur sa joue; ses cheveux par derrière étaient disposés en larges coques très-basses, desquelles sortait une petite palme de fleur d'oranger qui agrafait sans prétention un magnifique voile d'Angleterre. *Jouenne* avait achevé cette coiffure toute jeune et simple par une guirlande surmontant le front comme un bas diadème; et tombant sur la joue à la place des papillottes; il y avait dans cette couronne de fleur d'oranger et de roses blanches, placées avec tant de naïveté; dans ce voile jeté sur la tête comme au hasard, un ensemble ravissant autour de ce modeste visage de jeune fille.— Puis ôtez le voile et la petite palme tremblante, il restera une charmante coiffure de bal.

Pl. No 36. Redingote de drap à collet et revers de velours.—Pantalon de casimir cotelé.—Calotte Mandarin en satin et velours.—Robe de chambre en satin damassé. — Meuble en gourgourau.

М О Д Ы.

Тяжелые и неуклюжіе плащи замѣнены ловкими и щеголеватыми шубами; шубы, прикрывая палию, оставляютъ мѣсто догадкамъ; красивая одежда, придающая движеніямъ нѣкоторую принужденную неловкость, сквозь которую видно однако все опличіе манеровъ.

Уборки изъ волосъ перемѣняются, когда начнутся балы. Все, что мы можемъ сказать для предупрежденія всякой нерышимости, это, вопоряютъ прически прошедшей зимы. Полу-длинные локоны, берпы и повязки ферропьеры; сзади изъ косы кружокъ, обернутый въ три раза и расплющенный самимъ собою. Мы назовемъ однакоже прелестную прическу невѣсны, выполненную г-мъ *Jouenne*, съ пѣмъ же вкусомъ, съ какимъ и всегда онъ располагаетъ волосы и украшенія, сообразуясь съ лицомъ. Дѣвица *F.* очень молода; волосы ея болѣе каштановые нежели блондуры, лице круглое, прикрыто гладкими волосами, спущенными весьма низко на щеки; задніе волосы сдѣланы были широкими пеньями, весьма низкими, изъ которыхъ возвышалась маленькая пальма изъ померанцовыхъ цвѣтовъ, прихвачивавшая просто великодушное покрывало изъ Англійскихъ кружевовъ. Г-нъ *Jouenne* довершилъ эту простую прическу гирляндю надъ лбомъ, какъ низкая діадема, и спущенною на щеки вѣсто локоновъ; въ этомъ вѣнкѣ изъ померанцовыхъ цвѣтовъ и бѣлыхъ розъ, положенныхъ съ такою простотою, въ этомъ покрывалѣ, брошенномъ на голову какъ будто нечаянно, было нѣчто восхищительное около эпаго скромнаго лица молодой дѣвицы. — Теперь снимите покрывало и маленькую пренециющую пальму, оспащенная прелестная балная прическа.

Карш. No 36. Суконный рединготъ съ бархатнымъ ворощникомъ и опшорошами.—Казимировый панталоны.—Мандаринскій калотъ изъ апласа, подбитъ бархатомъ.—Апласный шляфрокъ.—Мѣбель гургурановая.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ

по Средамъ и

Субботамъ.

№ 100.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 15 ДНЯ 1834 ГОДА.

Излучистымъ путемъ къ фортунѣ достигая,
Забинь! ты наконецъ за спрудъ свой награжденъ;
Въ твои хранилища бѣжипъ спруа заглая,
Услужниковъ толпа, друзьями окружень,
И жизнь среди успѣхъ спокойно пропекаетъ:
Теперь ничто тебѣ быть честнымъ не мѣшаетъ.

Кн. Вяземскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

АДВОКАТЪ.

(Окончаніе.)

Бывая почти всякой день у своего друга, *Альбрехтъ* видалъ *Амалію*, и видалъ её равнодушно. Потомъ, мало по малу привыкъ на неё смотрѣть, какъ на сестру. Находясь вмѣстѣ съ нею, онъ не былъ смущенъ; вдали отъ неё, воспоминаніе не возмущало его свободныхъ мыслей любовью. Теперь онъ видалъ *Амалію*, перемѣнившую вдругъ свое съ нимъ обращеніе: изъ доброй и снисходительной, она вдругъ сдѣлалась холодною и спрогою; это привело его въ сильное удивленіе. Чему приписать подобную перемѣну? Напрасно онъ изыскивалъ причины. Убѣжденный, что не былъ виноватъ, онъ перебиралъ все свое поведеніе, и обращая взоры назадъ, думалъ о своихъ прошлыхъ поступкахъ.

Часто бываетъ на балѣ, что стоя подлѣ женщины, мы долго остаемся рядомъ съ нею,

не обращая на неё вниманія; потомъ она сдѣлаетъ невольное движеніе; мы оборачиваемся, смопримъ снова, этогъ разъ уже внимательнѣе, и замѣчаемъ въ ней тысячу прелестей, о существованіи которыхъ и не подозрѣвали съ перваго взгляда. Художникъ испыталъ это дѣйствіе души. Онъ устремилъ свою мысль на *Амалію*, и это было какъ молнія, освѣтившая вдругъ всю картину, споявшую дополъ во мракъ. Онъ удивился, что не отдалъ ранѣе справедливости столькимъ блестящимъ качествамъ, которыхъ развѣривались передъ его глазами. Осажденный однимъ разомъ тысячею различными чувствами, думалъ объ опалѣ, въ которую попалъ, онъ чувствовалъ живѣе сдѣланную пошерю и рѣшился испытать всё, чтобы опять возвратитъ благоволеніе той, отъ которой не въ силахъ онъ былъ оторвать свои мысли.

«Любезный другъ!» сказалъ адвокатъ, войдя въ комнату жены своей: «не правдѣ ли, что сегодня прелестная погода?»

— Безподобная. —

« Можно побойсья, что это весеннее утро. »

— Правда. Но почему ты мне говоришь это? —

« Так, просто. »

— А можно подумать, что ты сказала съ намѣреніемъ. —

« Безъ всякаго. »

— Я могу подозрѣвать, что ты сдѣлала мне эпошь вопросъ съумьсла. —

« Съумьсла! Божусь, что у меня не было никакого, и я не знаю, почему ты могла подозрѣвать. . . . Я только хотѣлъ посовѣтовать тебѣ, чтобы ты воспользовалась такимъ прелестнымъ упрямъ для прогулки. »

— Нѣтъ, я не расположена выходить. —

« Теперь настоящая пора; и если бы я былъ свободенъ. . . . Но надо иппи хлопотать по дѣлу; — и ты видишь, что я уже одѣтъ, иду въ Палапу. »

— Очень жаль. —

« Да, разумѣется; признаюсь, я бы хотѣлъ бытъ на своемъ мѣстѣ. . . . потому, что ежели бы я былъ на своемъ мѣстѣ. . . . Такъ ты не пойдешь со двора? »

Амалия приспально посмотрѣла на своего мужа.

— Удивительно, — сказала она, — и ты такъ горячо за это вступаешься! . . . Стало бытъ ты хочешь, чтобы я ушла? —

« Я? Нимало, увѣряю тебя! » перебилъ адвокатъ съ замѣтнымъ замѣшательствомъ.

— Не припворяйся; шеперь я въ эпошь увѣрена. . . . —

« И ты могла подумать? . . . »

— Я думаю, что ты хочешь меня опіюда выжить: это доказываетъ свое замѣшательство. —

« Нечего дѣлать! Если уже ты опіадала, то лучше признайся. Точно. Я бы хотѣлъ на нѣсколько часовъ остаться здѣсь одинъ. »

— Могу ли я знать причину? —

« Если-бъ эта была моя пайна: то я бы тебѣ открылъ её сей часъ же, но она принадлежитъ другому — и я не могу располагать ею. »

— Ты совершенно свободенъ и я нимало не хочу. . . . —

« Полно, неужели ты сердисься? »

— Ни крошечки; я была бы не права. . . . —

« Ты можешь быть увѣрена, что если бы эта пайна принадлежала мне. . . . но она не принадлежитъ мне. . . . »

— Я въ эпошь ни сколько не сомнѣваюсь. —

« И это потому, что долгъ мне повѣщаетъ молчать. . . . »

— Ты хорошо дѣлаешь, повинуюсь эпому долгу. . . . —

« Это огорчаетъ тебя; ты не права. . . »

— Совсѣмъ нѣтъ, увѣряю тебя. —

« Не скрывай. . . . Я это вижу! »

— Ты видишь очень дурно. —

« Напропивъ, я вижу очень хорошо. . . . Ты хотѣла бы узнать? . . . »

— Я ничего не хочу знать. —

« Такъ и быть! Узнай же, мой другъ, потому что ты моя жена, мое другое я; сказать тебѣ, все равно, что никому не сказывать. . . . и если тебѣ уже такъ сильно хочется. . . . »

— Я объявила тебѣ, что не хочу ничего слышать. . . . —

« Къ тому же я буду въ опчаяніи, что такая бездѣлица поселилъ между нами неприятность. . . . Знай же, что *Альфредъ*. . . . »

— Я тебя предупреждаю, что не хочу слышать. —

« *Альфредъ*, котораго ты полагаешь въ деревнѣ. . . . »

— Развѣ онъ не памъ? —

« Нѣтъ: это была хипрость. Онъ въ Парижъ! Еще лучше, онъ здѣсь у меня! »

— Какъ! —

« Да, живучи въ свѣтѣ, мы обязаны всѣмъ услуживать, особенно друзьямъ. Онъ меня

просилъ на колѣнахъ; я не могъ опказать ему.»

— О чемъ?... —

«Женщина, о которой я тебѣ говорилъ упрямъ... Но вѣдь ты не хочѣла знать?...»

— Когда уже ты началъ... —

«Эпо въ томъ только случай, если-бъ ты пожелала, ... всё что я дѣлаю, эпо для тебя... и если говорю, такъ потому, что пѣмъ думаю сдѣлать тебѣ удовольствіе...»

— Ну! эта женщина?... —

«Эта женщина оспавляетъ Парижъ; мужъ ея увозитъ; передъ отпѣздомъ она желаетъ проспиться съ *Альфредомъ*...»

— По сихъ поръ я еще ничего вижу... —

«Позволь!... Она не могла пріѣхать къ нему, боясь, что ея увидятъ. Эпо замарало бы ея доброе имя... но къ адвокату, дѣло другое; она могла имѣть нужду въ совѣтѣ...»

— И эпо будетъ здѣсь? О!... —

«Надо было согласиться! Какъ же быть? Вотъ для чего я и хочѣлъ удалить тебя. Если бы бѣдный *Мерсей* зналъ, что ты будешь объ этомъ увѣдомлена, онъ былъ бы въ опчаяніи! онъ былъ бы неупѣшенъ.»

— И ты могъ позволить?... —

«Нечего дѣлать... Дружба имѣетъ свои права...»

Въ это время кабриолетъ оспановился у подъезда: изъ него вышла женщина.

«Видишь ли,» сказала адвокатъ, я не обмануль тебя!... Вотъ женщина, о которой я говорилъ; пойду принять ея... Помни же, скромность! глубочайшее молчаніе! Я тебя прошу объ этомъ.» Адвокатъ, смѣясь въ душѣ отъ чудеснаго успѣха своей хитрости, пошелъ на встрѣчу гостыи, принялъ ея у себя въ кабинетѣ — и усѣвшись съ важностью на диванѣ, уложивъ свой подбородокъ между большимъ и указательнымъ пальцами, слушалъ танцовщицу, которая сядя на мягкой подушкѣ, сложивъ руки и поджавъ подъ себя по Азіатски ноги, рассказывала ему, что скоро заведетъ плясбу

съ дирекпоромъ, за то, что ей опказали въ освѣщеніи.

Амалия всё еще стояла на томъ же мѣстѣ, погружена въ раздумье; мысли толпились въ головѣ ея. Всё то, что она узнала объ *Альфредѣ*, перемѣнило ея къ нему радшіе въ отвращеніе, и поддавшись этому для неѣ новому чувству, она возненавидѣла его, но безъ спреха, не подозревалъ, что ненависть и любовь близки другъ къ другу.

Шумъ раздавшихся по залѣ шаговъ вывелъ ея изъ мечтанія, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя она увидѣла *Альфреда*.

При этомъ видѣ лице ея покрылось легкимъ румянцомъ; она увѣрилась, что мужъ не обмануль ея. Онъ не былъ въ деревнѣ!

«Позволите ли мнѣ войти?...» сказала *Альфредъ*.

— Мнѣ кажется, сударь, — прервала его съ живостью *Амалия*, что васъ призывали важныя занятія, и вы хорошо сдѣлаете, если не станете долѣе здѣсь терять драгоценныхъ минутъ. —

«Не понимаю, сударыня, чѣмъ заслужилъ я подобный упрекъ. Ваше обхожденіе со мною слишкомъ необыкновенно: я желаю бы узнать причину, — и я узнаю ея. Для того я и не поѣхалъ въ деревню, хотя мнѣ весьма нужно побывать тамъ.»

— Только для этого одного? — сказала *Амалия* съ насмѣшливою улыбкою.

«Да, сударыня, увѣрю васъ честью! готовый ѣхать, я почувствовалъ, что не имѣю для того силъ — и воропился. Можетъ быть, за эпо вы еще больше меня возненавидите; но я не могъ скрыть отъ васъ, что происходить въ моей душѣ! До сего времени я васъ видѣлъ безъ особеннаго чувства; распавался съ вами безъ горести, — можетъ быть потому, что былъ увѣренъ въ скоромъ свиданіи. Сегодня ваша холодность дала мнѣ почувствовать, что можетъ быть наступитъ минута, въ которую вы запретите себя видѣть. — И тогда я прочелъ въ моемъ сердцѣ. При этомъ взглядѣ въ глубину себя, я спрдалъ болѣе,

чѣмъ могу выразить—и пришелъ спросить васъ, въ какомъ я виноватъ пресупленіи, что я сдѣлалъ, что могло вамъ не понравиться?»

— Какъ ни спранны ваши слова, я буду отвѣчать на нихъ: вы жалуетесь на мою холодность; развѣ я вамъ дала право на неѣ жаловаться? —

« Сударыня!... »

— И даже, если правда, что я не такова, какую вы меня привыкли видѣть: то обязана ли я вамъ изъяснять причины этой перемены? —

« Безъ сомнѣнія, иначе я буду почитать себя виноватымъ; объяснивъ же мнѣ мою ошибку, вы шѣмъ дадите мнѣ средство и поправить её. »

— Кто обвиняетъ васъ? Кто говоритъ вамъ, что вы виноваты? —

« Кто говоритъ?... Вы сами, спараясь опровергать это. »

— И вы признаетесь, что невиноваты? —

« Прежде, чѣмъ признаться, надобно знать: въ чемъ мое преступленіе. Ради Бога, скажите мнѣ, что я сдѣлалъ? »

— Если вы, сударь, непременно хотите знать, то подумайте о вашемъ поведеніи, — и разсмотрите, что женщина, которая дорожитъ своимъ собственнымъ уваженіемъ, почтеніемъ всѣхъ.... —

« Я не понимаю васъ.... »

— Если вы хотите знать болѣе, то вспомните вашъ поединокъ! —

« Какъ! Вы знаете?... »

— Да, я знаю всё. —

« Могъ ли я не драгаться? Въ моемъ присутствіи обижали вашего мужа, моего друга: не было ли моимъ долгомъ за него вспуниться? »

— Вспуниться? За кого? О комъ говорите вы? —

« Не сказали ли вы, что всё знаете? Впрочемъ, кто же могъ сказать вамъ?... Не можете быть, чтобы онъ; я отъ него

скрылъ. Еще сегодня упромъ онъ меня спрашивалъ, а я не сказалъ ему. »

— Спало бытъ, это было не за женщину? —

« За женщину? Объяснитесь! »

— Мнѣ сказали, что поводомъ къ этому поединку.... —

« Какая ужасная клевета! »

— Правду ли говорите вы? —

« Къ чему мнѣ скрывать истину? Я драгся за вашего мужа, за него одного. Ужели защищать честь поносимаго друга, не щадя жизни, есть преступленіе? »

— О! — подумала *Амалия*; а онъ обвиняетъ его!... Но какъ же сдѣлалось.... что эта женщина, которая выходила изъ кабриолета.... Эта сегодняшняя повѣзка, повѣзка выдуманная.... —

« Выдуманная! Нѣтъ, она была истинная; и если уже должно мнѣ во всемъ признаться: то знайте, что я хотѣлъ ѣхать къ моей матери; къ моей бѣдной матери, которая живетъ въ деревнѣ и которая для моего воспитанія пожертвовала своимъ послѣднимъ имуществомъ. Бѣдный художникъ, я хотѣлъ подѣлиться съ нею нѣсколькими плодами моей бережливости, и только для васъ, для васъ одной, я отказался отъ желанія видѣться съ нею сегодня. »

— Ахъ! —

« Судите, какъ я люблю васъ! »

— Что говорите вы? Эта женщина, которую я видѣла здѣсь, пріѣхала не къ вамъ? —

« Клянусь! »

— И мой мужъ, чтобы скрыть свою измену!... Иначе, чтобы могло его заставить такъ дѣйствовать? Нѣтъ! Это было бы слишкомъ ужасно!!! —

« Я вамъ сказалъ правду. »

— Виновата! Виновата, до такой степени! Я не могу этому повѣрить; но если-бъ это было.... —

« Вы мнѣ позволите снова видѣть васъ? »

— Если бы я могла быть увѣрена.... —

«Вы мнѣ проспите любовь мою?..»

— О! горе тому, кто обманулъ меня!
Но гдѣ взялъ доказательства?...—

Послышался шумъ.

— Слушайте! — сказала *Амалия*.

Она узнала голосъ своего мужа, который напѣвалъ арію изъ комической оперы. Топчась ей блеснула мысль: она сдѣлала знакъ *Альфреду*, чтобы онъ молчалъ, — и вполкнула его въ кабинетъ, сосѣдственный съ ея комнатою, чтобы черезъ это средство лучше удостовѣриться въ истинѣ.

Вошелъ адвокатъ.

«И такъ, мой другъ! ты не выходила?»

— Нѣтъ, — отвѣчала *Амалия*, улыбаясь съ пріятностью.

«Право! Мнѣ это досадно. Время было превосходное.»

— Что, эта женщина все еще здѣсь?—

«Здѣсь еще!»

— А пвой другъ?—

«Съ нею; ты знаешь, что въ подобномъ случаѣ прѣшье лицо вовсе лишнее.»

— Понимаю. —

«И потому я оставилъ ихъ однихъ.»

— И пвой другъ тамъ?—

«Разумѣется!»

— Но увѣренъ ли ты въ этомъ?—

«Спиранно! Развѣ ты сомнѣваешься?»

— О, нѣтъ! Но мнѣ бы хотѣлось ихъ видѣть. —

«Что за мысль!...»

— Моя. —

«Это своенравіе...»

— Которому я хочу удовлетворить. —

«А приличіе?...»

— Въ самомъ дѣлѣ, вы имѣете полное право говорить о немъ. —

«Это важное препятствіе.»

— Особенно, если вы станете строга держаться своихъ правилъ. —

Она сдѣлала шагъ къ двери.

«Твое памѣреніе сумасшедшее!» сказалъ адвокатъ смѣясь: «и я не позволю...»

Амалия сдѣлала снова шагъ впередъ.

«Другъ мой!» сказалъ съ важностью адвокатъ, ставъ передъ нею: «подумай хорошенько о томъ, что ты хочешь дѣлать!»

— Я обдумала очень хорошо, увѣрлю тебя — и потому хочу видѣть эту женщину. —

«Какой вздоръ! Ты не увидишь её...»

— Увижу! —

«Это бы значило измѣнить госпепріимству: а этого я не могу позволить.»

— Однако это будетъ! —

«Не будетъ.»

— А кто запретить мнѣ? — сказала *Амалия*, подвигаясь еще ближе къ двери и хватаясь за ручку.

«Я!» отвѣчалъ адвокатъ; и если уже мнѣ другаго средства не остается, кромѣ этого...»

Онъ вышелъ и заперъ за собою дверь.

— Послушайте, сударь! послушайте! — сказала громко *Амалия*, спуща руками въ дверь, вы меня заперли! —

«Чортъ возьми! Я это хорошо знаю! И отсюда вытщи нѣтъ средствъ. Однако, мой другъ, за чѣмъ же ты довела меня до этой крайности? Впрочемъ, не бойся. Вспомни, что ты никуда не хотѣла идти; а я только что ворочусь изъ Палаты, поспѣшь приду освободить тебя.»

— Отопри! Умоляю тебя, отопри! Ты не знаешь, что... —

«Я не знаю! Это забавно! Нѣтъ, моя милая! я все знаю. И мнѣ извѣстно напередъ, что ты можешь сказать пропивъ этого. Все это понапрасну. Я оказываю услугу другу, не хочу услужить ему коѣ-какъ. Я не позволю, чтобы ктонибудь помѣшалъ ему; для того и не отопру. До свиданія!»

Не обращая вниманія ни на крикъ, ни на просьбы жены своей, адвокатъ вынулъ

ключъ изъ запертой комнапы—и положилъ его въ карманъ.

«Хорошо!» подумалъ онъ: «превосходно! Теперь мнѣ нечего болѣе бояться *Альфреда*; теперь, онъ можетъ приходишь ко мнѣ, когда ему угодно. Я сдѣлалъ масперскую штуку. Тотъ, кто не проигрываетъ ни одной пляббы своихъ кліентовъ, долженъ же быть чело-вѣкъ смѣливый, долженъ умѣть находить-ся во всякомъ случаѣ. Есть же люди, копы-рые предполагають, что мы только гово-руны, способные заупасть дѣло самое чи-стое, проиграть пляббу самую справедли-вую!... Жалкіе глупцы! Если бы они знали, что я сдѣлалъ теперь!... Это удвоило мои средства. Когда нѣтъ безпокойства, тогда болѣе краснорѣчія, и я увѣренъ, что сего-дня въ судѣ буду говорить какъ Цицеронъ. Да! справедливо говорятъ: съ помощію да-рованія и ловкости, до чего въ нашъ вѣкъ не достигнешь адвокатъ!»

Перев. В. Ивановъ.

КАИНЪ СЪ ГУСАРСКОЮ САБЛЕЮ.

Въ королевской галлерей въ Парижѣ нахо-дился картина, изображающая братоубій-ство *Каина*. Живописецъ представилъ сего послѣдняго въ шу минушу, когда онъ гото-вился совершить свое злодѣяніе и бросается на брата своего съ гусарскою саблею! Подоб-ные анахронизмы впрочемъ весьма нерѣдки, а особливо между произведеніями Фламанд-ской школы. Самъ *Рубенсъ*, въ пзвѣстной кар-тинѣ своей: *Отрегеніе* св. *Петра*, изобразилъ Иудейскую спражу—въ Испанской одеждѣ!

КАБИНЕТЪ РѢДКОСТЕЙ.

Забавный слуга, выхваляя иносстранному путешественнику кабинетъ рѣдкостей сво-его господина, расхвастался, что въ немъ на-ходятся между рѣдкими вещами: кинжалъ, копорымъ заколалась *Лукреція* и лукъ *Вильгельма Телля*. Продолжая повѣспованіе свое съ жаромъ, вдругъ онъ вскричалъ: представьте себѣ, не достойно ли сожидѣнія нещастіе, у-

насъ случившееся? Въ кабинетъ хранилось п яблоко *Вильгельма Телля*, весьма хорошо сбере-женное, но проклятой мальчишка, *Ванька*, два дня тому назадъ, съѣлъ его.

РОМАНТИЧЕСКІЙ ЭПИТЕТЪ КОЛПАКУ.

— Хопите ли вы знашь, какъ одинъ Французскій писатель романтической шко-лы опредѣляетъ колпакъ? — «Это молчали-вый свидѣтель сихъ непонятныхъ движеній дремлющаго ума, кои мы споль неудовле-творительно называемъ сномъ!»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П О Э Т Ъ.

Природы баловень щасливыйцъ!
Надъ вѣкомъ мощный властелинъ,
Поэтъ, сынъ неба горделивый,
Ты постигаешь лишь одинъ
Природы шайны, сокровенны
Отъ глухыхъ, суешныхъ людей,
Рабовъ ничтожныхъ и презрѣнныхъ
Своихъ игрушекъ и спраспей...
Сынъ бури знойной вдохновеня,
Жрецъ Музы пламенной своей,
Ты понимаешь проявленье
Въ конечныхъ образахъ—идей...
Ты, вознесенный надъ шолпою,
Увѣдалъ Божьи чудеса,
И не сокрыты предъ тобою
Спихій могучихъ голося:
Тебѣ понятенъ лиспьевъ шопоть,
Свиспъ вѣпра, вой морскихъ валовъ,
И спруй сребропѣнспыхъ ропоть,
И прескъ раскаспный громовъ;
Ты изучилъ языкъ природы,
Міровъ гармонию узналъ,
И лучъ божеспвенный свободы
Въ высокомъ сердцѣ заклѣпалъ!....
Своею думой безпокойной
Ты міръ подлунный обтекалъ;
Ты зрѣлъ пески Саары знойной,
И мракъ Аркшпическихъ ночей,

Воспокъ роскошный, полусонный,
И жизнь Ишалии полей....
 Ты приходилъ въ воспогъ безумный,
 Когда свѣталъ прекрасный день,
 Яснѣлъ незримо сводъ лазурный
И солнце гвало ночи тѣнь,
 Злапа лучемъ лѣса, долины,
И горъ шуманные хребты,
 На водопадныя пучины
 Кидая искры съ высоты.
 Ты постигалъ красу природы,
 Когда слепалъ на землю сонъ;
 Стихало всё, темнѣли своды
И звѣздъ являлся легионъ,
 Въ пошъ часъ спокойствія и мира
 Души ты пайну разгадалъ;
И учась будущую міра,
И жизнь загробную позналъ.
 Постигъ и времени печенье,
 Постигъ и Бога своего,
И, чувствъ въ священномъ упоеньѣ,
 Лезъ къ Источнику всего....
 Ты зрѣлъ поэзію родную
 Средь мрака сѣверныхъ ночей,
 Какъ степь багровишь снѣговую
Игра приполюсныхъ огней....
 Прекрасны Русскія равнины,
И горъ ледяное чело,
И наши сосны - исполины,
 Когда ихъ снѣгомъ занесло.
 Своею мыслію дерзновенной
 Ты въ пьму минувшую проникъ,
И предъ побойоу міръ забвенный
Изъ гроба вѣхаго возникъ:
 Воскресли Римъ и Византія,
 Аены, Спарта, Вавилонъ,
 Воспомнанія свяпыя!....
Чингисъ, Алфредъ, Тибуллъ, Ньютонъ...
 Ты понялъ бышіе искуства,
Шекспира огненный языкъ,
Дюрера кисть, *Моцарта* чувства
 Душой возвышенной постигъ;
 Ты все обмыслилъ во вселенной,
 На все свой отголосокъ далъ,
И каждой мысли вдохновенной

Другую мыслью созвучаль....
 Тебѣ знакомъ пошъ мигъ чудесный,
 Что вдохновеніемъ зовушь;
 Ты слышалъ Серафимовъ пѣсни,
 Что въ славу Господа поюшь;
 Ты обилъ знанья въ этомъ мірѣ,
 Творенья связь и цѣпь міровъ,
И зрѣлъ въ синющемъ эфирѣ
 Рои несмысленныя духовъ.
 Лишь тѣни вечера прольются,
 Въ дубраву духи прилепятъ,
 Въ круги неспройные совьются,—
И до разсвѣта прокишатъ....

 Воспогъ свой дикій и крылапый
 Глаголомъ смертныхъ ты излялъ;
И мыслей океанъ богатый
 Въ брегахъ созвучій заключилъ....
И стихъ пошъ спроеиъ и прекрасенъ,
 Въ немъ огнедышущій языкъ;
 Опъ громокъ, пламень, лепокъ, лепенъ,
 Какъ все нездѣшнее великъ....

 Какъ призракъ, Демонъ швой завѣпный
 Тебя преслѣдуетъ вездѣ,
И увлекаетъ непримѣтно
 Къ твоей панишвенной мечтѣ.
 Съ побойоу онъ въ бальной залѣ бродитъ
 Въ толпѣ неистовыхъ гостей,
 Онъ на тебя тоску наводишь
 Въ пиши губипельной ночей....
 Гость міра, въ мірѣ одинокой,
 Твоя попка, какъ змѣй люта,
 Она грызетъ тебя жестоко,
 Лметъ, какъ надгробная плита;
 Но для тебя горитъ высоко
 Твой идеаль, твоя звѣзда!....
 Пускай другой мудрецъ надмѣнный,
 Систематическій глупецъ,
 Педантъ, въ ничтожествѣ презрѣнный.
 Въ своемъ невѣжествѣ слѣпецъ,
Изъ Хрїиъ себѣ составишь крылья,
 Чтوبъ наровиъ съ побойоу лепашъ;
 Но щепны дѣтскія усьля:
 Его удѣлъ—въ пыли лежатъ.

Пускай въ безуміи заплещеть
 Ему шчшожная толпа;
 Пройдушъ вѣка, тебѣ заблещеть
 Потомства яркая звѣзда!
 Пускай глупцы тебя забудушь,
 Неправдой, злобой окуюшь,
 Тебѣ въ глаза смѣяшься будушь,
 Твоихъ воспорговъ не поймушь;
 Ты запоешь свяпныя пѣсни,
 Взлепишь далеко въ высоту,
 И, сбросивъ цѣпи въ поднебесы,
 Съ презрѣньемъ взглянешъ на полпу!...

М. Делъидовъ.

Ш А Р А Д А.

Мой *первый* слогъ давно ужъ припѣсняюшь,
 Изъ Русской азбуки неправо выживаюшь.
Второй—какъ молнія блеснѣшь,
 И въ вѣчностъ канешь.
 Кто на мундиръ военный взглянешъ:
Последній мой топчась найдѣшь.
 А *все*—Бурбоновъ другъ, ошечесива изгнанникъ,
 Вездѣ шапаенся, какъ безпріютный спранникъ.

Въ No 99-мъ, помѣщенная шарада значить: *Aversion*.

М О Д Е С.

La magnifique collection d'éventails du magasin de M. *Irlande* (Palais-Royal), s'épuise avec une si étonnante rapidité que nous nous empressons de la rappeler au souvenir de nos lectrices. — C'est hiver encore, il faudra choisir entre le grand éventail de *laque* et la peinture montée en ivoire, anciens souvenirs *Louis XIV* et *Louis XV*, et il est important de s'assurer une de ces merveilles pour le temps des bals. Vraiment rien n'est plus gracieux et plus séduisant que ce jeu des Andalouses, si bien reproduit par nos spirituelles Françaises. Rien n'est plus ravissant que ce sourire de femme à demi caché derrière l'éventail qu'elle agite lentement. — Ceux de Mme *Irlande* ont un cachet de curiosité si plein d'intérêt que nous les enseignons de

plus comme un charmant et précieux Bijou. En entrant dans ce magasin, on voit les plus beaux rubans de toutes sortes que l'hiver ait produits; de larges et longues ceintures en satin façonné, raies mates sur fond brillant, bordure zébrée sur fond uni, ou dessin égyptien couleur sur couleur. — Puis les satins *fleurettes* et les satins *dentelles*, les fonds de couleur semés de fleurs vives, les satins écossais et les pous de soie salinés. Mme *Irlande* s'attache à réunir tout ce que la nouveauté a conçu de plus élégant, — simple ou riche.

М О Д Ы.

Великолѣпное собраніе опахалъ, въ магазинѣ г-на *Irlande* (въ Пале-Рояль), испоощаенся. Нынѣшнюю зиму, еще надо будетъ выбирать между большимъ лаковымъ опахаломъ и живописнымъ, обдѣланнымъ слоновою костью, — спаринныя напоминовенія *Людовика XIV* и *Людовика XV*, — необходимо запаслись одною изъ этихъ чудесныхъ вещей на время баловъ. По испинѣ, ничего нѣтъ красивѣе и очаровательнѣе этой игры Андалузокъ, такъ хорошо подражаемой нашими умными Французенками. Ничего нѣтъ восхищительнѣе этой женской улыбки, прикрышой въ половину опахаломъ, медлѣнно ею колеблемомъ. — Опахалы г-жи *Irlande* имѣютъ оппечашокъ споль занимательнаго любопытства, что мы говоримъ о нихъ какъ о прелестной и драгоценной вещи. Вошедши въ этотъ магазинъ; находятъ самыя лучшія лены всякаго разбора, сдѣланныя для зимы; широкіе и длинныя апласныя пояса съ узоромъ, маповыя полоски по блестящему грунту, волнистыя коѣмки по гладкому грунту, или Египетскій узоръ подъ цвѣтъ. — Потомъ апласы *fleurettes* и апласы кружевные, грунты цвѣтныя, устьянныя яркими цвѣтами, Шотландскіе апласы и апласистые pou de soie. Г-жа *Irlande* спараенся соединить все, что новостъ избобръла самаго щеголеватаго, преспаго или богатаго.

П о п р а в к а.

Въ No 97, на спранцѣ 773-й, въ сплохбѣ 1-мъ спрока 9-я сверху, напечатано: *не должень*, надобно чипашъ: *должень*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 101.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 50, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СРЕДА, ДЕКАБРЯ 19 ДНЯ, 1854 ГОДА.

Дитя, кокетки записной
Поспигнувъ опытную ролю,
Признайтесь: вы играли въ волю
Моей безумною душой!
Кто-бъ могъ подумать, въ ваши глѣша!

Е. Баратынскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НОВОВВЕДЕНІЕ.

Прямой пахантъ вездѣ защитниковъ найдѣтъ.

(Опасный сосѣдъ В. А. Пушкина.)

На сихъ дняхъ рано упромъ сидѣть я въ своемъ пайникѣ (кабинетѣ), иллюминированный нагорѣвшими салными и восковыми огарками, роскошно погрузясь въ корректуру, и плавая въ морѣ кавыкъ, двоеточій, вопросительныхъ и вмѣстительныхъ. Уже продержалъ я два столбца первой страницы, уже хотѣлъ перевертывать, какъ поропливо вбѣжалъ ко мнѣ пріятель мой Степанъ Васильевичъ *Заборинъ*, одинъ изъ слѣдственныхъ присявокъ Русской словесности. По сіяющему радостью лицу его я подумалъ, что онъ пришелъ рапортовать мнѣ, какъ завѣдывающему (*) книжною Управою Благочинія, о выходѣ въ свѣтъ *Новаго путешествія къ св. Мѣстали*, *Новаго семейства Холм-*

скихъ, или *Новой княжны Милли*, соч. *Василія*, по неумѣстной скромности называющаго себя *Безгласнымъ*. Я ошибся! Спарикъ распегнулъ серпукъ, вынулъ изъ бокового кармана прибавленіе къ С. Петербургскимъ вѣдомостямъ, положилъ мнѣ его прямо подъ носъ и, поставивъ указательный перстъ надъ одною изъ книгопродавческихъ объявленій о вновь опечатанныхъ книгахъ, возопилъ велимъ гласомъ: «*Нововведеніе*, плодъ просвѣщенія, доказательство того, что Россія великанскими шагами догоняетъ образованнѣйшія государства Европы, что послѣдняя мгла тумана невѣжества рѣдѣетъ! До сихъ поръ въ однихъ Московскихъ вѣдомостяхъ, между объявленіями о пропавшихъ собакахъ и продажныхъ лошадяхъ, — помѣщались похвалы романамъ Московской фабрики, похвалы, сочиненныя или недоучившимся сидѣльцемъ книжной лавки, или самимъ авторомъ, или, наконецъ, спарцемъ-редакторомъ сихъ вѣдомостей, изъ жалости. Нашъ спѣсивый Питеръ не хотѣлъ перенимать эпои безкорыстной выходки Московской промышленности. Наконецъ, эпо невинное

(*) Разумѣется, что вообще съ другими журналистами и ихъ товарищами.—В.

средство сбывать съ рукъ книги, входипъ и у насъ въ употребленіе. Госпинодворская природа вспунила въ права свои!» — Не дослушавъ эпаго великолѣпнаго возгласа, я схватилъ газету и прочиталъ въ ней *Похвальное слово*, какимъ-то *Н. А. . . .*%, не захопѣвшимъ опкрыть намъ своего прозвища, написанное новому роману *Петра Машкова: Виктору Полинскому*.

«Будучи ревностнымъ любителемъ чтенія и подписывался почпи на всѣ издаваемые въ Россіи журналы, я долженъ откровенно признаюсь,» говоритъ хвалитель *Петра Машкова*: «что къ большому сожалѣнію, рѣдко встрѣчаю въ нихъ безприсрастные опыты о вновь выходящихъ книгахъ и часто бываю обманутъ надеждою—найпи въ оныхъ приписанное журналами достоинство, или еще чаще, встрѣчаю книги, хопя заслуживающія полное вниманіе, но о которыхъ опыты прошиворѣчили существовавшему ихъ достоинству. Прошу покорно, послѣ эпаго, заводипъ библіотеки, основываясь на приговорахъ нашихъ рецензентовъ!» продолжаетъ разгнѣванный ораторъ: «Изъ числа многихъ книгъ, оставленныхъ ими безъ должной опчетности публикѣ, я прилпнымъ долгомъ поставляю себѣ упомянуть о вышедшемъ въ семь году романѣ: *Викторъ Полинскій*, коего одно заглавіе я едва только могъ встрѣпитъ въ *Библіотекъ для теней*, и котораго авторъ, безспорно, можетъ занять мѣсто между первыми нашими липераторами, ибо, должно безприсрастно сказать, что до сихъ поръ мы не имѣли еще ни одного романа, написаннаго споль блестящимъ слогомъ, и который заключалъ бы въ себѣ пакое изобиліе сильныхъ чувствъ, высокихъ мыслей и очаровательныхъ сравненій. Какое холодное существо можетъ равнодушно прочитатъ страданіе несчастной *Ольги*? Чьи глаза не выроняютъ слезъ при ея печальной кончинѣ? Кто не плѣнитъя милыми оспропами *Елены* и разговоромъ ея съ *Викторомъ*? И наконецъ кто не пожалѣетъ добраго, но опрометчиваго *Полинскаго*? . . . И эпотъ прекрасный романъ въ 2 частяхъ спобитъ только 5 рублей. Очень жаль, что наши журналисты пакъ мало обращаютъ вниманія

на подобныя произведенія и заспавляютъ напоминатъ имъ пу обязанность, которую они приняли на себя. Душевно желаю незнакому автору пріобрѣсти заслуженную имъ благосклонность публики, а послѣдней познакомитъся съ его превосходными дарованіями.»

Въ эпой полуграмотной филлиппикѣ на насъ журналистовъ, что слово: по несправедливостъ. Сочтемъ самыя явныя: *Г. Н. А. . . .* % умышленно скрываетъ имя сочинителя сего романа, именуя его *незнакомымъ авторомъ* погда, какъ на жѣлшой обѣрпкѣ самаго романа крупными липерами выставлено: *согиненіе Петра Машкова*. Я говорю *умышленно* потому, что ему невыгодно было выказать имя превозносимаго имъ писателя: поелику оно весьма извѣстно и давно причислено къ лику *Анфилыгей-Орловыхъ, Гурьяновыхъ, Сиговыхъ, Голиныхъ, Федотовъ-Кузнецовыхъ*.

Г. Н. А. . . % напрасно укоряетъ насъ журналистовъ въ томъ, будто бы мы мало обращаемъ вниманія на произведенія, подобныя хвалитому имъ роману. Въ особенноти же грѣшитъ онъ противъ издателей *Св. Пчелы*, которые любувались *Разбойникомъ* пого же *Петра Машкова* и напечатали подробную на него рецензію въ 1828 году, въ No 86-мъ издаваемой ими газеты. Чтобы пропоставитъ на истинѣ основанный, холодный крипическій разборъ преувеличеннымъ похваламъ воспорженнаго *Н. А. . . а*, мы его здѣсь выпишемъ.

«*Разбойникъ, сог. Петра Машкова. С. Петербургъ. 1828. Въ типографіи Иоаннесова.*»

«Развернувъ эпу книжку, я ужаснулся опъ первыхъ двухъ спиховъ; говоритъ рецензентъ:

Покрылись мрачными пѣнями
Покойной Волги берега.

И такъ, Волга скончалась, или просто: приказала долго жить! Пословица говоритъ: *первый кусъ разбойникъ*. Послѣ эпаго начала спрудно было продолжатъ; но я, преодолевъ себя, прочиталъ всю книжку, и, какъ сказалъ *Капнистъ*:

— Сердцем сокрушимся,
Что я писать учился! —

Содержаніе повѣсти пустое; характеры
безхарактерные; картины безобразныя;
стихи плохіе; на примѣръ:

Сквозь легкой парь хорь звѣздъ сілетъ.
Рыбакъ безмолвію внимаесть.

Но кто, хранимый тишиной,
Спруи рѣчныхъ разсѣкаетъ —,
Всѣмъ послушнымъ—и порой
Чьи пѣсни эхо повтораесть?
Тогда шо зришь удаля — и пр.

Что это за пишина, въ которой раздаюп-
ся пѣсни удалцовъ?

И горе, горе вѣмъ плываю, .
Плывущимъ бѣдъ не ожида.

Пловецъ плывущій!

И день и ночь всегда любя,
Держала въ мысляхъ я себя.

Ты будешь слышать въ сихъ лѣсахъ
Одни желѣзные лишь звуки.

Они пошли рука съ рукою,
Прикрышы мрачной темнотою.

Жаль, что не *стплюю*. Вообще, нашъ по-
эпъ любитъ все мрачное: у него *мражныя*
пѣни (спр. 7); *мражныя* берега (памъ же);
мражная пяска (спр. 8); другая *мражная* пяс-
ка, покрупнѣе, (спр. 12); *мрачатся* волны
(спр. 9); *мражное* безмолвіе (спр. 10); *мражит-*
ся взоръ (спр. 11); *омирають* чело (памъ же);
пуча *омирила* небо (спр. 12); *мражная* тем-
нота (спр. 13); *мражная* сѣнь (спр. 13);
мракъ ночи (памъ же); *мражною* порою (спр.
14); *мражный* онъ (спр. 15); *мражныя* берега,
другіе, почернѣе первыхъ, (спр. 17); все *мра-*
жно (спр. 18); картина *мражная* (тамъ же);
темницы *мражныя* взору видъ (спр. 19); *овра-*
ги *мражныя* (спр. 25); взоръ *омирился* (спр.
29); чей взоръ разлука *не мрачитъ* (памъ
же); пѣсни *мражныя* (спр. 30); чело суро-
востп *омираетъ* (тамъ же); безмолвенъ, *мраж-*
ный и унылый (спр. 33); *мракъ* бурной но-
чи (спр. 35); *мражный* взоръ (спр. 36); *мраж-*
ная темнота (спр. 37); скрываетъ *мракъ*
(спр. 39).

Это разбойникъ не содовой разбойникъ!

Если сія выписка не заставитъ унятьсл
оратора: то я готовъ посвящать пѣлый
часть на убѣжденіе его, что онъ напрасно
домогаесть побратать сочинителя романа
Полинскій съ *Загоскинскимъ*, *Ложенинскимъ*,
Погорьскимъ, *Гречемъ*, *Погодинымъ*, *Гоголемъ-*
Яновскимъ, и пѣсколькими другими превос-
ходными нашими романистами.

Развертываю первую часть пресловутаго
произведенія *Петра Маикова*.

«Молодой князь *Полинскій*, едва вступилъ
на двадцать второй годъ своей жизни, какъ
уже сдѣлался свободнымъ *обладателемъ* на-
слѣдственнаго имѣнья, приносящаго весьма
значительные доходы.» Это бы можно ска-
зать прѣмъ словами,

«Онъ (п. е. кн. *Полинскій*) неоднократно
влпелалъ въ безсмертный лавръ *Суворова*
лучшіе лавры его.» Немножко обидно для
Русскаго полководца носить лавры, сорван-
ные чужою рукою, рукою героя съ фабрики
Петра Маикова.

«Въ концѣ XVIII вѣка, *запечатлѣннаго Ев-*
ропейскою кровью; открылся театръ войны
въ *огаровательныхъ предѣлахъ* Италіи. *Порохо-*
вый туманъ застигалъ *плодоносныя долины:*
красавыя руги, багрили роскошныя луга, и бо-
льзненныя стоны, изувѣченныхъ воиновъ оглашала
миртовья роци, въ которыхъ, незадолго
предъ симъ, раздавались веселыя пѣсни дѣвъ.»

Ужъ не это ли называетъ поклонникъ
паланпа *Петра Маикова* блестящимъ сло-
гомъ? Это просто надупость: дуньте на
неё здравымъ смысломъ—и ничего не оста-
нется.

Такою ли вялою кистью живописуетъ
Марлинскій свои великолѣпныя очерки Кав-
казскихъ горъ?

«*Викторъ* можетъ, со временемъ, сдѣлать-
ся *хорошимъ политикомъ государства.*»

Не понимаю! Увѣренъ, что и самъ авторъ
не понималъ пого, что написалъ. Не это ли
кажется г. *Н. А. . . .* у высокими мыслями?

«Каждый проснупокъ, онъ спарается за-
гладить скорымъ раскаяніемъ, и если бы ошиб-

ка была споль важна, то нтъ средствъ къ ея исправленію, то онъ сдѣлался бы самою жалостною жертвою раскаянія.»

Что слово: то ошибка, или пропивъ грамматички, или пропивъ смысла. Послѣ условнаго *если бы*, надлежало поспавивъ, *что не было бы*, то есть: согласовать времена и лица глаголовъ въ одномъ періодѣ, къ одному предмету относящихся.

«Благодарныя и *не натянутыя* движенія, очень много говорятъ въ его пользу.»

«Вся дача, есть ничто иное, какъ погой берегъ взморья, конецъ котораго образуетъ *не большіе острова.*»

«Ихъ лиспвенная сътъ служивъ *прозрачною вуалью* угасающему свѣшпилу.»

«*Щетинистая ель, уродливыми сучьями, обнимаешь* спройную березу.»

«Обдѣланные граишпы, *взгромощенные* одинъ на другой.»

Можно ли искать удачнаго изображенія мѣспиностей, характеровъ, слога, хода, завязки, развязки, въ такой книгѣ, копорой авторъ не знаетъ согласивъ существительнаго съ прилагательнымъ, не умѣетъ поспавивъ запящую на своемъ мѣспѣ?

«*По среди* луга *возвышается* искусная, высокая гора, на вершинѣ которой, *взоръ поражаетъ* неизяснимымъ зрѣлищемъ.»

Чудная конспрукція!

«*Зеркальное* взморье сверкаетъ *серебристою* своею *гешуею.*»

Что нибудь одно: если вода спонитъ неподвижно какъ зеркало, то *не сверкаетъ гешуею*: ибо *гешуется* она опъ дуновения вѣтра, опъ движенія. Если же *сверкаетъ гешуею*, то не похожа на зеркало, будучи подѣрнута рябью и не опражая предметовъ.

«Онъ давно уже искалъ женщину съ *высокими* понятіями о любви, копорая бы могла постигать *тѣ неизяснимыя идты*, копорыя загораются въ душѣ, опъ *свѣтлыхъ бриллан-*

товыхъ лучей священной любви, воспламенившей въ первый разъ юное сердце.»

Это липературное шарлапанство: есть и *высокія* понятія, и юное сердце, и *бриллантовые* лучи, и *неизяснимыя* идеи.... а все мишура; а все чего-то недостаетъ....

Чего бы?... Здраваго смысла!

Я бы могъ исписать 24 дести бумаги, еслибъ вздумалъ выписывать всѣ ошибки, всѣ промахи, всѣ нелѣпости, копорыми набиты два тома романа *Викторъ Полинский*. Оспается спросить у грознаго Архиспарха Академическихъ вѣдомостей: доволенъ ли онъ полнымъ вниманіемъ журнальсповъ къ произведенію его друга?—В.

ДИРЕКТОРЪ ТЕАТРА ПО ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЧАСТИ.

На одномъ театрѣ въ Германіи готовилась къ представленію пьеса: Двое скупыхъ. Въ одной сценѣ надлежало поспавивъ предъ каждою изъ нихъ по бупылкѣ вина. Директоръ труппы, копорый вѣроятнo болѣе занимался хозяйспвенною частью, нежели репертуаромъ, находилъ издержку сію излишнею. Онъ не хотѣлъ однакожъ, чшобы скупые терпѣли жажду, и попому приказалъ режиссеру вымарать одного скупаго и одну бупылку!

СЛОВЕСНОСТЬ.

НѢСКОЛЬКО МОРСКИХЪ ОЧЕРКОВЪ.

За Царя, за Русь, за славу,
Братцы — либо умереть!

Признайтесь, вы мало обращали и мало обращаете вниманіе на нашъ опечеспвенный флотъ? Вы думали, что онъ, какъ юноша, недостойнъ вашего вниманія. Вы человекъ холоднаго, слишкомъ основательнаго ума. Вы склоняете взоры полько на человека, *занимающаго мѣсто* въ общеспвѣ, съ окпавнымъ голосомъ мужа, съ неподвижноспію камня въ физиономіи, съ земляною

желповатостию въ лицѣ, съ безжизненною спеклянностию въ глазахъ, съ фразами почтеными, крапкими, какъ *дважды два четыре*. Вы думали, что юноша есть ни что иное, какъ забавная игрушка, съ которою можно поиграть, когда у васъ полонъ желудокъ. Вы никакъ не думали, что даже — съ пользою можно слушать юношу, и что рѣчь его недостойна вашего серьезнаго, глубокаго вниманія. Такъ думали дѣды наши! Такъ думали и вы!.. Но, я льщу себя надеждой, что теперь вы ужь не такъ думаете!... Впрочемъ — думайте какъ хотите. Только прошу, умоляю васъ, выведите изъ общей категоріи юношества — флотъ нашъ, и смотрите на него — не съ улыбкою, а — съ уваженіемъ!

Вспомните 1827 годъ; — эпохъ годъ открылъ новою славою флотъ нашъ: 8-го Октября 1827 года произошла Наваринская битва. Эпохъ годъ напомнилъ Русскимъ времена Чесмы, Тенедоса, Афонской горы. Оспрадно вспоминая дѣянія славы своего опечества: это возвышаетъ духъ! это заставляетъ еще болѣе любить опечество!

Конечно, и до 1827-го года, флотъ нашъ былъ въ миллионъ разъ лучше флотовъ Датскаго, Шведскаго и Австрійскаго; но устройство его не походило на теперешнее! — Думая о флотѣ, никакъ не могу не думать объ Императорѣ *Николаѣ*, объ эпохѣ *II-мъ Петрѣ великомъ*: Онъ разбудилъ флотъ нашъ къ бодрой, прекрасной, величественной жизни — своимъ громкимъ, звучнымъ голосомъ... Вы слышали эпохъ голосъ? Кого не заспавитъ онъ жипъ возвышенною жизнію! — Теперь во флотѣ нашемъ, исключая двухъ-трехъ судовъ, всѣ суда новыя съ иголки, построеныя въ царствованіе Императора *Николая*. — Солнце чѣмъ ближе къ полдню, тѣмъ оно движется медленнѣе; чѣмъ чело-вѣкъ ближе къ полдню своего возраста, тѣмъ способности души его развиваются быспрѣе и быспрѣе. Россія наша роспѣтъ во всѣхъ составныхъ частяхъ своихъ — не по днямъ, а по часамъ. Любо видѣть это! Да продолжаетъ обращать на нее взоръ свой — Провидѣніе!

Въ Русскомъ флотѣ, споявшемъ на якорѣ на большомъ Кроншпадскомъ рейдѣ, подъ начальствомъ генераль-адъютанта, адмирала *Сенявина* (*), были смѣшаны еще элементы старыя и новыя. — Какъ открытіе Америки, пороха и книгопечатанія, переродили чело-вѣчество, изъ людей среднихъ вѣковъ, въ людей настольцаго времени; такъ почно, Средиземно-морская кампанія флота нашего — переродила флотъ.

Сенявинъ повелъ флотъ въ Портсмутъ. Только ему было извѣстно то, что въ Портсмутѣ конспръ-адмиралъ графъ *Гейденъ* опдѣлится съ своимъ отрядомъ кораблей, чпобъ держать курсъ въ Средиземное море. Царскія слова: «*Въ случаѣ нужды, я увѣренъ, что вы поступите по Русски;*» — объяснились только въ Портсмутѣ, когда на корабли отряда графа *Гейдена* спали принимать мапросскую заграничную провизию (ромъ, вино, бѣлыя морскіе сухари и проч.), и когда червонцы — заграничное жалованье и заграничныя порціоны — зазвенѣли въ карманахъ моряковъ. — «*Посылаютъ въ Средиземное море... не даромъ же посылаютъ насъ въ Средиземное море;*»... разсуждали моряки въ прапиряхъ Портсмута, завтракал и обѣдая, и ужиная за вечернимъ чаемъ, и посылая: *гай ду-ду!*... *май диръ!* — за окошко.

Я былъ еще очень молодъ тогда, я былъ еще гардемариномъ; но думая о постпѣ *Сенявина* — читалъ списки *Батюшкова*:

«*Тамъ — воинъ нѣкогда, Одена храбрый внукъ,
«Въ болахъ приморскихъ постѣдѣый,
«Готовилъ сына въ брань....»*

Сенявинъ уже былъ слабъ здоровьемъ, уже обремененъ лѣтами для того, чпобъ успи въ быпву флотъ, снова покрыть его славою; но *Сенявинъ* долженъ былъ *проводить* его на дѣло славы! долженъ былъ голосомъ опытнаго спарца-воина — вдохнуть въ него мужество!...

Чудное было то время! Я тогда еще въ первый разъ дѣлалъ кампанію на морѣ, въ

(*) 1827 годъ.

первый раз видѣлъ земли иноземныя!... Сколько разъ нѣжное плѣо мое трепетало отъ страха! Сколько разъ миниашюрное сердце мое билось отъ восторга!... Я говорю былъ паспъ подѣ бременемъ впечатлѣній.

Но, если бы вы вздумали подробно спрашивать меня объ этой кампаніи—я бы вамъ не могъ описать ничего. Это былъ грунтъ, который закрытъ впечатлѣніями, происшествіями моихъ послѣдующихъ кампаній на морѣ. Это была первая морская книга, которую прочелъ я, выучившись морскому языку. Вѣрно вы не помните 1-ю книгу, которую вы прочли на вѣку своемъ.

Два обстоятельства только помню я: штормъ у Голланда и возвратъ нашъ на Кронштадтскій рейдъ. — Три недѣли качались мы у Голланда, подѣ *стакселями!* (*)— Отчаянныя качели! Радиусъ ихъ 80 футовъ! Они описываютъ дугу почти въ 90°! И какъ быстро они её описываютъ!... Корма корабля лепилъ внизъ такъ быстро, что плѣо не успѣваетъ догонять её: подошвы едва прикасаются къ палубѣ, и самъ какъ бы виситъ въ воздухѣ!... Огромень корабль; но волны морскія еще огромнѣе!.. — Случалось ли вамъ видѣть море во время шторма? Ясное, лазурное небо лежитъ надъ нимъ, солнце во всемъ величій капится надъ нимъ; но оно ревѣтъ и кипитъ и спонетъ! но, высоко, конвульсивно, мучительно волнуется грудь его! но, оно рвется изъ береговъ, въ которыхъ ему тѣсно, мучительно!... Такова жизнь юности!—

Какое обширное поле для поэта—описать возвратъ флота въ родную пристань! Какъ много струнъ, которыхъ можетъ коснуться онъ и произвестъ удивительную гармонию!... Войску, возвращающемуся на родину, предлежало только побѣдить врага! Флоту надобно было побѣдить врага и водную стихію, враждебную человѣку. — Флотъ, и не бывший въ сраженіи, а просто—возвращающійся изъ крейсера, надо встрѣчать,

какъ сухопутное войско, возвращающееся съ поля битвы!

Пускай опишетъ онъ бореніе въ груди моряка между двумя любовьюми: любовью къ родинѣ и любовью къ морю; ибо, водная стихія и морякъ—суть всегда *молодые супруги*, ссорящіеся только для того, чтобъ поспѣть—спраспнѣе, пламеннѣе упонуть въ объятія другъ друга.

Пускай опишетъ онъ любовь моряка къ кораблю, къ этому Аргамаку-исполину, который твердостію, ловкостію копытъ своихъ—выноситъ его изъ пропастей, который такъ быстро, такъ быстро порою мчитъ съдока, что дыханіе замираетъ въ груди его, что онъ подобенъ челоуѣку, принявшему большой приѣмъ опиума, что мысли и чувствованія свиваются какъ змѣй—безъ начала и конца—въ груди его; гремятъ въ ней невыразимо величественную, сладостную гармонию!

Пускай опишетъ глубокую, тяжкую грусть его—о близкой смерти корабля: корабль перестаетъ жить въ гавани, какъ бѣшеный конь степей, прикованный цѣпями къ стойлу.

Пускай опишетъ борьбу между прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ въ груди моряка, въ эту минузу. Морякъ грустно разсаетъ съ впечатлѣніями моря, — силится удержать ихъ въ себѣ, но настоящее, но будущее—сѣкутъ, какъ мечъ-кладенецъ, эти впечатлѣнія.

Посмотрите на моряковъ въ эту минузу, вслушайтесь въ слова ихъ. Какъ лица ихъ изображаютъ сильную, грустную и вмѣстѣ радостную тревогу души. Послушайте, какъ голосъ ихъ, отъ самыхъ низшихъ тоновъ, переходитъ вдругъ къ самымъ высшимъ: такъ веселый хохотъ смѣняется вдругъ мертвымъ, могильнымъ молчаніемъ. Вслушайтесь, какое *попури* въ словахъ ихъ разговора; слова: Портсмутъ, Вайдъ, Хайстрипъ, Кронштадтъ, Кронборгъ, Рыбный рядъ... споятъ рядомъ, слѣдуютъ помѣчасть одно за другимъ. Посмотрите — воптъ одинъ изъ моряковъ ходитъ твердымъ, ско-

(*) Штормовые паруса.

рымъ, веселымъ шагомъ; но вдругъ онъ спалъ, неподвижный, облокопясь на поручни; онъ задумался; сердце его сжимается, пугается всё болѣе и болѣе . . . и вопъ, слеза, слеза—капится по щекъ его.

О, какъ сладостна моряку па клѣпка, въ которой живетъ онъ на морѣ! Будучи принужденъ расстаться съ нею—онъ перяется, онъ исчезаетъ въ новомъ мѣрѣ суши! Онъ лишнее существо на сушѣ. . . .

Морякъ . . . Боже мой!—Морякъ, который умѣлъ плыть противъ волнъ океана, долженъ, взойдя на сушу, дозволишь увлечь себя ничтожнымъ волнамъ свѣтскихъ приличій. Морякъ, котораго стихіи не могли опутать съпью, котораго стихіи не могли заставить измѣнить индивидуальность его дѣйствій, — долженъ дозволишь свѣтскимъ приличіямъ пеленать себя кисейною съпью.—Морякъ, не привыкшій скрываться ни одного оплѣнка, ни одной спраноспи своихъ мыслей—долженъ говорить по нопамъ, долженъ быть актѣромъ, долженъ миспифироваться.—Что дѣлашь? Долженъ!

Въ 1827 году еще я не думалъ этого: я былъ гораздо меньше морякъ, чѣмъ пеперь.—День былъ прекрасный, когда мы спановились на якорь. Было упрое. W-ой свѣженькій вѣперокъ чешуилъ воды большаго Кронштадтскаго рейда. Солнце разсыпало на нихъ свое золото. Воздухъ былъ чистъ и прозраченъ, какъ телескопное стекло *Фраунгофера*. Кронштадтъ, Коса, Ораніенбаумскій берегъ—были видны въ полномъ блескѣ ихъ.

Когда убрали паруса, я и мой поварищъ *Дубасовъ*, были на гротъ-сѣлентѣ; мы были написаны на гротъ-бѣрсель. Каждый гардемаринъ, на корабль, назначается на какой нибудь парусъ, чпобъ надзирашь за его уборкою.—Какъ пеперь помню, мы, вмѣсто того, чпобъ заняться намъ дѣломъ, завели партикулярный разговоръ — понъ его былъ очень миноренъ: мнѣ было 14-тъ лѣтъ, *Дубасову* 12-тъ.

Помню, что мы очень завидовали гардемаринамъ, которые пошли въ Средиземное

море; — мечтали объ орденахъ; — спорили о томъ, пробьетъ ли пистолетная пуля лобъ, и, ядро, пролетя между колѣнъ, опорветъ ли ноги;—говорили про Морской корпусъ,—и, наконецъ, чрезвычайно развеселились, вспомя, что когда мы возвратимся въ корпусъ: по намъ дадутъ новыя одѣла — и мы будемъ учиться ружью и маршировать.

Н. Д.

Дерптъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Дѣтъ пѣсни:

ЛЮБОВЬ ДО ЩАСТІЯ И ПОСЛѢ.

1.

Медли, солнце! спань на домы,
Но за нихъ не уходи,
И на праздникъ нашъ весѣлый
Полюбуйся, погляди!

Видишь: пышущъ нѣгой знойной
Щеки, пурпуромъ горя:
Что твоей полдень безпокойной!
Какъ блѣдна твоя заря!

Дай имъ вдоволь нагорѣться,
Долго, долго въ нихъ свѣщи;
Дай на нихъ имъ наглядѣться,
Ихъ въ мечту перенести, —

Чпобъ я могъ ихъ образъ яркой
Забывать и вспоминая,
И на ложѣ мыслью жаркой
Ихъ до утра цѣловать.

Медли, солнце, спань на домы,
Но за нихъ не уходи,
И на праздникъ нашъ весѣлый
Полюбуйся, погляди.

2.

Солнце скучное, иди же!
Чась давно ночной поры;
Что льпивѣ, чѣмъ ниже
Со лазоревой горы?

Безъ тебя мы все откроемъ,
Безъ тебя найдемъ свой пушь,
Безъ тебя пылаемъ зноемъ
Жарко-любляца грудь.

Что мнѣ видѣшь? — Я почую
Какъ успа ея горячь,
Какъ ланипы съ поцѣлую
Запылаючь, задрожашь!

Ночь, своею пемной дланью
Погаси же дець скорый,
Обрати волшебной пканью
Насъ въ невидимыхъ птпей.

Солнце скучное, бѣги же!
Часть давно ночной поры:
Что льнивѣе, чѣмъ ниже
Со лазоревой горы?

Шевьревъ.

CHARADE.

On n'aperçoit que trop de jeunes étourdis,
De mollesse énérvés, sur mon premier assis,
Dans mon second, souvent, écraser leurs semblables,
Et par leur cruauté se rendre haïssables;
Eux de qui les ayeux, pesant sur mon entier,
N'avaient pas de ces foux le caractère altier.

Въ Но 100-мъ, помѣщенная шарада значить: *Эмигрантъ.*

MODES.

Voici le moment de l'année où toutes les fantaisies se renouvellent; on change les toilettes et on ajoute à son ameublement. — Aussi, dans ce moment, au retour de la campagne, voit-on une foule assidue se presser au magasin de *Lesage*, rue Grange-Battelière, bazar complet de la mode, où l'on trouve le bureau de palissandre incrusté de cuivre gravé, et l'ouvrager de bois de cèdre à filets d'ivoire, où l'on hésite entre la *causeuse* de *gourgouran moiré* et la *ganache* de satin à fleurs, nombreux et magiques salons étalant les dorures éblouissantes des meubles de *Boule*, et les

psychés en bois exotiques, et les chaises de forme délicate ou massive à côté d'une toilette ou d'une table chargée de flacons, de pelotes ou de porcelaines. Chez *Lesage*, tout ce que le caprice inspire à la mode; chez *Lesage*, tout ce que la mode exige du luxe. Nous ne connaissons pas de passe-temps plus intéressant que deux heures employées à parcourir ces longues salles, où l'on circule avec peine entre mille objets plus attachans les uns que les autres; occupés à comparer la perfection élégante de notre industrie et l'ingénieuse adresse des ouvrages indiens ou chinois, nous gardons en souvenir le soulier rouge, brodé d'argent d'une Chinoise, certainement bien admirée; car ce monstrueux soulier chausserait à peine le pied d'un enfant de cinq ans.

МОДЫ.

Вопш по время въ году, гдѣ всѣ прихоти возобновляюцца, гдѣ перемѣняючь наряды и прибавляючь къ меблировкѣ. Потому, теперь, по возвращеніи изъ деревни, видно всегда множесство людей въ магазинѣ *Лесажа*, въ улицѣ Grange-Battelière; полный модный базарь, гдѣ найдете вы бюро изъ палисандра, выклеенное рѣзною мѣдью, и рабочій сполникъ изъ кедроваго дерева съ сѣшкми изъ слоновой кости; гдѣ не рѣшаюцца выборомъ между козешкой, обитой обьяриннымъ гургураномъ и креслами *ganache*, обитыми апласомъ съ цвѣтпами; многочисленныя и волшебныя замы, выказывающія ослѣпляющія позолоты мебели *Boule*, и пшише изъ деревьевъ жаркихъ климатовъ, и спулья легкой или тяжелой формы, возлѣ пуалеша или спола, уславленного флаконами или фарфорами. У *Лесажа* все, что прихоть внушаешь модѣ; у *Лесажа* все, что мода шребуешь отъ роскоши. Мы не знаемъ зашпмательнѣе препровожденія времени, какъ упошребить два часа на прогулку по эшимъ длиннымъ заламъ, гдѣ пробираешся съ шрудомъ между пыслью предметами, одними привлекательнѣе другихъ, занимаясь сравненіемъ шеголеватого совершеншва нашихъ ремесль и запѣтливаго искусства Индѣйскихъ и Кипайскихъ работъ. Мы сохраняемъ въ памяти красный башмакъ, вышитый серебромъ, принадлежавшій одной Кипайкѣ, внушавшей вѣрно большое удивленіе, потому что эшотъ уродливый башмакъ едва ли бы годился для ноги пшпилѣшняго ребенка.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 102.

Цѣна годовому изданію,
состоющему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 22 ДНЯ 1854 ГОДА.

Кого не упомянуть угрозы,
Мохенья, кляпвы, мнимый страхъ,
Записки на шести листахъ,
Обманы, сплетни, кольца, слѣзы,
Надзоры тетокъ, матерей,
И дружба шаякая мужей!

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЦЕССЪ САМОЗВАНЦА ЛУДОВИКА XVII.

Процессъ, который не обѣщаль ничего, кромѣ обильной жатвы смѣшнаго, въ которомъ мы ожидали воспрѣпить однѣ лишь уловки и наглость дерзкаго пройдохи, обличенный судебнымъ изслѣдованіемъ, — по одному изъ тѣхъ случаевъ, которые Провидѣніе какъ будто хранитъ въ готовности, принялъ иной оборотъ и возвысиль на степень исторической важности простое уголовное судопроизводство.

Революція предстала на судъ и была уличена во второмъ царубійствѣ. Старецъ, бывшій ея свидѣтелемъ, пережилъ столько различныхъ правленій, чтобы сорокъ лѣтъ спустя послѣ преступленія, явился обвинителемъ убійцы *Лудовика XVII*. Старецъ эпохъ заснулъ мѣсяцо *Симона* и *Лорана* въ должности дядьки порфиророднаго опрока. Тампльскій сирота данъ былъ ему на руки въ изнеможеніи отъ горести и

дурнаго обращенія, и еще покрытый признаками звѣрства своихъ спражей. Со времени послѣдняго прощанія державнаго опца его, послѣдняго поцѣлуя его царственней матери, послѣдней ласки кропкой сестры его, *Ланъ* былъ единственнѣмъ существомъ, которое старалось облегчить его спраданія, лицо *Лана* было единственнѣмъ лицомъ, которое улыбалось ему.

Ланъ просподушно передалъ пайны Тампльской башни; онъ открылъ для исторіи, что жестокое обращеніе подлаго *Симона* смѣнилось грубостью и равнодушіемъ *Лорана*. Послѣдній спражъ знаменитаго узника безъ дурнаго обхожденія и побоевъ; онъ довольствовался тѣмъ, что ставиль ему пищу въ углу тюрьмы, говоря: *Бить, если хочешь*.

Когда поличеніе о юномъ королѣ *Лудовикъ XVII* было поручено *Лану*, то болѣзнь сдѣлала уже въ несчастной жертвѣ такіе значительные успѣхи, что ни старанія, ни искусство медиковъ *Дессо* и *Шопара*, не мо-

гли остановить ея губительнаго дѣйствія. Какъ будто въ доказательство, что все должноствовало носить на себѣ печать ужаснаго и паинственнаго въ происшествіяхъ этой драмы, оба врача сошли въ могилу непонятною смертію и лишь немногими днями ранѣ царственнаго больного, препорученнаго ихъ усердію.

Сынъ *Людвика XVI* и *Маріи Антуанетты*, родившійся среди Версальской пышности, умеръ въ пемницѣ; и спорожу пюрёмы его назначено было, сорокъ лѣтъ спустя, представить взорамъ поколѣнія, почти чуждаго сей великой капаспрофѣ, *свою руку*, на которой царственный отрокъ испустилъ послѣдній вздохъ. При спеченіи многочисленныхъ зрителией, *Ланъ* произнесъ распрогашнымъ голосомъ: *Посль трехлѣтняго страданія, милостивые государи, молодой принцъ скончался вотъ здѣсь... на львой рукѣ моей!...* И потомъ, какъ бы по вдохновенію свыше, спарець, приподнявъ свои сѣдые волосы, прибавилъ: *Почему не угодно было Небу, чтобы онъ жилъ для общаго нашего счастья!*

Провидѣніе не лишило насъ сихъ поученій исторіи. И не оно ли, осмьнадцать лѣтъ тому назадъ, руководствовало министромъ полиціи при опысканіи въ бумагахъ царубійцы *Куртуа*, того удивительнаго завѣщанія королевы, которое будетъ служить вѣчнымъ памятникомъ благочестія, нѣжности и смиренія? Когда Небу угодно наспавить людей: то оно равно избираетъ своимъ орудіемъ и челоуѣка, подобнаго герцогу *Деказу*, и простаго пюрёмщика.

ДАВАТЬ ЛЕКАРСТВО ВЪ ВОДѢ.

(*Калалбургъ*).

Одинъ извѣстный медикъ, навѣстя своего больного, заспалъ его *въ ваннѣ*. Онъ удивился. «Кипо приказалъ это?» съ досадою спросилъ онъ у окружающихъ.—Вишь вы сами, бапюшка, приказали давать ему каплитю *въ водѣ*;—простодушно отвѣчала спарушка, прислуживавшая больному.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С Л Ё З Ы.

O lachrymarum fons. . .

Gray.

Люблю, друзья, ласкать очами
Иль пурпуръ искромешныхъ винъ,
Или плодовъ между листьями
Благоухающей рубинъ.

Люблю смотрѣть, когда созданья
Какъ-бы погружены въ веснѣ,
И мръ заснулъ въ благоуханьи
И улыбаешся во снѣ! . . . ,

Люблю, когда лицо прекрасной
Зефиръ лобзаньемъ пламенишь,
То шолкъ кудрей взвѣваетъ сладоспращной,
То въ ямочки впиваетъ ланишь!

Θ. *Тютчевъ.*

Юля 21, 1823.

Минхснъ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Не горюй, дѣвица красная,—
И глазокъ голубой
Не туманъ пы слезой;
Придешь грусть - бѣда, наплачешься.

*

Заплети же косу русую,
Нарядися въ шапку;
Дѣвичью красу
Не губи тоской безвременной.

В. Ивановъ.

Ш А Р А Д А.

Мой первый слогъ въ Италіи рѣка;
Она прославилась въ спаринные вѣка.

Второй—въ Италіи бываетъ.

А *цѣлое* всё въ пепелъ превращаетъ.

М. Делидовъ.

Въ No 101-мъ, помѣщенная шарада значить: *Char-rie*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Черный день Трещоткиной, *комедія въ трехъ дѣйствіяхъ въ стихахъ*, А. Соболева. С. Петербургъ. 1834 года.

Избави грѣшника, о Господи, великаго меня

Отъ злаго эпаго безбожнаго вранья.

Черный день Трещоткиной. Спран. 180.

Это не водевиль, не сказочка: новая комедія въ стихахъ и въ Парижѣ есть рѣдкое явленіе. Тѣмъ дороже оно должно цѣниться у насъ, весьма небогатыхъ хорошими комедіями. *Фонъ-Визинъ* оставилъ намъ только двѣ: *Недоросля* и *Бригадира*, и объ, къ сожалѣнію въ прозѣ, тогда, какъ его *Посланіе къ слугамъ* показывается, что онъ могъ пворить прекрасные стихи. *Хвастунъ*, соч. Я. Б. *Княжна*, едва ли не лучшее драматическое его произведение; *Модная лавка*—*Крылова*, *Своя семья*—князя *Шаховскаго*, двѣ комедіи *Загоскина*, *Горе отъ ума*—*Грибоедова*, единственное по блестящимъ стихамъ, изъ коихъ каждый есть эпиграмма; при-четыре комедіи *Хмельницкаго* и при *Офросимова*: вопъ всё, что можемъ мы безъ стыда представить на Европейскую выставку драматургіи.

Прочитавъ книгопродавческое объявленіе о выходѣ въ свѣтъ новой комедіи въ стихахъ, я обрадовался этому чрезвычайно, поскакалъ къ Ивану Тимофѣевичу *Лисенкову*, выпросилъ на двое сутокъ книгу (*), запрягалъ въ карманъ — и, воровясь домой, залпомъ её всю проглотилъ!... Вскорѣ почувствовалъ я зѣвательность, пошноту, одурѣлость, однимъ словомъ, всё припадки, обнаружи-

(*) Точно выпросилъ, взялъ на прокатъ, а не купилъ. Еслибъ журналисты поставлены были въ обязанность покупать всё вновь выходящія книги: по на это мало бы издерживать по 2,000 рублей въ годъ каждому, кромѣ иностранныхъ книгъ, газетъ и журналовъ. — *Вейковъ*.

вающие неумѣренное употребленіе плохихъ виршей и безполковщины. Домовый мой лекарь прописалъ мнѣ класпъ въ уши клюкву, привязавъ къ головѣ солѣныхъ огурцовъ, нюхавъ укусъ и выпивъ два спакана воды: спасительныя средства отъ угара. На другой день моя голова была такъ тяжела, что я съ трудомъ могъ приподнимать её.

Новая комедія, о которой здѣсь рѣчь идетъ, отличается отъ твореній *Фонъ-Визина* и *Грибоедова* тѣмъ, что не имѣетъ никакого содержанія, что дѣйствующія лица не дѣйствуютъ, а болтаютъ, болтаютъ, болтаютъ безъ умолку, и что авторъ, давъ имъ прозвища *Трещоткиной*, *Вѣдоркиной*, *Чванкиной*, *Простакова*, *Громилова*, *Злорыгина*, *Задиркина*, избавилъ себя отъ труда развертывать, обрисовывать ихъ характеры, заставляя ихъ говорить, ходить, любить, ненавидѣть, сердиться, предпринимать, мстить, ревновать, пакъ, чтобы въ каждомъ изъ нихъ зрители вездѣ видѣли забяку, или говоруна, кокетку или сварливую женщину. Зрители, слыша фамилію *Трещоткиной*, смѣкаютъ, что она за персона.

Лишь ноги бы убрать,

Да уши сохранить отъ залповъ перекрестныхъ.

То памъ, по здѣсь *трещать* *картежами* предсѣстныхъ
Словцовъ!

И пакъ, сударыня! притѣпчивость которой
Трещала на весь міръ, быть можетъ, помогать
Изволить.

За то повѣрите *оттрещать*

Такъ постарается намъ на застольномъ пирѣ,
Что спѣны успоятъ едва ли!

Картечей грохотня

Не такъ убійственна, какъ эпа *трескотня*,
Которая гремитъ и *летко* и задорно.

И пусть *Трещоткина* немножечко проспудитъ
Безжалостный свой жаръ на щѣпъ другихъ трещать.

Благошворилъ въ судъ; но дома онъ спрадалъ,
Отъ варварства жены — *трещотки* *Лдовитой*.

Трещала варварски колочимъ языкомъ,
..... Такъ *растрещится* эпа
Живая трескотня.

Чишапели же предупредены, что она за персона, и *Вздоркина* прудилась напрасно говоря:

Напрошивъ я молчу охотно, и желала
Всегда охотнѣе, сударыня! молчать,
Чѣмъ, какъ инья, все безъ умолка *трещать*.

Трещоткина такъ же излишне озабочивается, играя въ каламбурны именовъ *Вздоркиной*.

Трещать, сударыня! не смѣю съ вами спорить,
Тѣмъ болѣе, что я не смыслю вовсе *вздорить*.

Вздоръ пресуцій.

Пусть *вздоръ*, а все таки рассказывай.

Чванкина — чванится какъ пава, *Громиловъ* — громитъ съ плеча, никого не щадитъ и не выбираетъ выражений.

Барабанъ ходячій — варваръ!

На полсекунды онъ не смыслилъ помолчанья;
Но радъ безъ умолку безжалостно *трещать*.

Онъ опличается опъ другихъ пѣмъ, что песѣтъ военную ахинею:

Палишь злодѣй изъ глотки (1)

Каршечью какъ изъ пушки
Громитъ.
Задиркинъ.

Лешпунъ пакой, что право былъ бы радъ,
Когда бы прочіе играли всѣ въ *молланку*.
Умѣй и говоришь, но и *моллатъ* знай совѣсь.

Столкнулась съ эпой я газетою живого
У *Моллалихиной*.

Экстрактъ воранья (2).

Хошь Бога

Побойшесь! Надобно-жъ кому нибудь *моллатъ*.

За то не *молла* вы

Однако-жъ я играшь въ *молланку* не желаю!

(1) Авшоръ вездѣ, гдѣ находить случай, оппускаетъ оспропы на эпошь щѣтъ; на прим:

Каршечей грохотня

Не такъ убійственна, какъ эпа *трескотня*,
Которая гремитъ и мешко и задорно,
Хошь и знакъ она, что очень нынѣ чѣрной
День милой госпожи *Трещоткиной*.

(2) Оспроша!!!

Охотно уступаю

Вамъ эпу честь — *моллу*; въ угодность вамъ *моллу*.
Я изъ учливости, приспосойности лишь только
Моллатъ.

Моллу; кричите сколько

Душѣ угодно; я не стану опвѣчать.
Чтобъ успокоить васъ гошова я *моллатъ*.

Я болѣе люблю *моллатъ*, чѣмъ говоришь

Мнѣ никакого нѣтъ до эшаго и дѣла,
И я *моллу* о шомъ и *умоллу*.

Опнѣда

Сперва о шомъ уже и хочешь *замоллатъ*.

Напрошивъ я *моллу* охотно, и желала
Всегда охотнѣе, сударыня, *моллатъ*.

Нарочно я *моллатъ*, чтобъ мудрости набраться.

А дамъ иногда знашь *должно-бъ моллаливость*.

Вы правы, почно такъ, охотно я *моллу*;
Лишь только-бъ и она *молла*.

Захочу

Когда я *замоллатъ*, такъ *замоллу* безъ спроса.

Прасковья

Андрѣевна! не было условия и шого,
Чтобы молчали всѣ.

Мущинамъ довелось *молланіе* по шпату (3).
Молли безшпыдная вралиха

Моллаливость

И въ васъ не первая ешь добродѣтель.

Условья

Однако-жъ не было *моллатъ* другимъ.

Какъ развосприлася

Моллатъ!

Я *моллу* — *моллу!*

Опвѣщете

Ему презрипельнымъ *молланье*.

(3) Еще оспроша — щипайте!!!

Я молчу,
Сергей Иванович.

Молчу и удивляюсь только.

Велише замолчать ему.

Велише замолчать, сударья, ему.

Чудеса! как громко разрышилось
Молчанье.

Опъ нее другіе всѣ молчатъ.

Лучше-бъ имъ молчать.

Ихъ язычокъ смолчитъ.

И мнѣ наскучило молчать.

Или

Ты хочешь, чпобъ въ шею молчанку вколотили (4)?

Не замолчишь, газета

Вранья проклятая (5)!

Замолчи, проклятой Сашана!

Молчи дуракъ!

Да замолчишь ли ты?

Я не люблю молчать.

Молчи, разбудишь!

Прямой Задиркинъ ты!

Теперь угодно ли познакомиться съ господиномъ Злорыгинимъ? Онъ не имѣетъ никакой особенной физиономіи; это впрочемъ Задиркинъ, такъ какъ Задиркинъ впрочемъ Злорыгинъ. . . .

Уши варварски перзаешь!

Не знаю, что за спросъ несчастная москвичка?

Злорыгинъ человекъ хороший, я не спорю,

Да только любишь же другимъ задашь и зорю,

Какъ будто онъ одинъ и правъ и чисъ и свящъ.

Всякой передъ ней ери сколько хочешь.

Злодѣй, безбожникъ, враль, Злорыгинъ.

За то, что смѣешь онъ враньели васъ беспокоить.

..... вретъ

Не на живощъ, на смерщъ.

Противная вранлиха!

Я не Трещоткина, когда они съ враньели.

Да не усядуща.

По мнѣнью моему, неутомимый враль,
Который каркаетъ безъ полека.

Какъ это цѣлый вѣкъ безъ умолка все врать.

Ты хопъ сердисъ, хопъ нѣшь, пы изо всѣхъ вранлей
Первѣйшій самый враль.

Чпо слово; шо совретъ!

Враль.

Молчи безсмыдная вранлиха!

..... Вамъ

Угодно просто врать. Ври что такое шамъ
Случилось?

Ты лжешь, вранлиха!

Знай

Свое вранье несешь.

Такъ я соврала

Не пы ли соврала?

Однако-жъ никогда не вретъ, но такъ умно,
Такъ занимательно рассказываетъ.

Доврашь-шо, виднше, окоша вамъ пришла
Ей помѣшать.

..... еру

Я спросла, знаеше, все, что въ умъ ни пошло.

..... Спала.

Угодно вамъ и шо не врать, но говоришь,
Чего въ умъ никогда не можешь и входить.

Но знаю только шо, что вѣчный говорущъ
Ничто иное ешь, какъ нестерпимый ерумъ.

(4) Какое благородное выраженіе.
(5) Какое милое выраженіе.

А врунья, мапушка Соломонида. . . .

Михо!

Я врунья?

А пы-по, сударь, самъ не врунь, не сплещичь?

..... Вы однимъ

Напишаны *вражье*.

Угодно ли, *вруна* я докажу. безспыдспво.

Часы такъ часпо *врутъ*, чпо ужаспъ.

Ври!

Клянусь, чпо *вретъ!*

Ахъ, у *вражья*, въ спо *вращъ* длиннѣй языки.

Враль.

Уймешся ли пы *вратъ?*

Вралиха, Вспышкина, вралиха изъ вралихъ, Вралиха.

Онъ на умору

Совраль, и вѣришь кпо ему захочешъ, пошь,

И самъ безъ совѣспи, безъ милосердья *врѣтъ*.

Такую *диль врала* безспысленную. . . . Горько!

Заврался,

Иванъ Анисимычъ, заврался.

По спашь

Вранья однако же не онъ здѣсь первый.

Всему шакому наберешся,

Чпо не хопя сама, опъ нихъ сама *заврешся*.

За шѣмъ, чпо говоришь, *врань*, не сказавъ ни слова....

Помилуйте, муштина!

А *вратъ* такъ любите,—оспавыше поде *вражъ* торговкамъ *взамошнымъ*.

Досель васъ *перевратъ* никпо не могъ (6).

Семья

Вы двое будете *всесвѣтнаго вражья*.

..... *Вонъ, враль,*
Мерзавецъ.

..... Эпо

Вамъ по преданію ивѣсно пѣхъ *вралихъ*,
Копорыхъ, мапушка! негодный взглядъ пакъ лихъ,
Чпо пошчасъ подглядитъ, какъ подглядитъ проказы.

Но пѣмъ не менѣе *вражье* однимъ и дѣшимъ.

Вздыхаю, признаюся, о пѣхъ нещасныхъ я,
Копорымъ жертвами бышь довелось *вражья*.

За шо, однако-же *вражье* не смыслу вздоришь.

Но пѣмъ не меньше пы *вражье* *переврала*;
И почно было-бъ жаль, когда бы умерла
За шѣмъ, чпо не кому-бъ преподаваць уроки
Вранья правнически по швоему.

..... *Вонъ, духъ*
Вранья, безспыдспва!

Да васъ не атакуюшь

И залпами *вражья*; карпечей грохощия
Не такъ убійственна, какъ эпа прескошпя,
Которая гремишь и менко и задорно.

Враль! подавашь, презвоинишь
Не на живощъ, на смершь!

Важнѣйшее лицо, если полько оно можешь
бышь въ такой безжизненной комедіи, гдѣ
актѣры не дѣйспвуютъ, а разыгрываютъ
варіаціи на слова *вратъ, злословить, клеветать,*
трецать, борлотать, трезвоинить, болтать
вздоръ, поротъ дить, нести алинею, еспъ —
Простаковъ, женихъ госпожи Трецоткиной. . .

Съ *простотою*

Своею *Простаковъ* однако же опнюдь
Не простъ.

Тѣмъ хуже: *простъ* онъ будъ;
Такъ *простотъ* его спуспиди: бы: иное.
Но если-жъ: онъ *непростъ.*

..... Но *языкомъ* мушнись
Кпо запрешить?

Для одного дншъ вида

Языкъ имѣешъ.

(6) Кажется, чпо авторъ, для пользы Русской словесности, взялъ на себя обязанность помѣспнись всѣ возможные виды глагола *вращъ*; на примѣръ: доврашь, соврашь, переврашь, заврашь (кого).

Но смѣешь *языка* имѣть употребленье:
Прекриминальное вѣдь это преступленье!

Нѣтъ хуже,
Какъ плашу получаешь съ процентомъ *языка!*
Бѣжаешь, чѣмъ не схватишь еще и шумака.

Языкѣ людей ешь. злоешь и клеветаша и мерзосешь.

Ахъ! съ зубаснымъ *языкомъ*.

Гдѣ ужъ мнѣ! Приходится мнѣ спать
Ужъ *безъязычною!*

Учпивый кавалеръ!
У дамъ осмѣлился перебиваешь ихъ право
Святое на *языкѣ* и слухи.

Не *языкомъ* однако же.

Одно лишь проглядѣли,
Чѣмъ *языкомъ* своимъ да на одной недѣли,
Вамъ пощаспливилось безъ щета уморить
И женщинъ и мужчинъ.

А давшій ваще ишпуртъ *языкомъ*.

Дѣло въ шомъ
Чѣмъ вамъ бышь хочешся однимъ здѣсь съ *языкомъ*.

Языковъ

Подобныхъ поискашь до припорносности скромныхъ.

Тогда, когда *языкѣ* осиной шевелится.

Ему безъ *языка* родиться-бъ и ушей.

Бипшѣмъ,
Бышь можешь, *языка* начнешь подѣ часъ геройсшво.

Съ намѣреньемъ она какъ будто бы при немъ
Трещала варварски коллошми *языкомъ*.

И такъ совѣтника нецасшнаго препала
Привѣпливымъ самимъ до нельзя *языкомъ*,
Чѣмъ оны въздыхалъ, спрадалъ, спалъ бодрѣе, а пошомъ
Спокойсшвіе нашель въ покоѣ непробудномъ.

Смолчишь—такъ на шебя она потчасъ наляжешь
Всей пляжеспи своей *языкомъ* и докажешь
Чѣмъ зло ужасное *языкѣ*, который ѣспь,
Тераешъ душу въ насъ.

Какъ это, батюшка *языкѣ*, не онѣмвешъ?

И во спо разѣ милѣй подѣ часъ нашъ авшомашъ,
Бездущный эшомъ видѣ, *чурбанникъ безъязычный*,
Чѣмъ лепешувъ иной безсовѣстно привѣчный.

Предестнѣйшая леспѣ сама оловъ не находишь
Достойно похваляешь *языкѣ* иныхъ.

Учпиво сорвалося,
Признаешь съ *языка* привѣшпшвіе какъ разѣ

Опшюдь не пакъ смѣшонъ, какъ пѣ, чѣмъ *языковъ*
Проворсшво жадкое лѣшъ желчь на насъ нерѣдко.

Позабавишь
Свой прышкѣй *языкомъ*.

Положимъ; можешь бышь; однако-жъ между пѣмъ
Мушцинамъ, право, пакъ схватиться *языками* (7)
Не удавалося; вы шолько, чѣмъ зубами
Не грызались.

Нарочно я молчалъ, чѣмъ мудроспи набрашься
Языкомъ.

Чѣмъ шолько одного
Проворсшво вашего здѣсь *языка* прѣшно
Такъ опшичалося,

Мушцинамъ доведось молчаніе по шпашу
Но слѣта вашего напропшвъ *языка*
И отъ аптекарскихъ до нельзя висока
Расшодомъ.

Съ головой и съ *языкомъ!*

Сударыня! я дамъ
Жадѣю пѣхъ всегда, которыя *зработа*
Ишлише языкомъ; но ахъ! и оспрамяшся.

Когда бы *вырвать* швой *языкѣ*? шо я клянусь
Пошери не было-бъ.

Ахъ! у вранья въ спокрашъ длиннѣй *языки* (8).

Сергѣй
Иваныч! швой *языкѣ* всѣхъ *языковъ* длиннѣй.

(7) Какая прѣшная картина. Предложишь бы живошж-
цу нарисовать еѣ.
(8) То же очень веселый ландшафтъ.

Тогда вѣдь было-бъ душно
Бѣдняжкѣ *вашему* *колготкѣ-языку* (9)!

Чтобы отъ *передраги*
Язычмой, бабюшка! не задохнушься вамъ.

За пѣть, что говоришь, врагъ, не сказавъ ни слова,
Каррикатаура естъ безжизненно живова
Созданья съ *языкомъ* безъ *языка* (10); да, шакъ!

Такъ, спало бышь, болшанье
На насъ всеобщее находить; бормошань
Мнѣ захошѣлось шакъ, какъ будшо, смѣхъ сказашъ,
Языкъ мой дергаешъ *лихал лихорадка* (11).

Слыхалъ ли кто нибудь когда гнуснѣй *языкъ*?

Какъ
Языкъ проклятой швой, *каналъ* не устанешъ?

И ѣду доказашъ и каждому и всѣмъ,
Что значить мой *языкъ*.

(*Окончаніе въ слѣд. листѣ.*)

M O D E S.

Les robes de bal reçoivent, ainsi que celles de la ville, les broderies et les dessins variés qui enrichissent les toilettes de la saison.

À l'imitation des mousselines brodées en laine et en soie, nous avons les crêpes brodés, petits dessins semés en plain, broderie légère, bien convenable à une robe de bal; genre simple, qui permet les longues manches et les souliers de satin noir.

Mme Hippolyte, dont le bon goût réunit toujours l'élégance à la simplicité de détails, orne généralement ces étoffes un peu ternes, de rubans brillans qui flotent avec éclat autour des épaules, parmi les blondes et les draperies. Mme Hippolyte a su rencontrer cette coupe gracieuse, cet ensemble bien compris par lequel une femme est mise comme toutes les autres, et cependant remarquée plus que toutes les autres. À celle-ci, grande et d'une beauté régulière, cette toilette riche et presque grave; à celle-là, petite et jolie,

(9) *Державинской* энципешъ!

(10) *Мольеровская* игра-словъ. (11) Тоже игра-словъ.

ces caprices de goût qui changent selon la physionomie. C'est une chose majeure à Paris que le choix d'un atelier de couture; nos abonnées nous sauront gré, à ce moment des bals, de leur rappeler celui que nous distinguons, et d'arrêter un instant leur attention sur les charmantes coiffures de M. Hippolyte. Lui aussi consulte d'abord le visage de la personne avant de lui appliquer au hasard une mode nouvelle, si cette mode pouvait lui être défavorable; car combien de jolies femmes perdent à une stricte observance de cette loi toute arbitraire!

M O D E S.

Для бальныхъ платьевъ, какъ и для городскихъ, употребляють вышиванья и различные узоры, украшающіе наряды пеперешняго времени года.

Въ подражаніе кисей, вышитыхъ шерстью и гарусомъ, у насъ естъ вышитые крепы; мелкіе узоры, разсыянные по всему, легкое шитье, весьма приличное для бального платья; это въ простомъ родѣ, можно сдѣлать съ длинными рукавами и надѣвать къ нимъ черныя атласные башмаки.

Г-жа Hippolyte, которая посредствомъ хорошаго вкуса соединяетъ всегда щеголеватость съ простотою въ подробностяхъ, отдѣлываетъ вообще эти немного пускляя матеріи блестящими лентами, которыя развѣваюся красиво по плечамъ, между блондами и драпировкою. Г-жа Hippolyte умѣла найши эшотъ красивый покроя, эшотъ хорошо придуманный общій видъ, который женщина, одѣтая какъ всѣ другія, отличаетъ однако отъ всѣхъ. Эшой женщиной, высокаго роста, съ правильной красою, эшотъ богатый и почти важный нарядъ; другой же, маленькой, пригожей, эти прихоти вкуса, которыя измѣняются сообразно физиономіи. Въ Парижѣ главная вещь выборъ швейной рабочей; наши подицики будутъ намъ благодарны, что мы пеперь, во время баловъ, напомянимъ имъ о шой, которую отличаемъ, и оспановимъ нѣсколько вниманіе ихъ на прелестныхъ уборахъ г-на Hippolyte. Онъ шакже сообразуется съ лицомъ особы прежде, нежели употребляетъ на удачу новую моду, если бы эша мода безобразила; пошому, что сколько молодыхъ дамъ перяютъ отъ строгата наблюденія эшаго самовлашнаго закона!

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 103 и 104.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
оплаткою и пересылкою
85 рублей.

СРЕДА, ДЕКЯБРЯ 26 ДНЯ, 1854 ГОДА.

Рѣку спыдилъ потокъ, спремѣщійся съ высотъ,
Что плавно такъ печетъ въ долину на просторъ.—
«Дай срокъ, былъ шой ошвѣтъ: какъ красный день зайдетъ;
Я пише, ты быстрой—въ одномъ сольемся моръ.»

Кн. Вяземскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ВЕЧЕРИНКА МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.

(Сценъ.)

Дѣйствіе въ Санктпетербургѣ.

(Комната, которая въ одно и тоже время управляетъ должностъ и гостиной, и спальни, и кабинета.—Кровать, столъ, заваленный бумагами, — нѣсколько книгъ и нѣсколько стульевъ.— Дверь въ прихожую. Дверь въ кухню.)

5-й часъ вечера.

Марѳа (подмешаетъ комнату и поѣтъ: «Не будите меня молодую и проч.»— Спущаетъ въ дверь.)

Ахши! никакъ кто-то спучится. (Кричитъ) сей часъ! сей часъ!... Вѣрно это баринъ ворошился.

Иванъ Пантелеевичъ (входитъ).

Марѳа. Барина дома нѣтъ, бабюшка. (Надѣвъ очки, приспально смотритъ на Ивана Пантелеевича. Всплескиваетъ руками).— Ба-

пюшки-свѣпы!.... Да никакъ это Иванъ Пантелеевичъ!

Иванъ Пан. Ахъ, ты спарая! Неужто ты меня не узнала!... Аль опитерилась?...

Марѳа. Свѣтѣлъ мѣсяцъ! красное солнышко!... Да дай же мнѣ разцѣловать-та ваши оченьки, рученьки... (плачетъ). Думала ли я сегодня такъ радоваться! ажно слѣзы ручьемъ покапилися.— Что, наши родимые, деревенскіе—живы ли? здоровы ли? что сестра Агравена? Вы эш-то изволили ладить еѣ смѣнить со ппичницъ-та....

Иванъ Пан. Всѣ благополучно! всё по спарому!... А что мой племянничекъ здѣсь подлываецъ. Я думаю, онъ больно скучаетъ о своихъ опцѣ и матери—дай имъ Богъ царство небесное! Ты вѣдь Марѳа погребала ихъ.

Марѳа. Охъ! какже, бабюшка.— Послади вы меня сюда прислуживать Н—ю П—ку да А—нъ О—ль, вашему бранцу и вашей зодовушкѣ;—грустно мнѣ быдо покинуть землю родимую. Ваша была барская воля—собралась спаруха и повхада.— Я баба дере-

венская! Только что прѣехала я сюда въ Пиперь-та, — какъ у меня вкругъ голова и заходила: гдѣ вдушь, гдѣ падушь, гдѣ кричатъ.. Спаси насъ крестная сила!... — Нече сказать! *И. П.* и *А. О.* меня приняли ужъ какъ честно: чаемъ и кофею напоили изволили. Грѣхъ было Бога гнѣвить. Всего изобильство было у вашего брата. — Да вотъ сынокъ отъ его... охъ, охъ, охуньки.

Иванъ Пан. Что, что *Марюшка?*...

Марша. Да такъ, — ничего, *Иванъ Пантелъицъ.* Не я видѣла, не я слышала! Мнѣ ли старухѣ бояръ пересуживать!

Иванъ Пан. О! я довольно о немъ извѣсненъ! за тѣмъ-то я и прѣехалъ, чтобъ его увезти отсюда, да приспроишь къ хорошему мѣсту. Адъ, адъ — этоишь Петербургъ!... Поверну по *Суворовски.* — Да гдѣ же племянникъ-повѣса?..

Марша. Изволилъ пойми закупишь кой-что: винъ, да закусокъ всякихъ разныхъ. Вишь-ты, у нихъ гости будутъ сегодня, что вотъ были въ четвергъ, да и на прошедшей недѣлѣ, да и на той, что была передъ прошедшей... да вотъ они ужъ пятъ четверговъ у насъ изволили собираться. Всѣ умные, да разумные: говорятъ-та по книжному, а выступаютъ словно *фоны* какіе. — Какъ холера-та сгубила бапюшку и мапушку *Алексъа Алексъига,* онъ сначала горевалъ, очень горевалъ, а потомъ вотъ и набралъ себѣ компанство, да вотъ съ какими-то и профоръ.... Тфу! тфу!... не я видѣла! не я слышала! мнѣ ли старухѣ бояръ пересуживать!

Иванъ Пан. Ну, слышь ты, старуха! говори мнѣ матку-правду. Для добраго племянника я готовъ на всё, готовъ душу мою отдать; а для негодяя ничего...

Марша. Кто, кто негодай! *Алексъй Алексъицъ!*.. Перекрестись, родимый! Экой Ангельской души поискашь набѣломъ свѣтъ!... Нѣтъ! грѣхъ Бога гнѣвить! какъ бапюшка ихъ и мапушка, такъ и они сами — золото, а не люди! Кажись, что книги сгубили *Алексъа Алексъига.* Ночь — читаешь, днемъ читаешь; а

какъ писаешь-то, писаешь-то изволишь пріняться... ахъ! только перья прещатъ.

Иванъ Пан. Да чѣмъ онъ живетъ?...

Марша. Не къ мѣсту молвить, не повини меня старуху: вотъ я тому рубашенку вымою, тому починю кой-что, анъ гривенный, а иной разъ и двугривенный пошлетъ Господь. Вотъ я и кофею сварю (а *Алексъй Алексъицъ* спрахъ охотникъ до кофею!), и чайку возьму въ лавочкѣ... да такъ вотъ и перебиваемся. А ужъ для эпихъ-то молодцовъ, я не знаю гдѣ онъ денежки достаетъ: а и винцо явится, и то, и другое, и преще. И мнѣ старухѣ иной разъ поднесетъ спаканчикъ, какъ останется... дай Богъ ему доброе здоровье!

Иванъ Пан. Ура! *Марша.* Слава Богу! теперь я вижу, что мы ворошимъ на путь истинный эшаго блуднаго сына. А за твою добрую службу племяннику, и за твою любовь въ нему — вотъ тебѣ — просягивай лапу-та...

Марша. Будьте ихъ благодѣтелемъ, бапюшка *Иванъ Пантелъицъ!* Право, поискашь эшакого молодаго барина, каковъ *Алексъй Алексъицъ!* Нищій ли спанетъ у окна — послѣдній грошъ всунетъ ему въ руку. Въ церковь Божию — первый. А какъ зайграетъ на флешѣ (флѣйтѣ) священное — такъ плакать и хочется...

Иванъ Пан. Лапу, лапу! Слышь-ты, старуха!

Марша. Что вы изволите говорить, бапюшка? Да зачѣмъ мнѣ это? аль для *Алексъа Алексъига?*

Иванъ Пан. Тебѣ, тебѣ. — *Алексъа Алексъевича* я озолочу, если узнаю, что онъ дѣйствительно таковъ, какимъ ты его мнѣ выдаешь!...

Марша. Цѣлковый??!...

Иванъ Пан. Ну, ну. — А я пойду напьюсь чаю у эшаго профессора, что ко мнѣ писалъ объ *Алексъѣ,* да потомъ и нагряду въ ихъ бесѣду — посмотрю, что за люди оцѣпили *Алексъа.* — Ну, старикъ! ты лишился брата; но за то, получишь можеть быть добраго племянника. — Въ полкъ его! въ полкъ! (Уходитъ)..

Марва. Ну чпожь такое! цѣлковый, пакъ цѣлковый! вѣдь я не для себя эти денежки испрачу.—Плашокъ-апъ на голову и хопѣлось бы кушпъ,—да—пфу! пфу! провались Сапана-соблазнитель! — Теперь всё поидетъ къ лучшему.—Прибрапъ комнапу-по почище: вѣдь и самъ *Иванъ Пантелыгъ* хопѣлъ пожаловать.—Чпожь баринъ долго неидетъ. Какъ онъ обрадуется голубчикъ: вѣдь его озолопитъ дядюшка хочетъ. (Продолжаетъ меспи комнапу.)

Иванъ Пан. (за кулисами.) *Марва! Марва!*... пы смотри ни гу-гу племяннику о помъ, чпо я приѣхаль: мнѣ хочетъ его подловипъ въ расплохъ. Слышишь ли?..

Марва. Да какже, бапюшка! вѣдь пеперь вы сами изволите помогать *Алекстыю Алекстычу*; ужьмоихъ-паденегъему ненадобно—шакъ возьмите цѣлковый: куда мнѣ съ нимъ спарухъ! И по бѣсъ было поупалъ: плашокъ купитъ захопѣлось.

Иванъ Пан. Пошла пы!... Слышала, чпо я шебѣ сказаль?...

Марва. Слышала-съ.

Иванъ Пан. Ну! только и всего! (Уходитъ.)

Марва. А вопъ, чпо лучше-ка я сдѣлаю: опслужу я молебень, чптобы Господь Богъ послаль намъ щастіе въ спаромъ моемъ баринѣ *Иванъ Пантелыгъ*.—А комнапа всё еще не убрана... меспи, меспи поскорѣ. (Нюхаепъ пабакъ, и принимается за щепку.)

Ланицкій. (Въ спаромъ плащѣ, въ фуражкѣ, несетъ подъ полою нѣсколько бупылокъ.) Ну, принесъ—слава Богу! До чего я дожилъ! долженъ самъ поупать и таскапъ атакую малость. Уфъ! успаль!

Марва. *Алексты Алекстыгъ!* вопъ радостъ-та я вамъ скажу! Ай, ай, ай! (зажимаетъ себѣ ротъ).—Ипъ, ничего! ничего! шакъ, совралось! бабѣ дѣло!...

Ланицкій. Радости... Нѣпъ, я ужь на вѣкъ разспался съ радостями жизни.—Копорый часть?

Марва. Шестой, бапюшка.

Ланицкій. А у шебл еще ничего не убрано?

Марва. Заговорила! виновата, *Алексты Алекстыгъ!*...

Ланицкій. Чпо, развѣ приходиль кто нибудь?...

Марва. Да, — приходиль-съ! человекъ не простой!

Ланицкій. Боже! это вѣрно мой заимодавецъ!... Какъ онъ жеспоко поступиль со мною: я у него взялъ 200 р., а онъ заставиль меня написать вексель въ 1,000. — Какъ не вспомнить моихъ родителей!...

Марва. Вотъ по-по, *Алексты Алекстыгъ!* всѣ вы молодые барченки на одинъ покрой!... а слушалсь бы насъ спариковъ! береги денежку про чѣрный день...

Ланицкій. Легко давать наставленія, а какво-то исполнять ихъ.—Г-мъ! про чѣрный день!... Послѣ смерти бапюшки—я не имѣлъ дня свѣтлаго.—И, если-бъ не друзья мои—я бы умеръ съ опчаянія: они и поэзія—полько и животворятъ меня!

Марва (въ сторону.) Всѣ-та по книжному....

Ланицкій. Эй, *Марва!* А курительный пабакъ еспь ли? трубки—перечищены-ль?...

Марва. Табаку — не знаю, дай заглянуть въ табачницу; а чубуки шакъ я и кофеемъ пропаласкивала! — Нѣпъ! пабакъ весь!

Ланицкій. А я всѣ деньги испратиль... *Марва*, не достапеш ли въ долгъ въ мелочной лавкѣ четвѣрку.

Марва. Молчи, молчи — будетъ! достапу пабачку. Вѣдь вопъ опять припча-та! Охота вамъ жечь даромъ денежки! Дыму-та, дыму наупспите... Хорошо, чпо мы не живемъ въ пѣхъ палапахъ, въ копорыхъ вы жили съ папенькой: всѣ бы пополки распрекрасные закопчили! (Видя, чпо *Ланицкій* сердплся.) Иду, иду, кормилецъ! пыщи!...

Ланицкій. Нѣпъ! мое положеніе ужасно!.. При жизни моего бапюшки, я имѣлъ тысячу покровителей. Какъ не повпорить слова

Шиллера: «Люди! люди!... псадія крокодилы!...»— Возненавижу чловѣчество! Буду жить для себя, для философіи и для друзей! Богъ пипаетъ и врана въ пустынь! Толпа заимодавцевъ не задержипъ меня въ преддверіи могилы. Сегодня—мое, а завпра... я смерпешъ! Тѣло мое распроивается опъ заботъ жизни, и я гасну, какъ свѣча.—Ранній гробъ опкрытъ мнѣ! Преждевременная могила ожидаетъ меня!

Марѳа. Вотъ и табакъ. Свѣженькая чепвѣрточка.

Ланицкій (продолжаетъ, преданный мечпамъ своимъ.) Сладкая надежда, крылашая фантазія, утѣшительное вѣрованіе: тамъ—я соединюсь съ родителлями!

Марѳа. Да полно тебѣ полкованъ-по всѣ. Послушай-ка: вѣдь радостная вѣсточка, да какая радостная!... Плюнь, бапюшка! плюнь! да смѣйся, какъ я смѣюсь снаружа!

Ланицкій. Какъ! радостная вѣсть? Скажи мнѣ еѣ, *Марѳушка*! уврачуй мое расперзанное сердце! Окрыли таинственныя мечты! Повѣй мнѣ ею, какъ вѣперокъ передразвѣпный!

Марѳа. Нѣтъ—ничего! ничего, кормилецъ! Вотъ тебѣ Христось, что я ничего не говорила! хопъ сквозь землю провалипсья! (Въ сторону.) Чупъ-чупъ не обмолвилась... взлпъ развѣ воды холодной въ ротъ... фу, ты бѣсъ лукавый... (крестипсья).

Ланицкій. Такъ—всегда.—Благодарю тебѣ за желаніе меня утѣшпшь!... Но, право, ты мнѣ спранна, *Марѳа*! Что сегодня съ тобою сдѣалось? Чпозъ ты не раскладываешь споль, да не готовишь чашекъ? Сей часъ соберупсья госпи.

Марѳа. Сей часъ, сей часъ, бапюшка! Рученьки опнимаюпсья.

Унглинъ. Привѣтъ тебѣ, *Ланицкій*! привѣтъ!...

Ланицкій. Привѣтъ тебѣ, мой милый, мой безцѣпный спрадалецъ!.. Ахъ! какъ мнѣ сей

часъ сгруспнулось!... Но, скидавай свой плащъ—и садись.—*Марѳа*! прубку!.. (*Марѳа* накладываетъ прубку и подаетъ еѣ *Унглину*; попомъ уходитъ за свѣчею въ кухню.)

Унглинъ. Какъ не грусппшь, *Ланицкій*! жизнь наша еспъ—спраданіе! Я самъ, идя къ тебѣ, проливалъ горючія слѣзы... (*Марѳа* приносипъ свѣчу. *Унглинъ* раскуриваетъ прубку и жестоко запягивается.) Пфу! пфу!... Сама природа впорила моимъ спраданіямъ... пфѣ! пфѣ!... и вѣпръ, холодный вѣпръ вздыхалъ о моей гореспи... пфѣ! пфѣ!... *Ланицкій*! другъ *Ланицкій*!... сегодпшпій вечеръ, да будепъ вечеромъ гореспи! Сегодня—игры и смѣхи да бѣгунъ опъ насъ!... Меланхолія... Задумчивость...

Ланицкій. Да будепъ! Оспрадно дѣлпшь груспъ съ исппнными друзьями! Съ пѣми, чѣя душа гармонируетъ съ нашею душою!... Вотъ еще новое нещастіе на главу спвою: я слышалъ, что тебѣ хоплптъ опказанъ опъ должности?...

Унглинъ. Пора тебѣ учпшься жпшь, *Ланицкій*!... Я вчера былъ въ театрѣ... представляли *Разбойниковъ*... О *Сценпнь*! Божеспвенный *Сценпнь*!!...

Ланицкій. Онъ нашъ *Гаррикъ*! нашъ *Талма*!...

Препне, *Веселинъ*, *Системпнь*.

Веселинъ. А! здравспвуйте, прпнтели!... Ха, ха, ха! Какое жалкое tête à tête!...

Системпнь. *Веселинъ*! ты что ли заплапшь извощпку? Сегодня спвой черѣдъ расплачивапсья. —

Вес. Ну хорошо, хорошо. Сколько же надбно?

Сист. Разумѣетсья—двугрпвенный!... Когда ужъ мы вчера опъ Таврпческаго сада—къ *Спному* мосту, заплапши двугрпвенный; по, неужели не дапъ двугрпвеннаго, прпв-

хавъ опъ Смольнаго въ Почтампскую?—
Здравствуй, *Ланицкій!*

Ланицкій. Здравствуйте! здравствуйте!...
Системинъ, я тебя просилъ прѣхать по-
раньше.

Унылинъ. Господа! объявляю вамъ, что
сегодняшній вечеръ мы должны посвятить
задумчивости, унынію. Я и *Ланицкій*—рѣ-
шили это. Ни одно радостное слово, ни
одна улыбка—не должны родиться на устахъ
нашихъ.

Вес. Ха! ха! ха!... Вопъ еще какія за-
тѣи!... А чтожь—по мнѣ пожалуй: давай-
те спрадать—братцы!

Сист. (не слушая словъ ни *Унылина*, ни
Веселина, говоритъ пропаяно и съ обы-
чною важностію.) Радъ бы пораньше прѣ-
хать, да нельзя было. Ко мнѣ коньякъ завер-
нулъ *Шустозвоновъ*—прождалъ его цѣлыхъ
полчаса. А потомъ, опорвалась у меня
шприпка; велѣлъ еѣ принять... пока при-
шивали... пока что... (Садился и куритъ
трубку).

Вес. Вопъ *Системинъ* такъ на всякой ве-
черъ годится: онъ будетъ молчать себѣ,
пока изъ него не выжмутъ словечко.—А за
то ужъ расшевели его, такъ онъ съ тою
же важностію будетъ спраковать о пользѣ
мыльныхъ пузырей, какъ и о политикѣ...
ха! ха! ха! извините, господа, я и позабылъ
о вечерѣ спраданія... охъ! охъ.

Сист. (покачиваясь на спулѣ, говоритъ.)
А развѣ идея о политикѣ не существуетъ
въ наше время?... Читай *Шульгина*: Взглядъ
на содержаніе и характеръ исторіи прехъ
послѣднихъ столѣтій. Ты не слѣдуешь за
ходомъ наукъ. А я такъ на каждой недѣлѣ
по нѣскольку разъ захожу въ *Справочное мѣ-
сто*—да всѣ журналы перечитываю...

Вес. Исполать тебѣ, *Системинъ!* Погаль
пальцемъ въ небо!

Презніе, *Профановъ* и *Глупинъ*.

Веселинъ. А! вопъ и вы, поскливые пова-
рищи заунывныхъ думъ сердца! (Здоровующ-
ся.)

Ланицкій. Здравствуйте, господа.

Глупинъ. Какая сегодня мерзкая погода.
(Раскланивается съ *Ланицкимъ*, — пѣшится
и опдавливаетъ ногу у *Веселина*. *Веселинъ*
полкаетъ его въ спину.)

Глупинъ. (*Веселину*) Pardon!

Вес. То-то же, поварищъ!... Здравствуй.

Унылинъ (въ сторону.) Еще опытъ жизни
не разочаровалъ друзей моихъ! Только мы
съ *Ланицкимъ* познали пщепу жизни и
грусть ядовитую.—*Ланицкій!* Оставь ихъ
съ ихъ шумною радостью, и садись ко мнѣ.

Проф. Господа! новая книга вышла: Объ ис-
точникахъ богатства въ Россіи, соч. зна-
менистаго *Дюпеня*.

Вес. А что за ппица этопъ *Дюпенъ*?...

Проф. Ппица! ха! ха! ха!... Какая ппи-
ца! сочинитель.—

Сист. Вѣдъ ппицы не могутъ сочинять,
потому что онъ не могутъ говорить; а
человѣкъ говорить!

Проф. А вопъ онъ еще написалъ книгу...
какъ бишь еѣ... да: *Приключеніе Хромоногаго*
бъса.

(Всѣ смѣются.)

Глупинъ (подойдя къ окну.) Погода кажет-
ся расщипается. А по, дождъ накрапывалъ.

Вес. А! le pont des ânes! *Глупинъ!*

Глуп. Нвнъ—въ самомъ дѣлѣ!.. Да это ли
одно: мы нынче и льпа почти не имѣли!

Унылинъ. Что намъ до льпа, или до зимы!
Было бы полько въ груди тепло.—Но потъ,
чью жизнь звѣзда пупеводная не освѣщаетъ
во мракъ... чья будущность не разоблачи-
лась еще... для того всё равно—зима ли,
лѣто ли, весна ли, осень ли... для того всё
подернуто саваномъ скорби и безнадежности!

Вес. Да,—это опчасти правда, *Унылинъ!*—
Ну, братъ! а я читалъ вчера пвое стихо-
твореніе: *Къ морю*,—помѣщенное въ *Свер-
ной Минералъ*. Я выгучилъ его наизусть.—
Глубокія чувствованія, звучные, гармонич-
ескіе стихи—даютъ тебѣ полное право—
на славу. (Декламируетъ.)

О, волны лряя—прощайте!
 Судьба меня на сушу мчншь!
 Въ послѣдній слухъ мой восхищайте—
 Вашъ спонъ—пусть душу упоишь!
 Пускай еще хребты сѣдые
 Угрюмо каплясь въ водахъ —
 Лелѣюшь думы огневныя
 Страдальца въ юности годахъ!
 Пускай я, мрачный и безмолвный,
 На васъ—въ послѣднїе взгляну!
 Пускай вашъ видъ, сѣдыя волны,
 Еще вспомнитъ старину...
 Когда съ мечтой неомраченной
 На васъ я взоръ осановлялъ!
 Когда, блаженствомъ упоенный —
 Я дни въками не щипалъ!

Когда же я, одѣтый мглою,
 Несчастій, бѣдъ и пляжкихъ золь —
 Поникъ разслабленной главою—
 Упѣху волны въ васъ нашѣлъ!
 Со мною вѣспѣ вы спенали—
 Вы были мрачны, какъ и я!
 Надъ вами бури забывали—
 Несчастья-жъ мучили меня...
 Лишь вы съ прївѣтами участя
 Ко мнѣ спремнли бурный гласъ —
 Когда я, жертва золь, несчастя —
 Не жилъ—а мучился! и гасъ!...

Унглинъ (склоненный мрачно на руку.)
 Эти стихи были выраженіемъ сердца, по-
 давленнаго свинцовою тяжестью — грусти,
 и раздавленнаго — перспективою будущихъ
 спраданій!

Проф. А! это въ этихъ-то стихахъ и
 слѣдующіе:

Прощай—свободная стихія!
 Въ послѣдній разъ передо мной —
 Ты капншь волны голубыя—
 И блещешь гордою красой...

Превосходно!!!... Здѣсь народность и на-
 циональность поэзіи — опразились, какъ въ
 зеркалѣ!

Сист. Прожилъ 25 лѣтъ, а не знаешь еще,
 что произнесенные побоею стихи *Пушкина*,
 изъ его стихотворенія: *Къ морю*. Онъ мало
 ли писалъ мелкихъ стихотвореній! Вотъ, на-

примѣръ, его: *Черная шаль!*—его: *Блѣжитъ,
 шумитъ Гвадалквивиръ!*...

Вес. Нѣтъ, — блѣжитъ, шумитъ *Гвадалк-
 виръ*—кажется не *Пушкина*...

Сист. Вотъ еще спанешь увѣрять, что
 не *Пушкина*!... Да оно было помещено въ
Невскомъ Альманахъ 1830 года.—Вѣдь я всѣ
Невскіе-по Альманахи читаю!

Вес. Исполать тебѣ, *Системинъ!* (Подхо-
 дитъ къ окну.) господа! смотрите—*Сценинъ*
 проходитъ мимо оконъ!.. Каковъ спанъ! Како-
 ва походка! Не испинный ли онъ прагикъ?

Ланицкій. Онъ всякой день прогуливается
 мимо моей кварширы.

Вес. Хотите, онъ, онъ съ нами будетъ
 чай пить?...

Ланицкій. Bravo! bravo! Вотъ чудная вы-
 думка! Упросимъ его прочесть что нибудь!

Вес. *Ланицкій!* я бѣгу приглашать его!

Ланицкій. Хорошо! хорошо! Я очень радъ!..
Веселинъ! *Веселинъ!* шляпу возьми!... (*Весе-
 линъ* надѣваетъ шляпу и убѣгаетъ.)

Ланицкій. А право—это прелесно....
Марва! *Марва!* трубку вычиспить! Да еще
 чашку подай!

Марва. Сей часъ, сей часъ. (Всѣ попра-
 вляются.)

Ланицкій (*Унглину.*) Вспрѣтъ его по-
 жалуйста, и опрекомендуй меня—яко хо-
 зяина: у меня недостанетъ словъ, а пы
 масперъ на это. Я робокъ, я исчезаю
 предъ геніемъ-архистомъ.

Унглинъ. Хорошо, хорошо. (Старается при-
 нять театральную позицію.) Господа! какъ
 имя этого прагика, котораго одна-та поло-
 вина лица могла смѣяться, тогда какъ другая
 плакала?

Проф. Вестрисъ.—(*Ланицкій* смѣется.)

Сист. Вестрисъ былъ панцовщикъ. Дѣло
 танцора работать ногами—а не лицомъ.
 Слѣдовательно это не *Вестрисъ!*

Ланицкій. Это *Гаррикъ*.

Унглинъ. Хорошо.—Вопъ и онъ... гмъ!
 гмъ!...

Прежніе, *Сценинъ.*

Унылинъ. Увлечены будучи пѣмъ глубокимъ чувствованіемъ почтенія, уваженія, коимъ, души чувствительныхъ людей живутъ и пламенѣютъ въ отношеніи къ великимъ міра сего — дерзнули мы пригласить васъ провести съ нами сегодняшній вечеръ. — Смотря на васъ, фантазія улетаетъ въ поднебесье, и новая искра возгарается въ душѣ поэта. Вы Русскій—*Гаррикъ!* вы Русскій—*Тальма,* вы Русскій—*Ленъ!* вы Русскій....

Сценинъ. Благодарю, благодарю васъ за complimentы, и послѣдній—всѣхъ любезнѣе для меня... Такъ! я Русскій! Этимъ я горжусь болѣе, чѣмъ успѣхами моей сценической славы!.... Но, кому же здѣсь я долженъ кланяться, какъ хозяину?...

Вес. *Ланицкій!* Чѣмъ ты прижался въ уголь? Онъ какъ будто боится васъ.—*И. В.* не изъ такихъ круглоголовыхъ, которые, съ возвышеніемъ о нихъ мнѣнія въ обществѣ, дѣлаются также недоступны, какъ и вершины высочайшихъ горъ. Доказательство тому, что онъ удостоилъ тебя своимъ пощеченіемъ...

Ланицкій. Я... для меня... Но то, что я чувствую теперь—вполнѣ извиняетъ меня...

Сценинъ (жметъ его руку.) Это безмолвное смущеніе, болѣе нежели цѣлая страница похвалъ, веселитъ меня! Чѣмъ мнѣ панегирики ума! Я желаю, чтобы чувство мое посѣяло чувство въ груди юноши! Чѣмъ искра изящнаго въ груди его—возгорѣлась очаровательнымъ пламенемъ!... Но, я вижу, здѣсь всё молодые люди... надежда опечества — не правда ли?...

Проф. Точно такъ.

Глупинъ. Кажется дождикъ спалъ накрапывать....

Вес. Надежда, не надежда опечества! а такъ, что-то сему подобное!

Унылинъ. Что касается до меня, то я не принадлежу къ какому либо частному опечесству: также и *Ланицкій.* Мы сограждане человечества!

Сценинъ. Таковыми бѣваютъ только гени.

Ланицкій. Садитесь, сдѣлайте милость, *И. В.*—Очень радъ, очень радъ, что грустная хапа моя озарилась солнцемъ, — не хотите ли трубки?

Сценинъ. Я не курю — извините меня. — Завтра я не представляю, и потому, сегодняшній вечеръ въ полномъ моемъ распоряженіи. Очень радъ познакомиться съ вами.

Марва (подойдя къ *Ланицкому.*) Послухайко, баринъ! розоновъ, аль—оплеухъ—къ чаю что купить? аль—сухарей?...

Ланицкій (шепотомъ.) Пошла ты, дура! До сихъ поръ не можешь научиться приличію.

Марва. За что ты меня бранишь! Я только вѣдъ спросила чего купить; а купилки-то у меня есть и безъ твоихъ!

Вес. Одинъ *Систелинъ* только любитъ *оплеухи!*.. *Систелинъ!* помнишь, въ училищѣ, по скольку ты ихъ покушывалъ?...

Сист. Онъ очень вкусны!... Чѣмъ, сухари что ли, по твоему, вкуснѣе? или, грошевыя булочки?... во 1-хъ, сухари порпали десны; во 2-хъ, пучатъ желудокъ; въ 3-хъ... (*Ланицкій* суепъ трубку въ руку *Систелина;* потъ начинаетъ жеспоко замягиваться)... въ 3-хъ....

Сценинъ (въ сторону.) Здѣсь разнохарактерное общество. Не извлеку-ль я новаго познанія о жизни, о сердцѣ человѣческомъ? Роли мои, по большей части, роли юношей; не въ обществѣ ли юношей я долженъ познавать ихъ?

Вес. А вотъ что у меня есть, господа: 3-я часть стихотвореній *Пушкина.*

Сценинъ. Какъ? ужъ она вышла!

Вес. Сегодня изъ-подъ преса.— Я вамъ передаю эту книгу, *И. В.* Только вы своею декламациею и чтеніемъ раскрыли намъ всю прелестъ стиховъ *Пушкина.*

Ланицкій. Да, — я и теперь еще не могу забыть того наслажденія, которое вкусилъ я, слушая, какъ вы декламировали изъ *Цыганъ* и *Бахчисарайскаго фонтана* — въ дра-

мъ: Цыгане, и въ прагедіи: Керимъ-Гирей!... Спихи, въ отношеніи къ ихъ звукамъ, ша же музыка. Одинъ только концерписпъ можешь вполне передать намъ звуки; одинъ только декламаторъ можешь вполне передать намъ звуки спихопворенія, въ копорыхъ, какъ и въ лицѣ, изображается душа сочинителя.

Сценикъ. Опчастіи—вы справедливы. Только, душа сочинителя болѣе отражается въ мысляхъ, нежели въ звукахъ и словахъ.

(Всё готово на чайномъ столикѣ.)

Ланицкій. *Глупинъ!* разлей пожалуста чай!

Глупинъ. Хорошо.—А ромъ естъ для пуншика?...

Унылинъ (вслушавшись.) *Ланицкій!* какже безъ него! Уже ли мы будемъ опспуниками *Вакла*??...

Ланицкій. Да какже, господа! ловко ли пипь-по передъ *Сценикъмъ*?

Унылинъ. Онъ самъ раздѣлишь, — онъ дол-женъ раздѣлишь съ нами круговую чашу!... Го, го! да тупъ и Шампанское!

Сценикъ (который перелисывалъ книгу.) Прекрасно!... Скажите, не Русская ли это сказка? Русскій духъ не въ очю ли въ ней совершается!... послушайте.

Вес. (въ сторону.) Трагика не надо про-сить прочесть что нибудь: онъ всегда къ вашимъ услугамъ!

Смеркается.

(*Сценикъ* перестаетъ чипать.)

Вес. Еще, еще прочтите пожалуста!

Проф. (который во время чпенія смо-прѣлъ на *Сценика* въ лорнетъ, — спучишь ногами и бьетъ въ ладоши.) Фора! фора! cela est incomparable! cela est incomparable! encore! encore!

Сценикъ (какъ будто на сценѣ, кланяется по театральному *Профанакову*.—*Марва* подно-ситъ чай.) Чай... послѣ чаю я вамъ прочшу еще про одно чудо.

Проф. Encore! encore!

Вес. Да уймись! ты вишь не въ Париж-скомъ театръ!

Глупинъ. Какой сильный дождь. (Шумъ дождя.)

Сист. Ты развѣ не видалъ, что скоплялись пучи. Небо обложилось,—вопъ дождь и по-шелъ.—Дай-ка мнѣ ромку, *Ланицкій*...

Вес. *Систеликъ* ужъ хочеть по 1-му спа-кану.... Нѣтъ, любезный! пуншь пьюшь сообща! для компаніи!...

Сценикъ (пьеть чай.) Я вамъ очень бла-годаренъ, господа, что вы меня пригласили на споль пріятный вечеръ. Такое шумное *форо* увѣнчало меня.—Да, сколько бы людей же-лало пеперь быть, такъ какъ мы, подъ мир-ною кровлею и пипь прекрасный чай...

Ланицкій. Сколько молодыхъ людей же-ла-ло-бъ бышь съ вами, также, какъ мы те-перь. Очень грустно видѣть, что всѣ наши ученые и поэты, коихъ каждое слово я бы желалъ пипь какъ нектаръ многоцѣнный, также недоспупны, какъ и люди, возвысив-шіеся не духомъ, а почестями. Спранное дѣло!...

Сценикъ. Повѣрьте мнѣ! потъ еще не со-вершенно возвысился духомъ, кпо мелочень въ поступкахъ. Не щипайте того человѣ-комъ ученымъ и просвѣщеннымъ, кпо, вмѣ-сто того, чпобы окружить себя людьми, жаждущими его сообщества, какъ мудрости и вдохновенія, окружить себя Автоматами, коихъ почва души и сердца также беспло-на, какъ и степь Аравіи. — Конечно, мы знаемъ многихъ людей, которые проповѣ-дуютъ о добродѣтеляхъ, которые въ сочи-неніяхъ своихъ вопіютъ прошиву мелочей жизни; а переступите черезъ порогъ дома ихъ, и васъ встрѣтитъ холодный взоръ снисхожденія, и чупъ ли не презрѣнія; по-тому, что вы юны, а они уже покрыты сѣдинами! Потому что вы еще новичекъ въ жизни—а они познакомились съ жизнью!... Нѣтъ, нѣтъ у насъ *Сократовъ*, отрады юно-шества!... Деревцо не вырастетъ прямо безъ подпоры, юноша погибнетъ безъ не!

пщетно онъ будетъ искашь къ кому бы обратилсь съ алчбою усовершенствованія! Вездѣ его встрѣпятъ холодные взоры! Вездѣ ему покажутъ на порогъ дверей... потому, что не опъ него будутъ надѣяться получить что нибудь; а онъ проситъ у нихъ болѣе, нежели обыкновенной пищи — пищи духовной!...

(Молчаніе.)

Марса (подойдя къ *Сценину* съ подносомъ.)
Что, ты опорожнилъ чашечку—кормилецъ?

Сценинъ. Спасибо, спарушка! Опорожнилъ. Она бы не испортила лучшую Фламандскую картину. . . . Какъ тебя зовуть — спарушка?...

Марса. *Марвою* — милоспивецъ. Какъ же! скопницею была въ сельцѣ Хлѣбородовъ... Чай, знаешь, красавчикъ?...

Сценинъ. Какъ не знать, милая!...

Вес. Что-жь *И. В.*, не угодно ли продолжать?

Унѣлинъ. Но прежде этого, не угодно ли... Пуншъ налишь.

Вес. Bravo! (подноситъ спаканъ *Сценину*.)

Сценинъ. Скажу вамъ на опрѣзъ, господа: я не пью,

(*Ланицкій* оппиваетъ изъ своего спакана, *Унѣлинъ* подливаетъ ему рѣму, также какъ и *Веселину*. Это всякой разъ.)

Ланицкій. Но не лучше ли прочесть изъ чего нибудь другаго, что нибудь дикое, величественное, мрачное, попрысающее, ужасающее.

Сценинъ. Если вамъ угодно, господа.

Ланицкій. Напримѣръ, хоть изъ *Гамлета Шекспирова*.

Унѣлинъ. Или — изъ *Манфреда*,

Вес. Сцену гробокопателей.

Сценинъ. Прекрасно. — Но какъ это понравится этимъ двумъ господамъ?

Вес. О! *Глупину* и *Профанову*:... Не безпокойсь о нихъ: они на все согласны.

Сценинъ. И такъ—сцену гробокопателей.— У васъ естъ книга?

Ланицкій. Это такая драгоценность въ нашей литературѣ, что всякой, кто имѣетъ хоть на каплю эстетическаго чувства, и 6 рублей: — долженъ имѣть её.

Сценинъ. (Кончилъ читать.—Молчаніе.)

Унѣлинъ. Послѣ такой сцены, сердце обливаеця кровью. Ужели такъ ничтожна жизнь человѣческая! Вррь!... и послѣ этого мы должны жить еще! Завтра же оставляю департаментъ, и посвящаю себя философіи!

Ланицкій (который уже на веселѣ.) И я также. Клянусь, и буду вѣренъ своей клятвѣ!

Вес. Сказать по правдѣ, такъ — трудно, очень трудно исполнять обязанности. Толи дѣло ѣхать воажировать! Пить старый Рейнвейнъ въ трактирахъ съ Германскими студентами и цѣловать Парижскихъ молочницъ!

Сист. (пьянъ.) Впервыхъ—я пьянъ; а во вторыхъ — вы пьяны.

Проф. Да, Парижъ! Только въ Парижѣ и живутъ, какъ люди!

(Пьютъ Шампанское, Чокаются.)

Vive, *Сценинъ*! Vive!

Проф. Vive la France!

Унѣлинъ. Нѣтъ! что нынче Парижъ! застарѣлый болтунъ! Германія!! Германія!!!...

Ланицкій. А *Викторъ Гюго*, а *Альфредъ де-Виньи*! а *Гизо*! а *Кузень*!

Унѣлинъ. А *Кантъ*! а *Фихте*! а *Шеллингъ*! а *Гегель*! Повѣрь — всѣ Французскія головы выросли на почвѣ Германскаго мышленія.

Сценинъ (въ сторону.) Мои новые знакомцы кадется вступаютъ на свою дорогу.

Унѣлинъ. Vive l'Alemagne! Vive!

Унѣлинъ (важно становясь въ позицію.) Господа!... давно великая мысль шила въ головѣ моей, — теперь она вамъ принадлежитъ — слушайте.

Всѣ живутъ; но кто позналъ щещу жизни. Много ли избранныхъ смотрятъ на

жизнь съ настоящей почки зрѣнія?—Топъ находишь въ ней вѣнецъ наслажденія; а топъ, какъ шахматную доску, видишь её испещренною и радостями и грустію. Но, пакова ли жизнь? Чпо источникъ направленія пынѣшней меланхолической поэзіи? Чпо начало существованія *Байрона*?... Мы должны послѣдовать эпой новой и, къ нещастію, истинной мысли.—Должны мы поклясться бытъ вѣрными священному обѣту! (Громъ). Само Небо впоритъ моему голосу! Мы должны опречься опть всѣхъ занятій жизни, и жпть не на землѣ, а въ областяхъ мысли!

Сист. А мысль... конечно... на... на... кор-митъ насъ?!

Унглинъ. Глупецъ! Чпо важнѣе пища духа, или пища тѣла?

Сист. Впервыхъ — духъ не тѣло, значить... значить-чптъ — онъ не ѣсть! а я ѣсть хочу — понимаешь?!

Ланицкій. Но ты говоришь, чпо намъ надобно идти... Господа!... *Марва*, подай мнѣ плащъ,—плащъ — слышишь ли?...

Вес. Сцена изъ *Гамлета*? Bravo, господа... — —!

Глуп. А что-жь пуншу... я пуншу хочу...

Ланицкій. Послѣ, послѣ, какъ ворошимся.

Глуп. Ну — дѣло! я вашъ!

Сист. А на извожикъ поѣдемъ?

Ланицкій. Да! да!

Сист. Ладно! Эй — плащъ мой! *Сидорка*! пѣру ты! Вишь я не дома! канальство... Какъ всё качается вокругъ меня!

(Всѣ уходятъ. Оспаеется *Сценинъ* и *Ланицкій*, котораго не пускаетъ *Марва*.)

Марва. Куда вы это—а? Не спыдно ли это вамъ? Ахъ, вы срамникъ! Ахъ, вы безспыдникъ!... Вишь къ вамъ дядюшка *Иванъ Пантелъвичъ* сей часъ 'будетъ: вишь онъ прѣхалъ изъ деревни!

Вес. (въ дверяхъ.) *Ланицкій! Ланицкій!* — что-жь ты?

Сценинъ (*Веселину*.) Сей часъ! сей часъ мы съ нимъ идемъ, спускайте!

Вес. Смопри — до свиданія! (*Уходитъ*).

Ланицкій. Охъ! мнѣ дурно!

Марва. Да, да. Дядюшка-то сей часъ будетъ! И онъ хотѣлъ озолопить васъ, если найдешь васъ порядочнымъ, добрымъ человекомъ... а что вы? напаянулись эпой проклятой бусурманщины!... Оно и по сказать: вкусно-то, оно вкусно!

Ланицкій. Боже! я долженъ увидѣть дядюшку въ такомъ положеніи!

Сценинъ. Успокойтесь. Я не оставлю васъ и буду вашимъ защитникомъ.

Ланицкій. Мнѣ спыдно смопрѣшь на васъ, *И. В!*

Сценинъ. Кпо не былъ молодъ!

Ланицкій. Боже!... братъ опца моего!... Теперь позналъ я только, въ какую пропасть я спремился!...

Прежніе, *Иванъ Пантелъвичъ*.

Иванъ Пантелъвичъ. Нѣтъ! нѣтъ! ни на что не похоже!... Меня, секундъ-майора времянь *Суворова*—сполкнууть съ льспницы!... И кпо же это сдѣлалъ? Друзья моего племянника!... Гдѣ онъ? гдѣ онъ, негодяй! попому, чпо только негодяй можетъ бытъ въ обществѣ негодяевъ!

Марва. Тише, пише, кормилецъ! Ему дурно!

Сценинъ. Успокойтесь.

Иванъ Пантелъвичъ. Ужь и ты не въ числѣ ли его развратниковъ... а? ... Вездѣ бупылки! Пахнутъ ромищемъ!

Сценинъ. Я самъ оправдываю гнѣвъ вашъ. Выслушайте меня. Я нечаянно попалъ на вечеринку къ вашему племяннику!

Марва. Такъ, батюшка! такъ!... и я всё это видѣла, и всё слышала! Онъ и капельки вина въ ротъ не взялъ, да и трубка не курилъ...

Сценикъ. Молодые, вовсе незнакомые мнѣ люди, зазвали меня съ улицы на чашку чаю, и я очутился у вашего племянника.

Иванъ Пант. Проспите меня великодушно. (Подходящъ къ *Ланицкому.*) Ужели я лишился племянника... Какъ онъ похожъ на опца своего!... Негодай мнѣ не племянникъ больше!

Сценикъ. О, нѣтъ! успокойтесь. Само Небо назначило меня сегодня бытъ примирителемъ дяди и племянника.—Одинъ порокъ въ вашемъ племянникѣ — онъ молодъ еще!

Ланицкій. Дядюшка! дядюшка!... Я лишился моихъ родителей—замѣните мнѣ ихъ! (бросается въ объятія дяди.)

Сценикъ (*Ивану Пантеллевицу.*) Только въ васъ можете найсти онъ подпору въ жизни. Согласитесь: что корабль безъ кормила? (Видитъ на столѣ стихи *Ланицкаго.*) А! вопъ стихи его: *Плачь о родителяхъ.* (Читаетъ)

О, дайте мнѣ облобызать

Въ послѣднй разъ усна опцовы —

Пока не кинулись пожрать

Ихъ чады алчныя гробовы!

О, дайте мнѣ еще взглянуть

На ликъ опца! За чѣмъ такъ скоро

Меня хотите опженуть

Отъ смерти спрашнаго зашвора...

О горе! горе! землю роютъ!

Ужъ гробъ засыпали землей!

Въ могилу брошусь я — со мной,

Со мной, со мной его зароятъ!

О, дайте мнѣ облобызать

Въ послѣднй разъ усна опцовы —

Пока не кинулись пожрать

Ихъ чады алчныя гробовы!

Сколько я могъ замѣнить, племянникъ вашъ точно былъ исполненъ грусти, и, вѣроятно, онъ искалъ развлечения въ обществѣ такъ называемыхъ друзей.—Теперь я вижу, что эта грусть его происходила отъ потери родителей. Но, скажу вамъ, — что вы только одни можете возвратитъ на путь истинный вашего племянника: уже онъ стойтъ на прагѣ жизни, пустопы, пьянства, хопя еще и не за пяпналъ себя. — А согласитесь, что потъ, кто чувствовалъ

такъ возвышенно, — потъ можетъ пойти далеко въ добродѣтеляхъ и на поприще славы!

Иванъ Пант. Такъ чувствовалъ мой племянникъ! Ну! всё забыто! Въ полкъ его! въ полкъ!... Да и по сказать: кто не шалилъ въ молодости. — *Алѣша*, обними меня!... (*Сценику.*) Да позвольте мнѣ узнатьъ — съ кѣмъ я имѣю честь...

Сценикъ. Я актёръ здѣшняго театра: *Сценикъ.*

Иванъ Пант. Такъ вы-то вчера играли?..

Сценикъ. Я.

Иванъ Пант. Такъ вы-то вчера читали стихи:

Но первый сердца долтъ къ Тебѣ, Царю-Царей!

Всѣ царства держатся десницею Твоей!

Прославь и возвеличь и утверди Россію,

Какъ прахъ сопри ея враговъ кичливу выю,

Чтобъ съ пренепомъ сказать иноклеменникъ могъ:

«Языцы—вѣдайте! великъ Россіи Богъ!»

Сценикъ. Я.

Иванъ Пант. (Упираетъ слѣзы, кричитъ ура! и крѣпко обнимаетъ *Сценика.*)

СЛОВЕСНОСТЬ.

КАРАНТИНЪ.

Когда на воспокъ восходитъ полный, чистый кругъ луны, блестящей своею металлическою бѣлизною, среди лазурнаго неба, надъ волнами Средиземнаго моря; когда вечернй въперокъ мчитъ надъ вами одно изъ пѣхъ свѣплыхъ, прозрачныхъ облаковъ, которыя такъ часто носятя надъ Греческимъ Архипелагомъ, — то какое невыразимое удовольствіе доставляетъ Пилосская трубка, набитая Американскимъ табакомъ, и съ нею воспоминанія объ опечествѣ, мысли о возвратѣ на родину, дружеская беседа и фрегатъ, горделиво разсѣкающій волны моря, усѣяннаго островами и живописно ограниченного прекрасными берегами!

Но для мореплавателя есть нѣчто странное, оправляющее тихую радость, кото-

рую всегда возбуждаетъ приближеніе къ берегу. Безвѣтріе и буря, битвы и кораблекрушеніе, неволя и возмущеніе экипажа, ничего не значатъ въ сравненіи съ тягостнымъ и неизбѣжнымъ жребіемъ, который возникаетъ между вами и роднымъ вашимъ берегомъ. Карантинъ ужаснѣе самой смерти.

Карантинъ! Это скука, это угаснувшее желаніе, не обывшаяся надежда; это желѣзная рука, которая оспанавливаетъ васъ въ эту самую минуту, когда вы уже достигали всѣхъ предметовъ своихъ желаній; это тиранъ, похищающій у васъ первыя минуты всѣхъ удовольствій, которыя вы призывали съ такимъ неперенѣимъ.

Надобно быть молоду, пылку, и съ первою любовью въ сердце совершать первое морское путешествіе, чтобы научиться проклинать карантинъ. Какимъ ужаснымъ деспотомъ кажется иногда медицинскій чиновникъ, который оспанавливаетъ судно, когда оно готово пристать къ берегу, осматриваетъ людей и поклажу, и хладнокровно осуждаетъ отцовъ, мужей, сыновей, братьевъ, любовниковъ на пятнадцать, двадцать, сорокъ дней заключенія въ десяти шагахъ отъ всего, что имъ дорого, и отъ всѣхъ, кому дороги они сами!

О, какимъ тягостнымъ игомъ былъ для меня послѣдній карантинъ, который я выдержалъ! И какъ мы проклинали его съ *Леонисъ*, другомъ моимъ и товарищемъ по мореплаванію, съ *Леонисъ*, котораго всѣ мысли спремилась къ любимой женщинѣ, оставленной имъ въ Марсели.

На востокъ свирѣпствовала зараза. Но могли ли мы думать о ней, когда, стоя въ гавани, безпрестанно пмѣли въ виду окна двухъ комнатъ, въ которыхъ находилось всё, намъ драгоценное, и внутренность коихъ представлялась по вечерамъ нашимъ взорамъ какъ видѣнія, мелькающія ночью предъ усыпленнымъ воображеніемъ!

Цѣлыхъ двадцать девять дней выносили мы убійственную скуку и терзанія карантинна.

Наконецъ, на слѣдующій день, мы должны были выйти на берегъ въ Марсели, какъ повары, освидѣтельствованные и найденные неподозрительными.

При наступленіи послѣдней ночи, я и *Леонисъ*, взглянули другъ на друга; попомъ, наши взоры обратились къ двумъ окнамъ, ярко освѣщеннымъ.

Мы съѣли въ лодку, и она отправилась тихо разсѣкая волны. Скоро въ двухъ комнатахъ, незадолго предъ симъ споль свѣпыхъ, сдѣлалось темно, и послѣ нѣсколькихъ заглушенныхъ восклицаній, въ нихъ слышался только шумъ поцѣлуевъ, размѣненныхъ съ нѣжностію и осторожностію.

Еще не разсвѣтало, когда скромная лодка наша снова причалила къ кормѣ корабля, и мы опять заняли скучную пемницу свою, которая теперь должна была однако же отвориться для насъ чрезъ нѣсколько часовъ.

Такимъ образомъ, послѣ двадцати девяти дней смиренія, терзаній и пламенныхъ ощущеній, мы обманули бдительность карантинныхъ смотрителей, при помощи двухъ вѣрныхъ и преданныхъ мажорсовъ, которые, также какъ и мы, любили и неперенѣливо желали быть скорѣе на берегу.

Въ десять часовъ явились на корабль медицинскіе чиновники; они объявили нашъ карантинъ оконченнымъ, и послѣдовали за нами на берегъ.

Въ эту минуту, когда *Леонисъ* сошелъ на землю, молодая женщина кинулась въ его объятія; она разцѣловала его, и обпирая облитый потомъ лобъ его прекраснымъ Смирнскимъ плапкомъ, сказала: «Возьми, *Леонисъ*, вотъ твой плапокъ, который ты позабылъ вчера.»

— Вчера! — повпорилъ карантинный смотритель. *Леона* потчасъ схватили; онъ признался въ ночной побѣдкѣ, и чрезъ нѣсколько дней, любопытные хладнокровно увидѣли на городской площади молодаго офицера съ завязанными глазами, предъ опрядомъ солдатъ; вблизи стояла прекрасная

женщина; она ломала себѣ руки и оглашала воздухъ опчаянными воплями, о которыхъ никто не заботился.

Раздался ружейный залпъ, продные *Леона* подняли обезображенный трупъ его.

Такимъ образомъ, неумолимый законъ, ка- рающій смертію того, кто нарушитъ строгіе уставы караншина, былъ въ поч- ности исполненъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НА СМЕРТЬ МИЛОЙ МОЕЙ *МАШИ* К***.

Младенецъ! нѣтъ тебя: ты къ небу оплелъ!..

Знашь не понравились тебѣ, душа святая,

Земная жизнь, земной удѣлъ?..

Такъ, ангель; такъ, моя родная,

Тамъ лучше во спо разъ, куда умчалась ты:

Не ждешь шеперь тебя ни вихоръ суеши,

Ни обольщеніе, ни злоба, ни коварство;

Тамъ рай, тамъ ангельское царство—

И ты ушла къ себѣ домой!..

А я?.. Молись о мнѣ; молись, младенецъ мой,

Средь Херувимскихъ ликованій:

Да сбросишь брашь, любимецъ твой,

Скорѣ съ жизнью и цѣпь земныхъ спрадапій!..

О. *Должковъ.*

РОМАНСЪ.

Едва я впервые тебя увидалъ,
Забилось сердце, я весь запылалъ.

*

Восторгъ неземной разливался въ крови,
То чувство кипѣло небесной любви.

*

И міръ позабывъ, я дышалъ лишь шобой,
Тебя полюбивъ всею пылкой душой.

*

Но сердце живѣ забилось съ тѣхъ поръ
Какъ сердце пвое мнѣ швой высказалъ взоръ.

*

И въ міръ блаженство и жизнь я узналъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ впервые тебя увидалъ!

В. Романовичъ.

RÉPONSE A UN VIEIL AMI.

Non, le temps en vain accumule

Tant de jours flétris sous mes pas,

Mon coeur où tant de feu circule.

Se dépouille et ne vieillit pas.

En vain dans mon fil qu'il déroule

Le sort mêle joie et malheurs;

En vain mon eau pure s'écoule

Avec l'amertume des pleurs;

En vain le gazon que je foule,

La feuille qui sous mon pied roule,

Me renouvelant mes douleurs,

Me disent d'oublier la foule

Pour chercher ce que j'aime ailleurs!...

Quand je revois ce doux rivage

Où, pour mon âme, tout est voix,

Où chaque murmure des bois,

Où chaque flot, chaque nuage,

Sont un regret, sont une image,

Sont un entretien d'autrefois;

L'amitié, ce soleil de l'âme,

Me ranimant de sa chaleur,

Fond ma neige à sa tiède flamme

Et me rend le printemps du coeur!

Qui, tu dis vrai; ce coeur écoute

Le triste charme de tes vers.

Tant qu'il restera sur ma route

Quelques-uns de ces êtres chers,

Comme ces arbres dont la voûte

Verdit la neige des hivers,

Aux vieux amis qui m'ont vu naître

Mon coeur ne saurait se fermer:

Toujours vieux pour les reconnaître,

Toujours jeune pour les aimer.

Lamartine.

С H A R A D E.

Jardins et près et forêts verdoyantes
 Offrent de mon premier les nuances charmantes,
 Lorsqu'au printemps, la nature sourit.
 Craignez de mon second les cornes menaçantes.
 A la modeste fleur, mon entier sert de lit;
 Elle se cache envain, son odeur la trahit.

Ш А Р А Д А.

Во дни поржесствъ и въ дни печали
 Героямъ въ честь, въ хвалу богамъ,
Начало Барды воспѣвали;
Последнее же намъ
 Кипай, Сибирь и Индію являетъ;
 А въ *цѣломъ* юноша свой разумъ просвѣщаетъ.

Въ No 102-мъ, помѣщенная шарада значить: *По-жарь*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Черный день Трещопкиной, *комедія*
въ трехъ дѣйствіяхъ въ стихахъ, А. Соболева.
 С. Петербургъ. 1834 года.

(Окончаніе.)

О Господи!

Избави грѣшника великаго меня
 Онь злаго эпаго, безбожнаго вранья.

Черный день Трещопкиной. Спр. 180.

Теперь предложимъ:

I. Образцы хорошаго тона.

Безчинность

Такую не стерплю;—пошелъ негодный вонъ (12).

Проспаковъ (*повару*.)

А если *солонина*?

Поваръ,

Какъ эпому не быть сокровищу.

Трещопкина.

Скопина!

(12) Страница 10-я.

Проспаковъ.

За что же за меня ругаете его? (*Повару*.)
 Изъ всѣхъ горячихъ нѣтъ вкуснѣе ничего
 Какъ щи.

Трещопкина.

О Господи!

Проспаковъ.

Нѣтъ; *бураки съ ветчинными*
 Жиркомъ. Супъ съ клѣцками.

Трещопкина.

Посмотримъ, что еще.

Проспаковъ (*повару*.)

Прямое объядѣнье
 Супъ, да изъ *потраховъ*.

Злорѣчинъ.

Да это угощенье
 Пределикатное.

Трещопкина.

Не лучше ли послать
 Въ *харчевню*?

Проспаковъ.

Шупки прочь: однажды закашатъ
 Мнѣ памъ случилось *селлику*, да какую.

Злорѣчинъ.

Облизывается (18) онъ онь неѣ.

Трещопкина (*въ сторону*.)

Рыскую

Сегодня я тебя *селликой* угоспичу.

Проспаковъ.

А чшобы къ завтраку и подлинно?

Трещопкина (*въ сторону*.)

Спрамишь

Какъ на смѣхъ онъ меня, *безгипникъ!* хочешь.

Злорѣчинъ (*Проспакову*.)

Вѣрно

Запѣи новья на щѣпѣ спода?

Проспаковъ.

Не скверной.

Вѣдь соусъ изъ мозговъ.

(13) !!!!!!!!!!!!!

Задиркинъ.

Для имянннхъ почтенннйшей изъ дамъ
Спускаю эпо вамъ *безглнство*.

Въ шебъ

Весь *подъгнзглз сидгть*.

И пы ннкакъ пехлодй

Супята?

Какъ видно.

Безглнной

Какой же бригадиръ!

При дамахъ можно ли во весь *трзвонгть ротъ* (14)?

Не войдепъ

Та женщина въ любовь ни къ мужу, ни къ знакомымъ,
Которая своимъ *болтаннелмъ зазвоннлмъ* (15)
Рекомендуепъ ужъ слишкомъ щегольски.

И видно, что проспакъ: пакъ, бапъка звонко *рлвннулъ*.

А жедн подмннпъ

Пронырство повара въ *прелестнмъ бурасахъ*
Свнное сало чъмъ другимъ; по въ дуракахъ
Не онъ оспанешя, но бдненькой жедуокъ.

И самый *подъгнзглз* закореннлй чахнепъ.

Попойкой и сподомъ и *подъгнзглз* поддълн.

За безглнность

Всегда щипада я невинность клеветаша.

Прошу покорно, какъ изволнл расхрабрнпъся,
Индйскнмъ пшухомъ *разгнхался* совсемъ.

Вс меньше, мамушка, чъмъ эпнхъ *злмъхъ грнзухъ*,
Которые часпнпъ *весь свгтъ во весь свой духъ*.

II. Образцы комической соли.

Не родилось

Однако-же еще, да чай и не роднпся
Такая дурица, которая вдурипся
За эпу нищету нппн.

Какъ будпо бы *кабатъ*

Онъ *рлвннулъ*.

Знапъ въ бнрюлькн
Намъ и опъ соуа приходнпся играть.

Проспаконъ.

Ннкакъ конецъ приходнпъ.

Задиркинъ.

Селанки или вашъ?

Проспаконъ.

Желудокъ мой паконъ, какнхъ немного еспъ.

Задиркинъ.

Пуспъ онъ вмъспнпеленъ, да на ночь-по все зспъ
Дрннъ всякую, какъ разъ *отхрюкнется* бдкою.

Да свнглъ

Кпо эпн *сладостн* за ужнномъ вндапъ?

Отхрюкаться, Иванъ Аннсмнпчъ! изволнл.

Иной, сударь! *судя* еспъ *жнводъръ* Иванъ
Аннсмнпчъ! сказапъ вамъ не въ обиду эпо.

Расхарахорнлся, какъ *отставной* Полканъ.

Ахъ! батюшкн, сй Богу, Врусанъ

Такъ не ппнушнся!

Трещопкина.

Здъсь, сударь! не *кабакъ*;

Тамъ полько пакъ *орутъ*.

Задиркинъ.

Помигуйте! какъ дамъ

Знапъ по, что въ *кабакахъ* пворнпся? Эдакъ самн
Вы насъ заспавнпте напрасно васъ клеветаша,
Что нли въ *кабакъ* *случалось* вамъ бывать,
Или вамъ говорнпъ прнпншо о *матерн*,
Которой вы совсемъ не знаеше (16).

Проснмъ извинення у своихъ чппапелей
въ помъ, что завелн ихъ въ пакое неблаго-
прнспойное мъспо, и въ помъ, что рас-
проспраннлсь о пакой кннжкъ, которую
не надобно бы расшевелнваша.

Теперь, Александръ Анфнмовнчъ Орловъ,
Гурьяновъ, Снговъ, Петръ Машковъ, Толннъ,

(14) !!!!!!!!!!!!! — (15) Слыша непрерывный звонъ, за-
звонъ и трзвонъ, можно подумаша, что здъсь пономарь
съ дьячнхой разговарнваша.

(16) Какое *деликатное* объясненне съ дамою. Кабакъ—есть
матерн: новость!

результатъ (Пседонимъ) и ихъ однополчане, имѣютъ право приписать въ свой цѣхъ г. сочинителя комедіи: *Черный день Трещоткиной*, и хоромъ замянуть: *Нашего полку прибыло, прибыло!*

М О Д Е С.

Un des magasins de nouveautés qui nous ait le plus frappés par la réunion de ses nombreuses robes brodées est le magasin de M. *Brousse*. Ce sont des mousselines brodées en laine, comme nous l'avons dit plus haut, avec un plain semé d'étoiles ou de rosaces, ou d'anneaux enlacés.

En Broderies admirablement exécutées, nous avons remarqué particulièrement, au magasin de M. *Brousse*, un grand châle de crêpe de Chine fond noir, avec de riches bordures et des bouquets de fleurs nuancées comme une peinture fine. Ce châle est réellement une curiosité de travail qui doit trouver place dans une pompeuse corbeille de mariée.

Avec la saison froide et sombre, reviennent les nécessités de précaution: à côté des riches parures de bal reviennent les négligés d'hiver, et si l'on rencontre facilement un joli bonnet de blonde, on cherche long-temps pour trouver un gracieux bonnet du matin en mousseline brodée, garni de dentelles ou de beau tulle anglais et de rubans posés avec goût et surtout avec distinction; une forme jeune et coquette, sans prétention, quelque chose enfin qui soit encore un ornement pour la jeune tête dont il masque la belle chevelure.

Mme *Rabier* a saisi, avec un merveilleux talent ce grand art des coiffures négligées; ce n'est pas une coulisse entourant le sommet de la tête, ou un nœud placé près de la tempe, ni ses garnitures disposées comme aucune autre qui nous ont frappés plus particulièrement: ce sont des formes à elle, une grace d'ensemble, une souplesse de montures qui distinguent ses petits bonnets entre ce que nous avons vu du même genre. Le bon goût qui conduit Mme *Rabier* dans cette spécialité, se retrouve chez elle dans ses jolis petits cols du matin, et dans ses magnifiques collets garnis de dentelles, qui ne le disputent en richesse qu'à des mouchoirs de poche, peut-être plus beaux encore.

М О Д Ы.

Магазинъ новостей г-на *Brousse* поразилъ насъ многочисленнымъ собраніемъ вышитыхъ плащевъ, Это кисей, вышитыя шерстью, какъ мы говорили прежде, по всему усыяны звѣздочки или кружки, или переплетенныя кольца.

Изъ вышиваній, удивительно выполненныхъ, мы особенно замѣтили большую шаль изъ Кипайскаго крепа; по черному грунту богатыя коймы и букеты цвѣтовъ, ошѣненные какъ тонкая живопись. Эта шаль истинно любопытна по своей работѣ и можетъ быть помѣщена въ пышной корзинкѣ невѣсты.

Съ холоднымъ и мрачнымъ временемъ года возвращается необходимость предосторожностей; возлѣ богатыхъ бальныхъ нарядовъ появляются зимнія неглиже, и если легко воспрѣпшимъ красивый блондовый чепчикъ: то надо долго искать, что бы найти щеголеватой упреннй чепчикъ, вышитый кисейный, ошѣланный кружевами или красивымъ Англійскимъ тюлемъ и леншамы, положенными со вкусомъ и особенно съ опличіемъ; фасонъ молодой и щеголеватый, безъ всякихъ требованій, нѣчто, наконецъ, что бы было украшеніемъ молодой головы, которой онъ закрываетъ красивые волосы.

Г-жа *Rabier* умѣла найти чудеснымъ образомъ это большое искусство простыхъ уборовъ; это невздержка, окружающая верхъ головы, или бантъ, прищипленный близъ виска, ни оборка еѣ, расположенныя какъ ни у кого другаго, поразили насъ особенно. Это еѣ собственные фасоны, это пріятность въ общемъ видѣ, гибкость въ ошѣлкѣ, чѣмъ опличаются ея маленькіе чепчики между всѣмъ, что мы видѣли въ такомъ же родѣ. Хорошій вкусъ, которымъ руководствуется г-жа *Rabier* въ этомъ случаѣ, видѣнъ также въ ея маленькихъ упренныхъ ворошничкахъ, и въ великольных ея ворошникахъ, ошѣланныхъ кружевами, которыя могутъ поспорить въ богатствѣ только съ носовыми плашками, можетъ быть еще красивѣе ихъ.

Въ сихъ NN^o 103 и 104-мъ, помѣщенныя шарady змачапы: 1) *Verd-ure*, 2) *Гиль-азил*.

КОНЕЦЪ ШЕСТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ или ЧЕТВЕРТОЙ 1834 ГОДА.

С. Петербургъ. — Въ Типографіи Главнаго Управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій. —

Печашать позволено: 24 Декабря 1834 года. — Цензоръ П. Гавскій.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ШЕСТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ,

ИЛИ ЧЕТВЕРТОЙ

НА

1834 ГОДЪ.

I.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Экой обжора; пер. <i>Кругликова</i>	стр. 626.
Судьба виновата	628.
Предосторожность	—
Письмо къ издателю, г. <i>Разгуляева</i>	633 и 641.
Теорія и практика — два дѣла разныя; соч. <i>П—аго</i>	649.
Афоризмы моды	651.
Простодушное желаніе	—
Идѣть, пейдѣть	—
Помѣшанный на лунѣ; соч. <i>Кругликова</i>	657.
Хвасунъ въ дальней Губерніи	658.
Путешествіе изъ Пешербурга въ Кронштадтъ моремъ и обратно сухимъ путемъ, щастливо совершенное въ Іюль 1834 года; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	665.
Сборъ на монастырское строеніе; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	673.
Два управителя: <i>Федоръ Степанъ</i> и <i>Филиппъ Ми- хиль</i> ; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	681.
Исслѣдованія о человеческомъ ростѣ	689.
Наставленіе волокитамъ; соч. <i>К. П.</i>	690.
Превращенія фрака	697.
Выборъ Тунисскаго посла	698.
Жаль, что на морѣ пѣтъ постольныхъ дворовъ!	—
Каждому дорогъ своя династія	699.
Первый воздушный шаръ, 1772; пер. <i>И. Д—а</i>	705.
Искусство разговаривать (causer); соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	713.
Несгараемый герой	714.
Четверка лошадей лучше иной деревни; соч. <i>В. Б.</i>	737.
Разсужденіе одного содержателя шеатра	739.
Щипать надобно деньги, а не годы	740.
Мысли	—
Испанскія пословицы	—
Нещастливецъ; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	745.
Умная голова	746.

Гдѣ королева?	Брѣвеса!	стр. 746.
Жалоба бѣднаго отца на ученую дочь; соч. <i>Круг... ва</i>		753.
Лихачъ, по Русски: фашіонабль		755.
Наслѣдство; соч. <i>И. Пальмина</i>	761, 769 и	778.
Физиологія Парижскаго журналиста		786.
Адвокатъ; пер. <i>В. Иванова</i>		787 и 793.
Кантъ съ Гусарскою саблею		798.
Кабинетъ рѣдкостей		—
Романтическій эпитетъ колпаку		—
Нововведеніе; соч. <i>В.</i>		801.
Вечеринка молодыхъ людей		817.

II.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Новый провинціалъ въ столицѣ; соч. <i>А. Г.</i>	628.
Пѣеферскія ванны въ Швейцаріи; пер. <i>Бр.</i>	637.
Зло падаетъ на голову злоумышленника	639.
Дитя и обезьяна	646.
Честолюбіе и вершина горы	647.
Хоръ пѣсенниковъ купца 1-й гильдіи <i>В. А. Жукова</i> на праздникъ 29 Апрѣля 1834 г.	652.
Лѣтнее Воскресенье въ Пешербургѣ; соч. <i>А. Кора- блинскаго</i>	659 и 667.
Паоло Паолони; пер. <i>Иль. Г—ва</i>	674.
Двѣ женщины	684.
Разнительность женщины; пер. <i>Иль. Гальбова</i>	690 и 699.
Англійскій обычай	703.
Изобрѣженіе выдѣкъ	—
Русское зимнее капанье	715.
Воскресенье въ Лондонѣ	741.
Женщины въ Испаніи; пер. <i>Иль. Г—ва</i>	747.
Она была такъ хороша! соч. <i>И... С...а</i>	756.
Микроскопъ	764.
Что такое журналистъ? соч. <i>М. Пrawdина</i>	780.
Тогруль-бей и сыновья его	782.

Нѣсколько морскихъ очерковъ; соч. <i>Н. Д.</i>	804.
Процессъ Самозванца Лудовика XVII.	809.
Караинишъ	827.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Русская пѣсня; соч. <i>И. Хотяницова</i>	спри. 630.
Гулянье; соч. —ъ	—
Къ памятнику Александра I; соч. <i>Вятринскаго</i>	639.
Водопадъ; соч. <i>Черкасова</i>	—
1834, Май 27; соч. <i>И. Хотяницова</i>	647.
Вечеръ; соч. <i>В. З...го</i>	—
<i>И. П. Г. К.</i> , когда онъ былъ помолвленъ на <i>И. Г. Тишиной</i> ; соч. <i>Усолеца</i>	655.
Желаніе; соч. <i>А — ва</i>	—
Къ тогу; соч. <i>И — ва</i>	663.
Примѣны; соч. <i>Θ. Глинки</i>	664.
Къ <i>В. К.</i> ; соч. <i>А. Хомякова</i>	671.
Отрывокъ изъ спичхворенія: Казакъ — любовникъ; <i>Л. Рѣпкина</i>	679.
Пѣснь любви; соч. <i>В. Туланскаго</i>	687.
Осень и сельское жительство; соч. <i>Θ. Глинки</i>	695.
Aux enfans de madame Léontine Genoude	—
Смерть красавицы; соч. <i>Ознобишина</i>	703.
Посланіе къ пещкѣ; соч. <i>Ив. Угрюлицева</i>	—
Скамья близъ Парскаго водопада	711.
Вѣковой липѣ нашего сада; соч. <i>В. Фѣдорова</i>	719.
И еще тройка; соч. <i>И. Хотяницова</i>	—
Къ <i>К***</i> ; соч. <i>Н. Линдфорса</i>	743.
Романсъ; соч. <i>В. Туланскаго</i>	—
Бакчисарай; соч. <i>Анд. Муравьева</i>	748.
Праксительса статуя и осель; соч. <i>В. Фѣдорова</i>	749.
Отрадное чувство; соч. <i>Θ. Глинки</i>	757.
Пельмени; соч. <i>Черкасова</i>	—
Романсъ; соч. <i>А. Рѣпкина</i>	767.
Судьба; соч. <i>И. Бардинскаго</i>	772.
Vivat! соч. <i>Бенари</i>	783.
Моя Ляста; соч. <i>В. Иванова</i>	спри. 791.
Поэшь; соч. <i>М. Делидова</i>	798.

Два пѣсни; соч. <i>Шевырева</i>	807.
Слѣзы; соч. <i>Θ. Тютчева</i>	810.
Русская пѣсня; соч. <i>В. Иванова</i>	—
На смерть милой моей Маши <i>К***</i> ; соч. <i>Θ. Дьякова</i>	829.
Романсъ; соч. <i>В. Романовича</i>	—
Réponse a un vieil ami.	—

IV.

КРИТИКА.

Мои замѣтки на ашласъ г. <i>Максимовича</i> , изданный братьями <i>Глазуновыми</i> ; соч. <i>Ив. Угрюлицева</i>	767.
Замѣчанія на криптику испорин Донскаго войска, <i>В. Бровескаго</i> , напечатанную въ Ноябрской книжкѣ Библиотеки для чтенія	772.

V.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О драмѣ барона <i>Розени</i> : Осада Пскова; соч. <i>Ил.</i> 749 и 757.	
Черный день Трещопкиной, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ въ спичкахъ; соч. <i>А. Соболева</i>	811 и 830.

ШАРАДЫ, ЛОГОГРИФЫ, ОМОНИМЫ, ЗАГАДКИ.

Русскія. — Шарады: 1) Дом-на; 2) На-родъ; 3) Батажія; 4) И-ней; 5) Лав-цель; 6) Тюль-папъ; 7) О-пушка; 8) Жало-ба; 9) Э-миг-раншъ; 10) По-жаръ; 11) Гимн-азія. — Омониимъ: 12) Штыкъ.	
Французскія. — Шариды: 1) Ver-tige; 2) Nu-age; 3) Gré-face; 4) A-version; 5) Char-rue; 6) Verd ure. — Логогрифы: 7) Er-aule; 8) Récueil; 9) Vœuf. — Загадки: 10) Racine; 11) Cerceaux; 12) Montre.	

VI.

МОДЫ.

Спашьи о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Петербургскихъ модахъ были помѣщаемы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ каждомъ листкѣ; выдано 9 искусство-выгравированныхъ и раскрашенныхъ картинокъ и сверхъ того два прибавочныхъ, изображающихъ модныя мебели.